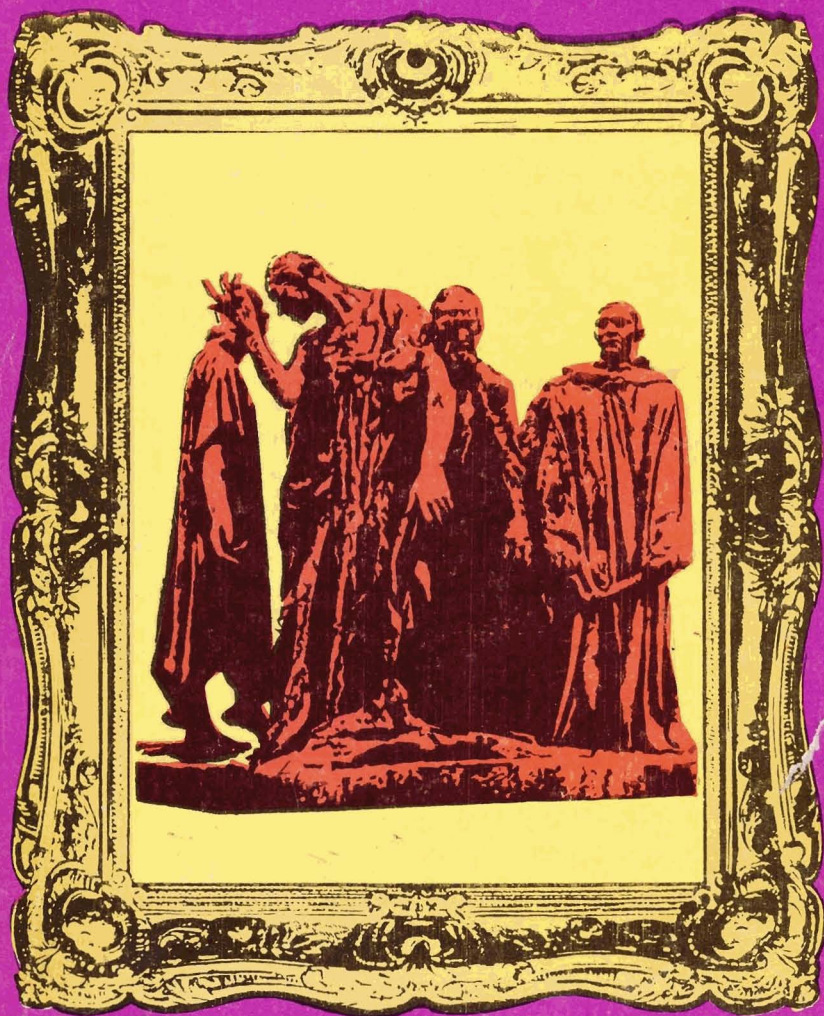

А. И. Арнольдov
ВВЕДЕНИЕ
В
КУЛЬТУРОЛОГИЮ

ББК 71. 0 я 73

А 1

ЕКЛ 44010000000

АРНОЛЬДОВ А. И. ВВЕДЕНИЕ В КУЛЬТУРОЛОГИЮ (новая расширенная редакция). Учебное пособие. — М: Народная Академия культуры и общечеловеческих ценностей, 1993. — 352 с.

ISBN 5-87416-021-3

Что такое культура и что ждет ее в ходе исторического развития, что таит духовный мир человека, что изучает новая наука — культурология — обо всем этом ведется откровенный разговор в предлагаемом учебном пособии. В центре внимания автора — новая культурная ситуация в нашей стране, процессы обновления на пути к цивилизованному обществу.

Специальные главы посвящены личности, интеллигенции, национальным культурам. Книга включает новейшую программу по культурологии — новому учебному предмету, изучаемому в учебных заведениях страны.

Рассчитана на преподавателей культурологии, студентов и аспирантов вузов, широкий круг читателей, интересующихся вопросами культуры.

Рецензент — кандидат философских наук, доцент **Н. М. ЧАЛОВ**

Редактор **В. В. НЕГОДИН**

Художник **А. Л. ЧИРИКОВ**

Набор и верстка **Е. А. Гасанова, Л. А. Красножон**

Научно-организационную работу выполнили: **Н. М. ЧАЛОВ**

Б. Е. ЛОВЧИЕВ

Эта книга — размышления о культуре, честный и открытый разговор-беседа о ее веками наработанных материальных и духовных ценностях, колоссальном невостребованном потенциале и нелегкой судьбе. Автор назвал книгу «Введение в культурологию». Ведь культурология — одна из фундаментальных социальных наук, выполняющая интегративную функцию для различных систем гуманитарных знаний. Культурология выступает системообразующим фактором всего комплекса наук о культуре, ее методологической основой, так как исследует наиболее общие закономерности развития культуры как творческого процесса по созданию и сохранению всечеловеческих ценностей; является наукой, изучающей структуру и особенности духовного производства, расширенного воспроизводства духовных ценностей. Главный вектор движения культурологии — достижение культурного совершенства человека. Она и является наукой о конкретных и реальных путях достижения этой цели.

Рассуждая о роли культурологии, автор отходит от традиционного подхода — изложения того, что уже отложилось в науке и образует устоявшуюся систему понятий и категорий. *Подход здесь иной. На основе уже выбранного и достигнутого культурологией раскрыть то особенное, что отличает нынешнее культурное состояние России.*

Такой подход отнюдь не является «изменой» традиционным формам, а вызван и обусловлен настоятельными потребностями, переоценкой ценностей, напряженной социально-экономической действительностью, качественными преобразованиями во всех сферах нашего общества.

Интеллектуальный расцвет общества, высоты научного знания к концу XX века, с одной стороны; распад и развал системы культурных и духовных связей на территории бывших СССР и соцстран, с другой, — создали в контексте мировой культурной ситуации совершенно новую глобальную картину мира, концентрированно выражающую и новый портрет духовной культуры, действующие в ней силы и мотивы. Именно поэтому перед читателем выдвинуты на передний план наиболее актуальные проблемы, настоятель-

но требующие своего глубокого изучения. Что такое культура и что ждет в ходе исторического развития этот волшебный храм духовно-нравственных ценностей? Что таит духовный мир человека? Как сложно и противоречиво протекают процессы интеллектуального и нравственного развития личности и культуры человеческого общения?

Автор стремится раскрыть традиционно звучащие по названию, но совершенно по-новому вставшие научные проблемы, связанные с формированием гуманистического мышления и политической культуры в условиях перехода к новым социально-экономическим реальностям. В книге дается современное видение острейших процессов развития национальных культур, диалектики общечеловеческого и национального, роли интеллигенции, ее «хождения по мукам» собственных драм и надежд.

И как заключительный аккорд: анализ российской политики в сфере культуры и особенностей современной цивилизации — многообразия непохожестей, когда сохраняющийся мир выступает высшей всечеловеческой культурной ценностью, а историческое единство человечества, глубокий и многообразный диалог культур открывают России новые пути в мировое сообщество.

Слишком много различных и волнующих событий произошло в наше время в жизни культуры, много пережила и перестрадала Россия поистине исторических коллизий. Возможно, кому-то покажется, что многое из того, о чем говорится в книге, «вышло из времени». Но возможно и другое: все то «новое», свидетелями чего мы являемся, давно пройдено человечеством, нашло отражение в истории культуры народов и цивилизаций, живших до нас, и сегодня выступает в новых или «необычных» формах.

Отсюда и лейтмотив учебного пособия — раскрыть основную глобальную цель культуры: плодотворно служить человеку и человечеству, создавать максимальные возможности для развития всечеловеческих ценностей — как совокупности всего народного, внести свой вклад в создание общества человеческого благополучия.

Культура не может находиться на задворках общественной жизни. Социокультурный закон приоритетности культуры в общественном развитии, несмотря на препоны и напряжения «текущего момента», властно требует своей реализации.

*А. И. АРНОЛЬДОВ,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор философских наук, профессор*

***1. НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ КУЛЬТУРЫ:
ПОТЕРИ, ПОИСКИ, ОБРЕТЕНИЯ***

- Каков зримый образ культуры?
- Общество и мир культуры
- Почему необходим разговор о прошлом?
- Единство и разнообразие культуры
- Молодая наука о культуре — молодому поколению

Человечество на пороге третьего тысячелетия подошло к рубежу, за которым открывается путь в ноосферу — сферу духа и разума. Дальнейшая эволюция планеты безусловно и неизбежно будет направляться Разумом. Современные реалии свидетельствуют, что будущность мира в значительной мере зависит от возможностей человеческого интеллекта. Поэтому народ, видящий свои цели, просвещенный и постоянно усваивающий новые знания, способный творчески воспринимать и решать жизненные проблемы, — рано или поздно окажется в числе процветающих.

Будущее нашей страны, ее успехи зависят не только от способности общества претворять в жизнь задуманные планы, динамично двигаться по пути социального и культурного прогресса, но и от духовного, интеллектуального настроения народа. Ренессанс России невозможен без целеустремленности и реальных дел, как невозможен он без серьезного критического анализа прошлого, реалистически трезвой оценки нынешней и будущей культурной ситуации.

Каким зримым образом культуры? Перефразируя Гегеля, писавшего об искусстве, можно сказать, что культура нередко служит единственным ключом к пониманию мудрости народов. И это справедливо, потому что она не только наиболее возвышенная сфера деятельности личности, но и реальная сила, направленная на утверждение истинно человеческого в человеке. Она — *вторая Вселенная, создаваемая человечеством*. Ее величественное здание возводилось веками. Ее развитие связано с поступательным движением цивилизации. Ее сила в неразрывной связи времен, в тесной диалектической преемственности мыслей и чувств прошлых поколений, органически сплетающихся с делами и судьбами современного человека. Слово «культура» Н. К. Рерих рас-

шифровал как «почитание света» («культ» — почитание, «ур» — свет).

В традиционном понимании слово «культура» (от лат. «culture») первоначально означало возделывание, обработку почвы. Впоследствии этот термин был перенесен римлянами на человека и стал означать его воспитание и образование, т. е. «возделывание человека». Уже у Цицерона появляется термин «культура» в понимании умственной деятельности. Культуре в этом смысле стали противопоставляться понятия некультурности, варварства, дикости. В Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля сказано, что «культура — обработка и уход, возделывание, возделка; образование умственное и нравственное». В ходе исторического развития это понятие претерпевало сложную эволюцию.

В противоположность статичным определениям культуры как системы, упорядочивающей идеи и чувства, или как «экрана» знаний, своеобразного «приемника» поступающей извне информации, современная наука рассматривает культуру как жизнетворчество, как творчески созидательную деятельность по преобразованию природы и общества, результатами которой являются постоянное пополнение материальных и духовных ценностей, совершенствование всех существующих человеческих сил.

Слово «культура» употребляется по самым различным причинам и поводам. Восхищенные талантом артиста, мы говорим о высокой культуре исполнения; картофель называем плодородной сельскохозяйственной культурой, а молодого человека, уступившего место в общественном транспорте, признаем образцом культуры поведения. Многим культура представляется в виде некоей системы правил, начиная от приличного разговорного языка до манеры поведения за столом, т. е. отождествляется с этикетом. Особенно часто слово «культура» кочует в публицистике и средствах массовой информации, обычно обозначая что-то хорошее, обаятельное, но довольно неопределенное... Часто его сводят к искусству или художественной культуре, отождествляют с музеями и библиотеками и таким образом фундаментальное целое расчленяют и низводят до отдельных частей. Как это ни парадоксально, все эти дефиниции одновременно и верны, и не верны. Они верны, т. к. все, что они определяют, действительно является культурой. Они не верны, т. к. ни одно из определяемых явлений не охватывает культуру в целом. Почему так происходит? Потому что именно понятие культуры, столь часто употребляемое, ка-

жушееся столь привычным, общепонятным и доходчивым, вызывает при попытке его определить серьезные сложности. Это понятие иногда кажется чем-то вроде мифического чудовища Протея, непрерывно меняющего свое обличье¹. И сегодня оно требует дальнейшего многогранного, а также комплексного анализа, который до конца не завершен. Недостаточно, например, дать определение культуры в одной из наук, как гуманитарных, так и естественных, т. к. оно неизбежно будет связано с внутренним содержанием этой науки, логикой изучения в ней объекта, а потому будет одностороннее. Понятие же культуры настолько широко, многогранно, включает в себя такое количество совершенно разнородных компонентов, что обобщить все это богатство одной лапидарной дефиницией означает либо сжать его содержание, либо ограничиться самой общей абстракцией. Между этими Сциллой и Харибдой и пытаются найти путь ученые всего мира, но пока без особого успеха.

Методологически поэтому при определении культуры необходим, на наш взгляд, последовательный системный анализ от общего к частному и обратно, от познанных элементов системы к их синтезу на основе познания связей между ними. Попытаемся сделать на этом пути первые расчленения общего скальпелем научно-философского абстрагирования. Начнем с того, что существуют две формы объективности: природа и целеполагающая деятельность людей. Современные определения предполагают в основном объективность второго вида и характеризуют культуру через реальную творческую деятельность людей. Отсюда правильно понимание культуры как особого, специфического способа человеческой деятельности, единства многообразия исторически выработанных форм этой деятельности, отражающей степень «очеловечения» природы и меру саморазвития человека. Именно в таком духе в философском энциклопедическом словаре культура определяется как «специфический способ организации и развития челове-

¹ Современная научная литература характеризуется стремительным ростом числа определений культуры. Альфред Кребер и Клайд Клакхон, посвятившие анализу определений культуры специальное исследование, подсчитали, что почти за 50 лет — 1871—1919 гг. (первое научное определение культуры, считают они, опубликовано Э. Тейлором в 1871 г.) — дано всего семь определений, а за последующие 30 лет (1920—1950 гг.) было введено в научный оборот еще 157 определений культуры. В 1968 г. А. Молье в книге «Социодинамика культуры» насчитал 250 определений культуры. В отечественной культурологии за период после 1960 г. было дано около 50 определений культуры.

ской жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе»¹. Московско-Тартусская школа определяет культуру как совокупность способов описания и взаимодействия с миром.

Все эти дефиниции определяют культуру как деятельность. Однако дальнейшие попытки членения культуры по сферам деятельности не работают на общее ее определение, ибо она пронизывает все сферы жизнедеятельности общества и выражает его качественную характеристику.

В этом свете культуру можно рассматривать как совершенно особый способ освоения человеком окружающего его внешнего и внутреннего мира, причем способ, связанный с его творческой деятельностью, способ, имеющий ценностное значение в процессе создания и функционирования материальных и духовных творений.

Думается, что, резюмируя сказанное, нам следует перейти к пониманию культуры как явления синкретичного, воспринимать ее как динамичный творческий процесс, синтез созданных человеком материальных и духовных ценностей, гармоничных форм отношений человека к природе, обществу и самому себе, как результат его связи с миром и утверждения в нем.

Такое предельно общее определение позволяет смотреть на культуру под самыми различными ракурсами, число которых практически неисчерпаемо.

В общем и целом культура — настоящий букет характеристик, сложная дефиниция, слагающаяся из ряда черт, к которой можно подойти от самых различных точек отсчета. Это можно сравнить с самыми различными металлическими предметами, притягиваемыми с разных сторон к единому центру — полюсу магнита, причем все они, обладая различными собственными свойствами, обретают и новое единое качество — намагниченность. Культура — это и развивающаяся система духовных ценностей, и процесс человеческого творчества. Это и выражение отношений между конкретными людьми, и регулятор идейного и нравственного климата всего общества. Такие характеристики можно давать бесконечно долго.

Культуру можно представить себе как огромную лабораторию, в которой создается масштабная система ценностей, собираются воедино величайшие достижения человечества

¹ Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 292.

в областях науки, литературы и искусства, философии и этики, религии и политики с глубокой древности до наших дней. Поэтому восприятие всей культуры в целом в узком смысле слова, как чего-то второстепенного, связанного только с искусством или отдыхом и развлечением, — это примитивное, поверхностное восприятие, чреватое далеко идущими для воспринимающего последствиями. Ошибается тот, кто ограничивает культуру приятным вечером, проведенном на концерте или у телевизора, посещением в выходной день картинной галереи или музея. Это неизбежно порождает культурную ограниченность, примитивизацию личности. Культура — синоним *полноценной* самоутверждающейся жизни человека.

Она выступает чутким сейсмографом жизненных событий. От ее состояния, развития зависит интеллектуальный потенциал не только отдельной личности, но и всего народа, даже всего человечества. Где как не в культуре живет и проявляется народный дух? Она раскрывает двери в душу человека, льет свет, озаряющий его дорогу. Ее можно уподобить таким общепонятным ценностям, как здоровье и ум. Н. А. Бердяев считал, что «культура связана с культом предков, с преданием и традицией. Она полна священной символики, в ней даны знаки и подобию иной духовной деятельности. Всякая культура (даже материальная) есть культура духа; всякая культура имеет духовную основу — она есть продукт творческой работы духа над природными стихиями»¹.

В этой книге речь пойдет о проблемах отечественной культуры, о той культурной ситуации, которая сложилась в стране. Культура оказывается в самом эпицентре нашего непростого бытия. Это ее голосом звучат в различных срезках общества волнующие и требовательные вопросы. И не случайно. Ведь рано или поздно каждый с неизбежностью приходит к выводу, что без культуры нельзя излечить духовные недуги страны!

Но находится ли она на том уровне, чтобы выполнить это историческое предназначение? Способна ли сегодня укрепить веру человека в себя, в силу своего духа, научить его любви к жизни и способности мужественно преодолевать жизненные тернии?

На стоящий перед любым народом вопрос о смысле человеческого существования культура была способна ответить далеко не всегда. Более того, случалось, что она, так же как

¹ Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990. С. 166.

и общество, отворачивалась от человека. И все же... Все же люди всегда обращаются к ней с надеждой и верой в то, что именно она способна осветить своими божественными лучами их жизненный путь. Не случайно Томас Манн говорил, что театр превращает толпу в народ. Это вполне относится и ко всей культуре, к ее социальному назначению, ее человекотворческой миссии. Человек свыкся с мыслью, что культура является моделью мира и, выполняя интегрирующую функцию, способна дать ответ на все «вечные» общечеловеческие вопросы.

Сегодня взгляд на культуру — широкий, «пространственный». Как писал выдающийся философ А. Ф. Лосев, культура — это предельное обобщение всего. Не случайно именно она является носителем общечеловеческих ценностей. Благодаря этому культура выступает как идеальное связующее звено между вечным и преходящим. И по своему внутреннему существу носит космический характер.

Культура представляет собой постоянно эволюционирующий социальный организм, который живет и дышит, растет и видоизменяется. Она внутренне динамична и развивается в соответствии с собственной логикой, по своим внутренним законам. Ее закономерности раскрываются не только в революционных изменениях и исторических веках, характеризующих ступени цивилизации, но и в периоды застывшие, замедленные. Эта смена покоя и революционного действия — и фон, и суть любой культуры, ибо она творится и утверждается в контрастном и конфликтном мире. Ослабление ее социального статуса, падение ее престижа наступают тогда, когда она изменяет своему основному назначению и становится модным украшением досуга, уводит человека в мир легковесности, праздного существования. Это может произойти на любом социальном фоне. В бурно меняющемся мире человечество, да и каждый отдельный человек, вновь и вновь сталкиваются с новыми, отличными от прошлого, ситуациями, но каковыми бы они ни были, в них всегда решающую роль играла и играет культура, от которой во многом зависит «сюжет» тех или иных жизненных реалий.

Общество проявляет и осознает себя в культуре. Она — его прозрение, неперемное условие и результат его существования. По ней можно судить о его социальном портрете и духовном облике, внутренних стимулах его развития. Только тогда общество становится цивилизованным, когда ставит культуру на почетный пьедестал и реально предоставляет человеку свободное право на культуру, возмож-

ность владеть ею, чувствовать себя ее творцом и хозяином, самоутверждая и раскрывая себя. В то же время оно решает и свою судьбу, свое будущее, ибо фонд создаваемых им культурных ценностей, наработанные культурные алгоритмы — необходимые средства для решения жизненных социальных проблем, пусть еще неприступных сегодня, но несомненно разрешаемых в будущем.

Общественные науки, разрабатывая научную концепцию будущего общества и мир культуры XXI века, рассматривают его в контексте поступательного движения мировой цивилизации, открывающей простор для признания и реализации общечеловеческих ценностей, классических норм нравственности и социальной защищенности человека. Естественно, в этом же ракурсе разрабатывается и концепция культуры этого общества, направленная на качественное возвышение духовного мира человека в рамках общечеловеческого стиля его мышления.

Это естественно, т. к. культура может успешно развиваться только как активная преобразующая сила, органично связанная с главными вопросами бытия. Она выступает как феномен активного социального воздействия на общественную практику, выражая сущностные интересы человечества, является одной из важнейших сфер постижения закономерностей человеческого бытия.

Социальные подъемы не всегда способны создать значительную культуру, большей частью они ее обозначают или в лучшем случае раскрывают перед ней двери. А культура не может развиваться без внутренних проблем и противоречий, решение которых и является одной из основных движущих сил культурных изменений.

Некоторые теоретики, сверх меры увлекшись поисками дефиниций, упускали из виду реалии общества, да и сама культура рассматривалась ими абстрактно. Они забывали, не хотели видеть, что культура — часть социальной жизни, причем часть «своенравная», живущая по своим собственным законам. Рассмотрение любого социального феномена поэтому требует подхода к нему не только как к явлению жизни социальной, но и как к феномену культуры. Без этого, без учета, с одной стороны, культурной компоненты объекта, а с другой — порой противоречивого воздействия на него социальных и культурных законов — невозможны его всестороннее познание и преобразование.

Тесное взаимодействие социальной и культурной сфер, их взаимопроникновение являются характерными и суще-

ственными признаками состояния духовной жизни общества, что дало основание при изучении процессов социального функционирования культуры называть их явлениями или событиями социокультурного порядка. Связь культуры с общественной жизнью, ее понимание как процесса творческой и социальной деятельности человека — истина объективная и давно известная. Вся принципиальная новизна использования социокультурного фактора при анализе общественного развития состоит в том, что учитываются: а) специфика законов культуры и б) ее конкретное социальное бытие. Этот подход дает новую, синтетическую, исторически конкретную оценку реалий, характеризующих социальную и культурную жизнь. Общество способно существовать и плодотворно развиваться только при условии преодоления противоречий между культурой и социальными отношениями, только постоянно восстанавливая их единство.

Конечно, всемерно учитывая специфические культурные законы, прогресс культуры нельзя отрывать от изменений, происходящих в социальной и экономической жизни страны. «Ничейной» культуры не бывает. Она всегда принадлежит человеку, социальной группе, обществу, выступает специфической концентрацией социального опыта людей. Она не может развиваться вне связи с реальными общественными возможностями и возникает как проявление совокупного духовного потенциала народа, практически реализующегося вне зависимости от социального заказа, по мере накопления, когда, перефразируя Л. Толстого, он «не может не реализовываться». Всякое социальное давление неминуемо парализует систему культурного кровообращения, приводит к летаргии духа. Вот почему кризис культуры может возникнуть тогда, когда образуется разрыв между культурой со всеми ее институтами и структурами и резко изменившимися условиями общественной жизни. На судьбе культуры сказывается столкновение духовно-нравственных идеалов с реальной жизнью. Исксякает энергия культурных ценностей, творческий дух покидает культуру, неспособную утолить духовный голод общества.

Что же с этой точки зрения происходит в нашей стране? Объективно необходимое возрастание социальной роли культуры пока никак не отразилось на культурной политике, на признании ее одной из важнейших и приоритетных сфер жизнедеятельности общества. Более того, современное общество, не сознавая этого, вступило на опасный путь иг-

норирования универсального закона приоритетности культуры в общественном развитии.

Чтобы глубже понять этот закон, зададимся вопросом: способны ли в наши дни существовать без культуры политика, экономика, право, вообще любая сфера общественной жизни? Можно ли в нашей стране построить новое общество новую жизнь, осуществить реформы без культуры? Ответ однозначен: любое начинание в любой сфере жизнедеятельности сводится на нет, ведет к катастрофическим последствиям при отсутствии культуры. Примером бескультурья не просто рядовых граждан, но нашего руководства, тех, кто отвечает за судьбы великого Отечества, перед глазами, они буквально вопиют. Может ли культурный человек начинать важное дело, от которого зависит судьба не только его, но и других людей, без плана, без экспериментов, без научной проработки — методом тыка? Такой метод — прерогатива дикаря. Так что же можно сказать о продовольственной программе, о программе жилищного строительства (помните? — каждой семье квартиру к 2000 году), об антиалкогольной компании — да что говорить об этом! — что сказать о всей нашей перестройке, начатой без плана при преступно-легкомысленном игнорировании ее последствий для народа, без предварительных подготовки и прогнозирования?

К чему ведет культурная деградация, трагически наглядно продемонстрировал Верховный Совет РСФСР, деятельность которого многие месяцы была у всех на глазах. Нетерпимость, склоки, доходящие до драк, приверженность отжившим культурным ценностям, неумение и нежелание понять объективные законы общественного прогресса привели к постепенному уходу из него наиболее прогрессивных, культурных депутатов, к принятию все более реакционных законов, ко все большему отрыву от избравшего его народа и групповому эгоцентризму. Закономерными итогами этой деградации стали преступная смышка с прокоммунистическими экстремистами и фашистами и кровавый антинародный путч 3—4 октября 1993 г.

Итогом всей этой цепи действий людей, стоявших во главе прежде великой державы, стала мучительная многолетняя агония страны при полном отсутствии практических перспектив ее преодоления для рядового гражданина. Причины этого бескультурья, воинствующее чванство и преступная безответственность, причем последние две в конечном счете сводятся к первой.

Для нашей страны культурная ситуация отягощена страшным идеологическим наследием, которое по своим по-

следствиям может быть сопоставлено лишь с татаро-монгольским игом, отбросившим нашу родину на два столетия назад. Подмена культуры идеологией остановила ее развитие на семь десятилетий, которые в XX веке вполне сопоставимы с двумя веками средневековья. С падением коммунистической идеологии страна оказалась с «отрицательной» культурой, которая росла подпольно, в противовес идеологическому диктату, да с теми руинами эрзац-культуры, которая приняла этот диктат, сознательно идя на саморазрушение.

Стоит ли удивляться невиданному в мире цинизму российских коммерсантов, иезуитскому уменью ради эгоистической выгоды обойти любой закон, всплеску преступности в самых извращенных формах, становлению в кратчайшие сроки отечественной мафии, которую считают хуже колумбийской? Иезуитство, лукавство, двуличие имплантировались в плоть и кровь нации и особенно ее руководства. Все поставлено на службу видимости, а не реальному результату — внешний вид заменяет внутреннюю культуру, логически построенная программа неприменима на практике, т. к. целью ее была именно логичность построения, милиция отказывается расследовать дела даже об убийствах, т. к. это невыгодно для отчетности и т. д. и т. п.

Нам остался один шаг до антропофагии. Она — прямое следствие эгоизма и индивидуализма, когда каждый только за себя и когда выживает тот, у кого крепче зубы. В самом деле: как-то незаметно мы умудрились исключить из нашей жизни всю мораль и подвести теоретическую базу под ее отрицание. Мы подменили немодные честь, скромность, порядочность, правдивость, доброжелательность — экономическими категориями предприимчивости, хозяйственной хватки, деловой активности.

Все эти черты не объединяют, а разъединяют людей: что нужно в конкурентной борьбе, но неприемлемо в морали. А между тем отринутые моральные нормы — это ребенок, который выплеснут с идеологической водой: мы забыли, что они не суть порождения коммунистической идеологии, но общечеловеческие нормы общежития, по которым живут все цивилизованные народы. Они — признак культуры, они, как и всегда, приоритетны в жизни, и игнорировать этот культурный приоритет — означает затягивать петлю на своей шее.

Т. о. приоритетность культуры — основной закон жизни всей человеческой цивилизации. Этот закон и залог ее будущей жизни. Что будет происходить с человечеством при

отрицании этого закона — очень ярко видно, к сожалению, на нынешнем состоянии нашего общества. Выйти из этого состояния, приобщиться к цивилизованному миру возможно только при восстановлении культурных приоритетов.

Когда же мы смотрим на нашу культуру сегодня, то приходит на ум парадокс Василия Розанова, сравнивавшего русскую культуру с яйцом жар-птицы, из которого сделали яичницу, не дав вылупиться редкой и прекрасной птице.

К несчастью, такой путь характерен для всей нашей истории новейшего времени. А ведь у российской культуры была уникальная судьба. Выдающиеся ее достижения XIX—начала XX века стали духовно-нравственной основой для человека, точкой опоры для его вступления в мир духовных ценностей и осмысления интеллектуальной атмосферы общества. В конце XIX— начале XX века Россия была одним из центров мировой культуры. Престиж классической русской культуры был весьма значителен. Для Запада русская классика сверкала путеводным факелом. В то же время не решены были многие коренные проблемы культурного развития российских народов. И получалось, что в обществе как бы соседствовали и накладывались друг на друга различные культурные пласты, разные исторические эпохи, спрессованные во времени. Необходимо учесть также и то, что передовая русская культура развивалась передовыми же слоями общества, к каковым следует отнести наряду с разночинной интеллигенцией и дворянство. Разумеется, она не принадлежала и не могла принадлежать широким народным массам.

Ирония истории заключалась в том, что революция, начавшись со стремления обогатить народ духовными ценностями, обернулась для общества культурной деградацией, мощной волной упрощения культуры. Специфика нашей революции заключалась в том, что к власти пришли наименее культурные слои общества. Большевики сознательно шли на то, что культура, лишившись высших своих достижений, разойдется вширь и ее качество перейдет в количество людей культурных. Культурных не в такой степени, как передовые слои дореволюционного общества, но все же в более высокой, чем у широких народных масс до революции. В общем-то этого они достигли. Но, во-первых, слишком высока оказалась цена — общество было отброшено в культурном развитии на десятилетия назад, а во-вторых, подъем культуры даже с этого полуфеодального уровня был остановлен по целому ряду причин, о которых будет сказано ниже. Сейчас же вернемся к началу.

Начинать приходилось с низкой стартовой площадки как в экономике, так и в культуре. Страна нуждалась в духовном раскрепощении, в погашении «культурного долга». Не было достаточно развитой культурной среды, социально-культурные условия были незрелыми, минимально благоприятными. Тот факт, что социальная революция предвляла революцию культурную, не мог не сказаться на мировоззренческих и нравственных горизонтах народа, чье общественное сознание было на уровне средневековья, а неграмотность достигала 82%. Ограниченность социокультурных возможностей наложила отпечаток на сущность, динамику и на реализацию культурных планов.

Известно, что некоторые деятели отечественной культуры, в их числе и М. Горький, считали, что в преддверии социальной революции необходим был определенный подъем культурного развития народа, его интеллектуальных сил. Иначе велика оказывалась интеллектуальная поляризация, трудно было добиться желаемых результатов. Так и произошло.

Слепая вера в будущее без антагонизмов и конфликтов, в «самое лучшее» из возможных общественных устройств не признавала того, что было в действительности, заслоняла реальные противоречия. Появление деформированного, «государственного социализма» отрицательно сказалось на духовной жизни народа. При этом нельзя не учитывать специфическую культурную обстановку, сложившуюся в предреволюционные годы в России, тип ее общественно-политической культуры, цивилизации и социально-экономическую отсталость, влиятельный и прочный бюрократический аппарат и имперские традиции.

Желая создать «новую» культуру и беря на себя всю ответственность за духовное здоровье народа, революция с первых же лет утратила в отношении культуры свою внутреннюю силу и свои права, свой дух и историю. Главные причины заключались в созданной ею социальной системе, принесшей культуру в жертву политике, целенаправленно унифицировавшей культуру, урезывавшей ее, подвергавшей ее остракизму. Примером такого подхода может служить закрытие уже в 1918 г. основанной Н. А. Бердяевым Вольной Академии духовной культуры.

Политические критерии, примененные к культуре, привели ее к катастрофе. Была разгромлена, уничтожена, выслана последняя опора некогда передовой культуры — старая интеллигенция. Попытки применить меру социальной справедливости к культуре неизбежно заканчивались

уравниванием талантов и посредственностей. Приоритет общественного над личным в сфере культуры привел к утере художниками индивидуальности, утратив которую, они переставали быть художниками.

Культурная отсталость дорого обошлась стране, сказавшись на общем уровне жизни, глубине и темпах интеллектуального обогащения народа и отсюда на содержании социальных преобразований. Реальная действительность оказалась намного сложнее теоретических надежд. Общество под прессом тоталитаризма не сумело достичь необходимого уровня экономического и культурного развития, не раскрыло заложенный в нем потенциал, не преодолело отчуждения человека от культуры. Сталкиваясь с историей, любая культура не застрахована от потерь. Ведь как писал Мераб Мамардашвили, она очень тонкая, деликатная ткань.

Серьезная драматическая коллизия проявилась в том, что многие годы размывались (что происходит и сейчас!) основополагающие черты культурного облика общества и культурности человека, его духовно-нравственного поведения. Утверждались вульгарные предрассудки и упрощенные, примитивные представления о культуре. В научных трудах поспешно объявляли о завершении культурной революции, ссылаясь на ликвидацию неграмотности и введение всеобщего среднего образования. Провозглашая «великий перелом» и торжество культурной революции, руководители государства скрывали, что в 30-е годы число неграмотных составляло около 40%. Только в 1930 году в стране ввели обязательное четырехлетнее образование. В середине 30-х годов в городских школах начала преподаваться история. В 1939 году семилетнее образование и выше имели только 12,3% населения, каждый пятый житель старше 10 лет был полностью неграмотным. Даже в Программе КПСС 1961 года в одном из разделов объявлялось об окончании культурной революции, а в другом — о вступлении страны в ее завершающий этап.

Отход от общечеловеческих ценностей, тотальная идеологизация общества, истерия классовой борьбы подрывали веру в реальность гуманистических идеалов, в грядущие результаты цивилизации. Главными «авторами» сложившейся ситуации были конкретные общественные силы, реальные люди — «неоутопические социалисты», которые, в угоду сухой идее, противопоставленной жизни, довели духовную жизнь до краха и умерщвления, когда она развивалась под тяжестью острейшего социального конфликта между культурной традицией России и политическим наси-

лием и самонасилием. «Мы живем, под собою не чуя страны», — писал Осип Мандельштам. Культура была доведена до величайшего напряжения: полна и оптимистических надежд, и трагических предчувствий ожидавшего ее. Это была культура высочайшей социальной неустойчивости. Никогда не известно было, что ей уготовано. Она была способна предчувствовать, предугадывать испытания общества, ожидаемые трагедии, но не владела средствами их задержать или предотвратить.

Социальная дисгармония не могла не повлиять на нравственный мир человека, отравляя народ: она приучала к социальной мимикрии, порождала противоречия в общественном сознании, решить которые способен только внутренне свободный человек, обескровливала культуру и ритуализировала идеологию. Насаждавший изоляционизм принес духовный регресс, замкнутый мир, отчужденный от живых токов мировой культуры. Мировое сообщество было закрыто, и советская культура, блокированная и огражденная тоталитарными структурами, оставалась в изоляции, удовлетворяясь внутренним самовосхвалением. Нагнеталась атмосфера враждебности ко всему прогрессивному. Из 86 лауреатов Нобелевской премии по литературе в центральных издательствах СССР никогда не публиковались отдельными книгами 25 авторов. За период с 1973 по 1987 год из 16 лауреатов в стране не издавались 9 авторов, в том числе Иосиф Бродский.

Всякая революция хочет быть мировой, но не каждой это удастся. Духовная изоляция, удаление от мировой культуры лишили отечественную культуру экзистенционального опыта общечеловеческих ценностей и философско-антропологических открытий XX века. Развитие духовной жизни проходило по принципу самодостаточной замкнутости. А как известно из второго закона термодинамики, всякая замкнутая система обречена на деградацию. В соответствии с древними инстинктами властвования и подчинения была объявлена война инакомыслию и создан беспощадный механизм его подавления, нравственного растления личности. Человек стал заложником духовной тирании. Высшим ценностям были нанесены тяжелые раны, возрождались ценности консервативные и архаичные.

И тем не менее... Сработал инстинкт самосохранения культуры. При всей горечи от несбывшихся надежд будет ли справедливым встать на путь полного отрицания отечественной культуры и истории? Путь ее следует рассматривать не фрагментарно, отрывочно, как механически составлен-

ный из темных и светлых сторон, поражений или побед, а комплексно, суммарно, давая ему оценку за три четверти века. Тогда картина будет более ясной, правдивой и объективной, раскрывающей всю противоречивую диалектику духовной культуры. Нельзя же в самом деле отрицать то позитивное, что дает опыт отечественной культуры! А нигилистические мотивы довольно громко звучат... Иные договариваются чуть ли не до того, что российская культура погибла. Ничего не скажешь: судьба тяжелая, но и возрождение неминуемо. «Россия вспрянет ого сна!», — хочется верить, что сбудутся эти слова поэта.

В сложнейших социальных условиях, в тенетах царской тирании и тоталитаризма, террора, беспросветной нищеты Россия находила в себе чудодейственные силы и вносила в общечеловеческую культуру свой неоценимый вклад, свое особое, звучащее на весь мир слово. Это — удивительное чудо, таинство, и по сию пору изумляющее мир и неразгаданное историками и культурологами. Это — и еще одно подтверждение относительной автономности законов культуры. Одна из наших ярких социологов однажды сказала, что вклад России в духовную культуру всегда был обратно пропорционален ее вкладу в социальную и политическую культуру. Ведь уровень правления в стране никогда не соответствовал в полной мере чаяниям и возможностям народа.

Именно народ принял эстафету культурного наследия в сложнейших послереволюционных условиях. Формировавшаяся многие века наша культура оказалась очень устойчива в массовом сознании. Народ сумел удержать свою духовную крепость. Несмотря на жесточайшие испытания даже в самые горькие времена горел живой огонек подлинной культуры, которую хранили и приумножали здоровые силы общества. Несмотря на тоталитарные оклады, в недрах общества в эмбриональном состоянии всегда существовали ростки независимой интеллектуальной жизни, которые подобно пушкинскому «зеркальцу» говорили правду. И даже с зажатым ртом, со связанными руками в условиях искалеченного общества культура открывала окна и впускала многоголосную и тревожную жизнь. Живя по своим законам, несмотря на социальное давление, она продолжала облагораживать человека. Так, несмотря на трудные годы, литература и искусство создавали ценности, отличавшиеся и гражданской требовательностью, и искренностью. На этих произведениях воспитывались и идейно формировались поколения людей, одержавших победу в Великой Отечествен-

ной войне. В голодном вымирающем блокадном Ленинграде в зиму 1942 года Ольга Берггольц писала:

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
Где смерть, как тень тащилась по пятам,
Таковыми мы счастливыми бывали,
Такой свободой бурною дышали,
Что внуки позавидовали б нам.

Выдающиеся представители советской художественной литературы во многом подготовили общественное сознание к серьезным политическим переменам в жизни общества.

Одна из причин того, что культура не угаала, а сохранилась, заключается в том, что в человеке, несмотря на тяжелые обстоятельства жизни, живут жизнеустойчивые качества, великая сила духа. Вот почему можно сказать, что отечественная культура не прерывалась ни на миг. Она жила в сознании народа, в его труде и надеждах, в творениях оставшихся в живых «маяков», в творчестве изгнанных.

Те, кто этого не видит или не хочет замечать, забывают, что по своей природе, своим внутренним законам культура чужда неподвижности и покою, ни в каких условиях не утрачивает свое исконное качество: творческий импульс. Культура представляет собой многогранную гамму разнообразных и противоречивых форм творческой деятельности. Среди них и устаревшие, чужеродные, подлежащие устранению, и развитые формы, эффективно проявляющиеся в творческом процессе. Целую систему зачаточных и незрелых форм можно считать переходными. Благодаря этому многообразию в культуре всегда разворачиваются на основе идеи противостояния разнонаправленные процессы. Кроме прогрессивной культуры имеются, живут и просачиваются в общественное сознание элементы анти- и псевдокультуры, заменяющие духовные ценности примитивными мифами, «массовой» и мещанской псевдокультурой, сосуществуют отнюдь не мирно и согласно устремления культурные и антикультурные.

Вся история мировой культуры может быть представлена как непрерывная цепь столкновений между двумя началами: социальными добром и злом. В ходе этих столкновений выкристаллизовывались среди многих культур — «две культуры», отвечавшие на вопрос: кому отдается приоритет — человеку или государству. Так, еще в античные времена чрезвычайно обострялись противоречия между культурой большинства — экономически и политически зависимых свободных людей, т. е. свободных только наполовину и культурой господствующего над ними меньшинства. В Гре-

ции этот процесс начался в эпоху эллинизма, у римлян — в период поздней Республики. Таким образом, и в античности сосуществовали две противоположные культуры, что приводило к усилению противоречий в сфере культурной деятельности общества.

Известно, что В. И. Ленин выдвигал тезис о двух культурах, делая акценты на классовых критериях. Чарльз Сноу под «двумя культурами» имел в виду условно говоря «научную культуру» и «гуманитарную культуру». Его глубоко волновали и тревожили острейшие коллизии между научно-технической и гуманитарной интеллигенцией, процессы, выражающие серьезные объективные жизненные противоречия, имеющиеся в современном обществе.

В наше время можно говорить о параллельном существовании нескольких культур. До 80-х годов, например, можно было различать принципиально противоположные две культуры. Одна из них, «официальная», активно поддерживалась государственными и партийными структурами, поддерживается их тайными и явными последователями, отвечала канонам и требованиям официозной культурной политики, была направлена на обслуживание интересов власти и конъюнктурных запросов привилегированной части общества.

Официальная культура представляла самодовольную «лубочную картину» некоего идеального духовного мира, далекого от жизненных коллизий, «оргию самоумиления». Порожденная «закрытым» обществом, она существовала в условиях изолированной, герметической среды, обладала монопольной идеологической ролью и государственной неприкосновенностью. Жила она правительственными декретами и партийными установками. Подобное в истории бывало. «Серый» кардинал Ришелье в своем «политическом завещании» писал, что лучшее украшение государства — это верноподданническая культура, основанная на отсутствии гражданской свободы творчества. Главное, что увидел в этой «государственной культуре» поборник обскурантизма, — служение догматам, копирование, воспроизведение того, что было.

Но духовная культура проявляла немалое своеволие и обнаруживала тенденции, противоположные «государственной культуре». В данном случае мы говорим о второй культуре назовем ее «демократической». Она выражает интересы большинства населения, удовлетворяя его естественные духовные потребности в неотчужденности, органичности жизни, в свободе творчества, в общечеловече-

ских ценностях, в духовном освобождении и независимом развитии личности. Эта культура, когда она расходилась с официальной, подвергалась гонениям и запретам, загонялась в подполье. С социальным обновлением она приобрела свежие силы, стала доступна людям, получившим возможность «впитывать» ее ценности.

Культура оказалась лицом к лицу с новыми реалиями. Культурное обновление в стране практически началось с момента ослабления тотального подавления духовных ценностей. Новая культура разбудила общество, заставила его думать, создала благотворные условия для масштабной творческой деятельности людей. Процесс этот по своему содержанию, направленности и размаху равнозначен гуманистической революции. По форме же он напоминает огненную расплавленную атмосферу; все в динамике, стремительном движении, нет ничего прочно установившегося, завершенного. Разворачивается он неожиданными и неведомыми путями, пересматриваются многие, казалось бы, неоспоримые идеи и программы, выдвигаются новые, нетривиальные решения. Разбужены загнанные в подполье творческие потенции народа, освобождаются его умственные силы, высвечиваются интеллектуальные возможности, активизируется духовная энергия.

Но в культурной жизни нет прямых, асфальтированных дорожек и стерильной чистоты. Современная духовная жизнь отличается остротой и контрастами проявлений, мучительными размышлениями, критическими переоценками, перегибами и нигилизмом по отношению к прошлой культуре, порой недостатком знаний о многообразном мире культуры, противоречивостью и неопределенностью. И все это происходит на обломках великой культуры, которую проще отбросить, чем критически освоить, легче ступенью подвести под марку «продажной», заменить провинциализмом и безвкусицей, чем препарировать и разделить на «зерна и плевела». Вывод отсюда один: культурные проблемы следует решать со все трезвостью и знанием дела.

Современная духовная жизнь развивается в особых условиях сплетения взбудораженной общественной мысли с политической публицистикой, философскими и религиозными поисками в художественной литературе и литературной критике. Принципиальные ее черты — видение жизненных процессов, чувствование общественной температуры, умение смотреть в лицо реальности.

Но несмотря на нарастающее духовное раскрепощение общество все еще слабо представляет себе социальные воз-

возможности, заложенные в культуре, не только отражающей и высвечивающей жизнь, но способной разрешить многие противоречия в общественном сознании. Для того чтобы постичь и реализовать эти возможности, нужно «все» три вещи: отобрать в культурный багаж все ценное в прошлой культуре; осмыслить и создать стройную систему культуры настоящей; разработать эвристическую концепцию основных направлений развития культуры будущего; правда, нужна еще и четвертая вещь — желание заняться всем этим, которое, увы, не наблюдается ни у деятелей культуры, ни у властных структур.

**Почему
необходим
разговор
о прошлом**

Изоляция от мировой культуры всегда наносила нашей культуре огромный вред. Между тем, по своему существу культура — система открытая, отличающаяся восприимчивостью не только ко всему новому, но и к накопленным ценностям прошлого, в ней живет историческая глубина. А традиция для народа — это своего рода опора, «несущая конструкция». Открытость усиливает общечеловеческое содержание культурных ценностей, придает им универсальный характер.

Рассматривая культуру на основе конкретно-исторического подхода и действия объективной закономерности преемственности, непрерывности духовной традиции, мы можем сказать, что ее природа диалектически раскрывается в многогранной взаимосвязи традиционного и новаторского, прогрессивного и консервативного. Вспоминая гегелевскую мысль, что безудержное отрицание — это отрицание без удержания положительных моментов предшествующего развития, следует серьезно опасаться за современную культурную политику и наивные попытки начинать культуру с нуля, на чистом месте. Очень опасно, когда фундамент отечественной культуры, несмотря на имеющиеся в ней ценности, пытаются разрушить. По отношению к культуре недопустимо всеотрицание ее долгого, разнообразного, но единого пути. Исторический опыт напоминает единую цепь: стоит только вынуть из нее одно звено — и цепь рассыплется. Разумеется, речь идет о том, что действительно относится к культуре, а не к тому, чем ее порой пытаются подменить. Обрыв культурной традиции — плацдарм для политического авантюризма. Уничтоженное и отброшенное неизбежно компенсируется фетишами и крайностями. В то же время культуру нельзя трактовать как обязательную приверженность незыблемой традиции.

Предохранить современную культуру от этих пороков можно лишь преодолевая, с одной стороны, многолетние наслонившиеся догматические подходы и интерпретации, а с другой — броские сенсационные рассуждения новомодной легковесной агрессивной конъюнктурщины, когда начинают петь «руны и саги» фальшивым учениям и ценностям.

Вспомним, что «культурная революция», отличавшаяся своей утопичностью, начиналась с отрицания сложившихся в прошлом духовных ценностей. Хорошо известны петушинные наскоки на нашу классику: сбросить Пушкина, Достоевского, Толстого и др. с парохода современности. Но если нет образцов, на которые можно равняться, культура трагически беднеет. Со временем стало ясно, что сплошное отрицание обеднило духовный мир общества, по объективным законам общественного развития призванного использовать и наследовать все ценное. Только опираясь на наследие, приумножая его, общество на основе преемственности способно обогатить и себя, и мировую цивилизацию. Известный поэт Я. Смеляков писал:

«Спервоначалу и доньне,
Как солнце зимнее в окне,
Должны быть все-таки святыни
В любой значительной стране».

Наши святыни оказались в забвении. Многие из наследства, оставленного тысячелетней культурой, отбрасывалось и забывалось, заменялось готовыми выводами, которые надлежало бездумно воспринимать. Тонкие сосуды интеллектуальной преемственности, питающие духовный потенциал народа, были разбиты; уничтожались не просто храмы и памятники, подвергались насилию народная культура и нравственность, разрушаемые воинствующей бездуховностью. Для многих людей, особенно для молодого поколения, «распалась связь времен», принявшая уродливые, экстремистские формы. В результате вполне закономерно человек оказался обезоруженным и превратился в удобный объект для манипулирования его сознанием. Несколько поколений выросло с ориентацией не на высокую классическую культуру, а на вульгарно-технократические ценности да на сентиментально-развлекательный ширпотреб. Так в советской культуре возникли «черная дыра», «котлован», зона духовного застоя.

Долгие годы многие общечеловеческие ценности отечественного наследия были недоступны не только широкому потребителю, но и специалистам. В результате нынешние поколения слабо знакомы со всем богатством классического

наследия. Восстановление этической и культурной почвы тесно связано с религией, к которой заметен большой интерес у интеллигенции и молодежи. Обращение к религиозным моральным основам обогащает современную систему образования. Несмотря на светский характер образования, глубокое изучение религиозной жизни способствует нравственному воспитанию молодежи, познанию одной из традиционных сфер культуры.

По тому, каких духов прошлого люди вызывают себе на помощь, можно судить об их интересах. С древнейших времен, начиная с XI и начала XII веков, известны нам отечественные духовные ценности. Уже в «Слове о законе и благодати» Иллариона и «Поучении» Владимира Мономаха звучат мысли о том, что материальное богатство не может быть оценено в отрыве от духовных начал. «Духа не угашайте», — говорил апостол Павел. Пиетет к духовным ценностям постоянно звучал в устах прогрессивных русских мыслителей. Самобытность их суждений как раз и была в том, что они всегда придавали первостепенное значение не рационализму и меркантилизму, а духовно-нравственным ценностям, в которых видели истинный смысл жизни.

Секрет наследия в том, что оно, непрерывно меняясь, подчиняясь социальным ритмам, всегда современно, ибо связано с вечными проблемами человеческого бытия и исследованием человеческого духа, отражая бесконечно движущуюся жизнь, продолжающуюся не только сегодня, но и завтра. По мысли Ю. М. Лотмана, «хранить — означает регенерировать, воссоздавать заново». Постоянно и основательно встает вопрос: почему классика продолжает увлекать и очаровывать последующие поколения? Исходя из сказанного, мы можем дать на него четкий ответ: потому, что классика — это общечеловеческая ценность. Она предлагает вдохновляющую во все времена идею, помогает найти проведенную поколениями линию опоры в жизни и осознать смысл происходящих событий в исторической перспективе. Но во многом она не освоена, представляя собой не востребованный духовный запас человечества. А ведь классика нужна не только ценить и уважать, видя в ней только набор авторитетных корифеев; главное — развивать и обогащать ее, передавать ее творческую эстафету, продолжать основную непрерывную культурную традицию, ее постоянное видоизменение.

В западной литературе можно встретить высказывания, что русская культура закончила свое существование уже в первые дни Октябрьской революции. Это справедливо, если

иметь в виду официальную культуру. Что же касается культуры демократической, то подобного рода мысли искаженно представляют сложные процессы культуры, для которой классические ценности являлись хлебом насущным. Известно, что многие выдающиеся советские писатели, несмотря на все препоны, продолжали традиции классиков, были верны Пушкину и Гоголю, Толстому и Достоевскому.

Непорядочно уходить в будущее, не оглядываясь. Культурное общество никогда не рвет с духовными ценностями, созданными в прошлом, и принимает эстафету духа в соответствии с действием объективной закономерности — преемственности, памятуя о непрерывности культурного процесса. Любопытно, что это положение теоретически не подвергается сомнению и сегодня. В государственных документах осуждается пренебрежительное отношение к культурно-историческим ценностям — и в то же время в России ежегодно гибнет до 250 памятников, стоящих на государственной охране, реальная потребность в реставрационных работах обеспечивается лишь на 10%. Государственные средства на реставрацию в сопоставимых ценах возрастают (так, по сравнению с 1986 годом они возросли в 1989 году в 5 раз), а картина сохранения культурного наследия по-прежнему плачевна. Да, денег на все не хватает. Но экономить на культуре, содержать за ее счет другие отрасли — политика недальновидная и опасная. Ценности прошлого всегда в дефиците, они нуждаются в заботливом отношении, умении их сохранять и беречь. К ним надо относиться с милосердием, ибо в них всегда живут и труд, и мысль. В фильме Федерико Феллини «Рим» есть весьма символическая сцена. Пробивая тоннель, строители метро открывают античный зал, стены которого расписаны фресками. Но в подземелье врывается воздух, пропитанный фабричным дымом и бензином. Это дыхание XX века. Оно касается картин прошлого, и на глазах живые и яркие краски гаснут, бледнеют, осыпаются в порошок, и взору предстают голые блеклые стены... Разрушая памятники прошлого, человек разрушает себя, оказывается над нравственной пропастью. Современный вандализм ничем не отличается от анархистских вихрей 20—30-х годов и столь же опасен.

Необходимо умело и заботливо использовать классические ценности — это аксиома. Но здесь в наши дни возникают проблемы с той стороны, откуда их на ждали. Из истории мировой культуры известно, что многие произведения литературы, искусства, науки имели достаточно устойчивую и длительную историю существования. Эта длительность,

учитывая темпы прошлого и качество созданного, была характерной чертой и признаком стабильного, нормального существования и функционирования культурных ценностей, влияющих на формирование общественного сознания.

Но наступили новые динамичные времена, порою трудно уследить за всеми, даже крупными, явлениями культуры. Возьмем, например, искусство. Если не считать произведений художественной литературы, которые можно взять с книжной полки, или произведений живописи (их можно увидеть на выставке), то вся остальная его продукция — театральные спектакли, теле- и кинофильмы — в большинстве своем быстро «сходит с орбиты» и превращается в мертвый капитал в «кладовых» духовного производства. В запасниках полутора тысяч музеев страны, располагающих 50-ю миллионами экспонатов, что составляет 90% художественных ценностей, многие годы остаются заживо погребенными миллионы прекрасных произведений искусства, или как их принято называть, «единиц хранения». Сплошь и рядом из-за отсутствия необходимых условий и помещений нет возможности выставлять их для обозрения. Между тем среди них имеются ценные произведения, но они исключены из духовного обращения, это «не работающие» ценности.

Почему же эти произведения — и талантливые, и просто профессиональные — не могут найти приюта в многочисленных клубах и дворцах культуры, украсить служебные помещения и должностные кабинеты? Почему страна живет на положении «культурной пустыни» или довольствуется, как это было в недавнем прошлом, гипсовыми девушками с веслом или салютующими пионерами в парках? Это ли не показатель подлинного отношения к культуре вопреки декларациям и заверениям?

В запасниках произведение культуры угасает. Оно способно жить только в общении с человеком, так же как музыка существует только тогда, когда есть слушатель. Художественные произведения существуют там, где человек. Если нет возможности поместить такие произведения в музей или на выставку, надо находить им иные места для общения с людьми. Почему, например, не перераспределить запасники в пользу провинций? Эти произведения культуры можно с успехом экспонировать в клубах и библиотеках, в учебных заведениях и поликлиниках, в кафе и жилищах... Но многих наших администраторов совершенно не заботит продление жизни произведений искусства.

Более того, здесь есть еще одна проблема. Многие годы в

спецфондах и хранилищах скрывались не только «запасники», но и «тайники»: произведения, по мнению чиновников от культуры, «опасные», вредные для народа. Перед ними опускался идеологический щлагбаум. Упрятывалось удивительное чудо мирового общества — российский авангардизм. Прав был поэт, когда писал:

«Чем вас живопись так испугала,
Если прячут в подвалах Шагала
.....
Что стрясется с державой,
Милейшие,
Если людям покажут Малевича?
И устои Кремля исполинского
Рухнут,
Если покажут Кандинского?»¹

Конечно, сейчас положение значительно изменилось. Многие запасники открыты, снят «железный занавес» перед западной культурой, широко распространился плюрализм мнений. Все это очень хорошо, но, как любое позитивное, может иметь и свою отрицательную сторону.

Отсутствие финансовой поддержки культуры создает тяжелейшие условия для создания подлинно духовных ценностей, которые не дают сиюминутную прибыль. Это объективно ведет к тому, что часть подлинных художников, особенно музыкантов, предпочитают творить в благоприятной атмосфере западных стран, а другая часть, не имеющая такой возможности, вынуждена, хотя бы для того, чтобы поддерживать свое существование, мастерить поделки в угоду самым грубым вкусам нашего, увы, не столь уж культурно грамотного населения.

Широкий поток образцов западной «масс-культуры», который при пренебрежительном отношении к культуре пущен на самотек, довершает дело, оправдывает «подельщиков», развращает вкусы публики, причем не сам по себе, а на фоне отсутствия подлинных произведений искусства и эстетического воспитания.

Создается полная иллюзия, что классические произведения культуры изжили себя и ... их пора сдать в те же запасники, из которых их только что вынули. Посмотрите афиши кинотеатров — и у вас останется лишь один выбор — между комедией и детективом; включите любую из первых трех программ радио — и вас захлестнет поток эстрадных ритмов, включите телевизор — и получите то же самое, допол-

¹ Ефтушенко Евг. Запасники // Знамя, 1987. № 4.

ненное изображением, взгляните на книжные лотки ... — да что описывать то, что все мы видим повседневно?!

И все же ... все же свобода — явление в конечном счете позитивное. Она приобщает нас к мировой культуре, к общечеловеческим ценностям, которые — давно ли? — клеймились партийной пропагандой как космополитические и буржуазные. Нам бы еще приоритетное внимание новых властей к культуре... Да еще чуть больше культурности — для умения критически выделить «грамм добычи» в «тоннах руды» массовой культуры с любой маркировкой — «made in...» или «сделано в ...». Когда-то Гегель высказал мысль о принципиальной неустранимости исторического зла. Трудные десятилетия не прошли бесследно для нашего народа. Ни одна нация, ни один народ не знали такого умерщвления исторического духа, какое совершалось с советским народом. Трагическая борьба со своей родной историей, насильственно расчлененной пополам, убийство исторической памяти подрывали корни народной жизни. Возрождение культуры требует честно и критически взглянуть на прошлое, обнаружить его трагедию.

О трагедиях прошлого говорят ныне открыто. Без преодоления их невозможно строить настоящее и будущее, лечить людей, отравленных лживой историей. Нельзя протаскивать в будущее старое общественное лицемерие, насильовавшее свободу личности. Дефицит исторической правды, как всякий дефицит, всегда дает власть над людьми, выгоден тем, кто его насаждает и поддерживает.

В любом обществе есть два типа людей: первый — это те, кто помнит, и второй — те, кому помнить нечего или не хочется. Боли народные, трагизм массовых репрессий потребовали гневного колокола; произвол и нарушения человеческих законов судимы гласом народным во имя сохранения веры в справедливость. Иронически звучат слова героев Андрея Платонова, что «достаточно оставить историю на 50 лет в покое, чтобы все без усилий достигли упоительного благополучия». Прошлое и настоящее взаимосвязаны и взаимообусловлены. Прошлое требует пусть и болезненной, но честной оценки. Даже принятый в Древнем Риме «Закон об осуждении памяти», предписывавший забыть «негодное», оказался беспомощным перед удивительной силой народной Памяти, живущей по своим законам — законам социальной справедливости.

Американский философ Джордж Сантаяна говорил: «Те, кто не помнит прошлого, осуждены пережить его вновь». Для общества, исправляющего свои ошибки, очищающего-

ся от влияния тяжелых десятилетий, познание прошлого становится непосредственной частью современной жизни, своеобразной формой познания и диагностическим анализом переживаемых ныне социальных болезней. И берется из прошлого не пепел, а огонь.

Эта способность к преодолению ошибок прошлого — доказательство духовной силы общества, осознавшего бесперспективность скомпрометировавшего себя ложного пути, извлекающего уроки для настоящего и будущего. Стремление «обелить» прошлое, некритически отнестись к нему неизбежно ведет к его повторению. Это не мешало бы усвоить людям, привязанным к прошлому, верным только ему, пораженным политической ностальгией.

Отечественная культура кровно связана с историей России, со всеми ее страницами — великими и постыдными, славными и кровавыми, где великие свершения сменялись великими несчастьями. История — это не только хроника деятельности правительств и чиновников. Не следует забывать, что главное — это история населяющих Россию народов и их культуры. Стреляющий в прошлое убивает будущее. Категорическое отрицание собственной культуры свидетельствует о тяжелой болезни общества, что показали и первые послереволюционные годы. Крушение прошлых идеалов всегда оставляет кровоточащие рубцы в душе народа, особенно когда кремирование своей истории приобретает циничный характер. Самоистязание и самоунижение не лучший путь исцеления. Они могут привести к чувству неполноценности, априорной виновности.

Позитивные структурные реформы в духовных сферах возможно осуществить только на основе сохранения истинных ценностей всей русской, в том числе советской истории. Вероятно, скоро наступит время, когда спадет большая вода современного эмоционально-публицистического осуждения и отторжения прошлого и будет восстановлено то подлинное, настоящее, ценное, что обогащает культуру.

Единство и разнообразие культуры

С переменами в нашей стране начался и сложный процесс крутой ломки сложившихся культурных стереотипов. Постепенно и мучительно выпрямляется «духовный позвоночник» человека, обогащается его «духовный микрокосмос», он начинает воспринимать себя личностью, индивидуальностью. А индивидуальность — это ориентация на свободу, осознание смысла своей жизни и личной ответственности за свою судьбу и судьбу мира. Происходит это в условиях дра-

матической реанимации общечеловеческого сознания после многих лет идеологического догматизма и интеллектуального насилия.

В эти черные годы политическое руководство страны как бы задалось целью воплотить в жизнь проект Козьмы Пруткова «О введении единомыслия в России». Уничтожалась независимая мысль, насаждалась униформа тоталитарности — от внешнего единообразия до единообразия в мыслях. Но, как известно, миру культуры чужды однообразная, бесцветная картина, этакий усыпляющий хор согласномыслящих. Он богат палитрой ярких красок, многоголосием звуков, мнений, позиций, и, как и в музыке, это многоголосие органично сливается в единство полифонического звучания, имея своей конечной целью симфонию культуры.

У нас же десятилетиями настойчиво укоренялись представления о культуре как о некоем прямолинейном, лишенном многообразия и противоречий явлении, существовало и охранялось линейное видение культурного прогресса, который объективно становился процессом нарастающего упрощения. Реальная жизнь с ее противоречивостью и неоднозначностью игнорировалась. Мы привыкли жить в одной духовной плоскости, а мир многомерен. Поэтому с таким трудом дается нам познание истины. Многие люди прочно уверовали, что декретированное сверху единомыслие — это и есть основная черта культуры, сами стали активными борцами за это порочное единство. Человек по своим духовным потенциям чужд однообразию, но в том-то и заключалось насилие над его природой, что его всеми средствами принуждали усваивать «черно-белую» психологию, испуганно закрывать глаза при виде сложного многоцветия мира, не понимая, что это и есть его естественный природный мир, строить свой «черно-белый» духовный комфорт.

Кто же навязывал культуре единообразие и однозначность, препятствовал доступу людей к творческому многоцветью? Авторитарная система административно-командного управления культурой, обслуживавшая ортодоксальную идеологию. Именно она заковывала культуру в панцирь единомыслия. Но «когда все мыслят одинаково, значит никто не мыслит», — говорил Гегель. В культуре всегда звучат идеи о диалогичности ее творчества и полифонии ее ценностей. «Монолитное единодушие» придавало культуре декоративно-показной, «образцово-показательный» характер, приводило к политическому равнодушию и стандартизированному конформизму масс народа. А конечные цели всех этих преступных манипуляций массовым сознанием —

купить души «за хлебы», построить умы по ранжиру, унифицировать для удобства управления свойственные людям различные взгляды и интересы. С этим же, а также с бьющим в глаза бескультурьем связана интеллектуальная амбициозность взобравшихся на властный Олимп и считавших себя последней и окончательной инстанцией в вопросах, где их в лучшем случае можно назвать дилетантами. Так утверждался в культуре монополизм. Путь идеологической монополии и казарменного единства неизбежно приводил к застою мысли, интеллектуальному гниению, культурной катастрофе.

Последствия ее нам еще предстоит испытать и осмыслить. Лишь после этого мы сможем ответить на вопрос, сможем ли мы оправиться от этой катастрофы. Но есть ведь и объективные законы. Хочет того общество или нет, но многообразие жизненно необходимо для его интеллектуального обогащения, для самой его жизни. И это происходит независимо от желаний и указов власть предержащих. Сейчас же мы делаем лишь первые робкие шаги в этом направлении. В эпицентр духовной жизни общества *вступает закономерность нарастающего разнообразия культуры*. Качественно обновляющемуся цивилизованному обществу противопоставлены стандартизация духовной жизни, унификация идей и мыслей, превращение людей в анонимов. Чем больше новых идей и мыслей, тем богаче общество. А свободное соревнование свободных умов рождает единство действий — такова диалектика культуры. Культурный плюрализм расширяет сферу участия широких социальных слоев в разработке и реализации культурной политики. Культурное движение приобретает многовариантный характер и часто несет самые различные, непредсказуемые результаты. И это прекрасно, ибо однозначных решений в культуре не бывает. Культура живет в мире множественности.

Наша революция поставила, но не смогла решить одну из труднейших проблем современной цивилизации: как достичь подъема духовной жизни широких социальных слоев. Она лишь с очевидностью доказала, что такого подъема нельзя достичь путем отказа от высших достижений культуры, профанации их в угоду обывательским, неразвитым вкусам. Задача же эта и сегодня не снята с повестки дня. Ее решение зависит и от содержания культурных ценностей, и от их распространения. При этом зачастую популярность тех или иных ценностей среди широких социальных слоев отнюдь не свидетельствует о высоком уровне этих ценностей, а порой и прямо указывает на низкий культурный

уровень масс. Известно, что величина его постоянно изменяется. Как же добиться его повышения? Прошлые стереотипы о «насаждении культуры в массах» полностью скомпрометировали себя, ибо культура и насилие — вещи несовместимые, культура приходит изнутри, а не извне. Значит, речь должна идти о предоставлении людям широкого культурного выбора, интеллектуальных, политических и экономических возможностей делать его.

Во-первых, это распространение общего научного и гуманитарного образования, соответствующего полноценной жизни в сложных современных условиях. Занимавшая ведущие количественные позиции в системе просвещения наша страна по образовательному уровню находится при этом лишь на 28-м месте. Во-вторых, это приобщение человека к высокой политической культуре, необходимое личности, чтобы иметь честную гражданскую позицию в динамичных социокультурных процессах. В-третьих, приобретение соответствующих современному интенсивному ресурсосберегающему и наукоемкому производству квалификации, высокого уровня профессионализма, овладение новой технологической культурой и сознательной самодисциплиной. В-четвертых, солидная художественно-эстетическая подготовка, помогающая человеку преодолеть узкие горизонты профессионализма, приобщиться к творчеству и обеспечивающая развитие его эмоциональной культуры и культуры общения.

Наступил новый этап в истории отечественной культуры — этап приобщения ее к мировому сообществу. В основе такого приобщения — общечеловеческие ценности, представляющие прочный фундамент для развития личности как неповторимой частицы человечества. Нашему обществу предстоит пройти длительный и сложный путь от одной системы ценностей к другой, от абстракций и идеологических формул к живым культурным реалиям.

Одно из главных условий успеха на этом пути — творческая активность. Нас отучали от нее десятилетиями, в нас хотели видеть бездумных потребителей идеологически препарированной культуры. К несчастью, наши прежние «духовные пастыри» во многом здесь преуспели. И теперь нам предстоит болезненный процесс самопереучивания. Но он не только необходим, но еще и привлекателен: нас ожидают развертывание многообразных форм творчества, освоение критического подхода к духовным ценностям, повышение общей культуры тех общественных групп, которые или духовно пассивны, или ограничены в своих интеллектуальных потребностях.

Нас ожидают новые, неожиданные открытия, неведомые, глубокие духовные потрясения, нас ждут встречи с необычными для нас и по форме, и по содержанию произведениями искусства.

Войти в эпоху ноосферы, сферы духа и разума, сознания и абстрактного мышления сможет только демократическое, интеллигентное общество. Интеллигентность — новая, высшая фаза культурности. Общество не должно разделяться на интеллигентных и всех прочих. Это противоестественно социальной природе человека. Интеллигентность — его родовая нравственная черта. Ее неотъемлемыми характеристиками являются высокое трудолюбие человека, его социальная культура, его нравственные принципы. Ее антипод — бескультурие.

Бескультурие разрушает общество. Но это нередко мало волнует его. Происходит это потому, что мы, судя о культуре по инерции, не уловили трагических перемен в духовном мире общества. Если природа имеет определенные свойства саморегуляции и самовосстановления, то «вторая природа» — культура — подобного лишена. Ее упадок несет невозполнимые духовные потери. Культурный прогресс все более угасает, потому что человек постепенно теряет свою историческую цель и веру в силу культуры. Драматизм современного прогресса состоит в том, что если раньше он выражал культурный рост общества и духовное развитие каждого его члена, то теперь картина изменилась, и прогресс, как это ни парадоксально, ведет к отчуждению человека от культуры, к «обескультуриванию» личности.

Вызывает возражение так называемая наивная концепция культурного прогресса, не учитывающая тот непреложный факт, что в культурной динамике нельзя рассчитывать только на положительные результаты и забывать о негативных последствиях культурного движения. В современной культуре серьезно обозначается критический момент в развитии. По-новому встают многие проблемы, в частности модернизации духовной жизни, которая уже сама по себе не сопровождается рождением новых духовных ценностей, или коллизии, связанные со взаимодействием истории человечества и истории культуры. Многие склонны признавать, что прогресс в истории человечества был, в сущности, прогрессом технологическим, развивающим производительные силы, материальную культуру и технику. Что же касается духовной культуры и морального облика человечества, то здесь прогресс в значительной своей части оставался на прежнем уровне, если не оборачивался регрессом, уступая

одну позицию за другой техническим приоритетам. И до настоящего времени особенностью социокультурного состояния общества является острейшее противоречие между культурой и технологией, развитие которой нередко идет за счет широкого культурного движения.

Культура стоит дорого, но бескультурье значительно дороже. Наше время уже вполне можно назвать временем больших знаний и малой культурности. Человеческие знания увеличились, а культура уменьшилась, наблюдаются своеобразная девальвация отношения к ней человека, рост дефицита духовности. Это может видеть каждый и ежедневно. Например, при фантастическом книжном буме, — падает интерес к серьезным, значительным произведениям художественной литературы, и наоборот, усиливается тяга к произведениям поверхностным, облегченным, не требующим от человека больших интеллектуальных усилий, напряженной умственной работы, духовной подготовки. Словом, двери в культуру открылись, но в них отказываются входить.

Понятия «человек грамотный» или «человек образованный» значительно отличаются от понятия «человек культурный». Ликвидация в стране неграмотности и в то же время наличие огромного количества дилетантов, непрофессионалов в различных областях знаний свидетельствуют о низком уровне общей культуры, которая, несмотря на высокую общеобразовательную подготовку, не прививалась и не распространялась. А ведь человек — пусть образованный, но лишенный культурности, способен на античеловеческий поступок, на преступление, на измену истине. Не так давно в Турине (Италия) состоялся конгресс, на котором микробиолог Аластор серьезно обнародовал утверждение, что Сатана, по сути дела, является вирусом, поражающим в основном те слои общества, которые находятся на низком уровне культуры. Данный «микроб» вызывает раздвоение личности и ненависть к логическому цельному мышлению. И хотя изучение чертовщины в XX веке стало для некоторых вроде прикладной науки, нам этот пример интересен своим символическим смыслом, свидетельствующим о драматизме бескультурья.

В сущности вся история мировой культуры — это процесс выдирания человечества из дикости и невежества. Шекспир называл невежество причиной всех бед, Бальзак — матерью всех преступлений, Маркс — демонической силой. Просветители считали невежество матерью всех пороков, источником зла, царящего в обществе. Это относится

к любому обществу, в том числе и к нашему. Слава Богу, мы уже отказались от глупого догмата собственной непогрешимости и реалистически подходим к анализу социальных противоречий. Демоническая сила невежества умножается в сплетении с догматизмом, умерщвляющим законы живого общественного развития, в том числе культуры. Николай Рерих называл невежественный коммунизм темницей. Серьезная опасность таится в возбужденном, воинствующем, наступательном невежестве. Самое страшное в нем — враждебность к познанию. «Нет ничего страшнее деятельного невежества» — писал Гете. Для невежественного человека неизвестное, неведомое, незнакомое — не существует, оно должно быть уничтожено. Невежество питает и поддерживает мифы, берет на вооружение реакционные идеи, паразитирует на народных горестях и бедах, социальных и межнациональных конфликтах, убаюкивает доверчивые и некритические умы. У невежества есть родная сестра — варварство. А там, где варварство, — там крах культуры и нравственности. Человечество против невежества избрало спасительное средство. Имя ему — знание.

Человек в своей жизни имеет две опоры: знания и веру. Идеологический аппарат нашего руководства, десятилетиями декларируя приверженность к знанию и неприятие веры, на деле поступал как раз наоборот: знание механизма власти, распоряжающегося судьбами миллионов, было для этих людей закрыто, зато в противовес религиозной вере всеми средствами насаждалась вера в эфемерное светлое будущее, а главное — в непогрешимость руководства.

Сегодня вроде бы открыты все двери — веруй во что хочешь, знай все, что пожелаешь. Но здесь и обнаруживается одна из самых болевых точек: состояние системы образования. Р. Оуэн был удивительно прав, когда говорил, что указка школьного учителя — это тот архимедов рычаг, который перевернет мир. «О, сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух», — вторил ему А. С. Пушкин. В «Великой хартии университетов», принятой в 1638 г. в Париже, в Сорбонне, для соединения всех университетов Европы, был провозглашен принцип: высшая школа есть институт воспроизводства и передачи культуры. В Советском Союзе один университет приходился в среднем на 4 млн. человек, а в США — на 1 млн. человек, т. е. обеспеченность университетами в США в 4 раза выше. Отдача самого совершенного комбайна со временем быстро падает, не окупая порой затраченные государством средства для его создания и постоянные ремонты. Что же сказать о человеке? На

его образование выделяется значительно меньше внимания и средств, чем на строительство свинарников и коровников. Экономия на развитии образования глубоко безнравственна и антигуманна. Средства, умело вложенные в формирование и становление человеческой личности, дают неизмеримо больший эффект, чем от вложения их в любую машину, и прогрессивно окупают себя; это выгодно даже с чисто экономической точки зрения. По имеющимся данным, каждый рубль затрат на образование оборачивается 4 рублями национального дохода. Несколько лет назад на школьном турнире городов-побратимов Японии и США в команде Японии из ста человек оказалось 99 японцев, что более или менее естественно. А вот то, что в команде американских школьников оказалось тоже 99 японцев (американского происхождения или проживания), было полнейшей неожиданностью для всех. Культ знаний и мастерства для японцев экстерриториален, он стал национальной особенностью.

А что же у нас? Мы не будем говорить о выдающихся соотечественниках, показавших себя на мировом уровне во всех без исключения сферах знания. Собственные «Платоны и Невтоны» в нашей богатой талантами стране не перевелись и не переведутся никогда. Речь идет об отношении к образованию как массовом явлении. А здесь у нас произошла подмена: культ знаний заменен культом образования. Иначе чем же объяснить тревожно стойкое противоречие между получаемыми людьми знаниями, образованием и их культурой? Возникает законный вопрос: почему в стране, где к 1990 году 164 миллиона человек (что составляло 89% занятого населения) имели высшее и среднее образование, существует дефицит духовности, значительны проявления бескультурья и невежества? Как одно соседствует с другим, в чем дело? Ответ один: образование — основа для развития культуры, но не сама культура. Их нельзя отождествлять. Тут только начало, почва, грунт, на которых и вырастает культура. Грамотность способствует овладению культурой, но она не может быть очень сильным орудием для манипулирования сознанием. Разрыв между культурой и образованием приобрел и нелепый, и драматический характер и в значительной мере снизил коэффициент полезного действия культуры. Получив образование, многие считают свою задачу выполненной, себя интеллигентами, а в итоге общество получает воинствующих дилетантов. Да и само образование у нас часто поверхностное, формальное, унифицированное — ведь и в нем процветает дилетантизм!

Духовная отсталость народа вырастает в серьезную со-

циальную проблему, ибо никогда прежде не был так велик разрыв между требованиями стремительной технологической цивилизации и уровнем знаний основной массы населения. Эта проблема по своему масштабу и характеру такова, что не имеет простых и быстрых решений ни на одном из известных путей социального развития.

В связи с этим следует обратить внимание на обучение, школу. В процессе образования в школе или в вузе человек пока очень мало приобретает для становления общей культурности и нравственности. Более того, наметился рост разрыва между образованием и культурой. Многие, окончившие среднюю и высшую школы, лишены серьезной общекультурной подготовки, не имеют вкуса к художественным ценностям, низка их нравственная культура. По сведениям социологов, только 3% студентов технических вузов увлекаются поэзией. Редко встречается человек технической профессии, хорошо знакомый с живописью или классической музыкой. Чрезмерная, крайне узкая специализация уподобляет человека флюсу, который, как известно, всегда бывает односторонним, ограничивает его внутренний мир. В этой связи стоит присмотреться к опыту Московского и Санкт-Петербургского государственных институтов культуры, где студенты всех специальностей факультативно изучают комплекс дисциплин гуманитарного и общекультурного профиля. Давно и настойчиво предлагается ввести в школах и вузах курсы по теории и истории мировой и отечественной культуры, этику и эстетику. В последние годы картина стала меняться. Но воспитание гуманных, культурных людей еще не стало главной целью школьного и вузовского образования.

Между тем дефицит культурности остается у нас самым опасным дефицитом. Примеры тому — неуважение к семье, церкви, отношению к женщине. Можно сказать, что культуру народа определяет количество добрых матерей. Как не согласиться с мнением французского утописта Фурье, писавшего, что нравственный и социальный уровень общества определяется отношением в нем к женщине, или немецкого гуманиста Вильгельма фон Гумбольдта, подчеркивавшего, что нравственность народов всегда связана с уважением к женщине?

В современном обществе все еще существуют причины угнетения женщины. У нас ее «равноправие» сочетается с угнетающим домашним трудом, хамским отношением мужчины, оскорблением с начальственного пьедестала ... Современная работница вынуждена идти на «женские» дол-

жности, которые в массе своей оцениваются более низкой зарплатой. В наиболее трудных производственных условиях работают 44% женщин. Часто мы видим женщин с кайлом и лопатой. А как оценить тот факт, что среди безработных их до 80%? Глубоко ложная ориентация общественного мнения на второстепенность и вторичную значимость женской, материнской миссии привела к тому, что у нас утрачивается цивилизованное, интеллигентное, уважительное отношение к женщине. Давно наступило время признать женскую материнскую ношу необходимым, социально значимым деянием.

Если можно позволить себе выражение «глобальное невежество», то оно во многом распространяется на нас и начинается с того, что человечество уже многие века издевается над земной природой, умерщвляет ее, забывая и не понимая, что человек — ее частица. Экологическая культура общества на нуле. К природе относимся архиагрессивно, проявляя поразительное легкомыслие, разгильдяйство, элементарное неведение. 20% населения в России живет в экологически вредной среде. В сложившейся культурной ситуации необходимо прислушаться к голосу смертельно раненой природы, вернуть ей статус Храма человечества.

Маленький тому пример — организация в стране автомобилестроения. Производство автомобилей у нас в стране активно растет, но никто не думает о том, чтобы наш автомобиль был экологически чистым. А ведь именно он — главный загрязнитель воздуха городов. Во всем мире эта проблема успешно решается. Но только не у нас... Человек бездумно относится к окружающей природной среде. Экосистема загрязняется промышленными отходами, не пресекаются действия хозяйственного механизма, нарушающие экологический баланс, обедняющие генетический фонд планеты. Климатические изменения на нашей планете приобрели глобальный характер. Это и «озонные дыры», загрязнение атмосферы, кислотные дожди, уничтожение лесов и т. д., а отсюда засухи, наводнения, голод и эпидемии. Разрушение природы органично связано с разрушением духовной сферы, духовным отравлением человека: алкоголизм и наркомания, терроризм и преступность. Невежество человека начинается с уничтожения богатств Земли в условиях ее варварской эксплуатации и превращается в самоубийство, в накидывание петли на собственную жизнь. Дефицит культурности приобретает катастрофический характер, усиливается процесс деградации социокультурной среды, охватывающий крупнейшие массивы населения. По

части культуры поведения мы неандертальцы. Бескультуре распространяется всюду: от кладбищ до общественных туалетов. Борьба с ним — дело не только общества, но и, может быть, прежде всего каждого из нас, причем не вообще, а сейчас, не где-то, а в нашем непосредственном окружении, не завтра, а сегодня. Это в интересах каждого. Ибо культура призвана говорить с каждым отдельным человеком, только с ним, единственным; только для него, неповторимого.

Для серьезного духовного преобразования общества нужны активные действия самых широких социальных слоев, активизация и сплочение людей для созидательной и конструктивной деятельности, создание научной стратегической программы, объединяющей все общество верой в позитивную идею, в одухотворяющую цель. Идея «светлого будущего», да простят нам этот каламбур, отошла в прошлое, но на ее место нет пока претендентов. Между тем государственный корабль не может двигаться без идеалов. А молодому поколению сейчас особенно нужна цементирующая идея, без нее — жизненное прозябание и приспособление.

Отличительная особенность культуры — противоречивое единство прошлого и будущего, устремленность в будущее, способность опережать события. Будущее культуры творится сегодня. В размышлениях о нем следует задуматься над тем, какую культуру может создать человек, если ему предоставить неограниченные возможности, и какое место в ней займет. Отсюда необходимость разработки масштабной, рассчитанной на ближайшую и отдаленную перспективу, общенациональной программы культурного воспитания, целостной культурной стратегии страны.

Основные ее черты — знание культурных основ современной цивилизации, социальная масштабность, охват всех слоев населения, с тем, чтобы учитывались исторические, национальные и культурные традиции людей, живущих в различных регионах.

Необходимые критерии эффективности этой системы: максимальная приближенность к практике, постановка конкретных вопросов культурного обновления, гармоничное развитие всех сфер культуры. Несмотря на определенную сложность и противоречивость, нельзя допускать отрыв одних областей культуры от других. Ни одну из этих сфер не следует абсолютизировать или недооценивать. Свой результат они дают только в единстве. В то же время в этой

программе требуются приоритеты в развитии различных сфер культуры, ответственность государственных и общественных организаций за их воплощение в жизнь. Видимо, найдут свое место основные положения о различных фондах финансирования, будут определены статус социальных заказов на произведения искусства, правовые, финансовые основы деятельности творческих организаций. Несмотря на драматическую ситуацию, наше общество обладает достаточными силами, чтобы настойчиво, без внутренней паники, реализовать и тактические, и стратегические цели культурного прогресса.

В свое время Сергей Есенин говорил, что не даром на крыше каждой русской избы — деревянный крашеный конек. Символ Руси для Гоголя была мчавшаяся тройка. Это потому, что России присущ дух движения, она всегда в динамическом становлении, в походе. Отечественная многонациональная культура, вобрав в себя богатство всех национальных ценностей, представляет уникальное явление по своим масштабам и гуманистическому звучанию. Деградация любой национальной культуры — потеря для мирового сообщества, упадок нашей культуры — катастрофичен для цивилизации по своим последствиям.

Отечественная культура стоит сейчас на пороге великого исторического перелома, равного по своему значению становлению новой цивилизации. Этот коренной перелом связан с социальными и нравственными судьбами России, с необходимостью утверждения новых гуманитарных принципов и новых исторических путей. И именно нашему поколению выпала нелегкая миссия в тяжелейших условиях спасти ее, сохранить для себя и для мирового сообщества, приумножить для наших детей. Не сумеем — будем заклеены в истории; сделаем это — и наши потомки вспомнят о нас и скажут нам добрые слова благодарности.

**Молодая наука
о культуре —
молодому
поколению**

Теоретические проблемы культуры как фундаментального человеческого вида деятельности, как познания окружающего нас мира стоят ныне в центре внимания гуманитарных наук и особенно культурологии. Известно, что в V — IV веках до н. э. родилась философия, затем в III веке до н. э. — этика. И только через много столетий — в XVIII веке появилась эстетика, столетием позже — социология, а в середине

XX века — культурология. Она заняла достойное место в фундаментальных науках, что является серьезнейшим интеллектуальным и методологическим вкладом в гуманитарные знания.

Первый вопрос — это определение самого предмета культурологии как науки, ее границ и взаимоотношений с соседями в структуре наук. Например, культурологию часто связывают с теорией и историей художественной культуры, не говоря уже о тесных объятиях с эстетикой. Но культурология — самостоятельная наука. Сейчас необходимы демаркационная линия и пусть «прозрачные», но все же определенные границы между рядом наук. Это поможет углубленному изучению самого культурного процесса и духовной культуры как реальности и дифференцированной целостности.

Если понимать под философией «объяснение жизни», то культурология — это «объяснение культуры», способность смотреть на нее ясным взором. Культурология открывает целые миры закономерностей, ранее неведомых науке, ибо она заключает в себе знание, находящееся в неразрывном единстве с культурой, становится путем к знанию, содержащему многие драгоценные элементы сущности культуры. Несомненно, мы имеем право рассматривать культурологию как одну из важнейших социальных наук, выполняющую интегративную функцию для различных конкретных гуманитарных знаний. Основной ее лейтмотив связан с теоретическим раскрытием и обоснованием многогранных процессов духовной жизни. Ее можно считать теоретическим аналогом живой культуры. Выступая системообразующим фактором всего комплекса наук о культуре, уже с первых своих шагов она проявляет себя в качестве методологического импульса для гуманитарного знания, его методологической основой.

Значение культурологии как фундаментальной науки состоит в том, что она рассматривает и анализирует социальную реальность как совокупный культурный мир, как систему универсальных ценностей, утверждающих себя в социодинамике культурного процесса. И как свидетельствует жизнь, это явилось существенным прогрессом в постижении единства мира культуры, конкретизацией и обобщением этого совокупного культурного мира. Тем самым она обосновывает социальную роль культуры, способствует духовно-нравственному оздоровлению общества.

Предметом культурологии является культура, ее определение, философское осмысление ее природы, происхождение

ние, типология. Научный смысл культурологии заключается в том, что она рассматривает культуру в ее содержательной глубине и сложности, показывает богатство ее внутреннего содержания, выделяет ее уровни, типы, формы. В порядке первого приближения можно определить культурологию как науку о наиболее общих закономерностях развития культуры как творческого процесса по созданию и сохранению общечеловеческих ценностей, науку, изучающую структуру и особенности духовного производства, функционирования и развития духовных ценностей.

Человек живет в мире культуры и не замечает этого, как не замечает воздух, которым дышит. Культура становится заметной для человека только тогда, когда он попадает в иную культурную среду (например, из села в город или в другую страну). Между нами и миром существует посредник. И посредник этот — культура. Наше мышление, наш язык, поступки и действия — феномены культуры.

Культурология рассматривает культуру как специальный предмет изучения, как особую реальность, которая может быть открыта человеком, познана, изучена, выявлены ее механизмы и законы. Причем этот процесс познания необходим для повышения самосознания или рефлексии в обществе, а проще говоря, для более глубокого понимания, что есть человек, каков человек нашего общества, чем отличаются одни культуры от других культур, каковы особые смыслы искусства, науки, религии, устного и письменного слова в структуре культуры.

Культурология исследует духовный мир человека в его совокупной конкретности, достигая тем самым научной высоты в его аналитическом познании, исследует образование ядра личности — ее мировоззрения. Она изучает место личности в социокультурных процессах, духовную культуру как сложный процесс создания и освоения человеком социокультурной реальности, пробуждения достоинства человеческой личности. Исходя из этого, она проявляет себя не просто как наука о культуре, но наука, которая направлена на открытие механизмов культурного совершенствования человека, наука о конкретных и реальных путях достижения этой цели. Она активизирует способность личности, а тем самым и общества строить цивилизованную среду и образ жизни, жить и творить в обществе.

Личность в культурологии рассматривается как некая живая структура. Эта наука рассматривает внутренний процесс духовного развития человека, строит интеллектуальную архитектуру личности, которая вошла в плоть и

кровь культуры, то что Достоевский так удачно называл «новым сведением о природе человека». И действительно, культурная природа человека проявляется не в застывшем, завершенном образе, а в сменяющих друг друга, постоянно изменяющихся образах личностей, обогащающихся новыми качествами и свойствами.

Гегелем была высказана мысль, что один характер отличается от другого своей определенностью. В центре культурологии находится не человек вообще, не абстракция, обычно сводящаяся к пережевыванию банальностей и тривиальностей, а определенный исторический тип, связанный с органическими началами человеческой личности, определенная историческая форма личности, живая и противоречивая личность современного социального склада. Поэтому культурология, исследуя фундаментальный образ человека, органически связана с осмыслением отдельных черт его социального, духовного и нравственного облика. Отсюда тесные связи между наукой о человеке и наукой о культуре, возможность исследовать феномен человека через изучение культуры.

Есть науки, с которыми связана судьба общества. Именно культурология выступает инструментом раскрытия и объяснения духовного развития России, эффективным средством нашего культурного самосознания. В этом смысле значение культурологии очень велико и перспективно. Быть может, даже более значительно, чем в условиях западных цивилизаций. Почему мы так говорим?

Несомненно, историческое своеобразие развития России, ее исторической динамики вызвано уникально-специфическими, особенными чертами духовно-нравственного портрета общества. Сюда мы включаем выдающуюся мировую роль русской классической литературы и искусства и в то же время социальные катаклизмы и катастрофы, потрясавшие российское общество, переоценку ценностей и утрату части прогрессивных моральных традиций, частые «маятники» в расстановке политических сил и идеологий и т. п.

Для решения многих из этих проблем политологических или экономических знаний явно недостаточно, здесь они ограничены, многое им не под силу. Необходим серьезный аналитический подход к культурному опыту России. Культурологический анализ раскроет глубину и масштабность современной культурной жизни, позволит выработать умную реалистическую политику, предупредит реформаторов о таящихся «минных полях», чреватых социальными взры-

вами, подскажет, где таится угроза для культурной температуры общества. Наконец, только культурологии по силам помочь государственным структурам в установлении контактов и диалога между различными политическими силами общества.

Именно культурология способна помочь в решении тех проблем, которые возникают в современной интеллектуальной ситуации, способна сыграть экспертно-аналитическую роль в отношении складывающихся новых духовных явлений, в изучении механизмов ее преобразующего воздействия на духовную жизнь общества. По своей философской глубине культурология, как наука об особенностях современного культурного процесса, об интеллектуальном мире людей, не имеет права «приспосабливаться» к различным сиюминутным вопросам, вульгарно откликаться на конъюнктурные события духовной жизни, что неизбежно отразится на формировании духовной атмосферы эпохи. Ей под силу серьезно проанализировать возникавшие в последние годы и достаточно прочно устоявшиеся процессы, проследить пути их возможных преобразований.

Культура, в первую очередь, призвана познать саму себя. Культурология как наука рассматривает сущностные стороны культуры и духовного мира человека, оперируя при этом собственными традиционно сложившимися категориями и методами. Культурологические категории не могут рассматриваться «по аналогии» с эстетикой или искусствоведением. Культурология располагает своим сложным и разветвленным научным категориальным аппаратом, имеющим свои фундаментальные, базовые понятия.

Их можно условно разделить на внутрискруктурные и те, что связывают культуру как нерасчлененную целостность с другими ответвлениями общественной науки. К первым категориям, естественно, следует отнести те, которые рассматривают внутреннее строение культуры: понятия «культура», «культурные ценности», «субъект культуры». Сюда же входят характеристики культурного процесса, «культурное наследие», «традиция и новация в культуре» и другие. Ко второму виду можно отнести такие категории, которые отражают проблемы, возникающие на стыке культуры с другими общественными явлениями, с категориями других наук. Это, например, «общество и культура», «цивилизация и культура», «динамика культуры» и другие.

Подробная разработка категориального аппарата, диктуемая самим процессом развития культуры и логикой научного познания, требует постоянного обновления с учетом

того, что некоторые положения, не подтвердившиеся жизнью, устаревают и угасают, другие, сохраняясь, наполняются новым содержанием, выдвигаются и новые теоретические идеи. Так, новое значение приобретает категория «культурная революция» в контексте «культурной эволюции». Часто серьезно «работавшие» категории трактовались односторонне, вульгарно-идеологически, покрывались шелухой социальной мимикрии. Так, например, затушевывалось понятие интернационализма как органической части общечеловеческих ценностей или расширительно до фетишизации трактовалось понятие партийности.

Культурология призвана вырабатывать установки, позволяющие объективно изучать культуру и разрабатывать культурную политику. Многие годы наука об особенностях современного культурного процесса, об интеллектуальном мире людей, о ценностях, обогащающих и развивающих общество, вступала в противоречие с культурными реалиями и объективными законами. Это не могло не отразиться на ней. Существующие реалии меняют теорию до неузнаваемости. Идеологические мифы, «люмпен-психология» затушевывали противоречия между идеалами и истинным состоянием культуры. В этом таились корни и причины торможения культурного прогресса. Люди — всегда пленники своего времени. А руководители организаций культуры хорошо и смело говорили общие красивые фразы о ней, но молчали о ее реальной судьбе и будущем.

В научных трудах стремились видеть культуру, какой она должна быть в идеале, а не такой, какой она была в жизни, на самом деле. Создавалась некая розовая модель, искажавшая подлинную картину. Происходили канонизация и ритуализация культурных оценок. Теория «отлакировывала» духовную жизнь. Подобное лакейство научного мышления приводило к неверному и ошибочному взгляду и на культуру, и на науку о ней, которая, как и всякая наука, требует правдивого и реалистического, честного критического анализа и постоянного обновления. Эта сила инерции не только мешает развитию, но и культивирует штампы, становящиеся формой мышления и основой псевдотворчества. Между тем, разговор о культуре — это всегда неповторимый и новый разговор о волнующих проблемах духовного бытия человека, а предметом изучения культурологии является культура как духовная, интеллектуальная и нравственная целостность и реальность человеческого бытия. Ее истинное лицо в том, что это принципиально гуманистическая наука.

Для культурологии, ее дальнейшего творческого развития значительным тормозом являлась абсолютизация абстрактных умозрительных формул и положений, задававших такой уровень абстракции и псевдоправды, который препятствовал анализу жизненных культурных реалий, их конкретного общественного существования. Пример тому — подведение некоторых явлений культурной динамики под схему динамики общеисторического развития или измерение их сущностными характеристиками системы. Это привело к схоластическому, утрированному отношению к культуре и ее институтам, оторванности от реальных жизненных проблем.

Отрицательные явления, грубые ошибки в руководстве культурной жизнью сказывались на теории, порождали ее отрыв от жизненных реалий, поверхностное и облегченное отношение к ним, неумение анализировать и прогнозировать возникавшие противоречия. Как известно, в производственной жизни естественно критическое отношение к производственным процессам. Совершенно иная картина складывалась в сфере социокультурной жизни. Социальная сфера, в том числе и сфера культурная, были вне научной критики и выступали скорее объектами благоговения. Появился особый вид догматизма в отношении к практике. Классическая формула о практике как основе познания и критерии истины стала использоваться для апологетики существующего. Был забыт тот очевидный факт, что не всякая социальная и культурная практика и не всегда является основой познания, а наоборот, способна выступать и основной заблуждения.

К слову сказать, не всегда и не во всем следует те или иные явления непременно соотносить с социализмом, причины возникавших коллизий приписывать только общественному строю, успехи или неудачи в культуре безоговорочно сводить только к социальным причинам. Дело здесь намного сложнее, и объяснение любого культурного явления лишь общесоциологическими причинами — может увести от истины. В то же время общий процесс культурного движения невозможен вне связи с теорией, вне его общепhilosophического анализа. Отсутствие подобного анализа и теоретического подхода не только обедняет сам процесс, но и приводит к узкой прагматизации, ставит под угрозу содержание духовных ценностей. В культуре всегда накапливаются коллизии и противоречия, которые можно успешно решать только на основе теоретического мышления, аналитического осознания ее как живого диалектического процесса.

Исследуя общественное назначение культуры, теория призвана обращать внимание на изучение механизмов ее преобразующего воздействия на жизнь общества. Тут недостаточно общей направленности на практику. Развитие теории культуры в 70-е — первой половине 80-х годов происходило довольно противоречиво. Наряду с работами комментаторского, описательного характера, где-то «на обочине» постепенно совершался поворот к живой жизни, сыгравший определенную роль в осмыслении сложных процессов социокультурной реальности. Поэтому отбрасывать то, что сделано теорией культуры в прошлом, неправильно, как неправильно скептическое отношение к ней вообще. Во многих культурологических трудах закладывались и формировались идеи и мысли, представляющие интерес для разработки современной теоретической модели.

Возможности культурологии как науки для развития и обогащения социальных знаний весьма значительны. Но, к сожалению, до последнего времени они не реализовывались. Многие годы эта наука носила нормативный характер, т. е. больше говорила о том, что должно быть, чем о том, что есть в действительности. Наконец-то культурологи начали обращаться к осмыслению жизненных культурных реалий. В связи с этим, встают законные вопросы: на чем сегодня сфокусировать внимание исследователей и преподавателей? Какие категории и теоретические положения требуют к себе особого внимания? Как нам кажется, в современных условиях выдвигается настоятельная необходимость разработки комплекса социокультурных исследований, связанных со взаимодействием культуры, цивилизации и общества, культуры и личности, человека в культурной среде, его культуры гражданственности. Особое значение приобретает изучение социокультурной модернизации России. Не менее важен и цикл этнокультурных исследований, анализ диалога национальных культур в условиях опасности расчленения культурного пространства и конфликтов в культурном процессе. Необходимы исследования основных тенденций развития и становления планетарной культуры. Особое место занимает разработка научной концепции культурологического образования.

Сегодня известны многие общекультурные закономерности. Следующий шаг в фундаментальных исследованиях культуры — понять факторы и механизмы, обуславливающие ее динамику, дифференцировать тенденции этой динамики. Это позитивно отразится на курсе преподавания культурологии в вузах, особенно на преодолении излишне

упрощенного представления о культурных процессах, изъятии устаревших, примитивных теоретических моделей. Нужны новые учебные пособия, обновление учебных программ и методов подготовки специалистов культуры. В свою очередь, такое обновление невозможно без стимулирования поисково-исследовательской и творческой активности в области фундаментального познания культуры.

Для успешной научно-преподавательской работы необходима информация о том, что происходит в мире. Мы уже давно привыкли к тому, что в обществе, где все подлежит распределению, избирательно распределяется сверху и информация. Но без полной информации невозможно развитие общественных наук, тем более, что информация в сфере культурологии явно не соответствует мировым требованиям. В стране нет профессионального культурологического журнала. Зачастую в культурологических работах искажается истинная картина культурной жизни.

Искажение действительного положения дел приводит к депрофессионализации исследователей культуры, плачевно сказывается на разработке культурной политики. Соответственно, необходимо активизировать включение отечественной культурологии в рамки мировой науки и стимулировать развитие фундаментальных и прикладных исследований.

В системе культуры один из наиболее болезненных вопросов — сохранение архивов и состояние библиотек, возможности интенсивного использования имеющихся в них богатств.

Крупнейшие библиотеки мира уже работают на электронном каталоге, когда заказанная информация немедленно выдается в виде изображения текста на экране дисплея. А у нас каталоги, как обычно, на «карточках». И только-только пробивается компьютеризация. Многие хранящиеся в библиотеках книги из-за отсутствия действительно современного технического оснащения лежат мертвым грузом, «не работают» для культуры и науки, не обогащают наши знания и часто гибнут из-за плохих условий. В то же время информационные банки данных из Западе отгорожены от нас «электронным занавесом». И получается довольно мрачная картина. Стремясь к системе мировой культуры, мы не имеем возможности пользоваться ее новинками и результатами и из-за своей технической беспомощности обречены на отставание.

Духовную жизнь постоянно лихорадят «информационный голод» и «двойная информация». Объем информации

удваивается каждые 20 месяцев против 60 лет в прошлом веке.

Долгое время существовала и до сих пор существует строго дозированная, выборочная информация, создающая фиктивную картину реальности, лишаящая возможности научно обоснованно руководить культурными процессами. Совершенно отсутствует какая-либо информационная культура. Засекречивание информации всегда выгодно тоталитаризму, убежденному в ничтожестве личности и в соответствии со своей государственной «моралью» (аморальностью), стремящемуся к изъятию из свободного обращения научных, технических, гуманитарных идей и предложений. Без единого информационного пространства страны, без широкой и всеобъемлющей информации о процессах, происходящих в духовной и идеологической жизни, нельзя поднять научный уровень исследований по проблемам культуры и ждать дельных рекомендаций.

Резюмируя сказанное, следует в орбиту исследовательского внимания включать такие проблемы, как пассивности в духовной сфере, издержки в сфере межличностного общения и восприятия культурных ценностей, вопросы качественного ухудшения функционирования различных социокультурных институтов. Возникла, например, проблема невзыскательности многих работников, ориентирующихся на примитивные вкусы и не брезгующих откровенной халтурой. Требуют серьезного обсуждения и причины недостаточной эффективности организаций культуры, о чем свидетельствуют полупустые залы во многих театрах и концертных залах, низкий уровень посещаемости библиотек и музеев.

Надо учиться более внимательно и вдумчиво относиться к культурным реалиям и строить культурную политику, способную умело предвидеть и прогнозировать. Ведь как опасен компас культуры, если он искажает путь к будущему! В этом свете культуру следует рассматривать как движение человека к чему-то должествующему, необходимому для человека, как обязательное обоснование стремления к духовной красоте и гармонии.

Культура — это мозг страны, ее судьба и надежда, это собственность не только современников. Она всегда нацелена на будущее. Величайший художник и философ Н. Рерих писал, что дума о Культуре есть врата в будущее. Нельзя жить только сиюминутными интересами, забывая о грядущем.

Любая наука всегда выдвигает гипотезу, ибо без нее нет научного прогноза и развития. Не является исключением и культурология, направленная на исследование и изучение культурного прогресса. Она не сумеет двигаться в своем становлении вперед как наука без предположения и предвосхищения возможного будущего духовно-нравственного образа общества и человека, без предвидения закономерностей культурной динамики.

Будущее за той культурой, которая сможет предложить новую концепцию духовной жизни XXI века. Взгляд в будущее — это свидетельство жизненности культуры народа, его морали и философии. Сама идея культурного прогресса как движения к будущему духовному мироустройству коренится в глубинных менталитетах общечеловеческой культуры.

Социальный и цивилизационный прогресс имманентно выводит — рано или поздно — культуру на более высокую ступень развития. Мы верим, что ее «золотой век» не в прошлом, а в будущем, и все лучшее впереди. Вспомним, что Н. М. Карамзин говорил: «...Род человеческий возвышается, и хотя медленно, хотя неровными шагами, но всегда приближается к духовному совершенству»¹.

Но для того, чтобы достигнуть цели, культура должна направлять свою мысль дальше цели. Важна ориентированность общества на ценности, лежащие вне нашей узкой культурной орбиты. Надо думать о том, как будет развиваться культура, как преодолевается ее отставание, какая духовная пища будет предложена новым поколениям. Начинается это будущее уже сегодня с убежденности в завтрашнем дне, с создания ценностей, выразивших те мысли и настроения, с которыми люди должны жить насыщенной творческой жизнью. Критически воспринятое настоящее — часть будущего. Любое развитие будущей культуры, так же как и ее торможение, закладывается в условиях современности.

Культура нуждается в надежной и удобной стартовой площадке, во взлетном поле. Но, как известно, стартовать нельзя с шаткой и зыбкой почвы. Вот почему цели и программы государственных планов необходимо ориентировать на вложения в культуру. Эти приоритетные вложения принесут обогащение социального генофонда нации.

Для будущего культуры самые трагичные опаснос-

¹ Карамзин Н. М. Записки старого московского жителя. М., 1988. С. 6.

ти — разрыв традиций, духовный вакуум, пресечение живых нитей, связующих духовные ценности. Без будущего возможно моделировать, в первую очередь, опираясь на творческий анализ культурных реалий, на научные горизонты предвидения.

Культура должна быть способной отразить будущий духовный облик общества глобального гуманизма, с тем чтобы быть культурой народа образованного и интеллигентного.

*II. ЧТО ТАИТ ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА?
ЧЕЛОВЕК И ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ
ЦЕННОСТИ*

- Хомо-эгес — человек действия и творец культуры
- Нравственное здоровье личности: мечта и реальность
- Культура человеческого общения — новый «философский камень»
- Человек и культура труда
- Секрет гармонии личности
- Тернистый путь открытия и постижения культуры

Перед тревожениями века современный человек, познавая себя, чувствует острую необходимость обратиться к судьбам общечеловеческим, размышляет не только о своей стране, своей нации, но и о жизни человечества в целом. Это привело его к стремлению более глубоко познать культуру. Почему именно культуру? Потому что она — эсперанто человечества, вооружает умением постигать причины и тенденции общественных преобразований и помогает целенаправленно и эффективно в них участвовать. Она возвышает человека до общечеловеческой миссии, делает его готовым к восприятию добра, высвобождает его духовную энергию.

Хомо-эгес — мый спутник прогресса человечества, человек действия цивилизованности. Именно поэтому в и творец передовых странах столь высок ее уровень, поэтому необходимым условием культуры приобщения к цивилизации является подъем культуры, а страны, не придающие ей должного значения, обречены оставаться на обочине столбовой дороги человечества.

Не менее значима культура и на микроуровне — культура личности. Она выполняет здесь интегративную функцию, делая личность членом общества, но в то же время благодаря культуре личность включается в общественную жизнь как яркая индивидуальность, желающая и способная вести с обществом равноправный диалог, а не бездумно исполнять общественные предписания. Здесь культура выполняет дифференцирующую функцию.

Еще одна важнейшая функция культуры по отношению к личности — смысложизненная. В любой сфере жизнедеятельности перед человеком возникают вопросы: что надо делать и какого результата мы хотим достичь. С помощью культуры человек обретает самого себя, строит стратегическую иерархию ценностей, на ее основе совершает ранее ему

неведомое, новое порождение мира. А одновременно идет и его собственное восхождение по ступеням духовного и социального совершенствования, раскрепощения. Сложнейший процесс организации своей жизни немыслим без солидной и всесторонней культурной базы.

Рассматривая, как оценивается влияние культуры на человека и общество, мы нередко сталкиваемся с довольно искаженными оценками такого влияния, связанными с субъективностью и пристрастиями, нормативными мнениями официозного порядка, схоластическими принципами подходов к культуре.

В 1970 г. на первой всемирной конференции министров культуры, организованной ЮНЕСКО в Венеции, представляющий Великобританию лорд Икклз — министр без портфеля в министерстве финансов, ответственный за дела искусства, утверждал в своем официальном выступлении, что англичане не знают, что такое «культура». Им известно, что такое «образование» или «изящные искусства», понятие же «культура» — сфера спекуляций теоретиков и философов. Английский министр отказался воспринять культуру как барометр общественной атмосферы. Мы далеки от мысли приписывать подобные парадоксальные высказывания всей английской нации, но сам факт официального обнаружения такого мнения знаменателен и тревожен.

Между тем именно культура чутко улавливает мельчайшие колебания, происходящие в общественных структурах, не говоря уже о глубинных и масштабных по своему содержанию переменах, совершающихся в обществе. Раскрывая и осмысливая происходящие события, она оживляет и настраивает внутренние пружины, приводящие в движение общественную и личную жизнь. Порою кажется, что она, словно драматическая песня, стремится рассказать людям о них самих, о том, что они неплохо были задуманы природой, намного лучше, чем оказались в практическом исполнении...

Чудодейственная тайна культуры уходит в тайну личности. Мы берем на себя смелость утверждать: нет личности, индивидуальности без культуры. Но без личности, без индивидуальности нет духовного движения, прогресса, не может быть общества, немыслима сама жизнь человечества. Что же в итоге? Вывод капитального значения: без культуры нет жизни.

Попробуем доказать первые два наши утверждения, ибо третье вытекает из них с неумолимостью логического закона.

Мы утверждаем: без культуры нет индивидуальности. Человек отличается от животного разумом. Разум, облагораживая инстинкты, превращает их в чисто человеческие чувства, которые, в свою очередь, также отличают человека от животного. Используя подобный ракурс (ибо могут быть и другие аспекты рассмотрения человека), мы можем сказать, что духовная жизнь человека исчерпывается этими двумя составляющими — чувством и разумом. И если разум отличает человека от животного, то чувство отличает его от другого человека. Ибо рациональные вещи можно передать сколь угодно большому количеству людей в языке, письме, предметах материальной культуры, а чувства каждого уникальны и непередаваемы, воспринимаются только по аналогии с накопленным индивидуальным опытом.

Какое же это имеет отношение к культуре? Самое непосредственное, ибо она — неременное условие формирования и движения-развития разума человека и она же — скульптор и двигатель человеческого чувства.

Она — условие развития разума, т.к. только человек, владеющий культурой, способен осмыслить свои действия, поведение, критически оценить их, построить иерархию целей и средств их достижения и сознательно воплощать их в жизнь. Только человек культурный способен к рефлексии и способен пропорционально уровню своей культуры. Каждый из нас знает состояние, когда разум как бы спит, когда окружающее воспринимается как бы походя, машинально, безразлично. И сколько корим мы себя за эти состояния, как порой сожалеем о потерянных не днях даже, а годах, проведенных в подобной недостойной человека спячке! Так вот, ничем не заменимая функция культуры — будить нас, будить наш разум, чтобы он вел нас по жизни в ногу с ней, а то и чуть быстрее. И не случайно, что в культуре есть такая сфера, как наука, которая основывается на разуме и движется им.

А наши чувства? О них можно сказать примерно то же, что и о разуме. Это они делают нас индивидуальностями и тем самым создают те поля напряжения, те противоречия как в нас, так и между нами, которые только и могут преодолеть инерцию и двигать нас вперед и вперед. И это они, увы, слишком часто, дремлют в нас, и тогда мы превращаемся в пушинку, летающую по воле вольных ветров жизни без цели и без пользы. И насколько богаче, значимее становится наша жизнь, когда культура очищает наши чувства, проверяет их под микроскопом рефлексии, облагораживает их, делает тоньше и многообразнее. И опять же не случайно, что в

культуре есть такая ее сфера, как искусство, которая питается чувствами и возбуждает их в нас, прививает культуру чувств.

Наконец, наше последнее утверждение о том, что без индивидуальности нет прогресса и нет жизни, вытекает из сказанного и доказывается тем, что жизнь невозможна без движения, движение без противоречий, а противоречия — без различий между людьми, без индивидуальностей. Трудно даже представить себе существование, где все мыслят одинаково, чувствуют одно и то же, похожи друг на друга как органические штифтики. Нечто подобное не раз пытались реализовать и в теории, и на практике. Чем это кончалось — все мы знаем из опытов Оуэна и фурьеристов, маоистов и полпотовцев и, к огромному нашему несчастью, из опыта нашей многострадальной родины...

«Авторское право» на культуру целиком принадлежит человеку. Удовлетворяет ли его современная культура? Под влиянием социального динамизма и научно-технического прогресса она начала серьезно меняться. Влияние это стало порой и весьма разрушительным. «Затмение культуры» — вот знак нашего времени, заявляет Питирим Сорокин. Классическая культура в своем прежнем виде перестала передаваться от поколения к поколению. На смену широко образованному и высоконравственному человеку пришел хотя и больше знающий, но узкий специалист, прагматик, новоиспеченный интеллигент.

В свою очередь, увеличившееся свободное время не стало «пространством для развития личности», а открыло шлагбаум массовой развлекательной культуре, формирующей в человеке чувства агрессивности, скептицизма и цинизма, погружающей его душу в сонное состояние. В отличие от классической культуры, она лишает человека нравственной ответственности и навыка аналитически размышлять.

Современной культуре угрожают фантомы формализма и рационалистичности. Общая рационализация жизни ведет к тому, что культура обращается к людям с сухими дидактическими требованиями: что человек обязан делать, как вести себя и поступать, о чем и как думать, за что бороться... Сложные ситуации выбора, проблемы его внутренней жизни, которые ставятся для того, чтобы человек сам решал их, как-то незаметно отходят на второй план. Евгений Замятин в романе «Мы» напоминал: «Человек — как роман: до самой последней страницы не знаешь, чем кончится. Иначе не стоило бы и читать».

Современный мир, начиненный насилием и бедствиями, неизбежно вносит в жизнь человека страдание. Между тем советское искусство обходило стороной трагизм человеческой жизни. Иначе на автора навешивался ярлык «пессимиста». Художнику не разрешалось и заикаться о драматизме человека, его страданиях и разочарованиях, даже о его смерти. Искусство «учило» и на смерть смотреть... оптимистически, или попросту ее не замечать. «Оптимистическая трагедия» вошла в классику советской литературы.

А сами художники? Настоящие не могли пойти против правды жизни и страдали за это. Основная масса... Как, однако, странно употреблять это слово по отношению к ярким индивидуальностям! Но... были ли они таковыми? Если у кого-то из этой массы и был талант, то, отданный на потребу идеологии, он хирел, мельчал или приобретал черты «от дьявола». Но в основном это были люди, рекрутированные в искусство Системой. Не специально, но объективно, по законам этой системы была совершена диверсия против искусства. И, разумеется, в этих условиях совершенно неприемлемой, крамольной была идея, что высшей инстанцией, концентрирующей и выражающей вершину социокультурного развития, является человек.

Софокл в своей «Антигоне» провозглашал:

«В мире много сил великих,
Но сильнее человека
нет в природе ничего».

Только человек во всей сложности и многогранности — в центре культуры, решающей его жизненные проблемы. Он рождается Фаустом, чтобы все познать и пережить, испытать и выразить, он всесилен и хрупок одновременно, не защищен от исторических катаклизмов.

В социальном бытии личность занимает центральное место. И в культуре ее роль решающая. Самые сложные коллизии нашего времени, острейшие конфликты эпохи неизбежно решаются сквозь призму индивидуальной судьбы, на плацдарме человеческой души. История человечества не становится от этого мельче и камернее, ибо в центре большой истории — всегда человек. Говоря словами Ж. П. Сартра, «нет никакого другого мира помимо человеческого мира, мира человеческой субъективности»¹.

«Все прогрессы реакционны, если рушится человек». Это не только гипербола поэта, а позиция, совпадающая с науч-

¹ Сартр Ж. П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М., 1990. С. 434.

ной. Назначение культуры — раскрыть и развить сущность силы человека. Высокая культура общества является залогом культуры каждого, так же как и культура каждого — основа всеобщей культуры. По своей природе культура связана с гармонией, и именно человеку, осознанно или неосознанно, всегда было присуще стремление к гармонии как образцу жизни, к гармонической деятельности и творчеству.

Но человек еще слабо знает себя, долг его путь к самому себе. И что особенно горестно, он все меньше над этим задумывается. Трудно проникнуть в тайну человека. Быть может, так же трудно, как и в непостижимую тайну Бога. Истинное его богатство заложено в его духовном мире. С иронией звучит латинское изречение: «*Beati passidentes*», т.е. «счастливы обладающие». Обывателям — а имя им сегодня легион — кажется, что человек богат только наличием больших денег, дачи, автомобиля, словом, обилием вещей. Здесь скрыта глубочайшая и трагическая ошибка. Велика опасность потери культуры как ценности для поколения, живущего только материальными интересами, ищущего в жизни только выгоду и теряющего из-за этого смысл жизни. По-настоящему человек богат только своими знаниями, духовными ценностями, имеющейся у него культурой. Бытовая конкретная, житейская повседневность, упорядоченная жизнь, естественно, важны для человека. Но если все наши желания будут этим ограничиваться, не быть нам великой нацией, не иметь великой культуры, «живущей для идей». Если нет опоры в культуре, нет опоры и в себе самом. Поэтому, насколько тесно связан человек с культурой, можно судить о богатстве его души и интеллекта, его способности рождать новые идеи и отстаивать истину. С помощью культуры человек обретает внутреннюю свободу мысли, действия, совести. Именно с ее помощью формируется уникальный, неповторимый строй личности. Современный человек, осознавая значение культуры, в то же время не прилагает усилий для ее сохранения и развития.

Кто знает истину, кто владеет всеми сокровищами мира — тому, вероятно, культура не нужна. Но, как известно, таких людей нет. Она нужна всем людям. Но главное, она нужна тому, кто хочет постичь и преобразовать мир, понять и созидать окружающую реальность, стать личностью и индивидуальностью. Для того чтобы найти свое место в жизни, надо научиться слушать и себя, и жизнь. Культура для человека — сфера формирования духа, основа мышления и получения объективных истин о жизни людей и природы.

Она активно участвует в решении основного вопроса бытия: для чего жить.

Ценность — неперенный компонент человеческой культуры. Основная ценность культуры связана с ее гуманистическим назначением, развитием и обогащением личности. Идея личности имеет общечеловеческое значение. Справедлива мысль Н. И. Конрада: «... для определения подлинно прогрессивного есть критерий, выработанный самой историей. Критерий этот — гуманизм в двояком аспекте: как обозначение специфических свойств человеческой природы и как оценка этих свойств в смысле высшего, разумного и, вместе с тем, этического начала человеческого поведения и всей общественной жизни»¹.

Общечеловеческое как культурная ценность, по нашему мнению, выступает как высшая ценность общественных отношений людей в духовно-нравственной сфере. Она предполагает высокую гуманистическую развитость человеческого общества, тот уровень отношений, который соединяет людей как жителей одной планеты.

Согласимся с утвердившимся в современной философской литературе мнением, что ценности выражают цели и средства культуротворческой деятельности человека и в соответствии с определенными ценностями осуществляется процесс преобразования человеком самого себя и окружающего мира. Ценности воплощают единство объективного и субъективного и, обусловленные социально-политическими и экономическими факторами, выражают отношение субъекта к различным явлениям и процессам общественной жизни.

В последнее время особый акцент в общественном сознании на общечеловеческие ценности привел к тому, что многие исследователи, впадая в крайность, вообще вычеркивают социально-групповые критерии. Между тем приоритет общечеловеческих ценностей ни в коей мере не отрицает существования социальных различий и возникновения социальных коллизий. Следует учитывать сложную диалектику сочетания в различных конкретных исторических условиях общечеловеческого и социально-группового, социальной дифференциации общества. Общечеловеческое — сложный феномен, многоаспектный и полисемантический. Общечеловеческое рассматривает человеческую общность через природу человека, через процесс его социально-исторического развития. Оно выступает как значи-

¹ Конрад Н. И. Запад и Восток. Статьи. М., 1972. С. 482.

мое и для каждого человека, и для всего общества; как непреходящая ценность для многих поколений и для ныне живущих на нашей планете людей; во взаимодействии реального и идеального. Общечеловеческое проявляется в общезначимости культуры и нравственности, в способности объединить человечество на основе гуманистических идеалов.

Но не следует общечеловеческое, личностное и социально-особенное метафизически разрывать и противопоставлять друг другу, как нельзя их отождествлять или представлять в нерасторжимом единстве. Общечеловеческое шире социально особенного, ибо предполагает во взаимодействии с ним и неклассовые формы: национальные, этнические, религиозные, групповые. В то же время оно не «перекрывает» полностью классового, жизнь различных социальных слоев и групп, в которых всегда наличествуют и общечеловеческое, и узкоклассовое, противостоящее общечеловеческому.

В действительности «культура класса» не существует, так же как господствующая культура не может быть культурой эксплуататоров. Классовость не является изначальным атрибутивным качеством культуры, ибо, как мы уже подчеркивали, культура есть явление общечеловеческое, а классовая культура — лишь его форма. А есть деятели культуры, занимающие то или иное социальное положение, имеющие определенное социальное видение, способные подняться над своими социальными интересами и через свое неповторимое личностное, индивидуальное успешно преодолеть узкоэгоистические классовые интересы и решать общечеловеческие проблемы культуры, основное предназначение которой — способствовать развитию и возвышению человеческой личности. Другими словами, личность прямую выходит на общечеловеческий уровень, тогда как классовое посредование, неизбежное на определенном этапе развития общества, лишь затрудняет, а порой и разрушает эту прямую связь.

В этом свете глубочайший смысл культурного движения заключается в том, что общество концентрированно насыщается универсальными духовными ценностями, имеющими общечеловеческий характер. Судьба и дальнейшее развитие культуры зависят от их распространения. Здесь особую сложность представляет не только готовность, но и способность людей воспринимать и утверждать общечеловеческие культурные ценности. Недаром кто-то из исследователей творчества Анны Ахматовой точно заметил: ее стихи

отправлены не нам, мы получили их лишь за отсутствием настоящего адресата.

Когда люди постоянно стремятся приобщаться к духовным ценностям, процесс этот придает человеческой жизни осознанный и творческий характер, возбуждает его внутренние регуляторы и стимуляторы. Но «лавры одного лишь хотения суть сухие листья, которые никогда не зеленеют», — говорил Гегель. От человека требуются и умение это делать, и само действие. Быть ли ему в «передовой фаланге» — во многом зависит от его силы и энергии, его способности действовать. В любом человеке заложена от Бога определенная программа самореализации; выполнить ее — не только право человека, но и его долг. Но выполнить ее можно лишь оптимистически веря в свои силы, сохраняя индивидуальность. Н. К. Рерих обращался с призывом: каждому человеку принести свой камень на строительство храма Культуры. Естественно, что любой оптимизм относителен и ограничен, но в нем всегда живет вера в способности человека уцелеть вопреки бушующим силам зла и реакции, не только спастись и выжить физически, но и сохранить свою живую душу.

Современный человек, в какой бы области труда он ни участвовал, нуждается в гуманитарных знаниях, ставящих на первое место феноменальное многообразие мира человека, укрепляющих его идейные позиции, нравственные принципы, ориентирующих в социальных и духовных реалиях нынешнего мира, помогающих преодолеть возникающие противоречивые коллизии. Эти знания поднимают чувство ответственности за жизнь и судьбы человечества, очерчивают его возможности для самоутверждения или самоуничтожения в тревожном мире. Путь гуманистических ценностей пролегает ныне от отдельного человека ко всему пятимиллиардному человечеству.

В период, который переживает наша страна, влияние ценностных ориентаций на человека значительно усиливается; и дело не просто в насыщении его интеллектуального мира, а в объективной необходимости активизации его социальной деятельности, его позиции, формировании воли, социальной мудрости и высокой душевной щедрости. Ибо он живет в период апокалиптической отечественной реальности. При этом имеется в виду не идеализированная, этакая дистиллированная личность, некое «небесное существо с крылышками», а живой, реальный человек в тяжелейших жизненных обстоятельствах, в его конкретно-исторических связях и взаимодействиях. Человек

ведь не таблица умножения, никогда не допускающая ошибок.

Главное измерение всех результатов, побед и поражений общества — ценность в нем человека. Приоритет личности и ее земного счастья начинается с личной свободы человека в свободном обществе, преодоления скрытой до последнего времени серьезнейшей социальной проблемы — конфликта между личностью и государством. По своей природе, по своему сознанию и мыслям каждый человек уникален. Культура особо выделяет, выражает и учитывает неповторимость и самоценность человека. Она поощряет в нем эти оригинальность, неординарность, отдельность. Может быть потому многие властители тайно недолюбливают ее, инстинктивно чувствуют, что там, где человек богат культурно, труднее «власть употребить», и стремятся воспитать народ в фанатической нетерпимости к интеллектуальной личности.

Можно сколько угодно говорить об активизации личности, декларировать ее решающую роль, — это не даст результата, если на практике умалять проблемы культурно-нравственного воспитания народа, спокойно наблюдать тревожную тенденцию резкого снижения гуманитарного образования в средней и высшей школе, отдавать дань технократическому мышлению. В средней школе литературу преподают на треть часов меньше, чем в 1940 году и в несколько раз меньше, чем в некоторых зарубежных странах. Приоритет технократизма, спад гуманитарного образования, консерватизм мышления вызвали интеллектуальную дистрофию, сказались на воспитании молодого поколения. Между тем во всем мире значительно возрастает интерес к гуманитарным дисциплинам, поднимается авторитет культуры, нравственности и психологии. Самый высокий процент, отводимый в технических вузах на гуманитарные предметы, отличает высшую школу США — 25%; у нас же — всего 10%. Среди полутора миллионов научных работников в нашей стране насчитывается лишь 4600 психологов, в то время как в США их — 150 тысяч, а квалифицированных социологов и социальных психологов у нас можно пересчитать по пальцам.

И если мы не хотим духовной катастрофы, гуманитарное знание необходимо осознать той важнейшей сферой, развитие которой необходимо для преодоления опасного разрыва между человеческой мощью и мудростью, колоссальными техническими возможностями и убогой нравственностью, между объективным знанием и предрассудками. Десятилетие, открывающее путь в новый век, должно быть использо-

вано для выработки принципиально нового отношения к духовной составляющей человека, осознания той роли, которую играет культура в жизни человеческого сообщества и каждого отдельного человека.

Гуманитарное образование — это не просто удовлетворение эстетических потребностей человека и приобщение его к знаниям, созданным человечеством. Дело значительно глубже. Гуманитарное образование формирует общую культуру человека, его эмоции и воображение, ставит своей целью не просто передачу информации, а развитие личности, ее нравственное самосовершенствование. Наша серьезная беда состояла в том, что мы, в угоду технократическим увлечениям, отодвинули на задний план гуманитарную подготовку, лишили среднюю и высшую школу учебных курсов по истории, литературе, теории и истории культуры, этике и эстетике. Но гуманитарные знания неизбежно займут ведущее место в науке и образовании. Ибо человек — высшая ценность не только культуры, но и всей жизни. Наступит время, когда разнообразные доктрины социальных систем отступят в сторону и будут заменены доктриной человека. Но пока современный мир, сотрясаемый социальными катаклизмами, все более превращает человека в атом «массового производства», в пассивную частицу потребительского общества.

Генриху Гейне принадлежат символические слова: «Каждый человек — есть вселенная, которая с ним родилась и с ним умирает». В мире культуры он выступает как духовная вселенная, целостно воплощающая в себе согласие и противоречия своего времени, безграничные возможности самосозидания и самосовершенствования (спасение в самом себе!), как самогенератор творческих сил, являясь движущей пружиной культуры.

Чернышевский говорил, что каждый рождается гениальным. На первый взгляд, мысль кажется утопичной, но научные исследования свидетельствуют, что в человеке заложены такие удивительные интеллектуальные резервы, такая духовная сила, которые дают право говорить о его беспредельных возможностях для творчества и совершенствования. Догадываемся ли мы, что принесет наука в будущем, открывая все новые и удивительные свойства человеческого организма? Уже сейчас известны фантастические возможности человеческого мозга. Чтобы стать гением, нужно лишь 10% того, чем нас одарила природа. Сеть нейронов в голове одного человека в 1400 раз сложнее телефонной сети всего земного шара. Но многие миллиарды ней-

ронов мозга пребывают в застывшем состоянии. По расчетам крупнейшего современного математика и кибернетика фон Неймана получается, что в принципе человеческий мозг способен вместить грандиозный объем информации. Например, всю информацию, содержащуюся в миллионах томов крупнейших в мире библиотек. Альберт Эйнштейн считал, что человечество знает приблизительно менее одного процента из общих знаний. С другой стороны, мощные лавины информации, обрушивающиеся на человека, привели к тому, что встал принципиальный вопрос о ее необходимых и достаточных качествах и количестве, о «выжимке» конкретной информации.

«Личность столь же сложна, — пишет Д. Карнеги, — как и эйнштейновская теория относительности, и ее понимают почти столь же мало»¹. Человеческий череп — самая неприступная крепость. Человек не понимает и не осознает, как много в нем заложено, не использует и сотой доли имеющихся у него умственных ресурсов.

Казалось, что в современном технологическом обществе все его таланты и дарования раскроются с наибольшей полнотой. Но в жизни нашего общества этого не получилось. Коллективное «мы» поглотило индивидуальное «я», навязало ему общие, массовые мысли и интересы. Мифический идеал равенства лишил личной защищенности и личной ответственности всех и вся. Это мешало человеку полностью раскрыться и реализовать себя, построить свою глубинную личностную структуру. Общество ему в этом не помогало. Особенный вред приносил культивируемый догматический взгляд на коллектив, «при всех случаях и всегда неизменно правый», когда окончательное слово всегда за большинством. При этом сознательно или бессознательно забывалось, что коллектив часто следует по уже известному, проторенному, шаблонному пути, живет в тенетах стандарта, что его мнение неизбежно усредненно, в то время как глубокая и неординарная личность стремится к поиску нового, необычного, дерзновенного, обладает значительным запасом оригинального. С большим трудом в наше общественное сознание входят понимание истинной цены человеческой личности, ее индивидуального, неповторимого голоса, идея ответственности одного человека за весь мир.

В то же время следует учитывать и то, что человек родившийся, получивший воспитание, столько лет проживший в определенной системе, несет ее в себе как часть себя. Это

¹ Карнеги Д. Как завоевать друзей... М., 1989. С. 384.

означает, что не только система «подстраивает» его под себя, но и он сам «подстраивается» по систему. Поэтому мало бороться за свободу с системой; нельзя почивать на лаврах, ждать, когда переменившаяся система предоставит личности эту свободу. Главный враг остается; он — в нас самих. «Вытравить из себя раба» — вот задача задач, вот главное условие состоявшейся личности. Поэтому будущее и человека, и общества зависит от способности их к самоанализу и самооценке.

Прежде всего, надо не просто декларировать, не просто осознавать, но прочувствовать всем существом, что главным действующим лицом истории всегда является человек. Отсюда требуется пересмотр отношения к обществу, культурной среде, другим людям, субъективной роли человека с точки зрения приоритета личности. Отсюда — и особое внимание к окружающим и самому себе, преодоление препятствий внутри себя, повышение активности и сознательности. Такая работа над собой состоит из трех стадий: знать, желать и действовать на основе знаний и желания. Чтобы стать культуросозидающей, эта работа должна приобрести характер самостоятельности, всестороннего самовыражения. «Человек не станет господином природы, пока не стал господином самого себя»¹, — писал Гегель. В таком самоовладении — начало тернистого пути «самостроительства» человека. И то, и другое немыслимо без культуры. Многие наши беды коренятся отнюдь не только в пороках социальной системы, отравленной и душной среде нашего обитания. Они в нас самих, в нашей системе ценностей. Великое переустройство мира начинается с самого себя, и ответы на вечные вопросы следует искать внутри себя. Как важно научиться быть художником своей собственной жизни! Но чтобы создать ее полноценную картину, человеку не следует уходить от себя очень далеко, позволять полностью захватить себя работе, общественной деятельности, хобби, другому человеку. Это чревато односторонностью, потерей себя, обеднением своей жизни.

Личность сейчас переживает две революции: революцию в обществе и свою личную. *Для своего возрождения ей необходима своя, личностная, индивидуальная, внутренняя духовная революция: обычно эта внутренняя революция совершается по личной воле, в сложных социальных условиях, под жесточайшим гнетом формационных канонов. Но являясь особым типом революции — личностной, духовной,*

¹ Гегель. Работы разных лет. Т. I. С. 383.

она наиболее эффективно способствует пробуждению человеческого духа, его совести и интеллекта. И именно через нее и процесс совершенствования человека происходят его подъем, его прогресс. Человеческая жизнь — это не шаблонное клише. Жизнь одноразова и коротка, мало времени отведено человеку для самореализации. Ведь второй жизни не бывает, исправлять прожитое почти невозможно. Сенска говорил: «Пока мы откладываем жизнь, она проходит». Движение человека в своем внутреннем развитии — это дар, несущий много неожиданных открытий, во многом зависящий от действий самого человека, его активности, его силы не сдаваться, не пасовать перед трудностями. Для этого ему необходим внутренний собеседник, вслушивание в себя. В артистической среде рассказывали, что знаменитый В. И. Качалов на вопрос, как ему удастся всегда быть таким жизнерадостным, обаятельным, интеллигентным человеком, с улыбкой отвечал, что он каждый вечер ложкой вычерпывает из себя всякую гадость. Под «гадостью» он имел в виду всякого рода унижительные «античувства», которые воспринимались им в себе, в своей душе как оскорбление своего человеческого достоинства.

Внутренние резервы спасают человека от иллюзорных представлений, от фетишизации социальных мифов, от шокового состояния в трудных общественных ситуациях. Они спасают духовность человека, помогают ему преодолеть окружающие нравственные боли и беды. Особенно необходима такая внутренняя активность в «тихие, спокойные» периоды, в условиях мирного времени, когда у многих возникает упрощенное представление о жизни, когда нет «тренинга преодоления».

Потеря чувства сложности жизни, забвение ее драматических сторон, излишнее самодовольство лишают человека стимула самопознания и творческого жизнеутверждения. Прав был академик П. Капица, когда говорил, что масштаб личности определяется глубиной ее противоречий. Добавим, что именно через преодоление этих внутренних противоречий и коллизий человек возвышается и прогрессирует.

Культура приучает человека к постоянному внутреннему спору, ибо он не только способен себя создавать, но и может себя разрушать. Но она же учит его умению наслаждаться достижениями как своими, так и окружающих, способности преодолеть инерцию наслаждения, в высшем триумфе найти стимулы дальнейшего развития. Познание мира нельзя отделить от самопознания.

Справедлива мысль о необходимости личной причастно-

сти каждого к жизни общества. Духовная сопричастность с человеческим сообществом есть «идентификация личности». Для того, чтобы вносить свой вклад в культуру, человек накапливает в себе собственный, личностный «фонд культуры», усваивает духовные ценности, созданные до него. Это обеспечивается как самим человеком, так и социальной системой воспитания.

Человека можно либо воспитать, либо дрессировать, — говорил И. Кант. Освоение культуры связано не только с качеством социокультурных институтов, хотя их роль и велика. Наличие этих институтов ни в коей мере не снимает с человека собственной ответственности за свое социальное поведение. Социализация не исключает, а предполагает самовоспитание личности, самостоятельный поиск собственного пути в жизни, обществе, культуре. Человека нельзя водить на помочах, приучать двигаться к культуре как слепцу с поводьями. Чем меньше таких «пастырей», тем человеку легче дышится и живется.

Два века назад И. Кант говорил, что осознание времени лежит в основе всей познавательной деятельности человека. Чувствовать время означает быть причастным к нему, органично связанным с ним и активно в нем действовать. Как важно умение чувствовать нерв эпохи, слышать музыку времени! Героем своего времени может стать лишь тот, кто слышит его.

Кем бы ни был человек, но его святая обязанность задуматься не только о своей личной жизни, но и о судьбах всего сущего, проникнуться ответственностью за судьбы мира. Выдающийся русский психолог С. Л. Рубинштейн отмечал: «Правильное отношение к бытию, к Вселенной — это то, что формирует человека большого плана, образует возвышенное, героическое начало в жизни человека. Такое отношение противостоит ограниченности человека, способного заниматься только своими «домашними» делами». Связь индивидуальных судеб с судьбами мироздания, говорил Н. Бердяев, позволяет преодолеть трагизм бессмысленного существования, угнетающий современного человека. Преодолеть социальное самоуспокоение можно, только соединяя масштабные общечеловеческие проблемы и личные так, чтобы они отвечали интересам и человека, и общества.

Большая драматическая опасность для человека наступает тогда, когда из активного, деятельного участника жизни он превращается в равнодушного и пассивного исполнителя, наблюдателя, созерцающего жизнь, скажем, с помощью телевидения. В этих случаях легко находится са-

мооправдание. Но преодолеть эту опасность способен только сам человек. Он должен найти путь к самому себе, овладеть культурой действия. Homo sapiens в чистом виде ушел в прошлое. На авансцену выходит хомо-эгес — человек действия, т.е. человек мыслящий и действующий. В философии деятельность и активность человека рассматриваются как залог реализации творческих возможностей свободной личности. И даже в самое смутное, тяжелое время человек должен найти в себе силы жить деятельно и осмысленно. В этом проявляется его *культура жизнедеятельности*. В этом же важнейшее и непереносимое условие культурного прогресса: наличие у людей веры в себя, в свои силы, веры в свой критический разум.

Социально бедны люди, которые, словно магнитофоны, имеют только хорошую память. Лишаясь социальной независимости, человек отходит от активных действий. В нем возникает «внутренний цензор», своеобразный идейный ограничитель, диктующий поведение. Слепое, некритическое поклонение инструкции, назойливая опека приучают к покорности, оглядке на начальственные указания и директивы. Как писал В. Маяковский: «Что заглядывать далече? Циркуляр — сиди и жди. Нам, мол, с вами думать неча, если думают вожди». Все это порождает определенный культурный стереотип личности, утверждает безразличие к общественным делам, лицемерие, чинопочитание, равнодушие. Усиливаются социальное иждивенчество, эгоцентризм, утрачивается способность к изменению себя и своего окружения. Так формируется тип социального иждивенца, а по сути человека несостоявшегося.

Такой тип начинает относиться к культуре эгоистически, требует от нее ответа на все возникающие вопросы, отвыкая сам отвечать на них. Приходится спасать культуру не от внешнего зла, а от зла, таящегося внутри каждого, от тех лени, равнодушия, цинизма, которые в нас живут. Если каждый будет мести перед своей дверью, писал Лев Толстой, то везде будет чисто. Или, как выразилась одна писательница, «всеобщие-то культура того роста, каковы люди, ее осуществляющие».

Когда космонавт Алексей Леонов впервые вышел в космос, он произнес фразу: «Вот, я пробую...». Казалось бы, обычная фраза, произнесенная человеком, делающим свое дело, но в действительности эти слова являются основным принципом человеческой деятельности, требованием к человеку — пробовать, дерзать, искать пути к истине. С большой художественной силой выразил это Б. Пастернак: «Все

время схватывая нить судеб, событий, жить, думать, чувствовать, любить, свершать события»¹.

Социальный долг человека проявляется в его способности к постоянному культурному самосовершенствованию, к сознательному самоопределению внутренней душевной инертности, к волевому самопринуждению. Если движение за совершенствование начинается внутри самого человека и его усилиями, это уже значительное нечто! Как писал А. С. Пушкин:

«Самостоянье человека —
залог величия его».

Как удачно сегодня это слово — «самостоянье», рожденное великим поэтом! Сенека считал, что существуют три пути самосовершенствования: размышление — самый благородный, опыт — самый трудный и подражание — наиболее простой и соблазнительный.

И действительно: самое трудное — победа над самим собой. Самосовершенствование человека само по себе очень непросто. Но оно невозможно без познания и самопознания, пристального взглядывания на окружающий мир, без честного и смелого осмысления того, что происходит в своем внутреннем микромире. Здесь можно вспомнить выражение «self-made man» — «человек, который сам себя сделал» — в смысле «делать» не карьеру, а свое целостное человеческое «я». В храме Аполлона в Дельфах выгравировано изречение: «Познай самого себя». Человек создает себя сам. Культура в этом процессе есть форма самопроектирования человека.

В «Русском Ниле» В. Розанов писал: «Вот отчего в зрелые свои 50 лет я скажу, что никакая «система образования», классическая или реальная, никакой лицей или гимназия не дали бы нам большего и, главное, лучшего, чем... саморазвитие...». В наше время, пожалуй, единственным путем спасения страны становится саморазвитие и самовоспитание. Только постепенное внутреннее преображение личности способно преодолеть кризисные явления общества.

Эта идея кажется утопичной и трудноисполнимой, но давайте задумаемся, почему подавляющее большинство начинаний руководства России в экономике, политике, праве столь мало эффективны на практике? Может быть, они научно несостоятельны? Вряд ли. Ведь их разрабатывали целые коллективы специалистов. Некоторые из этих проектов

¹ Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы. М., 1965. С. 446.

с определенными модификациями давно и продуктивно «работают» на Западе. Значит, дело не в объектах, а в субъектах исполнения. Неуважение к закону, стремление к сиюминутной выгоде, групповой эгоизм, «творческий» бюрократизм — все это признаки воинствующего бескультурья, которое не преодолевается в одночасье. Культура же, цивилизованность, без которых невозможен подъем России, достигаются не только и не столько воспитанием, сколько желанием быть воспитанным и активными действиями, направленными на достижение этой цели. И пока этого не поймут наши политики, правоведы, экономисты, пока не обратятся лицом к человеку, выход не может быть и не будет найден.

**Нравственное
здоровье
личности:
мечта
и реальность**

Часто говорят и пишут о главной цели культуры. Но при этом упускается из виду, что цель эта не может быть неизменной на все времена. Учитывая исторические особенности того или иного периода, цель предполагает и новое содержание. Современное политическое, социальное и экономическое развитие указывает культурному движению новую цель — общечеловеческое, нравственное совершенствование. Вызвано это тем, что под угрозой оказались нравственные основы жизни, моральная культура, люди теряют нравственные ориентиры.

Есть и законы, и заветы, к которым люди настойчиво шли тысячелетиями. Человек создавал их на долгом пути, они входили в кровь и плоть общественного сознания; и важнейший из них — человечность. Эти заветы нельзя игнорировать и ломать, нельзя отбрасывать, а следует жить с ними в согласии, памятуя о том, что любая страна значительна не километрами, а высотой морального духа и духовное мужание общества связано с его нравственным совершенствованием. Моральная культура приобретает не только по учебникам гуманитарных знаний. Она кристаллизуется в результате серьезных душевных усилий, драматического и трудного познания противоречивого мира. Выдающийся кинематографист А. Довженко отмечал: двое смотрят вниз, один видит лужу, другой — отраженные в ней звезды. Наши духовно-нравственные ценности должны воспитывать не лицемерие лужи, а ощущение звезд над головой, ибо, как метко заметил Ф. Искандер, частый взгляд на небо способствует выпрямлению спинного хребта.

Современная культура особенно нуждается в нравственном законе. Человечество можно повернуть в любую сторо-

ну, можно к добру, а можно и к злу. Известно, что фашизму удалось повернуть к варварству целую цивилизованную нацию, а тоталитарный режим покорежил Россию.

Россия пережила прискорбный опыт, отрицательную школу растления людей, изувечивания человеческой мысли. Человек становился винтиком социальной системы. Деформация его вызывалась жестокими и порою безвыходными обстоятельствами, в которые он был поставлен, его ощущением тупика и бессмысленности существования. В народе было грубо попрано его нравственное чувство. Как бы трудно и сложно, в голоде и холоде не жили люди, но самыми страшными потерями, обедняющими жизнь, веру в идеалы, были потери моральные, падение нравов. Над людьми разорвалась «нравственная бомба», безнравственность приобрела массовый характер. Последствия этой диверсии против народа остро сказываются и сегодня. Они усугубляются растерянностью властей и правовым беспределом. В воздухе культуры буквально разлит имморализм. Люди привыкают убивать людей. Моральные ценности перестают быть органичной частью внутреннего мира человека. Здесь таится опасность полной эрозии гуманизма. Все более закрадывается в душу тревога за гуманистическую мысль, все более призрачны надежды на неизменный моральный характер народа и обязательность прогресса человеческого разума.

Что оставила жизнь от патетического лозунга: «Человек — это звучит гордо!», когда этот человек был духовно и нравственно изломан и повержен? Из поломанных судеб не составить гуманистического общества. Покалеченное общество покалечило и человека, привело к испарению его души. «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек», — звучало в его устах, когда десятки миллионов людей томились в тюремных застенках и концлагерях, а сотни миллионов — в духовных наручниках. Общество, пропитанное ложью, деградирует. Анна Ахматова однажды сказала: «Шекспировские драмы — все эти эффектные злодейства, страсти, дуэли — мелочь, это детские игры по сравнению с жизнью каждого из нас. О том, что пережили казненные или лагерники, я говорить не смею. Это неназываемо словом. Но и каждая наша благополучная жизнь — шекспировская драма в тысячекратном размере».

Что же произошло, в чем причины и корни искривления нравственных координат? Можно выделить два слоя причин этого явления — объективные причины, связанные с рационализацией и прагматизацией общественной атмосферы, и

специфические для нашей истории с ее уникальным опытом в духе ночных повестей Гофмана. Все это сказалось на силе духа, стержне человеческого свободолюбия. И в ослабленных душах надолго поселился паталогический страх. Человек с перепуганной душой — потерянный человек. Когда-то Эйнштейн говорил, что Моисеевых заповедей не десять, а одиннадцать. Одиннадцатая — «Не бойся!». И как непросто следовать этой заповеди! Живет в человеке рабская, холопская привычка к подчинению, трусости и молчанию, расплзается эдакое сладострастие повинования. У раба всегда два лика: либо холуй, либо хам. Внутреннее добровольное холопство, сформированное и воспитанное уродствами социальной жизни, — трагедия для человека. Вспомним пушкинское: «Беда стране, где раб и льстец». В экзистенциализме М. Хайдеггера дано развернутое обоснование идеи рабской подчиненности человека диктату времени. Но ведь следует помнить, что человек может быть и господином своего времени.

Человеку невозможно приобрести свободы извне больше, чем он обладает ею изнутри. Гегель однажды заметил, что свобода — это хотеть и быть лишь самим собой. Внутреннее же рабство порождает лакеев. В каждом обществе их достаточно. Рабство холопа долго укоренялось в нашем сознании и нравственном поведении и в конце концов глубоко засело в человеке. Постоянное опасение «как бы чего не вышло» породило самоцензуру, социальное приспособленчество и духовный конформизм. Выработался «вертикальный» стереотип поведения: мы или подчиняемся, или командуем. Подобная рабская философия, внутреннее идеологическое и поведенческое табу, постоянная социальная зависимость, безгласность всегда рождали волюнтаризм, с одной стороны, культы и фетиши, ностальгию по сильной личности — с другой.

Холопская психология проявляется и в том, что у окружающих постоянно вызывают враждебность самостоятельность поведения, ориентация на независимое положение, культурная непохожесть, не говоря уж о деловых успехах и духовном росте. В массовых социологических опросах о русском национальном характере непропорционально большое место занимают у опрошенных людей частые ущербные повторения: «мы — люди простые, терпеливые, униженные» и т.п.

Особую тревогу вызывают люди, впитавшие в себя значительные дозы невидимого ими облучения тоталитаризма. Это отразилось на их жизненной философии, привело к апо-

логетике зла и жестокости, обесчеловечиванию и ненависти к людям мыслящим, циничной спекуляции на благородных идеалах, вытравливающей честность, правдивость, искренность. Лицемерие пронизывало все социальные слои и заглушало истину. Как тут не вспомнить сказку по Королевство Кривых Зеркал, где царила ложь, где розу называли крапивой, а бандита и подлеца — приличным человеком?! К глубокому огорчению, «кривозеркалье» существовало, да и сейчас существует у нас не в сказке, а в жизни. Многочисленные фильмы и телепередачи, статьи и книги активно участвовали в искаженном освещении жизни, уродуя мысли, слова и души. Воздух, которым дышали люди, был пропитан ненавистью, насилием. Система загоняла людей в «нравственный котлован», породила особый вид заболевания: зыбкую, «скользящую» нравственность, эрозию моральных норм, нравственный недород, шаткость моральный заповедей и позиций, внутренний душевный дискомфорт.

Темные начала жизни коверкали человека, фальшь и ложь оскорбляли его душу. Формируясь в системе кривоизгиба, он переставал считать естественным и нужным жить по законам совести, терял нравственное здоровье, способность жалеть, сочувствовать, помогать. И в наше время процветают разнузданность, ничем не сдерживаемая агрессивность. Система ампутировала у человека совесть, а у иных она сама атрофировалась. Убийство нравственное во сто крат страшнее физического. У Тютчева есть пронзительнейшие строки: «не плоть, а дух растлился в наши дни». Старая мудрость гласит: не плачьте об умершем, плачьте о потерявшем совесть и душу. «Все звонче музыка атаки, все глуше музыка души», — писал Булат Окуджава. Отсюда истоки равнодушия, корни эгоизма, зависти и озлобленности, карьеризма и доношительства, стремления строить свою жизнь, говоря словами великого сатирика, «применительно к подлости». Писатель Иван Васильев в одной из своих статей приводит исповедальный дневник Татьяны Прокофьевны Кашкиной, переселившейся из города в деревню. «Я с ужасом обнаружила, — пишет она, — мои земляки совсем уже не те, каких я оставила в 1963 году. Нет прежней доброжелательности, гостеприимства, милосердия. Взамен ярко выраженные жестокость, озлобленность, равнодушие, лицемерие и непреодолимый страх».

Да, «свято место пусто не бывает»! Нравственный вакуум был заполнен суррогатами нравственности. Естественные проявления порядочности, милосердия и стремления к

справедливости клеймились и преследовались, ибо они могут быть присущи только индивидуальности, несовместимой с идеологией унификации. «Нравственность» человека сводилась к декларациям и славословию, призывам и лозунгам, маскирующим социальную ложь. Человек не воспринимал реальное и близкое человеческое страдание, а сопереживал различным глобальным событиям: национально-освободительным революциям за океаном или обездоленным в заморских краях, «чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». Инфляция порядочности и совестливости проявилась в двойной морали: одна — для публичного обсуждения, другая — закрытая — для узкого круга. Правило бал ханжество, искажая социальное видение человека. Понятия чести и порядочности можно вскоре записывать в «красную книгу».

Прошлые годы известны вмешательством государственных и партийных органов в личную жизнь, что приводило к «официозному ханжеству». Была отброшена проверенная веками истина, что каждый человек имеет право на свое личное счастье, без вмешательства и указаний других и широкого «всенародного обсуждения» интимной сферы.

Потеря нравственности начинается с повышенной, агрессивной требовательности к другим, но отнюдь не к себе. К своей персоне — снисходительность и самооправдание. В оценках прошлого у подобных людей полное отсутствие чувства совинновности и ответственности. Но отречься от прошлого легко, тяжелее его искупить. А искупление совершается самим человеком. Александр Межиров писал:

И прежде всех виновен в полной мере,
Ах, люди-звери, вместе с вами Я...

Личная ответственность приобретает особую остроту. Потеря внутренней требовательности порождает в человеке разрушительную силу: человек постепенно отвыкает от критической оценки окружающей обстановки, теряет чувство ответственности за свои слова и свой труд, девальвируются ключевые нравственные принципы. Человеку следует занимать четкую моральную позицию по отношению к тому, что он делает в жизни. При любых политических климатах он обязан оставаться порядочным и мужественным; эти ценности всегда в обществе в цене. Человек стоит того, чего стоят его нравственные ценности и действия. Каждый сражается со своим демоном насколько способен и как умеет. Конфуций говорил: не жалуйтесь по поводу того, что на

крыше вашего соседа лежит снег, если ваш собственный порог не очищен.

Одна из сторон нравственной культуры в наших условиях — в воспитании способности к личностному самоограничению в материальной сфере. Это касается всех сторон жизнедеятельности личности. Гегель цитировал Гете, который говорил: «Кто хочет достигнуть великого, тот должен уметь ограничивать себя. Напротив, тот, кто хочет всего, на самом деле ничего не хочет и ничего не достигнет»¹. Вещное богатство зачастую сопровождается духовной нищетой, что мы и наблюдаем в современной жизни. На духовно-нравственном небосклоне общества заметно изменилась яркость «звезд». Если раньше, по выкладкам социологов, положительными героями нашего времени были космонавты и ученые, романтики новостроек и артисты, то сейчас в центре общественного поклонения новые герои: спекулянты, дельцы, prostituteированные политические деятели. Время переключило свое внимание на имена модных политиков и международных авантюристов, а имена выдающихся ученых, писателей, художников ныне в тени.

Наш соотечественник-современник — детище дефицита — превращается в «доставалу», ловкого и делающего только то, что выгодно, по расчету, имеющего везде «нужных людей и полезных друзей», даже семью строящего на «взаимовыгодной» основе. Внешняя интеллигентность маскирует корыстолюбие и беспринципность, да и внешней интеллигентности требуется все меньше. Идейные метаморфозы общества открыли шлязы новому социальному типу, так называемому духовному мещанину, чья философия сводится к политическому лицемерию и фанфаронству, к двойной, а то и тройной «гибкой» морали, желчному нигилизму и цинизму, престижному потреблению духовных суррогатов, тотальному подражательству и тщеславию, чтобы иметь возможность «коснуться до всего слегка с ученым видом знатока». Этот новоявленный мещанин лишен чувства Родины, убежденный, что это миф пропаганды. Его социальный и нравственный лик подобен маятнику, который приводится в движение бурными ветрами слухов и эрудицией по части сплетен. Он классный мастер социальной демагогии, питающейся очередной конъюнктурой. У него иронически снисходительное отношение к классическим ценностям. Его основная и любимая

¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. I. М., 1974. С. 203.

общественная профессия: эквилибристика и жонглирование политическими новостями. Он вхож во все сферы общества, но особенно ценим чиновничеством. Этот новый социальный слой силен и организован... То, что Пушкин называл «чернью», захватывает все структуры общества, определяет его духовный климат, «заказывает музыку» культуры.

Что знакомо в этих характеристиках, в этом портрете? Согласно веяниям времени, он «демократизировался», спустился «к народу» и, сомкнувшись с новой бюрократией, образовал сильный социальный слой. Беда в том, что внешние перемены никак не сказались на его внутреннем облике. И все эти свои черты он несет в народ. Теперь этот слой не стоит над народом. Он разлагает его изнутри.

Однако никому не уйти от истории Человечества, от выработанных им страданием и кровью вечных истин. Пусть сегодня мы с ностальгией вспоминаем поэтичный конец «Критики практического разума», в котором И. Кант писал: «В мире есть две вещи, изумляющие тем больше, чем больше о них думаешь. Это небо над нами, полное звезд, и моральный закон внутри нас»¹. Заложенные в человеке вечные нравственные ценности помогут ему выстоять и отторгнуть ложное и наносное, сохранить в душах истинное, человеческое. Как бы ни уничтожали человеческую душу, а ростки нравственности в человеке остались. Вера в это нужна нам сегодня как никогда ранее.

Трудно осуждать людей обманутых и честно, но бездумно следовавших за ложными идеалами. Эти люди не заслужили презрения, слишком много горестного досталось им при жизни. Мечтая о светлом будущем, томясь по счастливой жизни, одержимо веря в идеал гармонии мира и человека, люди в то же время теряли способность критически осознавать происходящее, бездумно воспринимали идеи, спускаемые «сверху», недооценивали опасность политического лицемерия, во многом и из-за недостатка, усредненности культуры. Многие они пережили, были свидетелями тяжелых драматических событий, но верили или хотели верить, что наступит счастливое будущее. Человек способен обретать и создавать внутри себя святые места, добиваться жизни, исключаяющей ложь, меркантилизм.

Иногда считается, что аномалии нравственной культуры связаны с ростом материального благополучия. Получается, что когда человеку голодно и холодно, он ближе к нрав-

¹ Кант И. Критика практического разума. Т. 6. С. 499.

ственным вершинам, в иных же условиях он их теряет. Такая радикально-идеалистическая точка зрения имеет под собой некоторые основания, но объективно мешает формированию гармонических представлений о ценностях человеческой жизни, необходимости отыскания меры в духовном и материальном обеспечении личности. Более того, она провоцирует спекуляции на бедах народа. Аскетическая традиция, идущая из голодных лет гражданской войны и разрухи, согретых революционной страстью и энтузиазмом, ревностно отстаивается сейчас теми, кто обеспечен и требует готовности к лишениям и трудностям от других.

У многих вызывает вопрос простая и загадочная фраза, сказанная героем булгаковского романа: злых людей нет на свете, все люди добрые. В ней выражена гуманистическая мысль о бесконечности человека, отсутствии границ и пределов для его спасения. Однажды один писатель сказал: люди не хотели никому зла, но всю жизнь они делали зло. И, добавим, они были равнодушны к злу или попустительствовали ему. Очень странно, что в поисках добра человек часто приходит к обратным результатам — к жестокости и несправедливости. Может быть, это Время породило наивных и, да простится, примитивных идеалистов, веривших в идеалы и не замечавших мрачных общественных трагедий. Люди того времени были сотканы из трагических противоречий, из тьмы и света. Но культура предоставляет человеку пространство для добра. Непрерывный диалог о добре и зле продолжался и вызывал потрясающие чувства, свидетельствовавшие о способности людей выстоять, нравственно противостоять агрессии зла. Истории советской науки известен такой образец высокой нравственности. 27 апреля 1938 года был арестован академик Л. Ландау. Впоследствии в «Комсомольской правде» 8 июля 1964 года он писал: «По нелепому доносу я был арестован. Меня обвиняли в том, что я немецкий шпион. Сейчас это иногда кажется мне даже забавным, но тогда, поверьте, было совсем не до смеха. Год я провел в тюрьме, и было ясно, что даже еще на полгода меня не хватит: я просто умирал. Капица поехал в Кремль и заявил, что он требует моего освобождения, а в противном случае будет вынужден оставить институт. Меня освободили. Вряд ли надо говорить, что для подобного поступка в те годы требовались немалое мужество, большая человечность и кристальная честность».

Отрадно отметить, что сегодня наши люди стали меньше бояться собственной тени и впадать в растерянность при малейшей критике их политических позиций и перед лицом

тотального разрушения ортодоксальных суждений. Но все еще живучи в теории и жизни нравы общественного ханжества, когда считалось, что благополучие ныне живущих обязано отойти в тень и быть принесенным в жертву будущему. Какую надежду и в наши дни вселяют строки: «Умирают в России страхи, словно призраки прежних лет»! Несмотря на все тернии, люди остаются людьми. В большинстве своем они не зачерствели изнутри, сумели сохранить обычные человеческие чувства: личные узы верности, любви, последнее слово умирающему... С этого начинается победа человеческого. Несмотря на серьезные моральные издержки и потери прошлых лет, значительно число людей, видящих смысл своей жизни не в «вешнем» благополучии и покое, а в активном, беспокойном движении за народное благополучие, за создание такой социальной системы, которая обеспечивала бы объективную оценку деятельности человека, чтобы независимо от чьего-то субъективного желания жизнь шла по великому моральному императиву: дарить людям счастье.

Самый горестный счет, который следует предъявить культуре, состоит в том, что она пока не сумела подняться до честного и правдивого разговора о нравственном здоровье общества, лицемерно обольщавшегося видимым социальным благополучием и находившегося в духовной спячке. Как преодолеть возникшие в стране нравственное разложение, уничтожение всего светлого и позитивного в духовной культуре? Любое общество можно охарактеризовать фразой: «Скажи мне, какую культуру ты даешь людям, и я скажу, какое ты». Что же сказать в этом плане о нашем обществе?!

Видимо, только SOS — спасите наши души. Отбросим как кошунственный аргумент, бытовавший у радикальной российской интеллигенции в 60-х годах прошлого столетия: анатомирование трупов не обнаружило существования у человека души. Душа в человеке есть, но это не физический орган, не божественное начало, а его внутреннее индивидуальное духовное состояние, которое может прочувствовать только тот, кто им обладает, и которое связано с удивительной способностью различать высшие эстетические и нравственные ценности, такие, как истину и ложь, добро и зло, совесть и стыд, красоту и уродство. Не случайно А. Бергсон ждал «обогащения души», надеясь этим обогатить человеческий социум. Да и смысл человеческого существования в том, чтобы сохранить и спасти свою душу. Стали хрестоматийными строки Николая Заболоцкого:

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Лишившись понимания глубинного смысла древних заповедей общечеловеческой морали, человек обедняет себя, лишается нравственных качеств: умения жить с людьми, способности к самопожертвованию, силы побороть в себе зло, готовиться к старости, да и к смерти... Быть может, у последней смертной черты человек особенно явственно и сильно начинает дорожить человеком. Глубока мысль, что человек бессмертен в памяти людей. Живет он и после смерти — до тех пор, пока о нем думает хотя бы одна живая душа. Все в жизни стареет: и человеческая жизнь, и самая совершенная техника. Но только одно не стареет: духовный мир человека, его мысли, его интеллект. Надежда человека на бессмертие духа неистребима, она в глубинных свойствах человека, в его потребности к вечному и непреходящему, вере в высший смысл существования.

Острейшая сфера духовно-нравственного самосознания народа сейчас более всего заботит церковь. Ей удалось на основании своего богатого векового опыта завоевать приоритет в обсуждении волнующих проблем добра и зла. Она находит все больше и больше приверженцев. Церковь считает необходимым заботиться о сохранении таких понятий, как совесть, благотворительность, милосердие. Те нравственные принципы, которые столетиями складывались в народе, она активно поддерживает. Жаль только, что эти добрые слова нельзя сказать ни о нашем государстве, ни о нашей культуре. Огорчительно, что ценности морали: Доброта и Сострадание, Милосердие и Надежда проходят мимо кинематографа и театра, исчезают из поля зрения художников, ютятся где-то на обочине интересов художественной культуры. А какой гигантский шаг вперед сделали бы культура и нравственность, если бы о них позаботились и им помогли «всем миром»!

Так и хочется создать еще один, но столь необходимый фонд культуры, который будет занят не только сохранением памятников истории, рукописей и соборов, но спасением духовно-нравственного здоровья народа, человеческих душ, духовных ценностей, облагораживающих и просветляющих жизнь, придающих ей высочайший гуманистический смысл.

Двадцатый век знаменателен не только фантастическими открытиями в науке и технике, выходом человека в кос-

мос, но и утратой традиционных ценностей, замена которым пока не найдена. Отсюда ощущение личностной неопределенности в этической сфере. Лишь комплексные скоординированные действия всех здоровых сил общества при решении этих проблем позволяют быстрее формировать современные нравственные ценности на основе общечеловеческой этики, стимулировать моральную ответственность за результаты своей деятельности, за решение сложных проблем морального выбора, вызванных конфликтными ситуациями, присущими нашему обществу.

Культура проявляется в трех необходимых жизненных срезам: в виде внутренней, **человеческого** спонтанной культуры, сконцентрированной в духовном мире человека; в **общения — новый** виде информационной системы, обеспечивающей хранение, создание и передачу знаний, настраивающей каждого человека лицом к интеллектуальной жизни; и, наконец, в виде культуры функциональной, т.е. поведения людей в обществе, культуры непосредственного, постоянно развивающегося человеческого общения во времени и пространстве. Два последних среза придают культуре пространственный, планетарный характер.

Уходящий XX век многое принес человечеству: возвысил личность, поднял на новые, высшие ступени культуру и науку, революционизировал народное сознание, словом, сделал мир более умным, интеллектуально, социально зрелым. В то же время он значительно разъединил людей, усилил закомплексованность, лишил их доброты, внес в мировую культуру семена отчуждения, несогласия и национальной обособленности. привел человечество и мировую культуру к трагической возможности самоуничтожения. Внутренние границы между людьми бывают гораздо серьезнее внешних. Это разъединение сказалось не только в международной политике и отношениях между народами, но и в отношениях между национальными культурами, между научной и гуманитарной интеллигенцией, между людьми разных профессий и различных взглядов на мир. Человеческие отношения приобрели утилитарный, рационалистический, «коммерческий» характер.

XX век принес людям страшную нравственную болезнь культурной глухоты, проявляющийся во всем — от исчезновения народной песни до нерожденных детей. Люди потеряли способность слышать друг друга. Они слушают, но не

слышат. Между тем, еще Р. Эмерсон отмечал: «Хорошо, кто хорошо говорит, но еще лучше, кто хорошо слушает». Гласность — вещь хорошая, но слышимость плохая. Нависла угроза над важнейшей ценностью человеческой жизни — взаимообогащением, взаимоосмыслением и взаимопониманием, «единственной роскошью, достойной человека». Человек же остро нуждается в понимании, в осознанном сопереживании. Кроме ядерной катастрофы нашей Земле угрожает опасность стать планетой глухонемых. Эта потеря способности слышать и видеть вызвана, видимо, противоречивостью современной цивилизации, какими-то своими сторонами вызывающей у человека атрофию желаний и духовных потребностей.

«...Смысл нашей жизни — счастье человеческого общения..., — писал В. Сухомлинский. — Не в том счастье, чтобы замкнуться от людей, а в том, чтобы высшей нашей потребностью... была потребность в человеке»¹. Быть может, сами основы человеческой цивилизации лежат в удивительной тяге людей друг к другу. Но парадоксы прогресса состоят в том, что возрастание дифференциации знаний и все более углубляющаяся их специализация приводят к отчуждению людей друг от друга, непониманию ими языка общения. Между тем, если мы декларируем движение человечества к общечеловеческим ценностям, то должны признать, что необходимыми их составляющими являются, образно говоря, единый планетарный язык и единая гуманистическая культура отношений. Таким общечеловеческим языком является гуманитарная культура. Пушкин и Шекспир, Гете и Чайковский не только близки и понятны всем, главное — они способны объединять людей.

Культурное обновление в нашей стране выражается в расширении горизонтов общения на основе гласности и открытости не только внутри страны, но и с остальным миром. В результате страна приобрела ценный капитал — доверие мирового сообщества. Доверие — черта нового типа человеческих отношений. Оно открывает надежды на безъядерный мир в XXI столетии, основанный на новой системе человеческого общения, предполагающий постоянное расширение его форм.

Культура человеческих отношений — «философский камень», требующий пристального внимания и изучения. Дефицит этого общения вызван многими причинами, начиная от дефицита культуры в личностных отношениях людей

¹ См. Комсомольская правда. 1988. 28 сент.

(стало даже бытовать выражение: встретимся по телефону) и кончая жизнью общества в целом. Западные социологи сообщают, что в средних американских семьях, где оба супруга работают, муж и жена успевают в течение дня побеседовать друг с другом не более четырех минут. А на разговоры детей с родителями в таких семьях остается лишь тридцать секунд. Известный французский кинорежиссер Ж.-Л. Годар говорил: «Люди перестали общаться, попросту интересоваться друг другом. Мне кажется, что сегодня люди более разобщены, чем несколько столетий назад. Мы сейчас еще меньше знаем друг о друге, чем в Средневековье». В кинофильме «Белорусский вокзал» были показаны хорошие, светлые люди, вместе прошагавшие войну, живущие рядом друг с другом, но после окончания войны у них не оказалось времени и желания в течение двадцати лет встретиться и увидеть друг друга. А наше общение в быту? Многие ли из нас знают хотя бы имена соседей по лестничной клетке?

В общем, тонус, вся атмосфера человеческих отношений далеки от идеальных, зачастую лишены добра, благожелательства, теплоты и приветливости. Нельзя видеть в любом человеке врага. Как объяснить людям особую живительную силу добра? У Ремарка сказано: «Что может дать один человек другому, кроме капли тепла? И что может быть больше этого...». Огромнейший вред нравственному здоровью общества наносит равнодушие. Это не просто нравственная черта человека, характеризующая его отношение к людям. Равнодушие переросло в тревожную социальную проблему, свидетельствующую о человеческом безразличии, об отсутствии «чистого воздуха» взаимопонимания и общности, о нарушении социальной гармонии в отношениях между людьми. Евгений Вахтангов часто повторял: «Нежно и осторожно подходим к душе каждого!». И. Сельвинский писал: «Я хочу дышать с тобою рядом, человекъ теплая душа». Стоит согласиться с рекомендациями философов-экзистенциалистов — прислушиваться к собственному сердцу.

Важнейшая заповедь человеческих взаимоотношений выражена в принципе: «во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте вы с ними». Эту заповедь Заратустра внушал огнепоклонникам в Персии три тысячи лет назад. Конфуций проповедовал ее в Китае двадцать четыре столетия назад. Лао-цзы, основатель даосизма, завещал ее своим последователям в Ханьской долине, Будда проповедовал ее на берегах священной Ганги за пятьсот лет до рождения Христа. Священные книги индуизма учили этой заповеди за тысячу лет до того. Иисус Христос возгласил эту

заповедь среди каменистых холмов Иудеи двадцать столетий назад.

Культура проявляется в человеке через его действия и отношения к другим. «Когда индивидуальные связи человека с человеком расторгнуты, личность в ее индивидуальной внутренней жизни обесценена, а ценность общества безмерно преувеличена», — писал русский философ Николай Лосский. Но колокола общественного мнения молчали при нарастании процесса отчуждения людей. Какой невосполнимый ущерб нанесли людям разобщенность, неоткровенность, внутренняя замкнутость! Один из семантических смыслов слова «культура» связан со словом «почтение». Но как зримо исчезло из жизни почтительное отношение друг к другу! А ведь в человеческом общении важны еще и вежливость, терпимость, отсутствие капризности, раздражительности...

Человеку противопоказано замыкаться в своем «личном убежище», жить изолированно в «заповедной зоне». Залез иной человек в нишу — и дальше нее ничего не видит. Но сегодня это попросту смерти подобно. Сегодня надо учиться понимать новое время. Иначе не выживешь. Но и обществу нельзя игнорировать личностный жизненный опыт, жизнь человека. И сегодня это тоже крайне актуально. Ценность взаимоотношений человека и общества проявляется во взаимоважении: общество призвано ценить и уважать человека, так же как и человек обязан уважать общество, соблюдать его нравственные принципы и законы, не паразитировать на его проблемах. Прислушаемся к Вольтеру, который писал, что «нужно любить общество, хотя сколько негодяев отравляет удовольствие жить в нем».

По природе своей человек — существо эгоистичное и зачастую во имя своих целей способен на действия во вред окружающим. Низкая культура общения сказывается в неуважении людей друг к другу, в неумении ценить чужую мысль, а не только свои знания и свои идеи. Часто проявляются неуважение и зависть к интеллектуальному развитию, таланту, знаниям и опыту человека. Торжествует диктатура посредственности. У писателей Стругацких прозвучала примечательная фраза: серые начинают и выигрывают. Слишком долгот бы, извращенный естественный отбор, когда выбивали лучших. Да и сейчас с легкостью невероятной научного работника можно послать на овощную базу или в подшефный колхоз, а посредственности поручить руководство одаренными учеными. Чуть ли не типичной стала история, сообщенная одной из газет, как директора

вычислительного центра намеревались снять с работы за то, что он не обеспечил выполнения «плана» по сельхозработам, не послал научных сотрудников на уборку урожая.

Человеческие коммуникации не могут существовать вне сферы моральных отношений, без согласия, взаимозависимости и взаимопонимания. «Стараясь о счастье других, мы находим свое собственное», — говорил Платон. У нас искаженная культура общения привела к драматической ситуации, когда люди разучились ценить и уважать другую личность. Слишком долго растворялись человеческие отношения в озлобленности и подозрительности, обличении все и вся, кроме вождей. Создавалась некая агрессивная духовная среда, позабывшая о нравственности. Ничего не стоило направить агрессию оболваненного человека в любую сторону в поисках «козла отпущения». Но, как известно, истинная нравственность возможна только в культуре, полностью отрицающей агрессивность и насилие.

Межличностная разобщенность, начавшаяся с социального одиночества человека, превратилась в разобщенность общества. В социальных группах и слоях прослеживаются опасная имитация живого непосредственного общения, мнимость единства, самообман, иллюзия совместимости желаемого и действительного. Доброжелательство, взаимовыручка, сострадание, столь обычные и традиционные для народа, стали настолько редким явлением, что вызывают у журналистов безудержный восторг и ликование как нечто исключительное.

Что мешает культуре общения прочно утвердиться в нашем обществе? Видимо, вызвано это воспитанием в человеке «с молодых ногтей» нетерпимости к инакомыслящему, стойкого эгоистического непонимания и нежелания понять выбивающееся из санкционированного стандарта, воспринять чужую точку зрения или осмыслить иную позицию. Этот укорененный в нас социальными условиями порок порождает неумение мирно сосуществовать между собой, а когда к тому же происходят необычные, новые социальные явления, тогда между людьми зачастую еще более обостряются непонимание, конфликты, рушатся необходимые коммуникативные каналы межличностного общения и доверия.

Низкий уровень культуры общения проявляется в неумении дискутировать, аргументированно спорить, доказывать свои взгляды, а не навязывать их, духовно угнетая оппонентов. Терпимость к другому мнению — такова норма жизни: научиться преодолевать непререкаемость своего «я», уметь спокойно выслушивать и понимать (даже не при-

нима!)) различные суждения, достойно участвовать в спорах, уважать полемику, привыкать к ней, совместными усилиями ставить проблему, находить и постигать истину — таковы основы подлинного демократического мышления.

Дискуссии, диспуты, споры только тогда плодотворны, когда носят достойный, интеллигентный характер, когда участники владеют культурой полемики и творческие дискуссии не превращаются в политическую истерию. Естественно, этому необходимо учиться. В обществе еще не создалась та необходимая моральная атмосфера, когда дискуссия становится обычным, естественным, необходимым делом. Порою возникает огорчительное чувство, когда на глазах люди теряют свое человеческое лицо. Чтобы понять оппонента, следует его не только внимательно выслушать, но и быть способным воспринимать и усиливать его аргументы. Мы же часто утрачиваем чувство уважения к слову, относимся к нему слишком легкомысленно. Ответственность за его достоверность и правдивость девальвировалась. Россия стала государством самых необязательных людей в мире. Как говорил Валентин Катаев, слово — вещь необыкновенно радиоактивная, и пользоваться им надо крайне осмотрительно. Опасна фальсификация слов, когда спокойные, хорошие слова превращаются в лозунги, теряя свой изначальный, естественный смысл. Это ведет к словесной инфляции. В России следует быть особенно осторожным со словом. Для русского человека, выросшего в ауре «непререкаемых истин в последней инстанции», слово, написанное в газете, сказанное по радио и ТВ, зачастую служит прямым руководством к действию.

Еще один пример низкой культуры общения — это качество встреч людей с искусством. Наши выставочные залы, где происходит знакомство с изобразительным искусством, лишены уюта и комфорта. Культура экспозиции требует комфортности восприятия, неспешности, удобства. Но в наших выставочных залах этого нет. Не найдется здесь ни чашечки кофе, ни стула, чтобы присесть и отдохнуть. А кстати, разве нельзя вести молчаливый разговор с картиной сидя? И вообще у нас не приняты на выставках «зоны отдыха».

Культура призвана вырабатывать «кислород человечности». На нее возложено «производство человечности», способной наводить мосты через пропасти враждебного отчуждения. Ярким примером проявления высокого человеческого духа могут служить события в блокадном Ленинграде. В то трагическое время многие стали писать стихи, люди

потянулись к книге, стали вести дневники. Таков был результат высокого человеческого напряжения и социального оптимизма.

Человеку следует не плыть по течению, а уметь задуматься, остановиться и оглянуться на пройденный путь, подвергая сомнению его правильность. Слишком многие и думают, и говорят торопливо: их захлестывает суета, появляются неведомые ранее обманчивые представления, искажающие ценности жизни. Вовремя остановиться, оглядеться, искать и снова искать... Это полезно для того, чтобы понять утраченные ценности, смысл человеческой жизни. Не надо страшиться слова «остановиться» в наше динамичное время. Излишняя поспешность, непродуманность действий и решений, особенно в сфере духовной — опасны большими издержками. Человек часто растрчивает себя на тысячу мнимых дел, обедняя свою жизнь. Убивают его суетолака и постылые заботы. Глубокий смысл движения к намеченным целям — не в суматохе и торопливости, а в осмысленности и продуманности, в преодолении суеты. При динамичных ритмах человек начинает жить не оглядываясь, забывает, что построение его собственной, единственной жизни зависит от него самого. В суетолаке повселдневности он становится пассивным, теряет вкус к жизни, культурное мерило своего образа жизни, утрачивает способность целенаправленно действовать, «теряет себя». Но мир нельзя изменить и улучшить, отдаваясь на волю случайного. Даже просто осмыслить реалии — недостаточно. Необходимы практические целеустремленные действия по их созиданию, по самоинтеграции в них.

Человек
и культура
труда

Основные сферы самопроявления, самореализации человека в жизни — семья и труд. Если хочешь человеку счастья, говорил выдающийся русский педагог К. Ушинский, научи его трудиться. «Материальные плоды трудов, — писал он, — можно отнять, наследовать, купить, но внутренней, духовной, животворящей силы труда нельзя ни отнять, ни наследовать, ни купить за все золото Калифорнии»¹.

По замечанию М. Горького, высокий уровень культуры всегда стоит в прямой зависимости от любви к труду. Ипостасью культуры всегда был труд в широком смысле этого слова. Он — наиболее верный показатель культуры общества. Да и сама культура — продукт активности человека,

¹ Ушинский К. Д. Собр. соч. Т. 2. М., 1948. С. 338.

его труда. Пастернак вообще называл культуру производственным существованием.

Культура труда человека начинается с умения организовать в соответствии с собственными возможностями свою повседневную трудовую деятельность, с выработки привычки к систематическому и высококачественному труду. А это возможно лишь при осознанном отношении к своей деятельности, ощущении ее значимости, идентификации себя хозяином своего труда. Постоянный, добросовестный труд создает необходимые условия для профессионального «самоосуществления» личности. Культурному человеку важно, чтобы развитие общественного производства способствовало не только удовлетворению потребительских запросов, но и совершенствованию самой личности. Однако и то и другое возможно лишь при наличии высокой культуры труда, проявляющейся, во-первых, в повсеместном распространении умения и навыков трудиться, и, во-вторых, в умении сделать свой труд одним из жизненных интересов.

За семьдесят с лишним лет в нашей стране выработался совершенно специфический подход к труду, к трудовой деятельности. Человек был лишен возможности проявить себя и раскрыться в труде как индивидуальность, утвердить себя не партийностью, национальной «чистотой», лестью и угодничеством, а хорошей и честной работой, которая, по словам А. Блока, воспитывает «ум, и волю, и сердце». В 1937 году Политбюро ЦК ВКП(б) даже приняло решение о ликвидации преподавания труда в школе. И 4 марта 1937 года Наркомпрос РСФСР издал приказ, который назывался «Об отмене преподавания труда в школах». Подобные распоряжения были изданы и другими наркомпросами союзных республик. Так на долгие годы было покончено с трудовым воспитанием.

Если общество перестает трудиться, оно может погибнуть. Экономические и нравственные деформации, отклонение главных мотивов труда привели к унижению и попранию авторитета труда. Аморализм и бескультурье расцвели в трудовой деятельности пышным цветом. Труд перестал быть критерием личной нравственности. Тем самым он перестал быть культурным: ведь именно культура труда как нравственная ценность утверждает трудовую совесть, чувство ответственности перед своим коллективом, самим собой, уважение к своему рабочему месту. Понятие трудовой совести связано с внутренним стремлением делать все хорошо и добросовестно, а ответственность перед коллективом и

самим собой побуждает человека к более полному социальному и профессиональному самовыражению.

Однако общечеловеческая идея о значении добросовестного труда оказались в забвении. Среди индустриальных государств наша страна по производительности труда оказалась на самом низком месте. Мы отстаем от США, Японии, Западной Европы в четыре—шесть раз. Длительное время увеличение объема производства в стране происходило в основном за счет численности рабочих. Большинство трудового населения потеряло заинтересованность в добросовестном эффективном труде. Массовыми социальными явлениями стали равнодушие, безразличие и неуважение к нему. Поистине выдающейся идеей следует признать требование Ш. Фурье сделать труд привлекательным и распределять его в соответствии со склонностями каждого индивида.

Высказанный К. Марксом тезис, что мерой богатства будущего общества будет не рабочее, а свободное время, требует в современных условиях иного, конкретно-исторического прочтения. Некоторые обществоведы выдвинули положение, что эта закономерность проявляется уже в условиях современного общества и по мере его развития становится его неперменной характерной чертой. Нам кажется, что подобная точка зрения несколько опережает истинные события и искажает подлинную картину. Высокая оценка К. Марксом свободного времени как духовного пространства для развития личности и более возвышенной деятельности не должна противопоставляться тому, что в обществе, особенно в период его обновления, рабочее время приобретает особую ценность как неизбежное в данных социально-экономических условиях пространство для гармонического развития личности, прежде всего ее нравственного развития.

Культура труда стимулирует активность людей, готовность к повседневной добросовестной работе, прилежание и трудолюбие, профессиональное мастерство. Но как показывают результаты социологических исследований, в полную силу трудится едва ли треть занятых на производстве, а с максимальной общественной пользой и того меньше. Проведенный комплексный анализ позволил выделить три основных группы по уровню трудовой активности. Высокий уровень ее присущ 25—35% занятых в народном хозяйстве. Небольшую часть опрошенных можно отнести к группе с низкой трудовой активностью. Основную же группу, представляющую половину и более работающих, составляют люди со средними характеристиками трудовой активности.

В конце 80-х годов в народном хозяйстве страны было занято более 130 млн. рабочих, служащих и крестьян. Девять десятых из них имели высшее и среднее (полное или неполное) образование, в том числе 15 миллионов — высшее; 20 миллионов — среднее специальное образование; 0,5 миллиона имели степени кандидатов и докторов наук. Затраты государства на одного человека в год в дошкольных и средних учебных заведениях составляли несколько сот рублей, а в высших учебных заведениях — более тысячи. Сейчас эти цифры, разумеется, возросли в десятки раз. Однако количество специалистов по стереотипу экстенсивных приоритетов, характерному для нашей страны, входит в противоречие с их низким качеством. Правда, справедливости ради надо сказать, что имеющиеся у нас «элитные специалисты» ничуть не ниже мирового уровня.

При том, что формально главным критерием социальной оценки человека всегда было и остается качество выполняемой работы, получаемое им образование (среднее, высшее, специализированное) не нацелено на формирование таких культурных ценностей, как качество труда, деловитость, умение хорошо выполнять свое дело. Профессионализм оказался на задворках. По словам А. П. Чехова, «профессионализм — главное качество интеллигентного человека». Борьба дилетантизма с профессионализмом завершилась победой первого, всеобщим полужнальством. Таланты есть, а профессионализма нет. Школа не воспитывает у подрастающего поколения уважения к труду, не раскрывает его содержания как сложной, дифференцированной и специализированной деятельности. Представление о труде остается абстрактным, а часто и извращенным. Сложилась весьма тревожная ситуация, когда диплом о высшем образовании нередко соседствует со слабой профессиональной подготовкой, с неумением и нежеланием трудиться.

Наша некомпетентность опасна для мира, она — наш давнишний и сегодняшний бич. Если люди разучились хорошо работать, то они разучились и хорошо участвовать в чем-то. В извращенных социальных условиях потерян чудесный и необходимый дар: стремление достичь профессионального совершенства. Да и зачем, если труд оценивается не по отдаче и профессионализму, а по тому, в какую структуру ты попал, сколько денег на счету твоего предприятия или учреждения, насколько близок ты к его руководству; если утеряно всякое представление о социальной справедливости? В жизни возникло катастрофическое явление — функциональная неграмотность. Только одно желание владеет

порой человеком: жить без труда и вне труда. Выделились три вида безделья: не делать ничего, делать плохо и делать не то, что надо. Пора, наконец, почувствовать разницу между двумя внешне похожими, но по сути взаимоисключающими понятиями: «ходить на работу» и «работать».

Потеря престижности труда отражается на жизни общества трагично. Честный труд подменяется показухой и парадностью. Многие примеры этого приводит пресса. Так, в Ялте, на центральной площади, была воздвигнута огромная каменная глыба, на которой крупно высечено: «слава труду», а далее указано, что в соответствии с постановлением Ялтинского горкома КП Украины и исполкома горсовета на эту памятную глыбу навечно (?) занесены коллективы-победители. В поселке Емельяновске (Красноярский край) возле птицефабрики был поставлен монумент куриному яйцу. Высота его около шести метров. Бетонное яйцо! Это памятник не трудовому коллективу, а бескультурию. И подобных творений, кстати, сооруженных отнюдь не профессиональными скульпторами, можно увидеть немало во многих районах страны: дорогостоящие, изготовленные в художественных фондах, высеченные на граните трудовые обязательства перед зданиями контор совхозов и колхозов!

Тревогу вызывает прогрессирующая потеря веры людей в смысл своего труда. Труд, лишенный видимого результата, без призвания и личностной окраски теряет свою ценность. Поэтому пропадают мастера-умельцы и их былая слава. Чтобы люди выполняли работу хорошо, необходимо, чтобы они чувствовали себя собственниками, хозяевами; орудия труда, земля принадлежали бы производителям и существовала прямая связь между сделанным и полученным. Мы попросту забыли о таких трудовых ценностях, как инициатива, профессиональное мастерство, ответственность за высокое качество своей деятельности. А ведь сколько, будучи соответственно поощренными, они могли бы дать народному хозяйству! В образной форме замечательную мысль о стремлении человека к непрерывному совершенствованию в труде высказал художник Ренуар: «Если у тебя есть умения на миллион, купи еще на два су».

Важным критерием цивилизованности общества является справедливое распределение по труду. Осуществление этого принципа возможно только тогда, когда производство направлено на удовлетворение нужд людей, развитие заинтересованности работников в результате труда, инициативы и предприимчивости в каждом звене народного хозяйства, каждом трудовом коллективе. Но если судить по

этому критерию, то нас надо отнести к варварам. Общая политика, не учитывающая конкретного человека, привела к соответствующему отношению в оценке его труда. В результате, в этой сфере мы имеем такие парадоксы, каких не имеет ни одна страна мира, и если они не привели общество ко всеобщему возмущению, то только из-за растерянности людей перед катастрофическими событиями.

Не следует забывать истину, что человек на себя работает лучше, чем на эксплуататора, и преимущество цивилизованного общества состоит в том, что здесь совершается работа человека на себя. Между тем главная социально-экономическая причина падения престижности труда в нашей стране в отсутствии заинтересованности работника. Наш рабочий — самый дешевый в мире: средняя оплата часа труда на Западе в десятки раз выше, чем у нас. В то же время даже западная пресса признает, что российские рабочие, когда им предоставляются соответствующие условия, одни из самых лучших в мире. В частности, они отлично образованы — 90% закончили среднюю школу. Это больше, чем в Соединенных Штатах.

Трагедия нашего общества в том, что человек и не может сполна применить свои силы и волю на созидательный труд. Он бесправен в труде, превращенном в извращенном обществе в бесцельную вещь. Безделье и агрессивная зависть к честному труженику привели многих людей к атрофии духовности, отчуждению от общечеловеческих ценностей. Это дополнилось паразитической уверенностью в безнаказанности безделья. Все это вылилось в народное, национальное бедствие. Будучи раздетыми и нищими, мы сидим без дела больше, чем работаем, бессмысленно вглядываемся в будущее, не пошевелив мизинцем для его приближения. Нарушение нормальной трудовой морали, циничное отношение к работнику, спекуляция на энтузиазме и идейных стимулах скажутся на нравственном здоровье нации, на психологии и социальных ориентациях последующих поколений.

Социологи, анализируя проблему «кризиса трудовой активности», показали, что в обществе при перепроизводстве рабочих мест и острой нехватке ресурсов труда появились, и в довольно значительном количестве, «трудолюбивые-тунеядцы», ленивцы и бездельники, социальные иждивенцы, получающие зарплату за имитацию трудовой деятельности. Деморализующая людей скрытая безработица достигла к концу 1993 года 7 млн. человек. Основной наш сегодняшний дефицит — человек, умеющий делать дело. Возник целый

человеческий контингент, приучившийся с циничным равнодушием взирать на гниющие в овощехранилище продукты или делать вид, что ему невдомек, что гайки в машине нужно закручивать до конца. Опасным социальным явлением стала низкая профессиональная культура. Многие беды и потрясения — от профессиональной неграмотности образованных людей. Общество не обращало внимания, какие разные специалисты стоят за одинаковыми дипломами. Статистика свидетельствует, что на высший уровень профессиональных знаний способны пока подняться 8—10% от общего числа студентов. Естественно, что это довольно тонкий слой будущей интеллигенции.

К 1989 году каждые три должности в стране, требующие высшего образования, были заняты в среднем одним специалистом с высшим образованием, одним — со средним специальным и одним неспециалистом. Отсутствие в сфере умственного труда знающих специалистов уже привело к катастрофическим явлениям, когда многие миллионы недообразованных работников, принимая миллиарды малых или больших некомпетентных решений, ежегодно приносят стране убытков на миллиарды рублей, значительно снижая темпы развития экономики и производительности труда. А провалы нынешних политиков, экономистов, юристов самого высшего ранга катастрофически сказываются на судьбе страны, народа и ярко демонстрируют их некомпетентность, кабинетность, безнадежный отрыв от практики.

Утеряны стимулы к повышению квалификации. Рутинная и невежество породили массовую некомпетентность, что привело к неэффективности и низкой отдаче в сферах материального, и духовного производства. В конце 80-х годов потери живого труда на стройках достигли 30%, т.е. фактически каждый третий не работал, а зарплату получал. Сейчас же такой процент никто не подсчитывает; видно, страшно считать... Затраты на производство продукции у нас выше, чем во всем цивилизованном мире. Быть может, в этом одна из причин того, что хотя в сельское хозяйство страны за последние три пятилетки было вложено 680 миллиардов рублей, но отдача оказалась неадекватной. Продовольственная программа так и не была решена, а за последние двадцать лет импорт зерна увеличился в 15 раз. Практически каждый второй килограмм потребляемого зерна (прямо или в переработанном виде) доставляется из-за рубежа. И это в России, которая даже в первые трудные годы молодой советской республики экспортировала зерно.

Многие трагедии общества были вызваны некомпетентным руководством. Известны случаи переброски руководителей с идеологии на сельское хозяйство, с химии на культуру и т.п. Исследования Института социологических исследований РАН показали, что к числу причин, тормозящих обновление, общественное мнение относит низкую культуру труда руководителей всех рангов, недостатки в расстановке кадров (35%) и недостаточный уровень профессионализма и компетентности отдельных должностных лиц (34%). Комплексный анализ трудовой дисциплины в строительных организациях, проведенный Пензенским инженерно-строительным институтом, показал, что нарушения трудовой дисциплины часто связаны с неудовлетворительным стилем работы бригадира (57,6% опрошенных). При обследовании производственной деятельности 600 бригадиров сельских строительных организаций Российской Федерации, Украины, Беларуси выяснилось, что 73,2% из них имеют только рабочую профессиональную подготовку. Уровень образования бригадиров в среднем ниже уровня образования подчиненных им рабочих.

Отсюда неуважительное отношение ко многим руководителям, которое присуще значительному числу работников, особенно молодому поколению. Причина, видимо, и в том, что молодые рабочие воспитывались тогда, когда образование, хотя и плохое, дается всем, а мастера — старые производственники. За ними эмпирический опыт, знание производства, не поверхностная компетентность, но нет образования, ибо в прошлом не все его получали.

Но страна наша полна контрастов. В условиях поистине расстения в сфере культуры, как это ни странно, нарождается новый тип работника: рабочего-интеллигента. Видимо, надоест может не только работа, но и безделье. Да и не может не найтись в любой ситуации людей, уважающих себя и свой труд, профессионалов своего дела. В их труде повышается уровень интеллектуальности и усложненности. Пока это только первые шаги. Предстоит значительная работа по профессиональному и духовному развитию человека, а для этого необходим соответствующий качественный уровень образования. Многим предстоит переучиваться, ибо для новой техники, как говорят сами рабочие, нужен и «другой ум». Компьютерные технологии открывают возможности для успешного применения индивидуализированного творческого труда. Прежде чем работать на новых технологических линиях, закупаемых на Западе, надо создать культурного работника, способного трудиться на них,

иначе все пойдет впустую. Комплексные психологические исследования Всесоюзного научно-производственного и консультативного центра «Хобби» дали интересные результаты. На многих предприятиях после проверки на профпригодность были получены ошеломляющие цифры — занимаемой должности соответствовали лишь 8% работников.

Цивилизованное общество выдвигает новые слои рабочих, труд которых по своей сложности приближается к инженерному труду. Их функции связаны с регулированием и наладкой сложных агрегатов и машин, контролем за технологическим процессом. Они взаимосвязаны с центром всей промышленной системы. По имеющимся данным, этот новый тип работников занимает в нашей стране примерно 17%. А это значит, что массовым является тип пассивного, не склонного к самостоятельности работника. Социологи свидетельствуют: современный человек в массе своей — исполнитель. Творческие способности развиваются лишь у одного—трех процентов людей.

Усложненность технологических систем растет намного быстрее, чем квалификация рабочих. Отсюда было бы естественно, чтобы профессионально-техническое обучение проходило на базе общего среднего образования и возрастали требования к общей культуре работника. Связано это и с тем, что в будущем, в новых условиях рыночной экономики каждому рабочему за свою жизнь предстоит минимум два-три раза менять профессию. И здесь понадобятся культура, образование, широта кругозора, потребуется активно формировать в человеке потребность в «своих университетах».

Многие рабочие готовы повышать свою квалификацию и с интересом и желанием относятся к дальнейшему обучению. Но значителен процесс людей, пассивно воспринимающих новации в производственном процессе. Да и система повышения квалификации носит формальный характер и реально отсутствует. Это придется учитывать при разработке планов социального и профессионального развития трудящихся... когда до них дойдут руки...

Несколько слов о культурной атмосфере трудовых коллективов, где рост производственных показателей тесно связан с повышением общего культурного уровня работника и где происходит политическое, профессиональное и нравственное развитие трудящихся. Известно плодотворное влияние культуры на качество трудовой деятельности человека. Работник, постоянно повышающий свой культурный уровень, приобщающийся к духовным ценностям, становится иным и в трудовом процессе. Он иначе, с большим эффектом работает на своем рабочем месте, инициативно реагирует на

технологические изменения, не допускает «трудовую не-ряшливость», стыдится брака. У него вырабатывается творческое отношение к труду, непримиримость к рутине и шаблону. Но трагедия в том, что те, кто горит желанием энергично трудиться, по-прежнему окружены многочисленными социально-нравственными, административными и правовыми запретами.

Одной из составных частей общего комплексного процесса формирования сознательности и социальной активности работника является культурная атмосфера трудового коллектива. Существенным элементом ее, имеющим непосредственное отношение к формированию человека, является организация труда и трудовых взаимоотношений. Перестройка этих социальных механизмов осуществляется не просто, не автоматически, а в результате реального участия самих трудящихся. Постоянная тяга людей в те трудовые коллективы, которые живут интересной, насыщенной культурной жизнью. Это можно видеть на примерах предприятий, в которых организация социальной сферы на высоте.

Сегодня труд неотделим от культуры, причем не только культуры производства, не только культурой околопроизводственной, но и культуры управления им. Последнее особенно важно. Пока на макроуровне не будет наведен элементарный порядок, не будут налажены как вертикальные, так и горизонтальные связи, производственная дисциплина, уважение к законам — другими словами, пока не будет налажена хозяйственная *система*, до тех пор несерьезно требовать всего этого от отдельных предприятий и их тружеников. А времени уже нет. Капитаны производства до сих пор не смогли наладить макрокультуру управления, а вопрос стоит таким образом, что если не заработает микрокультура производства, это грозит гибелью всему народному хозяйству: остановкой предприятий, забастовками, безработицей, снижением валового национального продукта и, в конечном счете, стагнацией производства, голодом и социальным взрывом общества. Найти высококультурных, компетентных руководителей, сделать ставку на сознательных трудящихся, прекратить политические игры и, засучив рукава, взяться за повседневную работу для страны и для себя — настоятельное требование дня, залог культурного обновления производственной сферы.

**Секрет
гармонии
личности**

Культурное обновление общества связано с научно-техническим процессом, который, являясь частью культурного движения, во многом задает ему содержание, направленность, темпы. Это

сплетение характерно для прогрессирующего общества. Научно-технический прогресс облегчает жизнь, но в то же время приводит к серьезным социальным коллизиям,

например, чем более достижения медицины продлевают человеческую жизнь, тем больше увеличиваются перенаселенность и обнищание населения. Обратной стороной научно-технического прогресса может стать так называемая массовая культура, которая на самом деле является подделкой под культуру, примитивизирует и опошляет культурные ценности, ведет к духовной стандартизации личности. В цивилизованном обществе взаимодействие научно-технического прогресса с культурой приводит к созданию и распространению общечеловеческих культурных ценностей.

Современное общество может создать все необходимые благоприятные условия для достижения этого результата и, в частности, для ускоренного развития ядра НТП — науки.

Наука, да и вся культура развиваются в наши дни небывало динамично, но столь же быстро растут и требования к ним. Пренебрежительное отношение к науке или промедление с усвоением содержания новых теорий, открытий, нововведений в естественных, технических науках, а тем более в обществоведческих дисциплинах чреваты опасным отставанием как в экономике, так и в духовной жизни.

Известно, что научно-технический прогресс преимущественно осуществляется в сфере взаимодействия науки и материального производства, но нельзя преуменьшать силу его воздействия и на социальную жизнь, на духовную культуру. Он становится ведущим фактором культурного развития, необходимым интеллектуальным феноменом общества, открывающим новую культурную эпоху. Поэтому одна из важнейших задач цивилизованного общества — добиться того, чтобы каждая стадия этого процесса сопровождалась конкретными, полезными для данного общества культурными, интеллектуальными и моральными приобретениями, ибо без этого обеднеет культурная жизнь, усилится инерция технократического подхода. Словом, технократический менталитет нуждается в том, чтобы в него вдохнули гуманитарное мироощущение. Для этого, в первую очередь, необходимо всесторонне изучить механизм воздействия науки и техники на изменение культурных ценностей. В то же время важно осознать и влияние различных сфер культуры на процесс развития науки и техники.

В наше время тема научно-технического прогресса обсуждается весьма широко. У него есть и восторженные приверженцы, и те, кто считает его не только чуждым, но и враждебным человеку и природе. В общественном сознании прочно утвердился двойственный взгляд на него. С одной стороны, он воспринимается как благо, ибо воплощает в себе

результаты развития творческих способностей человека и стимулируют их. С другой стороны, очевидно, что это — сложный культурный комплекс, порождающий новые в истории человечества познавательные, философские, этические проблемы, связанные с изменениями — часто непредвиденными — социального бытия. Научно-технический прогресс — это не только внедрение новейших достижений науки и техники в производство. Это и объективное распространение их во всех сферах социокультурной жизни. Современный взгляд на НТП связан с отказом от одностороннего преувеличения как позитивных, так и негативных оценок этого явления, переходом к тщательно-му рассмотрению его возможных последствий, изучению путей усиления благоприятных и нейтрализации неблагоприятных из них.

Вторгающийся в человеческую жизнь научно-технический прогресс не мог не изменить ее, но естественная природа человека в том глубинном и первоначальном, что в ней заложено, осталась неизменной, сохранилась в своем перво-родстве. Поэтому при всей значимости научно-технического прогресса было бы грубой ошибкой не учитывать и порождаемые им стандартизацию и технократизацию жизни, стрессы и опасности, связанные с неадекватным использованием его достижений, его слепой абсолютизацией, представлением о том, что машины могут заменить интеллектуальные силы человека или компенсировать недостатки в его нравственном или эстетическом развитии. Техника может по-разному влиять на культуру. К примеру, увеличение свободного времени, как результат научно-технического прогресса, с одной стороны, приводит к освобождению человека от обезличивающей атмосферы массового производства, а с другой — техника начинает использоваться для создания обезличивающей сферы массового общения. Интенсивное использование людьми средств аудиовизуальной информации нередко оставляет им мало времени для раз-мышлений и непосредственного личного общения.

Как тут не вспомнить спорные, но очень актуальные мысли Н. Бердяева, по мнению которого техническая революция — величайшая революция, какую только знала история, — кризис рода человеческого. Суть этого кризиса состоит в том, что машина покоряет не только природные силы, но и самого человека. «Она не только в чем-то освобождает его, но и по-новому порабощает»¹. Опасность закрепощения человека новейшей машиной существует и в

¹ См.: Бердяев Н. Человек и машина // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 162.

наше время. Альберт Швейцер в своей книге «Культура и этика» пишет: «В одной из книг Чжуан-цзы рассказывается, что, когда ученик Конфуция увидел садовника, несущего воду для полива своих грядок, которую он каждый раз доставал из колодца, опускаясь в него вместе с сосудом, он спросил его, не хочет ли он облегчить свою работу. «Каким образом?» — спросил садовник. Ученик Конфуция ответил: «Надо взять деревянный рычаг, передний конец которого легче, а другой конец тяжелее. Тогда можно легко черпать воду из колодца. Такой колодец называется колодцем с журавлем». Садовник же сказал в ответ: «Я слышал, как мой учитель говорил, что если человек пользуется машиной, то он все свои дела выполняет, как машина. У того, кто выполняет свои дела, как машина, образуется машинное сердце. Тот же, у кого в груди бьется машинное сердце, навсегда теряет чистую простоту». Опасности, о которых догадывался садовник еще в V веке до н. э., подстерегают нас и сегодня.

Научно-технический прогресс сказался на стиле жизни человека, породил противоречие между лавинообразным ростом информации и реальными возможностями ее восприятия. Нельзя закрывать глаза и на отмеченный социологами парадокс, когда наряду с колоссальным ростом тиражирования культурной продукции все более узким становится круг подлинной приобщенности личности к культуре, сужается область непосредственного культурного опыта. Об этой опасности пишет известный европейский культуролог Б. Люсато: «Увы! Ведь компьютер вводит в совершенный, но нереальный мир, где с вас снимаются многие обязанности, где не нужно утверждать себя»¹.

Процесс массового освоения достижений науки и техники, их включения в повседневную культуру — процесс внутренне противоречивый. На социальном уровне такое освоение предполагает радикальную перестройку системы социализации. Речь идет не только о переустройстве средней и высшей школы, хотя само по себе оно вызывает множество затруднений: изменение учебных программ и учебников; переквалификацию преподавателей; новые формы организации процессов обучения и т.п. Важно дополнить общее и профессиональное образование институтами, обеспечивающими людям на протяжении всей жизни организованный доступ к научной и культурной информации. Это означает перестройку средств массовой информации,

¹ Цит. по: Советская культура. 1987. 27 окт.

организацию широкой сети информационных служб, кардинальное изменение деятельности библиотек и т. п.

На техническом уровне решение такого рода задач вполне возможно. Однако когда дело доходит до практики, вступают в действие социокультурная инерция, боязнь хаоса из-за нарастающего потока неосвоенной информации. Одни люди оказывают сопротивление инновациям из-за нежелания отказаться от занимаемых высоких позиций в традиционно сложившихся организационных структурах, другие не хотят переучиваться, третьим — при всем желании перемен — не хватает знаний, опыта, навыков. Таким образом, противоречие возникает из-за неумения или нежелания перевести научно-технический потенциал, имеющийся в обществе, в новые социально приемлемые элементы общественной практики.

К. Э. Циолковский говорил: «... не признаю я и технического прогресса, если он превосходит прогресс нравственный...». Человечество довольно дорогой ценой платит за научно-технический прогресс и технологическую революцию. Они поставили человека под «каблук техники», в значительной степени вытолкнули из него эмоциональную культуру, лишили его таких благородных качеств, как нежность, сентиментальность, чувство душевной созерцательности. Потеря их сказалась на духовно-нравственном облике человека и всего общества, привела к огрублению и примитивизации человеческих отношений.

Возможности техники таковы, что человек может в значительной степени передавать ей многие, в том числе мыслительные функции. Это грозит утерей целого ряда жизненно важных для человека навыков, связанных с ручным трудом, простым расчетом и пространственными представлениями, наконец, с эмоциональной оценкой возникающих перед ним вопросов, на которые он сможет получить «машинный» ответ. Конечно, техника — помощник человека. Но ни в коем случае не заменитель его в культуре. Поэтому безоговорочно приветствовать НТП можно только тогда, когда строго сохраняется общечеловеческая иерархия ценностей, где высшей ценностью и целью НТП выступает человек, его богатый внутренний мир. Перекос в этой иерархии, когда как-то незаметно средство и цель меняются местами — одна из наиболее страшных опасностей, которые угрожают в современном мире не только человеку, но и всему человечеству. Навсегда исключить эту опасность из жизни, найти алгоритмы оптимального использования НТП для расцвета человеческой личности, а

стало быть и общества, и всего человечества — таков путь современного человека к технической цивилизации.

В последние годы своей жизни один из творцов кибернетики Н. Винер с тревогой отмечал социально-этические последствия взаимосвязи людей с «разумными» устройствами. «Отдайте же человеку — человеческое, а вычислительной машине — машинное, — призывал Винер. — В этом и должна, по-видимому, заключаться разумная линия поведения при организации совместных действий людей и машин. Линия эта в равной мере далека и от устремлений тех, кто во всяком использовании механических устройств в умственной деятельности усматривает кошунство и принижение человека»¹.

Признание вспомогательной, служебной роли техники ни в коей мере не означает отрицания научно-технического прогресса и научной мысли. Давая человеку совокупность полезных вещей, они предполагают умение его использовать эти вещи, особую культуру обращения и общения с машиной, позволяющей расширить сферу отношений человека к природе, обществу. Однако эта культура общения с машиной не должна заслонять от человека ту реальность, которую способен воспринимать только он и которая недоступна «машинному времени». В этом смысле речь идет о построении принципиально новых форм отношений человека уже не только с рукотворными вещами — объектами традиционной культуры, — но и с «рукотворным разумом», возможности и последствия функционирования которого сегодня даже нельзя полностью оценить.

Для культуры актуальная задача — полностью использовать возможности кибернетизации деятельности электронных хранилищ информации и персональных компьютеров. Но нельзя забывать, что эта техника может верно служить человеку, а может — при неправильном отношении к ней — оказаться помехой интеллектуального и эмоционального развития личности. Человек должен оставаться человеком в любых условиях. Подлинным строителем общества выступает не индивид, окруженный машинами, а личность с высокой умственной и эмоциональной активностью, готовая к интеллектуальному самовыражению в проблемных ситуациях. Не придаток современной техники, а ее властелин, не технократ, а гуманист, человек большой культуры.

В отношениях с компьютерами не может быть крайно-

¹ Винер Н. Творец и робот. М., 1966. С. 82.

стей — ни абсолютизации, ни недооценки. Компьютер — что книга, на дисплее можно получить любую информацию; это — машина для творчества, партнер для игр и многое другое. Но компьютер не заменит человеку товарища или любимую женщину. Очень справедливо говорил Паскаль: «Человеку по-настоящему интересен только человек». А компьютер — это вещь, хотя и очень ценная и полезная. И как всякая вещь, он требует от человека умения его использовать, культуры общения с машиной, позволяющей с ее помощью развивать творческое отношение человека к природе, обществу, миру в целом.

Говоря о компьютеризации, нельзя не подчеркнуть, что ее успехи, как и все развитие производительных сил — это результат творческой деятельности человека. И в условиях научно-технической революции от человека требуется не только высокая образованность, необходимая для развития техники, но и строжайшая дисциплина, как важнейший элемент высокой культуры взаимоотношений с техникой. Дорогой ценой обходятся легкомыслие и невежественность, безответственность и недисциплинированность людей. Ведь авария на 4-ом энергоблоке Чернобыльской АЭС произошла прежде всего из-за недостаточного уровня культуры у обслуживающего персонала, да и у создателей станции, не сумевших обеспечить ее надежность. По данным академика В. А. Легасова, свыше 60% аварий в стране происходит из-за ошибок персонала.

Ныне открылся удивительный мир электроники и информатики, роботов и компьютеров, но он ни в коей степени не должен закрывать мира предельного развития человеческого в человеке, его уникальности, мира разума и гуманности, мира многообразия личностных проявлений. С помощью новейших «умных» машин человек делается сильнее. Но свое человеческое — умственное, эмоциональное, нравственное — он не должен отдавать «на откуп» машинам, как никогда не отдавал в прошлом — когда изобрел колесо, паровую машину, самолет, телевидение, атомную электростанцию. Все открытия, приобретаемые знания он использует для совершенствования своего существования, для их органического включения в ценности человечества. Но всегда он остается человеком. Он любит детей и имеет свои философские взгляды и свою нравственную позицию; он раздраем противоречивыми чувствами; он боится смерти и идет на нее во имя идеала. У самой «мудрой» машины ничего этого нет. Личность способна духовно формироваться только в условиях человеческого общения. Нам кажется очень

спорным высказанное доктором Э. Теллером из Калифорнийского института предположение, что если машина может выносить правильные решения, она будет способна и к проявлению «чувств». Никакой «электронный коллектив», никакой компьютер, даже в «диалоговом решении» не сможет заменить общения между людьми. В то же время следует иметь в виду, что компьютер не только технический инструмент. Прежде всего, это инструмент, актуально, а тем более потенциально превышающий физические возможности человека. Еще более важна его способность к самопрограммированию. Это создает возможность его автономного от человека существования с непредсказуемыми последствиями, которые, однако, жизненно необходимо будет предсказать и проработать.

Очевидно, нам и впредь предстоит лавировать между Сциллой и Харибдой последствий научно-технического прогресса, снявшего с человека большое бремя обязанностей, значительно высвободившего его физические и духовные силы, но и создавшего опасность атрофии этих сил. В то же время он взвалил на него тяжелейший груз моральной ответственности и новых, неведомых ранее обязанностей. В современных глобальных условиях человек должен суметь направить блага цивилизации на спасение нищих и голодных людей, которых на нашей планете сотни миллионов; научиться решать государственные конфликты мирным путем, не нажимая смертоносной кнопки для их решения; проявлять способность и умение пользоваться имеющейся у человечества драматической силой — атомом, превращая его в орудие для сохранения мира и процветания народов.

Человечество всегда верило в доброту научно-технического прогресса. Нараставшая производства вещей, он повышает и образованность людей, обогащая интеллектуальную сферу. Но бывают и сбои. Открытия науки и совершенствование техники, направляемые реакционными силами или некомпетентными людьми, могут превратиться в величайшую трагедию для человека, для жизни на планете. Термоядерный взрыв — неважно, «военный» или «мирный» — может покончить со всем человечеством. Только от самих людей зависит спасение цивилизации.

**Тернистый путь
открытия
и постижения
культуры**

Свое выражение духовный мир человека непосредственно находит в культурных потребностях, в расширении их сферы, в формировании новых запросов, возвышающих личность. Известный психолог П. В. Симонов рассматривает потребности как «специфическую (сущностную) силу живых организмов, обеспечивающую их связь с внешней средой для самосохранения и саморазвития, источник активности жи-

вых систем в окружающем мире». Культурную потребность нельзя рассматривать как некую механическую сумму различных желаний человека. Она выступает, с одной стороны, в качестве продукта духовного развития, а с другой — в форме интеллектуального притязания личности, завершающего ее побуждение к творческому действию. Как справедливо заметил один социолог, потребность в духовном восхождении является столь же неотъемлемым видовым признаком человека, как и его способность к прямохождению.

Потребность двойственна: она может носить как пассивный, созерцательный характер, так и творческий, когда человек является не просто потребителем, а соучастником создания ценностей, обладая свободой выбора. В последнем случае она становится источником активной человеческой деятельности, доминантой его поведения. Потребление культурных ценностей и их адекватное использование облагораживают человеческие способности, расширяют духовные горизонты личности. Отсюда цивилизованному обществу присуща нарастающая тенденция борьбы за духовность, когда с ростом культуры и образованности уменьшаются мелкие, примитивные потребности людей.

Лицо культуры — не только в ее результатах, но и в том, как она воспринимается и усваивается. По словам Фромма, в жизни существуют модус бытия и модус обладания. Творческое восприятие развивает и изменяет человека, делает его более глубоким и интересным и в человеческих взаимоотношениях, и в трудовом коллективе, и в быту. Он хорошо застрахован от влияния политического зла и «конъюнктурной» художественной литературы и искусства, тверже делается его жизненная позиция. Модус его бытия будет возвышаться над модусом обладания. В письме в журнал «Вопросы философии» рабочий Вадим Скучной из г. Отрадное Куйбышевской области писал: «... знаете, что меня беспокоит больше всего? Один страшный факт — бойцов, честных и бескорыстных, становится все меньше и меньше! Почему? Как я объясню этот факт «на моем уровне»? Растет благосостояние без должного роста личной культуры, в результате чего человек превращается в бездуховного потребителя, которому не всегда нужна и выгодна правда»¹.

Цивилизованное общество связывает социальную защиту человека с его культурной защитой от тлетворного влияния духовных наркотиков эрзац-культуры, предостав-

¹ Вопросы философии. 1988. № 2. С. 66.

ляющей реальные условия для свободной духовной и интеллектуальной жизни, формирования его высших способностей, право личного выбора культурных ценностей. Но деформация общества породила у части населения деформированную систему ценностных ориентаций.

Лозунги о приобщении народа к духовным ценностям все еще остаются красивой, но пустой фразой. Ожиданий много, а результатов мало. Кроме того, сегодня нельзя просто стимулировать у населения пассивное восприятие культурных ценностей с помощью, как указывалось в официальных документах, «культурного обслуживания трудящихся». Система «культурного обслуживания» не эффективна потому, что направлена и ориентирована на усредненные «широкие массы», не учитывая при этом каждую личность в отдельности, конкретного индивида с его особенностями, желаниями и потребностями. Длительные годы отечественная идеология формировала конформиста, стандартизировала его сознание, его духовное состояние. Так появилось и стало всеобщим явлением духовное отчуждение, когда в человеке параллельно существовали две ипостаси: личная и официально-общественная. Последняя грубо вторгалась в личную жизнь, подавляя и отодвигая ее на второй план. Люди отвыкли думать и творить, ибо это не только не востребовалось, но пресекалось всеильной официальной идеологией. Отсюда — уклон в пользу пассивно-созерцательных форм: потребительское созерцание кинофильмов, телепередач, спектаклей, спортивных передач и т.п. Отсюда, далеки от правды укоренившиеся замшелые стереотипы и представления, насаждаемые в обществе, о якобы широких возможностях и открытых путях к ценностям культуры. Специальный опрос Института социологических исследований РАН показал, что люди мечтают о социально справедливом положении, при котором всем создаются равные возможности и имеется равный доступ для раскрытия своих способностей. И это при том, что наш человек мало знает и не подозревает, сколько ценного и интересно напридумано человечеством для того, чтобы существенно обогатить свою жизнь. Все это становится нам известным только в самое последнее время, и только теперь мы начинаем понимать, под каким прессом унижения и рабства мы находились все эти годы.

Культура постижения культуры — это умение не только смотреть, но и видеть, умение не только воспринимать, но и думать; не только знать, но и творить. Иначе она остается неувиденной, невоспринятой, неузнанной и таким образом

утрачивает силу своего воздействия. Человек «пассивно» смотрит кино, картину или телепередачу и не видит, что происходит, не задумывается над увиденным, не воспринимает его смысла.

К сожалению, акценты в потребностях не всегда смещаются в пользу духовных. Древний Конфуций справедливо советовал отличать человека долга и совести от человека желудка и выгоды. Когда наступает власть материального интереса, названного Гельвецием «всесильным волшебником», не грозит ли это опасностью разложения личности? Сюда можно отнести и лжепотребности, например, стремление к накопительству как самоцели, без активного использования материальных ценностей. Когда над жизнью господствуют материальные блага, это неизбежно приводит к унижительной духовной деградации. В то же время надо учитывать, что наблюдается расслоение общества по экономическим возможностям потребления культурных благ. Миллионы лишены доступа даже к прессе — важнейшему духовному источнику. Только в двуединстве материального и духовного возможен расцвет человеческой жизни.

Естественно, что трудности реальной жизни приводят к усилению диспропорций и разноречию между экономическими и духовными потребностями, между утилитарно-практическими и культурными ценностями. Но это только часть вопроса. Существуют и другие серьезные проблемы, обусловленные сознанием людей, уровнем их мировоззрения, силой общественного мнения, наконец, образом жизни отдельных социальных групп. Вот почему каждому так нужен свой «инструмент», который помог бы «вручную» отыскать и создать эффективные средства для адекватного восприятия и освоения ценностей культуры, сделать это восприятие чутким и активным. Еще Гегель отмечал, что «определенную, строгую меру в удовлетворении физических и духовных сил точно указать невозможно, но каждый может знать, что именно ему полезно, а что вредно». Ведь культура и есть система ценностей, предполагающих индивидуальный выбор, определенное личностное заинтересованное отношение. Отсюда значение и необходимость индивидуального выбора, возможного только тогда, когда ликвидированы политические преграды и чья бы то ни было абсолютная монополия на духовную жизнь.

Каково же сегодня реальное положение дел в нашем обществе? Картина довольно печальная. И выбор не велик, но,

¹ Гегель Г. Работы разных лет. В 2-х томах. Т. 2. М., 1973. С. 64.

главное, людей влечет к произведениям поверхностным, душещипательным фильмам, сентиментально-мещанским песенкам, что свидетельствует о низком духовном тоне. Интеллектуальный вакуум заполняется серостью и банальностью. Заметен спад посещений театров и кино, закрываются многие кинотеатры, люди все меньше читают, предпочтение отдается телевидению. Пустуют многие клубы, парки и стадионы, на которые были затрачены немалые средства. Их можно назвать рыночным термином «культурные неликвиды». По данным ВНИИ искусствознания, обследовавшего многие регионы, 95% опрошенных не смогли назвать ни одного понравившегося им произведения искусства. Серьезную музыку слушает у нас всего 1% населения. Было время, когда Россия законно славилась своей величайшей музыкальной культурой, а ныне в стране 62 симфонических оркестра, а в США более полутора тысяч, да к тому же весьма значителен поток эмигрирующих из страны музыкантов.

Большинство населения страны проживает в средних и малых городах, но установлено, что их жители в полтора раза реже бывают в театрах, музеях, на концертах, чем жители областных центров. По данным социологов, лишь 8% населения общаются с классическим искусством. Несколько лет назад опрос населения России выявил, что крестьяне в России уступали городским служащим в посещаемости театров в течение года в 7 раз, музеев — в 11 раз, а городским рабочим — соответственно в 3 и 4,5 раза. На начало 1988 года в нашей стране 42% сельских населенных пунктов не имели абсолютно никаких учреждений культуры — ни библиотеки, ни клуба, ни киноустановки, ни даже передвижных «форм культурного обслуживания» вроде кинопередвижки, автоклуба и т.п.

Еще цифры, которые вызывают серьезную тревогу. Около половины детей и подростков до 17 лет за год ни разу не бывают в театре, на концерте или в библиотеке. Совершенно исчезли и неизвестно, возникнут ли когда-нибудь открытые симфонические оркестры в наших парках культуры и отдыха.

Или захлестнувший общество «меблированный», престижный интерес к книгам. Наша страна занимает 47-е место в мире по производству бумаги на душу населения. Нужны колоссальные бумажные ресурсы, чтобы удовлетворить растущие потребности. Но какие? Все мы видим, как, словно грибы после дождя, возникают всякого рода «желтые» и «коричневые» издания и в то же время значительная

часть книжной продукции, многие журналы закрываются или остаются нераскрытыми, выставляются для украшения интерьеров. По приблизительным подсчетам в индивидуальном пользовании в личных библиотеках насчитывается 40 млрд. экземпляров книг, в то время как в государственных и профсоюзных библиотеках около 5 млрд. книг, наполовину состоящих из «мертвых», совершенно не читаемых. Больше половины населения страны этим библиотечным фондом не пользуется.

В наше время в стране ежегодно выходят в среднем 80 тысяч наименований книг и брошюр тиражом 2,5 млрд. экземпляров. Наши читатели получают в день 6 млн. экземпляров книг, каждую минуту издается около 5,5 экземпляров на двухстах языках мира. Если бы вся литература, напечатанная за 70 лет советской жизни (а это примерно 70 млрд. экземпляров), соответствовала высоким требованиям духовности, а не конъюнктурности и удовлетворяла духовные запросы людей, то, видимо, «книжного голода» не было бы.

Чтение выявляет духовное состояние народа. По данным социологических исследований, проведенных Институтом книги, 3,9% населения страны, что составляет около 10 млн. человек, не читают вообще, 10% населения (это около 30 млн. человек) читают очень редко, у 33% — книг дома совсем нет. Таким образом, около 40—50 млн. человек изолированы от книжной культуры. Сейчас во всем мире работающему человеку некогда читать. Большое число людей не владеет культурой чтения, не привыкли к этой упорной и терпеливой работе. Чтение становится занятием побочным, попутным. И дело не только в том, что люди не читают, а в том, что читая, они проскальзывают мимо содержания, довольствуясь самим процессом чтения. Современным читателям не угрожает болезнь Дон-Кихота — сумасшествие от чрезмерного чтения. Появился новый тип читателя — охотника за «жареным» и сенсацией. Исчезают необходимость, умение и потребность в серьезном чтении, изменяются функции чтения, превращающегося в духовную жвачку или неприятное времяпрепровождение. А вокруг горы выставленной на книжных прилавках и лотках агрессивно пестрой пошлятины. Хосе Ортега-и-Гассет писал как-будто бы об этом: «Культура, освободившая человека из первобытной чаши, свергла его в чашу книжную, не менее опасную и глухую».

Человека придется заново учить воспринимать книгу как умного и близкого друга, собеседника. Культура чтения — основа образования. Книга — не аксессуар для мебе-

ли, а необходимая социальная потребность или, как говорил Стефан Цвейг, альфа и омега всякого знания. Главная особенность серьезного чтения в том, что оно требует внимания и сосредоточенного уединения. Но это особое уединение. Оно не носит антиобщественного характера и не нарушает сферу общения. Человек, оставшись наедине с книгой, часто приобретает друзей значительно больше, чем, например, на просмотре фильма совместно с тысячей зрителей.

Но может быть, мы в плену иллюзий? На Западе деятели культуры считают, что в современном мире главное — поддерживать у широкой публики сам процесс чтения. Он важнее, чем качество чтения. Главное — не погасить интересы у читающих. Отсюда появление массовой книги, массовых изданий. Опросы общественного мнения в Англии показывают, что расходы населения на книги устойчиво увеличивались все последнее десятилетие, более 40% населения читают книги постоянно. Это довольно высокая цифра. Чтение на третьем месте во времяпрепровождении после телевидения и спортивных увлечений. В то же время в книге французского психолога Ролана Леруа «Культура в настоящее время» приводились довольно мрачные цифры. Из 100 французов 58 никогда не читали книг. Опубликованные в «Нью-Йорк таймс» данные проведенного Центром книги Конгресса США исследования показывают, что в 1978 году не читали книг 25% молодежи в возрасте до 21 года. К 1990 году этот процент вырос до 37.

Духовная культура может принадлежать каждому. Перефразируя слова Герцена, сказанные им о человеческой мысли, можно сказать и о культуре, что потенциально она не знает супружеской верности: ее объятия всем. Если же говорить о реальном, то прав Б. Пастернак, когда писал в «Охранной грамоте», что культура в объятия первого желающего не падает. Культурная деятельность человека в значительной степени зависит не только от его личных вкусов и желаний, но и от уровня образования и интеллектуальной подготовки. Не следует забывать, что культурные интересы зависят и от социального положения, что дает основание говорить о том, что в нашем обществе имеются несколько уровней культуры, связанных не только с культурными интересами, но и со сложившимися для человека возможностями. Ведь не все имеют равные социальные возможности для овладения культурой или не имеют необходимых способностей, воли, желания. Отсюда проблема приобщения человека к культурным ценностям дифференцируется, ее решение будет эффективно лишь с учетом конкретной ситуации. При

этом нельзя не учитывать, с кем мы имеем дело — с читателем, зрителем, слушателем. Так, для современного массового читателя большую трудность представляет расшифровка эстетического кода неведомых ему ранее альтернативной и экспериментальной литературы, непривычность их формального языка, их художественного мышления. И в жизни получается, что не все произведения рассчитаны на всех: существует и массовый, и элитарный читатель.

Законно возникает вопрос: насколько человек подготовлен к восприятию культуры? Ведь известно, что он видит только то, что способен увидеть в меру своего понимания. Если человек не научился воспринимать ценное, гуманное, что несет культура, он духовно слеп и глух, такого называют мешанином. Особая опасность мешанской психологии — исчезновение идеи высшего предназначения человека, а это и есть утрата духовности. Стремление людей к легкой жизни, жажда неумеренного потребления порождают трагические изломы и девальвацию личности. Борьба с этим притягательным пороком потребительства начиналась задолго до рождения Христа, но и в наши дни она не утихает, и жертвы ее весьма значительны. Сложность ее вызвана тем, что создается своеобразное силовое «поле» извращенных потребностей и интересов, чувств, взглядов и настроений, мистифицируется сознание человека, искажаются его социальное видение мира, понимание счастья и благополучия, игнорируется опасность, угрожающая его идейному здоровью. Словом, каждый «доволен сам собой, своим обедом и женой».

Отношение большинства людей к культуре напоминает отношение к прозе мольеровского Журдена, всю жизнь говорившего прозой и не подозревавшего об этом. Очень немногие задумываются над тем, что культура — необходимая духовная пища для каждого конкретного человека, неоднозначно реализующаяся в каждом. Культуры никогда вдоволь не хватает. Духовный хлеб человек выбирает себе сам: от потребляет то, что ему лично близко, что он уважает и любит. И если люди некритически поглощают его, результата не будет, ничего не останется, как кукурузное зерно проходит переваренным через кишечник птицы. Ведь быстро пролетает жизнь, а мы так и не успеваем понять, выпав из культуры, что она для нас значит, а вернее, что могла бы значить...

Восприятие культурных ценностей носит сложный и противоречивый характер. Приобщение к ним приобрело довольно уродливую форму, выродилось в обнаженный пси-

хоз престижности. Низкий профессиональный уровень потребительской культуры, отсутствие знаний и опыта общения с искусством приводят к аморальной ситуации, типу культурного поведения, когда человек отвергает то, что ему неведомо, неясно, малопонятно. Многие вообще не понимают, зачем им нужна культура, у них нет потребности в ней. Возник «читатель понаслышке», «зритель понаслышке», не знакомый с самими произведениями, довольствующийся светскими оценками, воспринимающий культуру узко прагматически. И закономерный результат — дилетантизм, полужнайство, перерастающее в духовное варварство. Духовная пустота проявляется в максималистской готовности безапелляционно судить о культуре, не считаясь с другими мнениями, взглядами, позициями. Потребительское, упрощенное и примитивное отношение наглядно проявилось в негативном восприятии значительными слоями населения таких величайших мастеров, как Пикассо, Шагал, Модильяни; или наших соотечественников — Ахматовой, Мандельштама, Цветаевой. Конечно, эти выдающиеся деятели культуры от подобных оценок мало пострадали, но вот многие современники остались нищими духом.

Естественно, чтобы воспринимать искусство, требуется немалая культура. Но тот, кто научился этому, кто по-новому увидел яркий, красочный мир искусства, тот уже прозрел и видит его новыми глазами, будет наслаждаться и замечать красоту, мимо которой проходил в прошлом, не замечая ее и не подозревая о ней.

Когда в Москве шли отчаянные споры вокруг «Ревизора», поставленного Всеволодом Мейерхольдом, являвшимся тогда наркомом просвещения А. В. Луначарский писал: «Что бы Вы сказали о человеке, который, прочитав первые пять страниц из «Капитала» Маркса или из «Фауста» Гете, сказал бы «галиматья!» и захлопнул бы книгу? Что Вы сказали бы, если бы он в оправдание своему поведению привел доказательство: да ведь я этого не понимаю?»

Если ты не понимаешь, писал А. В. Луначарский, и если ты хочешь вместе с тем культурно развиваться, то помни, что когда имеешь дело с крупным добросовестным художником, твоей априорной мыслью должно быть, что он гораздо больше тебя знает и умеет. Предположи о зрителе и критике, что скорее ошибаются они, чем творец. Вспомни, что говорили тебе им подобные о самом произведении Гоголя. Признай раз навсегда, что даже тогда, когда ты досмотрел спектакль до конца, даже тогда, когда ты думал о нем несколько дней, поговорил, почитал о нем, — даже тогда, признав, что ты все-таки ничего не понял, тебе скорее сле-

дует прийти в отчаяние от своей непонятливости, чем начать поплевывать на художника».

Торжествует вульгарный примитивизм суждений. С упоением сидят люди у телевизоров, готовые отдать всю культуру за «просто Марию» или плакать вместе с богатыми.

Технические, или как теперь принято говорить, электронные средства массовой информации, к которым в первую очередь относится телевидение, занимают значительное место в развитии и особенно в распространении духовных ценностей. Трудно переоценить их исключительную коммуникативную роль, их значение в ретрансляции культурных ценностей. Отмечая их плодотворное влияние на тенденции развития культуры, на весь ее облик, на становление новых путей социального функционирования духовных ценностей, следует в то же время иметь в виду те коррективы, которые вносят эти средства массовой информации в духовный мир человека, и особенно проблемы, тающиеся в распространении «массовой культуры». Не стоит преуменьшать опасность надвигающейся культурной обезлички, когда люди превращаются в продукты некой мировой «телекультуры». Насилие культурой — это все равно насилие...

Проницательный Козьма Прутков заметил: «Три дела, однажды начавши, трудно кончить: а) вкушать хорошую пищу; б) беседовать с возвратившимся из похода другом и в) чесать, где чешется». В наше время появилось и четвертое дело: смотреть телевидение. В одном американском фильме изображен «телеидиот» — человек, ставший частью своего телевизора.

Но вот беда. Несмотря на симпатичную домашность телевидения и то, что оно позволяет нам ближе увидеть человека, заглянуть в его глаза, оно отучает человека от высокой культуры общения с искусством. Если в театре или в кино создается соответствующий климат уважения к искусству, и человек приучается к определенному типу его восприятия, то на телевидении этого нет. У себя дома, в шлепанцах, поедая макароны или разговаривая по телефону, человек одновременно и воспринимает ценности искусства, со снисходительной терпимостью меняет программы...

Средства электронной информации выплескивают на человека дикую жестокость и злобу, истерические ритмы и конвульсивные кривляния, убогие шлагеры и порнографию, превращая его в зомби — человека, «закодированного» внешним гипнотическим воздействием, безвольно ему подчиняющегося.

Тревожна и опасна прагматическая ориентированность духовной культуры. Связана она с духовным отравлением народа, развращающим влиянием суррогатов «массовой культуры», безудержным воспроизводством этой продукции, занижением уровня духовных притязаний, определенным типом освоения ценностей. Эрзац-культура становится разрушительной силой, орудием общественного зла, возбуждает дурные, низменные страсти, уродует цинизмом, пошлостью и примитивной мещанской красотой. Влияние примитивных представлений, различные ложные, иллюзорно принимаемые за истины воззрения и идеи несут резкое культурное расслоение, духовный кризис личности и интеллекта нации. Ложные стереотипы восприятия изживаются медленно и трудно.

Упрощенное понимание культурных потребностей общества связано с ограниченным или пренебрежительным пониманием человека, когда он рассматривается как существо с минимальными и неизменными интересами, узким кругозором, с амбициозными запросами и безапелляционностью суждений. Такой подход приводит к возникновению поделок, рассчитанных на дурной вкус, к снижению требований к художественной продукции, к появлению «внешней» культуры. Отсюда имитация культуры, снижение и обеднение ее общественной роли, ее социального назначения. Качество ценностей подгоняется под уровень восприятия их человеком. Некогда философ говорил, что этикетки в политике подчас обманывают не только покупателя, но и самого продавца. Серость и неразборчивость создают питательную среду для действия принципа «убывающего плодородия» культуры, снижения духовно-нравственной «планки» человека. Самое же страшное, что это не осознается.

Тема гибели человеческого духа мало волнует современных мастеров культуры. Нарастающие процессы стандартизации умножают число людей, довольствующихся примитивными ценностями. Многие годы воспроизводятся миллионы потребителей массовой культуры. Справедлива тревога Альберта Швейцера о современном человеке, бредущем «унылой дорогой в унылое время»¹. А большие корабли культуры проплывают мимо.

Стандартизации человека способствовало заимствованное из средневековья «книжное запретительство», когда запрещались сотни тысяч «изъятых» книг. В результате,

¹ Швейцер А. Культура и этика. М., 1973. С. 53.

лишенный высоких ценностей человек привыкал к «прожиточному» минимуму духовности. Л. Троцким, острым и беспощадным на язык, было дано горькое и вместе с тем точное определение (кстати, очень нравившееся Ленину) — «духовная вшивость». Опасность имитации таится в том, что, потребляя духовные суррогаты, человек верит, что он приобщился к культуре и «утолил» свои духовные потребности, в действительности познавая то, что не надо, устроившись на удобной подушке для духовного сна. Так, *рядом с имитацией появляется иллюзия духовности*, грозящая потерей понимания значимости культуры.

Подогреваемое огромным потоком информации, массовое впитывание культурных сведений, творчески и критически не осмысленных, приводит к культурному дилетантизму, к полуобразованности и псевдоинтеллигентности. Дилетантизм, скрепленный дипломом о высшем образовании, агрессивно наступает на культуру. *Следует подумать о формировании особого типа культуры — культуры восприятия*. Странно, почему молчат деятели культуры, обязанные отстаивать право человека на высокое искусство, бороться за то, чтобы общественный вкус преодолел достаточно затянувшийся и усугубляющийся недуг бездуховности. Создается впечатление, что средства массовой информации, а к ним можно присоединить и киноискусство, забывают о своем влиянии на зрителя и слушателя, о естественном акте духовной гигиены, о задаче будить духовные запросы людей. Они легковесно и нетребовательно относятся к своей «духовной продукции», снижение качества которой ведет к насаждению дурного вкуса. Так появился феномен «отвратительного кино», поражающего зрителя своей агрессивностью, грубостью, грязью.

Большой вред наносит механическое, формальное навязывание культуры извне. Духовное приспособленчество развращает людей. Человека нельзя снабжать урезанной, одобренной, приглаженной культурой и тем самым закрывать плотину перед высокими духовными ценностями. Приобщение к эрзац-культуре наносит непоправимый вред. В последние десятилетия на кинозрителя обрушились душещипательные мелодрамы, не самые лучшие образцы восточных киностудий. Второсортные западные фильмы серьезно сказались на формировании вкуса кинозрителей, отучили их ценить подлинное искусство. Здесь причина того, что у значительной части молодежи — отсутствие вкуса, массовое эстетическое дурновкусие, неумение и неподготовленность ориентироваться в сфере искусства и моды, духовная

инфантильность. Отсюда опасность диктата «массовой культуры», превратившейся в заурядный товар современного рынка, влияющий на молодого человека, чье культурное развитие достаточно противоречиво и зигзагообразно.

Широкая популяризация на телевидении вокально-инструментальных ансамблей и выделение им огромного времени в эфире тревожны не только качеством преподносимой музыки. Несомненно, радио и телевидение повинны в инфляции музыки. Плохая музыка становится предметом восторгов и восхищения. На этом «взлете» происходит оттирание, забвение выдающихся произведений классической музыкальной культуры, а молодежь лишают музыкальных знаний, снижается культурный уровень многих миллионов радиослушателей и телезрителей. Энергичные действия «музыкального авангарда» уже привели к тому, что значительный слой слушателей оказался изолированным, приобрел комплекс культурной неполноценности и самоликвидируется (т.е. перестает слушать музыку).

Получилась довольно странная вещь. Музыка, призванная эстетически и чувственно объединять людей, отчуждает человека от искусства и от самого себя. Не препятствуя молодежи увлекаться «своей» музыкой с ее электрогитарной агрессией на барабанные перепонки, можно ведь в то же время умело формировать эстетические представления о музыкальных ценностях, их роли в обогащении человеческих чувств. Известно, что довольно значительные слои населения тянутся к модной эстрадной музыке, детективным романам. Как говорится, дело вкуса. Но нужно стремиться к их качеству, памятуя об угрожающей опасности пошлости и банальности, разъедающих духовный мир человека, экологии его личностной музыкальной культуры.

Чем объяснить, что часто возможности для приобщения к ценностям культуры не дают необходимых результатов? Что предпринять в создавшейся ситуации? Ответ один: надо уделять культуре то внимание, какого она заслуживает как одна из основ самой жизни. Ее надо дотировать, пропагандировать, демонстрировать образцы. Культура не менее, если не более важна, чем политика и экономика. Результаты ее воздействия не менее эффективны или катастрофичны.

Успехи цивилизации превращают ее в цивилизацию досуга. Нельзя этому не радоваться. Но в то же время избыток досуга может обернуться своей отрицательной стороной, может стать опасным, если не будет сопровождаться духовным обогащением человека, развитием его интересов и вкусов. Низкую культуру досуга нередко связывают с

алкоголизмом. Многие люди не владеют культурой отдыха, не знают, куда себя деть вечерами, что делать после работы. Вечерняя трезвость для них оборачивается пустотой и «необустроенностью жизни», трезво проводить ее они просто не умеют, не научены. Поэтому все «радости жизни» сводятся к бутылке. Масса людей за эти горестные «радости» упорно держится, спускаясь на нижние этажи культуры. Времяпрепровождение 44% молодежи — безделье, пустые тусовки и поиск источников получения удовольствия. И здесь мы снова обращаемся к социальному назначению культуры, формирующей отношение людей к окружающему их в повседневной жизни, от семьи до производственного коллектива.

Удовлетворить стремление к духовным ценностям — одна из важнейших целей цивилизованного общества. Но для этого необходимо создание структур, обеспечивающих всеохватывающую систему непрерывного образования, включающую разветвленную сеть учебных центров, подготовку и переквалификацию десятков миллионов людей. При добыче золота необходим процесс обогащения, так и людям необходим процесс образования. В современном мире идея непрерывного образования, которое будет формировать и совершенствовать человека всю его жизнь, является и магистральной целью, и стратегической задачей. Надо периодически менять все начитанное, наработанное, осмысленное, и тогда вы будете постоянно изменяться и совершенствоваться.

Восприятие культуры — это всегда определенное напряжение. Нелегко воспринимать высокие, а порою и сложные духовные ценности. Учить этому надо с детского сада, в школе, всю жизнь. Такова стройная, простая и реалистическая система духовного воспитания. Ведь формирование личности во всей многогранности ее социокультурного развития, профессионализма, сознательной дисциплины, высокой нравственности является и целью культуры, и непременным условием культурного прогресса. В человеке — условие всех перемен. И, естественно, эта проблема весьма важна для научных исследований, направленных на обеспечение результативных форм приобщения к культуре всех социальных слоев, групп, каждого человека. Поиск новых ценностей и ориентаций носит комплексный характер, но отдельные грани нуждаются в специальном изучении и осмыслении. Законно встают вопросы о прогнозировании, о размерах завтрашнего культурного обеспечения человека, о том, что его ждет в духовной сфере.

Обращает на себя внимание тенденция упрощения культурной среды в быту. Заметно сокращение культурных объектов, находящихся в зоне повседневного использования (например, спад посещений библиотек и музеев). Обедняется сфера межличностного общения людей. Такое упрощение в условиях усложнения предметного окружения людей, роста новых идей и ценностей, разнообразных художественных стилей и направлений, ворвавшихся в нашу духовную жизнь, уже сегодня привело к разрыву между высокими профессиональными знаниями и обыденными навыками, усложнившейся передовой культурой и упрощенной повседневной культурой человека.

Ныне в обществе возникло реальное противоречие, заключающееся в том, что на смену отмирающим классовым различиям приходят различия неклассового характера, относящиеся к духовно-бытовой сфере, различия культурные и нравственные. Учитывать эти противоречия придется современной культурной политике, всей системе образования. Ведь по существу это означает, что сердце общественного организма, двигатель его развития, каковы-ми и являются противоречия, — постепенно перемещаются из сферы политики в сферу культуры и нравственности.

III. НОВАЯ СУДЬБА СТАРОГО ПОНЯТИЯ

- **Культура и мировоззрение**
- **Разум в структуре культуры**
- **Гуманистическое мышление — наука против идеологического гипноза**
- **Феномен активного социального действия**
- **Политические ценности нормального человеческого общества**

Справедливо замечено, что особую актуальность вопросы мировоззренческого звучания приобретают в те периоды человеческой истории, когда возрастают и выходят на передний план динамизм и сложность культурной жизни. Современные события это подтвердили. И мировоззрение нашего народа, вслед за объективными культурными трансформациями подверглось серьезным испытаниям и изменениям. Перед каждым честным человеком стоит вопрос выбора дальнейшего пути. И обновленная культурная доминанта мировоззрения дает однозначный ориентир в этом выборе: сегодня мыслить и действовать по-новому означает мыслить и действовать в духе гуманистического мышления.

Культура и мировоззрение	В культуре выражаются сознание и менталитет эпохи. Большой интерес и много споров вызывает поэтому проблема взаимосвязи культуры и мировоззрения. Здесь можно увидеть полярно противоположные взгляды, разброс мнений, остроту полемики. Попытаемся высказать по этому вопросу наши соображения, учитывая при этом, что на каждом историческом этапе многие мировоззренческие проблемы раскрываются и актуализируются по-новому, обретают адекватное времени звучание.
---	--

История цивилизации свидетельствует, что культура немислима и без, и вне мировоззренческого ядра: совокупности тех взглядов, представлений и идей о природных и социальных явлениях, которые, будучи освоенными личностью, ориентируют и формируют ее жизненную позицию. В то же время очевидна зависимость мирозерцания и миропонимания от уровня развитости и вплетенности в них культурных ценностей.

Культура способствует прогрессу мировоззренческих установок личности: формирует ее избирательную способность к наблюдению своего природного и социального окру-

жения; умение выделять для себя нечто наиболее значимое в этом мире, глубоко проникать сознанием в суть постигаемых явлений; способность давать оценку познанным феноменам и проблемам, выявляя, в какой мере мировоззрение адекватно истинному положению вещей и как в соответствии с этим человек действует. Сегодня раскрытие этих функций культуры в мировоззрении приобретает особый смысл, потому что тесно связано с процессом демократизации всей духовной жизни, утверждением в сознании и образе мыслей человека демократического миропонимания и мироощущения, высокой политической культуры.

Научная мысль подтверждает, что взаимосвязь культуры и мировоззрения основывается на присущей им единой **идейной и социальной направленности**: ориентации на решение проблем общецивилизационного прогресса. Культура — явление, тончайшим образом отражающее идейную и психологическую настроенность людей, сознание и душу наций и народов. Чем глубже осмыслены в культуре мировоззренческие проблемы бытия, тем сильнее ее потенциальные возможности, значительнее ее влияние на общественное сознание. Связь между культурой как выражением современных норм и ценностей жизни и мировоззрением как системой взглядов на мир и место в нем человека, — самая тесная, органичная. Являясь совокупностью принципов, взглядов и убеждений, определяющих активность личности, социальной группы или общества в целом, мировоззрение пронизывает мир культуры, выступает не только как способ познания мира, но и как форма деятельности, направленной на его преобразование. Мировоззрение не просто включено в культуру, оно является культуротворческой силой. Наглядный пример — российская литература, особенно древняя, которая всегда была мировоззренческой и всегда была охвачена идеологическими богениями.

Влияние научного мировоззрения на духовную жизнь человека проявляется в том, что оно выступает и средством, и результатом познания и оценки наиболее существенных моментов в природном и социальном бытии, определения перспектив и способов самоутверждения личности. Мировоззрения нельзя сводить к единому знаменателю, а, наоборот, следует учитывать плюрализм мировоззрений как систем уникальных чувств и духовных, идейных связей. Не надо каждого человека как колбасой «обеспечивать» мировоззрением. Пусть это будет связано только с его личными желаниями и интеллектуальными потребностями,

пусть мировоззренческая позиция будет личным делом каждого.

Картина мира, отраженная в мировоззрении личности, двуаспектна. С одной стороны, это картина естественного мира, мира природы и космоса, а с другой — картина мира культуры, мира духовности, внутреннего мира человека. Если первая достаточно хорошо известна, то мир культуры еще не всегда глубоко осмыслен с мировоззренческих позиций, т.е. как целостное и системное явление. Между тем, бесспорна значимость этого осмысления для человеческого миропонимания. В прошлом свободному становлению мировоззрения мешали идеологически навязанные нам односторонность, однобокость при восприятии исторических или культурных ценностей, нарушение элементарных принципов историзма. Недостойными внимания оказались творения деятелей науки и искусства, не укладывающиеся в «прокрустово ложе» идеологической концепции КПСС. Естественно, что это накладывало свой отпечаток на развитие общественного сознания и неизбежно приводило к интеллектуальной самоизоляции страны и окостенению творческой мысли.

Мировоззрение выступает культуротворческой силой и условием целенаправленной созидательной деятельности человека. Свобода мировоззрения, уровень его развития позволяют говорить о мировоззренческой культуре, выступающей сущностью духовной культуры личности, ее взглядов и образа жизни.

Отсюда необходимость формирования у человека вкуса к творческому поиску, диалектического мышления, способности и умения определять и оценивать социальные явления, сопоставлять их, подходить к ним исторически. Так, нельзя допустить «размывание» конкретно-исторического подхода к культуре. К сожалению, это имеет место. В некоторых исторических трудах Иван Грозный объявляется «средоточием государственной мудрости», Наполеон — «гением человечества», а Чингис-Хан — создателем эффективной управленческой системы. Иные публицисты и писатели творят новых кумиров, готовы обелять и восславлять кого угодно — лишь бы их оценки были прямо противоположны предшествующим, для чего выискивают нужные им факты, тенденциозно отбирают их и на них строят свои сенсационные концепции.

В общественном сознании прочно укоренилась привычка мыслить не категориями творческого созидания, а категориями разрушения и остракизма. Известно, что разрушать

всегда легче, чем строить. Пока не найден позитивный противовес критикуемому, нужна культура самоограничения словесного недержания. Поэтому столь необходима политическая культура, а ее требование — не придавать огульно идеологии императивного значения, но и не вешать на нее ярлык «ложного сознания». И в том и в другом случае нас ожидают мировоззренческий вакуум, ложная дорога и отрицательный результат. Но наше сознание искажено прежней запрограммированной идеологической моделью, порочностью ее основной идеи мирового господства. Политическая культура оказалась в перевернутом, извращенном виде. Сформировалась идеологически-религиозная система, канонизировавшая узкодогматическое понимание марксизма. Эту систему «государственной религии» отличал столь жесткий и апологетический характер, что одно время она сумела в своем влиянии оказаться сильнее религиозных систем Христа, Будды и Магомета. Маркса и марксизм возвели в божественный сан ретивые последователи, многие из которых, когда изменилась политическая погода, молниеносно отреклись от них.

Как известно, идеология — это отражение и выражение интересов той или иной социальной группы, партии, нации и государства. Эти интересы находят свое воплощение в многообразных сферах духовной жизни, прежде всего — в политике.

Культура же раскрывает и отражает всю целостную, многогранную жизнь человека вне зависимости от его партийности, национальности и страны проживания; человека как такового во всей его сложности и противоречивости, и поэтому она шире и масштабнее идеологии. Именно в культуре наиболее ярко проявляется приоритет общечеловеческих гуманистических ценностей. Вновь и вновь повторим, что главное в культуре — глубины человеческого духа, свойственного человеку как роду.

СOLIDНЫЙ и прекрасно выглядевший на взгляд его создателей идеологический мир, расцвеченный возвышенными теориями и формулами о гуманизме, оказался далеким от человека, несовместимым с реальной жизнью, растасканным на потребу дня. Вызывая у людей холодное равнодушие, он оказался несостоятелен, под первым же незашоренным взглядом разрушены были иллюзии его непогрешимости.

Идеологический прессинг, вульгарный подход к культуре обернулись для нее значительным уроном, чрезмерная идеологизация обедняла ее содержание, приводила к прими-

тивности социальных и культурных структур. Она стала заложницей идеологии. Ее заковали в гремящие идеологические латы. А она плохо переживает смиренную рубашку догматов любой системы, ибо догматы и шаблоны убивают творческую деятельность человека. Идеология оседлала культуру, оказалась над культурой, над общественным мышлением. Современные культурные реалии продолжают оплачивать фальшивые идеологические векселя и тем самым теряют не только свой основной смысл, но и общечеловеческую ценность. Культура всегда связана с общественными идеями и идеалами, в том числе и с идеологией, ибо культура — явление социальное. Но вместе с тем она независима и ни в коей мере не является формой идеологии и средством политического прагматизма и не должна подключаться в угоду идеологическим установкам к решению политических задач по завоеванию власти.

Фетишизация идеологии как ценности приобрела глобальный и бутафорский характер. Перерождение общественного сознания началось тогда, когда им овладели идолопоклонство и мифотворчество. Культура была отдана на откуп демагогическим мифам и мистике. Ни одна революция не обходится без мифов. Вера в миф и прагматический подход к нему распространяются как эпидемия. Миф становится решающей силой в культурной политике, творится в грандиозных и массовых масштабах в литературе и искусстве, постоянно создавая искусственный мир, где господствуют идолы и боги, обретающие свои ипостаси посмертно, а нередко и прижизненно. Разумеется, речь идет не о «хорошей» мифологии, например, греческой или римской, нашедшей свое отражение в моральных постулатах и нормах поведения, и не о светлых сказках, радующих детей своей добротой.

Но о демифологизации не могло быть и речи. Природа социальных мифов такова, что на смену одним неминуемо приходят новые. Так, буйным цветом произрастало соединение опошленных, низведенных до пустого формализма революционных идей и квазитрадиционных, а по существу, тоталитарных принципов жизнеустройства с диктаторскими приемами их включения в реальную жизнь, дабы насильственно, дубинкой загонять людей в «рай». Политическая культура подгонялась под банальные схемы, прикрывавшиеся авторитетом классических трактатов.

Мировоззрение не может и не должно быть обманом, мешающим познать противоречия жизни, ее жестокости и страдания. Уже Николай Бердяев чувствовал, что русский

марксизм превращается в своеобразную догматику и теологию, получает теологическую окраску, становится государственно обязательным догматом. Антиподом свободному духовному развитию человека была выставлена слепая, буквально религиозная вера в искореженный марксизм. Догматический подход открыл дорогу утопическим модусам сознания. Удачнее всего они прививались людям, не способным критически мыслить, политически малограмотным. Как всякая утопия, подобный подход к социальным процессам уповал на чудеса, игнорировал реальные жизненные проблемы.

Ритуальность проникала во все клетки общественного сознания, придавая ему одномерность, омертвляющую энтропию. Идеологические шоры сковывали понимание реалий социального бытия, отторгали от достижений мировой науки. Жесткий идеологический аршин, с которым подходили к оценке культуры, превратил в эталонные многие ложные мерки: от оправдания духовной унификации людей до циничного права государства распоряжаться культурой, жизнью и судьбой человека. Методично и тотально навязываемые идеологические клише создавали атмосферу всеобщего конформизма, убивали душу народа.

Серьезный аналитический подход к противоречивым граням мировоззренческой компоненты культуры подменялся общими рассуждениями, поверхностно и некритически обобщающими культурную практику. Это приносило определенной категории людей искомые дивиденды.

Нетрудно представить себе, сколь отрицательный эффект все это имело. Возникал схоластический парадокс: диалектика развития, зажатая в тиски волюнтаристской идеологии, порождала не поступательное движение идей, а ряд застойных дискретных стереотипов. Движение от одного из них к другому шло скачкообразно, от одного застойного состояния к другому. Общество все в большей мере ориентировалось на состояние стояния на месте вокруг очередного стереотипа, нежели на движение. Движение воспринималось как необходимый болезненный процесс, который надо поскорее закончить. Все это порождало тенденции к стагнации общества. Истина же жизни — в бесстрашии движения. Общество отлучалось от этой истины. Заблуждения, тенденциозные ошибки, деформация и стихийность приводили к вульгаризации основополагающих положений диалектики, сведению их к окончательным и непререкаемым истинам в «последней инстанции». Однако стихийную диалектику народного разума недооценили всегда презиравшие его идео-

логи. Прогрессивные идеи и лозунги, благие пожелания, оставшиеся только красивыми словами, превращаясь в свою противоположность, безвозвратно компрометировались в глазах общественного мнения.

Духовная жизнь народа не может быть в услужении «светской религии», она нуждается в политической культуре, очищенной от схоластики и формализма, проникнутой диалектическим критическим методом, развивающейся на основе здравого политического мышления, придающего обществу гуманный и разумный характер.

Обязательная черта культуры — ее многослойность. В этой многослойности есть ценностно-смысловое ядро, комплекс фундаментальных базовых ценностей, которые наименее изменчивы и представляют собой системообразующие качества, являются объединяющим началом культуры. Формирующаяся ныне новая государственная идеология, ставящая своей целью объединить общество, не может не рождаться вне соотнесения с базовым ядром культуры, с ее духовной целостностью. Чем дальше эта идеология будет от него отдаляться и отступать, тем ограниченнее будет ее воздействие. Отрицая рухнувшую однозначную партийную идеологию или критически оценивая ту или иную идеологию вообще, отнюдь не следует ставить под сомнение само ее существование. И вообще не надо бояться этого слова. Общество нуждается в идеологии, синтезирующей социальные идеалы с традициями мировой культуры, формирующей общенациональное согласие и общественную волю. На смену моноидеологии приходит как результат гармонизации общечеловеческих интересов целостное, все-ленское глобальное мировоззрение. Его развитие, образно говоря, — путь восхождения к интеллекту человека, его культуре.

Не существует одного единственного мировоззрения на всех. Далай-лама XIV-й удачно заметил, что в духовной сфере необходимо не распространение какой-то одной религии, а взаимное уважение и сотрудничество всех религий и идеологий, больших и малых. Эти слова вполне могут быть отнесены к мировоззрению. Ведь духовный мир современного человека многогранен и сложен. А это означает, что столь же высокие требования он предъявляет к глубине и многогранности мировоззрения.

Взаимосвязь культуры и мировоззренческих основ представляет одну из объективных закономерностей историко-культурного развития человечества. Под каким бы углом зрения мы не обращались к культуре, гносеологическим или

аксиологическим, этическим, эстетическим или социально-психологическим, всегда будет прослеживаться и стимулироваться взаимообусловленность процессов совершенствования человека как носителя мировоззрения и как творца культурных ценностей.

Вульгарная и односторонняя оценка сложных идейных явлений, замалчивание драматических коллизий закрывали от народа правду, пребывавшую в идеологическом сейфе. Расхождение с жизненными реалиями, утрата идеалов наносили ущерб мировоззренческой культуре. Дорого обошлись годы политического фарисейства, господства схоластического и догматического мышления, тенденциозное отождествление частных, временных особенностей со всеобщими объективными закономерностями. Все это отрицательно влияло на общественное сознание, приводило к его внутренней раздвоенности и разорванности, к массовой отчужденности людей от общечеловеческих ценностей, ослабляло их духовное здоровье.

Интеллектуальное развитие общества свидетельствует, что ни одно даже из ведущих и популярных в общественном мнении мировоззрений не может быть тотальным, единственным и обязательным. Иначе наступает подавление иных, «чужих» взглядов. Только мировоззренческое многообразие и позитивная критическая мысль способны обеспечить объективность мировосприятия.

Выше было отмечено, что мировоззрение — это, прежде всего, объективное представление о картине мира. Но это не только совокупность общих сведений о мире. Это в то же время и осознанные общечеловеческие и социально-групповые интересы и идеалы, социальные приоритеты, правовые и нравственные нормы, гуманистические ценности, т. е. все то, что составляет и определяет выбор жизненного поведения человека, его индивидуальность, его ответственность перед обществом и самим собой. Мировоззрение — это не просто набор научных, политических, философских, нравственных и иных знаний. Это — жизненное убеждение человека, от которого зависят его социальная позиция, его образ действий. Сама природа человека такова, что он неминуемо вырабатывает то или иное мировоззрение, всегда у него возникает потребность занять ту или иную идейную позицию.

Здесь есть еще одна проблема. Это внешнее восприятие научного мировоззрения, выразившееся в «лозунговом мышлении». Из лозунгов не сошьешь хорошего политического костюма. Умные идеи, отштамповывающиеся в лозун-

ги, превращенные в «железобетонные» пропагандистские клише, не удовлетворяют людей, а наоборот, компрометируются в их сознании, отторгают их от общественной жизни. Достоевский отмечал, что без великой идеи не существует ни личности, ни нации. Но как часто прекрасные и умные идеи, как живые существа, покрывались шелухой лицемерия и ханжества! Если их «отскоблить», очистить от гнилья, они будут вдохновлять и радовать людей. К примеру, идеи дружбы народов или интернационализма. Или пример с Библией — одним из великих произведений человеческого духа. В условиях моды на религию Библия начинает терять свое глубокое содержание, мельчает и опошляется, разменивается на политические медяки. Получается обратный результат: возникает неверие в провозглашаемые идеи. От многих наших идей остались одни обломки. Хосе Ортега-и-Гассет писал, что идея, утратившая способность воодушевлять сердца, это уже не идея, а затасканный, измусоленный, обгрызенный ее ошметок — злосчастный трюизм. А ведь в мире нет ничего сильнее человеческой психологии, и много усилий приходится растрачивать, чтобы вырвать из нее пустившие глубокие корни стереотипы равнодушия и примитивизма.

Трудно и долго придумывают люди стереотипы, но еще более трудно они разрушаются. Многими людьми окружающий мир воспринимается на уровне явлений, без осознания их сущности. Возникает своего рода идейный и нравственный вакуум, который не так легко заполнить. Массовое сознание, кажущееся таким удобным и приемлемым на уровне здравого смысла, дает часто искаженную, иллюзорную картину мира, лишает его глубины и исторической перспективы. Обнажаются вся односторонность обыденного, «житейского» сознания, несущего привычку все упрощать и оценивать усредненной мерой, его крайности и неспособность проанализировать и понять противоречивость реальной действительности. До сих пор не раскрыта загадка социального гипноза слепого преклонения перед вождем, лидером, как у того героя А. Платонова, который постоянно носил с собой фотографию Розы Люксембург, ставшей для него объектом экзальтированного поклонения. Вообще в XX веке неслыханно выросла способность масс творить героев, вернее кумиров и верить в сотворенное. Эйфория фанатизма симпатий и антипатий порождает заикленность, мешает реалистическому осмыслению общественных явлений. Особенно опасен «перелив» мифов обыденного сознания в общественное сознание.

Обыденному сознанию присущ эффект качелей, оно бросается из крайности в противоположную крайность. Аморальные, циничные вожди во все времена пользовались этим, нередко толкая массы на преступления. Это, например, в значительной степени относится к нашей революции, когда идея настолько овладела массами, что заставила игнорировать жизнь вообще, да и реальные жизни сотен тысяч людей. Но пришли новые времена — и мы видим качели уже на другом полюсе. Нынче стало престижно и модно огульно отрицать марксизм. Некоторые современные теоретики, развенчивая марксизм, по существу анализируют не само это учение, а конструируют свой «образ марксизма», доводя его отдельные черты до гротеска. Хотя история подтвердила неточность ряда прогнозов и выводов, в частности, определенную односторонность общен исторической и политической концепции классического марксизма, многое из этого учения остается актуальным, продолжает действовать. Это и естественно. Уже сам факт, что марксизм опирался на огромный пласт предшествующего развития общечеловеческой культуры и был одной из попыток найти объективные пути развития цивилизации, не позволяет напрочь вычеркнуть его из человеческой культуры. Он не только идеология, он далеко еще не исчерпавшая себя философия и социальная программа исследований. Отбросив политико-идеологические инвективы, из него еще можно извлечь немало полезного и сегодня. Противники марксизма стали даже отрицать диалектику, несмотря на то, что она — величайшее достижение мировой интеллектуальной культуры, обязанная своей разработкой многим предшествовавшим Марксу мыслителям. Э. Фромм писал, что возрождение гуманистического мышления создает все более благоприятную почву для понимания гуманистической психологии Маркса. Идеи Маркса оказались интегрированы во все крупнейшие общественно-политические концепции XX столетия — Вебера, Дюркгейма, Манхайма и др. Запад воспринял и ассимилировал марксизм, общественное сознание приняло и признало его историческое значение, обогатилось его идеями, но не остановилось на этом, а развивалось дальше, используя наряду с марксизмом и структурализм, и экзистенциализм, и фрейдизм, и т.д.

Поэтому в решении глубинных проблем построения мировоззрения необходим серьезный аналитический подход. Ведь во все времена человек часто получал теоретические представления от идеологических диетологов в виде книжного знания в заранее приготовленном, препарированном

виде. И именно культура может спасти от этой грозной опасности.

Совершающиеся культурные преобразования требуют серьезной, основательной подготовки людей, крутых перемен в общественном сознании, новых идеалов и ценностей. С какими идеалами живет общество и может ли оно жить без них? Во имя чего живет общество, что написано на его знамени? Ведь человека всегда пронизывает мечта по идеалу, стремление к возвышенному. Лишение человека идеала — преступно. Когда сиюминутное — прагматизм и рационализм — заменяют высокую идею, человек лишается очень и очень многого, его минует возвышенное. Большая идея всегда живет, всегда была, есть и будет в жизни любого общества, без нее нет культурного и нравственного движения, без нее — падение нравов, духовная смерть. Но к глубокому огорчению, в современном общественном сознании произошел драматический сдвиг: утвердился дегероизация, угасли светлые идеалы, начали торжествовать грубейшие принципы прагматизма, общечеловеческой ценностью становится американский доллар. Сегодня невероятно трудно будет формировать новое видение мира, новый культурный фундамент, когда многие светлые идеи, без которых не может жить любое общество, запачканы и опорочены. Когда меняются идеалы и на смену им приходят новые, неизбежно переоцениваются действия прошлых поколений. Но все же «живой водой» культуры всегда является гуманизм. Быть может, в основу нашего современного идеала должно быть положено общество человеческого жизненного благополучия, новый активный гуманизм, отвергающий насилие.

Может быть, нам пора прекратить погоню за химерами и начать по-настоящему трудиться, чтобы преодолеть несовершенство человеческого жизнеустройства и создать общество человеческого благополучия. Но такое благополучие невозможно без духовной компоненты. С этим связана идея возрождения России как великой державы, гуманистическая идея крепкой и здоровой российской государственности, чуждой всякого рода расистско-шовинистических идей. Здесь можно воспользоваться термином «новый гуманизм», предложенным А. Печчеи, бывшим президентом известного Римского клуба.

Он считает, что «новый гуманизм» способен обеспечить в человеке необходимую трансформацию, поднять его качества и возможности до уровня, соответствующего его новой, возросшей ответственности в мире. Установление «нового гуманизма», согласно концепции Печчеи, должно произой-

ти путем преобразования природы человека, посредством «человеческой революции», которая, как он полагает, повлечет за собой все изменения других социальных процессов и обеспечит решение насущных проблем человечества. «Трансформация человеческого существа, — говорит Печчеи, — и составит ту человеческую революцию, благодаря которой наконец обретут цели и смысл, достигнут своей кульминации все остальные революционные процессы».

Чтобы ликвидировать зло, несправедливость, разрешить все жизненно важные проблемы человечества, необходимо изменить человека, его качества, его образ жизни, внедрить в общество новый гуманизм. «Концепция, к которой я пришел, — подчеркивает Печчеи, — совершенно правомерно ставит в центр всех проблем человека, способ его существования и образ жизни. Она предполагает... что в нем сокрыты огромные невыявленные душевные и культурные возможности, и их можно полностью раскрыть...»¹.

Долгие годы человека превращали в социально застывший манекен, вытравлялось и выжигалось стремление к критической мысли. В нынешней культурной ситуации разрушить привычку к покою стерилизованных мыслей, утверждавшихся десятилетиями, не так легко и просто, для этого потребуются годы. Но искусственно растягивать этот процесс нельзя. Новое время требует немедленного отхода от стереотипов мышления, которые не только «усыпляют» мозг, приучая его к стандартизированному «коду», но и ограничивают «шорами» политическое видение человека. Укоренившиеся догмы пускают в сознание такие глубокие корни и становятся настолько личностными представлениями, что человеку необходимы огромные усилия для их преодоления. Но сознание разбужено. И у многих людей наблюдается бурная реакция на современные идеологические явления. Однако эта реакция, не «отягощенная» политической культурой, когда действуют прежние стереотипы «одобряем» и «клеим», закономерно ведет многих в тупики, в опасные крайности. Значительна опасность набирающего силу союза между группами, оперирующими псевдомарксистскими штампами вчерашнего дня, и силами, активно занявшими реакционные позиции и проповедующими ультраправые идеи далекого прошлого. Опасна и подмена старых догм и схем новыми догмами, ничего общего не имеющими с научным подходом и принципами историзма.

¹ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980. С. 199, 181, 182, 190.

И все — от бескультурия, от того, что в наше сознание довольно прочно въелись однозначность и условность схем: белое — черное, герои — злодеи и т.п. Но в реальной жизни этого нет, в ней все сложнее.

Для нашего общества характерно промежуточное мироощущение, когда наиболее зримо проявляются кризисные явления в общественном сознании и идет поиск общественной истины. В стране происходит грандиозный процесс демифологизации сознания и общественной практики, преодоление хронических миражей человеческой мысли. Идет двуединый процесс мировоззренческого обновления культуры и культурного обновления мировоззрения. В условиях раскрепощения сознания обогащаются фундаментальные представления людей о природе своих возможностей и отношениях с окружающим миром и друг с другом. Но вряд ли можно рассматривать нынешние связи между мировоззрением и культурой как предельно гармонизированные. Выше мы уже говорили о метастазах «массовой культуры», отнюдь не способствующей становлению нового мировоззрения. Но и мировоззренческая проституция, наблюдаемая во все более широких масштабах, — это та трясина, покрытая свежей травой слов и обещаний, которая способна поглотить и погубить культуру.

Культура способствует формированию у человека оптимистического взгляда на мир и на его человеческую судьбу. Но когда она теряет свое изначальное и глубинное предназначение — духовно и нравственно возвышать человечество, она угасает как культуротворческая сила, наступает ее кризис. Этот кризис проявляется в деградации социального бытия человека, в торжествующих «бесовщине» и аморальности, в упадке идеалов Разума.

Разум
в структуре
культуры

Гегель рассматривал разум не как сугубо индивидуальную деятельность, а как особую действительность, объективно формируемую и существующую в формах практической жизни людей. Но справедливо и знаменитое декартовское *Cogito ergo sum* («Я мыслю, следовательно, я существую»). Ныне имеет место тревожный процесс умерщвления сферы разумного в нашем обществе, ухода в сюрреалистический мир. Жизнь густо загромождают завалы псевдокультуры, она заполняется суевериями, предрассудками, примитивными представлениями, модой на дешевых популярных лидеров, всякого рода шарлатанов, безвкусицей во многих сферах искусства. Безнадежность и усталость от трагической жизни приводят к

утере способности человека самостоятельно мыслить, к духовному вакууму. Эта печальная картина отражает состояние общества, его неблагополучие. В этом причина прогрессирующей тяги многих людей к мистике, спиритизму, оккультизму, астрологии, предрасположенность обыденного сознания к загадочному и нереальному.

По данным опроса ВЦИОМ вырисовывается довольно печальная картина распространенности в массовом сознании различного рода суеверий, подсознательных страхов, фантомных образований: 50% взрослого населения верит в приметы; 42 — в возможность передачи мыслей на расстоянии и способность предсказывать судьбы и будущее; 35 — в возможность наводить порчу, колдовство, магию; 11 — в возможность общения с умершими людьми¹. Один аспирант провел исследование форм неомистицизма. Оказалось, что высокий уровень образованности, работа на самых передовых рубежах науки часто соседствуют с увлечениями новейшими формами неомистицизма. Таково неожиданное сочетание света и тьмы, невежества и образованности. Есть и другая причина увлечения мистикой. Она в прошлом запрете, табу на идеалистическую и религиозную философию.

В советском обществе многие годы была слабо развита культура мысли. Россия мыслящая была представлена небольшим и тонким слоем передовых прогрессивных интеллигентов. Говорят, что последние слова Л. Толстого перед смертью были: «Не понимаю...». Слова, обращенные к разуму.

Культура выступает глашатаем и стражем человеческого разума. Цивилизованное общество раскрепощает мысль. Умственная энергия людей, питаемая культурой, движет социальный прогресс, заряжает и питает его. Без веры в непобедимый человеческий интеллект жизнь невозможна. Обществу необходимо вкладывать капиталы не только в создание хорошего автомобиля или поточное производство дамской обуви, но, главное, в человека, способного работать хорошо и творчески. И среди всех видов продукции — особо ценить продукцию человеческого ума.

Свободный ум обогащает общество. Труд мысли — это не классовый и социальный феномен, а качество, которым, по идее, должен обладать всякий человек. Человеческая мысль, так же как и талант человека и его свершения, требует самостоятельности, независимости, дерзания, помноженных на смелость и мужество. Не время ли вспомнить школя-

¹ Свободная мысль. 1991. № 17. С. 58.

ра Михаила Ломоносова: «Я не слов ловитель, а ума искатель».

Со времен Сократа величайшей доблестью считалось справедливое суждение. Человек наделен счастливым даром — разумом. Главное его оружие — интеллект. «Именно разум, — заявлял П. Гольбах, — дает человеку Законы, которые называют естественными, поскольку они определяются природой, вытекают из нашей сущности»¹. А много веков назад Гораций предвидел: «Падет невольно сила без разума»².

Но как хрупок хрустальный дворец Разума! Общество все еще не привыкло доверяться ему и слушать его голос. Вероятно, прав сатирик, заявивший, что благополучие народа зависит от количества разума на единицу государственной площади. Торжество Разума, воспетое российскими революционерами, оставалось на бумаге. Безмыслие и тупость оказались сильнее их прекраснодушных мечтаний. С какой иронией звучат слова А. И. Герцена: «Пора с глупостью считаться как с громадной силой!» А Гете заметил: «У каждой нации есть свое священное право на свой определенный процент дураков». Наша революция не сумела покончить с глупостью. Самое же драматическое заключалось в том, что она была возведена на пьедестал. Под мыслью «было велено» разуметь видимость, суррогат, паллиатив, декламации и декларации, а от подлинной свободной, оригинальной мысли — бежать как от огня. Естественным следствием стало распространение в обществе посредственности. А замена индивидуального разума разумом коллективным привела к интеллектуальной депрессии и умственному застою. Современная культура — это культура разума. Способность и стремление к творческой мысли связаны с уровнем культуры, приводящей в движение умы, вспахивающей почву для свободного развития человека.

Разумный, мыслящий человек — это человек, способный видеть за явлением его истинную сущность. Но как он распоряжается разумом, почему редко им пользуется? Чем вызвана нехватка разумного жизненного подхода?

Способность к разумному мышлению не является врожденной. Ее необходимо культивировать, заботясь о людях, преобразующих мир своим творческим умом. Но истина эта была долгие годы в забвении, а в ходу были лень и бескрылость мысли, охватившие многих. В. Ажаев в своем «Ва-

¹ Гольбах П. Изб. соч. Т. 2. М., 1963. С. 92.

² Гораций. Оды. М., 1935. С. 967.

гоне» пишет: «Но что же делать с дурацкой головой, с так называемым Разумом? Его же забыли отменить в постановлении Особого совещания». Но и ценить думающего, мыслящего человека, в котором торжествует Мысль как великая творческая энергия, мы не научились до сих пор. Трижды убийца тот, кто умертвляет мысль. В свое время И. Кант писал, что «только человек, как мыслящее существо, своим разумом сам определяющий себе свои цели, может быть идеалом красоты, пределом совершенства»¹.

Ценность мысли в том, что она должна быть свободной, независимой: принцип же свободной мысли работает только в свободной стране.

Законное требование к каждому — учиться думать и размышлять, преодолевать умственную лень. Житейская мудрость — непременная часть общечеловеческой культуры. Знаменательно, что в школах царской России была установлена икона «Прибавление ума». Жаль, конечно, что Бог не позаботился равномерно распределить между людьми умственные способности. Люди по уму (интеллекту) очень различны: от Эйнштейна до дебила, и предостаточно тех, у кого, как говорится, просто не хватает ума. Интеллект общества, достигнутые им результаты в значительной степени определяются уровнем развитости интеллекта живущих в нем граждан. Истина, казалось бы, банальная, но многие и многие годы она сознательно игнорировалась. Академик И. П. Павлов в статье «Об уме вообще и о русском уме в частности» подчеркивал, что из всех видов аристократии самой высшей является аристократия ума. Поэтому ученого он считал высшим аристократом в культурном обществе.

В технике есть термин: «защита от дурака», когда исключается возможность поломки или аварии технического устройства в результате невежества или неумного с ним обращения. «Защита от дурака» нужна во всех сферах общественной жизни, в том числе и в культуре. Некоторые публицисты задают сакраментальный вопрос: мог ли сохраниться здравый смысл среди всей окружающей нас бессмыслицы? Еще булгаковский профессор из «Собачьего сердца» говорил, что разруха начинается не в клозетах, а в головах.

Умение думать, осмысливать, критически анализировать, реалистически и трезво оценивать происходящие в обществе ситуации и отстаивать свои мысли и идеи долгое время было у нас не в чести. Тоталитаризм узурпировал

¹ Кант И. Соч. в 6-ти томах. Т. 5. С. 469.

власть над разумом людей, породил систему оглушения народа, его социального ослепления. Свой знаменитый офорт Ф. Гойя назвал «Сон разума рождает чудовищ». Горько сознавать, что человек привыкал к драматизму жизни, отучался замечать ее гримасы, приноравливался, не реагировал на общественные трагедии. Стала привычной некая усыпляющая идея: что же делать, если так случилось... Мистический ореол «вождя народов» породил массовый идеологический гипноз, проявившийся в том, что массовое сознание, парализованное мифом Сталина, способствовало его гипертрофированной славе, его богоподобной, абсолютной, казалось, самой природой санкционированной власти. Уже само это явление было абсурдно, противоречило здравому смыслу. Одна из причин отсутствия общенародного сопротивления сталинизму — погашенный социальный инстинкт. Голос советского человека мог звучать только в «единодушном хоре».

Общество не предоставляло человеку чистых и заповедных мест, где можно было бы укрыться от обесчеловечивающей, воинственной идеологической обработки. Люди не смогли спастись от идеологического пресса, не смогли избежать тлетворного воздействия отравленной атмосферы. Обычные люди (а их миллионы!) оказались духовно оглушенными. Проник в них удушающий микроб страха, неверия в себя, беззащитности перед предательством. Люди разучились критически оценивать ценности прошлого и настоящего, самостоятельно думать. И как результат низкой культуры — дефицит самостоятельного мышления, приведший к рабству духа. Но даже несмотря на то, что разум человека был в значительной мере подавлен, в людях сохранились внутренние нравственные законы, практический разум и образ мыслей. Народный здравый смысл стал единственной основой сохранения общества, его духовного возрождения.

Власть же осуществлялась через страдания людей. Вольно или невольно человек был втянут в атмосферу клеветы, травли, доносов. На почве идеологических манипуляций процветала массовая «охота за ведьмами», люди или по неведению и легковерию, или по малодушию и трусости включались в кампанию зла. Идеологический гипноз, удвоенный самогипнозом, порождал двоедушие, приспособленчество, массовый самообман. Таково политическое внушение, описанное столь ярко в антиутопиях Хаксли и Оруэлла. И хотя тоталитарная система уходит с арены общественной жизни, но живо ее сатанинское наследие — старое мышление.

Оно — в нас самих, и борьба с ним только начинается. Может быть, прав был герой «Унесенных ветром», когда спрашивал: «Что будет с нами? В конце концов, с нами произойдет, видимо, то, что происходит всегда, когда рушится цивилизация. Люди, обладающие умом и мужеством, всплывают, а те, кто не обладает этими качествами, идут ко дну».

Современная история культуры — это Гуманистическое история борьбы за гуманистическое мышление — ровоззрение. Человечество нуждается в наука против альтруистическом, гуманистическом идеологического мышлении, которое только и может дать гипноза импульс общечеловеческим культурным ценностям. Не случайно доминантой современной эпохи являются общечеловеческие интересы и общечеловеческие ценности, осознание целостности мира, несмотря на его внутренние противоречия. Усиление роли и значения этих ценностей в мировом общественном мнении, примат, отдаваемый им в решении глобальных проблем цивилизации, стали рассматриваться некоторыми нашими ортодоксальными марксистами не менее как измена социально-классовому принципу. Такое одностороннее понимание не учитывает взаимосвязи общечеловеческого и классового в культуре, исторически неизбежного появления оптимальных условий для общечеловеческих приоритетов. Тенденция перерастания социально-классового в общечеловеческое дает объективную картину тех перемен, которые происходят в культуре, укрепляя в человеке «политическое зрение».

А оно показывает все большему числу наших граждан необходимость выработки нового образа мышления, новой психологии и ценностных ориентаций. Научная концепция общечеловеческого гуманистического мышления связана с реалиями сегодняшнего дня, необходима для сохранения мирной жизни на планете, видения мира от человека к человеку, от человека к человечеству, связана с созданием гармоничных взаимоотношений человечества с природой и окружающей средой. Именно природа и окружающая среда первыми потребовали к себе пристального внимания и заботы всего человечества. Экологическая культура предполагает серьезные изменения сознания и поведения человека, когда думать надо глобально, а действовать локально.

Связанное с духовным миром человека, гуманистическое мышление направлено на обеспечение социального единства людей, проявляется в различных сферах социальной жизни, в том числе и в культуре политического обще-

ния, ориентированной на реалистический взгляд на мир, умение жить, мыслить и действовать в духе глобальной справедливости. Оно настраивает людей на новые подходы и умение всесторонне осмысливать возникающие ситуации во всей их сложности и противоречиях, учитывая не только условия, диктуемые ситуацией, но и психологию людей, склонную, в частности, к традиционализму и крайне медленному освоению эволюционных факторов.

Гуманистическое мышление связано с интеллектуальным плюрализмом, идейным многообразием, тонкой и гибкой диалектикой духа. Это мышление множественное, диалогическое, пронизанное доминантой духовной свободы личности, борьбой за человеческую душу. Это одно из ярких проявлений общечеловеческого самосознания. Его нельзя сводить только к понятию мышления «политического». Оно вошло в мировую культуру как многогранное глобальное и конструктивное мышление. Можно сказать, что гуманистическое мышление — прямой синоним культурному мышлению.

Его духовная сила — в широте и многообразии человеческих взглядов, способности мыслить непредвзято, в утверждении творческого начала в мышлении, в преодолении узкого, ограниченного, сектантского подхода к миру. Гуманистическое мышление — закономерное следствие реалистических современного противоречивого и в то же время целостного мира.

Гуманистическое мышление — это в то же время терпимость, взаимное услышание и взаимное уважение. Оно опирается прежде всего на внутреннее саморазвитие человека, его способность и готовность к постоянной самокритике, к регулярному пересмотру своих возможностей, воззрений, особенно если они вступают в противоречие с жизнью и мешают движению вперед.

Для человеческой природы — трудно сказать, к счастью или к сожалению — свойственно на крутых поворотах истории сохранять инерцию мышления, искренне идеализировать уходящее и с трудом принимать новую действительность. С этим мы сталкиваемся и сегодня. Значительная часть людей не может отрешиться от старых взглядов и понять все совершающееся, почувствовать, что наступило новое время, невообразимо ускорились духовные процессы, прессованно уплотнились события.

Все это становится возможным лишь на основе нового, гуманистического мышления. Но гуманистическое мышление не появляется по мановению волшебной палочки в за-

вершенном, готовом виде подобно тому, как во всеоружии и в расцвете сил вышла из головы Зевса богиня мудрости Афина. Оно формируется в общественном и личном сознании в результате длительной и напряженной деятельности, входит в сознание людей медленно и трудно. Впитывавшиеся в плоть и кровь социальные клише и «аксиомы» изживаются мучительно. Привычные, но устаревшие взгляды живучи и цепко держатся в сознании человека. Словно тени они следуют за ним, часто выступая в виде пугающих жупелов и ярлыков, сковывающих даже смелых и мужественных. А динамизм и мельтешение сегодняшнего дня не оставляют человеку времени сосредоточиться, осмысленно воспринять мир внешний и внутренний, отрешиться от старых жизненных подходов.

Адекватное использование общечеловеческих ценностей в качестве стимулов и ориентиров духовной жизни предполагает два основных принципа гуманистического мышления: *диалогичность* и *конструктивность*. Остановимся подробнее на культурном потенциале каждого из них.

Диалогичность подразумевает, что субъект, принимающий или реализующий те или иные решения, всегда имеет в виду не только собственную точку зрения, но и позиции всех участников ситуации. При выработке решения этот принцип реализуется как открытость субъекта к альтернативным взглядам и умение увидеть не только позитивные, но и негативные возможности и последствия любого своего действия. Диалогичность мышления означает осознание того, что ни одно такое действие или решение не может иметь абсолютного, раз и навсегда установившегося культурного значения и смысла. Умение принять во внимание точку зрения других открывает альтернативные значения и смыслы даже одного и того же действия. Способность учитывать позитивные и негативные последствия каждого решения предполагает возможность выявлять активные альтернативные силы, и способствующие, и препятствующие его реализации. Таким образом, принцип диалогичности по-новому раскрывает индивидуальную ответственность человека, выступающую культурной ценностью.

Конструктивный принцип гуманистического мышления формирует чрезвычайно важные в современных условиях основы личностной и социальной самоорганизованности. Он позволяет трансформировать спонтанные, непосредственные побуждения людей в социально и культурно приемлемые действия. Субъект ориентируется уже не на разовую реализацию решения и получение однозначного конечного

результата, а на процесс «вживания» этого решения в культуру, интеграции предусмотренных и непредвиденных последствий в уже существующие ценностные и нормативные структуры.

Этот принцип имеет и второе, чрезвычайно практически важное сегодня значение. Не секрет, что многие политические деятели новой волны поднялись на вершину своей популярности за счет жесткой и бескомпромиссной критики прежних структур. Но они же быстро «увяли», когда встала проблема выдвижения альтернативных программ, практической конструктивной деятельности. И если бы дело касалось только их, то не стоило бы и поднимать этого вопроса. Но беда оказалась в том, что за голое критиканство при полном отсутствии сколько-нибудь практической позитивной альтернативы сегодня расплачивается не тот или иной политик, а целый народ. Такая, мягко говоря, наивность граничит с преступлением. Все могло бы быть иначе, если бы эти деятели были вооружены гуманистическим мышлением и его конструктивным принципом. Хотя политиков при этом стало бы меньше, зато у народа было бы больше. Впрочем, и сегодня, и никогда не поздно взять как основное для своей деятельности правило: прежде, чем критиковать, реши, чем можно заменить критикуемое. Увы, политиков, руководствующихся этим принципом, сегодня можно пересчитать по пальцам...

Значение гуманистического мышления состоит и в том, что оно предпочитает принимать локальные решения, в своей совокупности способные дать больший эффект для социально значимой проблемы, чем единообразное крупномасштабное решение, не учитывающее конкретной ситуации его исполнения и из-за этого порой оказывающееся ошибочным. А что такое ошибка в стратегии — не нашим людям объяснять. Соответственно особую значимость в этой системе мышления — условно назовем его *ситуационным* — приобретает проблемный подход к социальным и культурным процессам. Субъект научается отделять то, что нуждается в целенаправленной регуляции, от того, для чего она не нужна. Он переходит от универсальной системы логики, предполагающей всеохватность социокультурного бытия, к выделению проблемных ситуаций как поворотных пунктов в культурной жизни, которые следует контролировать, дабы избежать разрушительных для общества и культуры последствий затянувшегося проблемного состояния.

Гуманистическое мышление предполагает *аналитичность*, т.е. умение выделить и определить социально значи-

мую проблему, ситуацию, обусловленную ею; наметить социокультурные процессы возможных решений; соотнести движение этих процессов с современным состоянием общества и культуры. Аналитический подход имеет принципиальное отличие от оценочно-критического. Последний опирается на субъективную приверженность привычному и связан прежде всего с переживанием текущих событий на обыденном уровне. Аналитический подход основывается на сравнении явлений и их отборе на базе и социально, и индивидуально значимых критериев.

Все приведенные принципы способствуют преодолению инерции традиционного мышления, устоявшихся и упрощенных представлений о мире, тяготения к отжившим явлениям, которые закрепились в сознании человека и словно шторы мешают ему увидеть и почувствовать новое и необычное. Сталкиваясь с неведомыми ранее, порой не всегда приемлемыми явлениями, человек либо стремится уйти в своих мыслях в прошлое, в будущее, во внеземные цивилизации, т.е. устроиться в «башне уютного существования», либо делает вид, что и он «не консерватор», пополняя ряды равнодушных и лицемерных исполнителей указаний «вышестоящих инстанций». А, как известно, инерция мышления, среди прочего, тормозит социальное, культурное и нравственное развитие личности, делает невозможными трудные и мучительные поиски истины, открывает шлагбаум для самоуспокоенности и благодушия. И это в то время, когда от человека требуется прорыв к самому себе, к раскрытию себя как личности, необходимому для постижения и совершенствования окружающей действительности.

**Феномен
активного
социального
действия**

Для цивилизованного общества необходима высокая *политическая культура*. Именно она несет открытость социального видения и мышления, реализм в оценке политических событий, гибкий альтернативный характер политического действия. В этом направлении наметился некоторый прогресс. Но реальных результатов не будет без решительного преодоления социальной инерции и застойности.

В самом широком плане современная политическая культура направлена на организацию общественной жизни и выработку общечеловеческих идеалов. Результаты ее несут человеку вполне осязаемые и необходимые социальные «плоды». Выступая особой подсистемой культуры, она в то же время выражает социальную деятельность людей, входит почти во все поры современной духовной культуры, прони-

зывает ее содержание, тональность и направленность. Ее можно определить как выражение меры освоения социальным субъектом (на уровне группы или личности) идейно-теоретических основ научного мировоззрения, системы взглядов и умения реализовывать их в жизни.

Понятие «политическая культура» вошло в буржуазную политологию примерно в 50-х годах. Сформулировал его Г. Алмонд. Политическая культура, согласно представлениям Алмонда, это совокупность позиций, ценностей и образцов поведения, касающихся взаимоотношений граждан и власти. К политической культуре относятся: 1) знания о политике; 2) оценка политических явлений, оценочные мнения о том, как должна осуществляться власть; 3) эмоциональная сторона политических позиций; 4) признанные в данном обществе образцы и нормы политического поведения.

Простые формы политических знаний — мнения, представления, взгляды, верования. Более сложные формы — политические идеи и идеалы. Политические учения и теории дают картину политической жизни. В своей совокупности они образуют содержание политической культуры, идейную основу всех составляющих ее элементов.

Политическая культура — часть культуры. Она не совпадает с политической системой, т.к. в обществе могут сосуществовать разные политические субкультуры, разные типы политических ориентаций.

Познавательные, эмоциональные и оценочные ориентации и установки граждан — те элементы их сознания, которые позволяют выявить их политическую культуру. Американские политологи Р. Карр и М. Бернстайн включают в определение политической культуры ориентационные и поведенческие моменты. Л. Пай исключает из определения политической культуры поведенческие моменты, характеризуя ее как совокупность ориентаций, убеждений и мнений, подчеркивая значимость идеологической и нормативной сторон политической культуры.

У. Розенбаум считает политической культурой «концептуальную стенографию чувств, мыслей и поведения, фиксируемых у людей в повседневной жизни». С помощью понятия «политическая культура» описываются те феномены общественного сознания, которые воздействуют на формирование, развитие и деятельность политических институтов, а также на массовое политическое поведение граждан.

Политическая культура — не абстрактное политическое

просветительство, а сущностная характеристика социальной зрелости человека, предполагающая органическое сочетание самого трезвого, даже прагматического политического реализма с устремленностью к идеалам. В процессе распространения ее ценностей, усвоения их людьми происходит формирование социально активной, политически грамотной личности. В совокупности эти ценности составляют систему нормативных представлений о политической культуре, включающих в себя органическое соединение уже имеющихся черт общественной и культурной жизни с научно обоснованными моделями целенаправленной общественной деятельности и политической практики. Политическая культура не может быть оторвана от нравственных и этических норм, ставящих границы ее притязаниям, за которыми начинается не только политическое бескультурье, но порой и политическое преступление. Она включает в себя также образцы деятельности и поведения, наиболее значимые для гражданского общества.

Политическая культура объединяет государственные, правовые институты общества, регулирующие на общесоциальном уровне экономические, социальные и культурные процессы. В то же время это особая система идеологических ценностей, выражающих социальное положение и интересы отдельных социальных групп и политических группировок и партий, их общественные цели и задачи. Она определяет характер функционирования соответствующих организаций, степень социальной активности и формы общественно-политической деятельности людей, их участия в управлении обществом. С этой точки зрения, уровень ее развития оценивается по политической активности человека, степени усвоения им общественно-политических знаний, осознания своих гражданских прав и обязанностей, умения применить эти знания в своей практической социальной и индивидуальной жизни.

Являясь важнейшим элементом социальной жизни, политическая культура, направленная на совершенствование государственного организма, формируется медленно и постепенно. Это давно подтверждено мировым опытом. И стоит этому процессу слишком динамично набрать темпы, стремительно закладывая эксперименты, как общество, не выдерживая непосильной скорости, взрывается изнутри, катится к политическому регрессу и катаклизмам, движется «не туда».

Роль политической культуры состоит в том, что она способствует стабилизации общества, становлению устойчи-

вой демократической власти, укреплению социальной общности народа, интеграции его усилий по совершенствованию социокультурной жизни, распознаванию инертных сил, которых и шокирует, и пугает возрастающая социальная активность народа.

Во всей своей полноте политическая культура раскрывается в социальной самодеятельности человека и его идейной убежденности. Основная ее цель и, соответственно, задача политических реформ общества — реально включить широкие слои населения в активную политическую деятельность. Эта культура не сводится к занятиям общественными науками или к чтению книг на политические темы. Речь идет о практическом участии в социальной жизни. Она направлена на освобождение общества от чрезмерного централизма и бюрократической скованности. Ее характеризует открытость к различным взглядам и предложениям с тем, чтобы люди чувствовали себя духовно свободными. Оптимальный тип политической культуры — *культура гражданского согласия и консенсуса*. Не снимая существующих в обществе социальных коллизий, она способна разрешить социальные интересы путем цивилизованных форм партнерства, соглашения, сопоставления.

Естественно, что наше время придает ей особое значение. Ведь корни кризисных, негативных явлений в общественной жизни в значительной мере обусловлены низким уровнем политической культуры, склонностью к силовому решению общественных проблем. Политическое бескультурье не возникло само по себе. Трагедией общества был постепенный и неуклонный распад политических ценностей. Насаждаемое политическое бескультурье значительной части населения обеспечило бюрократическую сверхцентрализацию.

Оказалось, что политическая надстройка — это не такая уж пассивная сила, как изображалось в учебниках обществоведения. Она смогла буквально «придавить» демократические формы управления, породила мощный бюрократический аппарат, привела к отчуждению народа от высших культурных ценностей. Тирания в условиях сталинизма, цинизм и лицемерие в годы застоя, политическая конъюнктурщина и аморфность «перестройки» показали, что политическая культура имеет очень низкую цену, если не опирается на общечеловеческие ценности. Альтернатива в том, чтобы на базе этих ценностей: 1) интегрировать все политические силы; 2) выработать позитивную и четкую программу действий для достижения конкретных целей; 3) поставить конечной целью всех общественных преобра-

зований человека. Выполнение этих трех условий позволит констатировать, что страна обладает высокой политической культурой.

Но все еще представляет опасность конфронтационная политическая псевдокультура, пронизывающая все структуры общества, выступающая деструктивной силой, тормозящей демократизацию, нарушающей гражданское согласие, подрывающей консенсус общественных отношений. Извращение политической культуры ведет к опасности тоталитаризма. Репрессии и страх узаконивают исключительное право большинства на подавление инакомыслия. Между тем, в условиях истинной демократии политическая культура предполагает право меньшинства на критику и свободное выражение своих взглядов. И если речь идет о подчинении меньшинства большинству, то ни в коей степени не о подавлении меньшинства большинством. Понятно, что речь здесь идет о легитимном меньшинстве.

Вопрос этот острейший. Командная система унаследовала и многократно приумножила традиционные принципы массового насилия, имевшие глубокие корни в полуфеодальной стране, какой была Россия. Массовое насилие проявилось во времена и гражданской войны, и военного коммунизма, в годы коллективизации и раскулачивания, в годы сталинизма и застоя. Оно наложило глубокую и драматическую печать на культуру, на внутренний мир человека, придало обществу «закрытый» характер, ориентируя его на ограниченные и — главное — санкционированные культурные и интеллектуальные потребности. «Человеческий капитал» перестал быть основной и необходимой ценностью. Даже такие понятия, во все времена составлявшие основу культуры, как идейность и народность, несли негативную нагрузку, вызывали обратную реакцию, служили орудием идейного диктата и запретительства. В результате снижался престиж политической культуры, ее эффективность падала, угасала ее действенность. Все это приводило к потере у значительной части людей идеалов, сопровождалось равнодушием к духовно-нравственным аномалиям.

Стремительные изменения в природной и социальной реальности обострили индивидуальную восприимчивость к вопросам судеб мира и места человека в нем. Парадоксальность эпохи состоит в том, что человечество, переживая культурный взлет, в то же время обнаруживает, что этот взлет угрожает окружающей природе и самой культуре. Потребность основательно разобраться в отношениях с природой и обществом, да и в своих собственных «жизненных

сюжетах», породила и обусловила этические искания деятелей культуры: ученых, педагогов, литераторов, режиссеров, художников.

Особое звучание приобрел принцип неразделимости политической культуры и нравственности. Социальное качество человека связано с его нравственностью, с воспитанием в человеке обязательного признания необходимости уважения к праву других людей, что является высшей человеческой обязанностью. Без морали политическая культура погибает и не может бороться за добро и правду. Но и сегодня правда жизни и правда политики совпадают очень редко.

Вновь затуманивают сознание заимствованные клише и стереотипы, традиционные политические этикетки в модернизированной упаковке, включаются элементы ложного, ограниченного общественного сознания: политические слухи, суеверия, предрассудки, мифы и иллюзии, несущие интеллектуальное брожение, искажающие политические устремления и действия личности, усложняющие процесс нормализации общественной жизни. Им сопутствуют ложь и лицемерие, неизбежно порождающие политическое насилие и эрзац-политическую культуру. Словом, как у Джорджа Оруэлла в романе «1984»: «Война — это мир, свобода — это рабство, незнание — сила».

Для любого общества нет более трудного периода, чем переход в иное качественное состояние. Это заметно проявляется и в содержании отечественной политической культуры. В ней остро сказывается отсутствие демократической традиции, чреватое непредсказуемыми последствиями, разгулом анархических сил или жадой «сильной руки». И так пассивный, слабо энергичный процесс «сверху» может быть еще более ослаблен стихийными действиями «снизу». Отсюда необходимость в самоконтроле и ответственности тех сил, которые действуют сверху, их способности не только преодолевать взрывы эмоций, но, главное, гасить нагнетаемую консервативными элементами социальную напряженность. От политической культуры требуется также умение конструктивно подключать демократические силы «снизу» для поддержки прогрессивных идей «сверху». Иначе парализуется связь между верхними эшелонами власти и широкими слоями, поддерживающими обновление. Только прочный союз «верхов», выступающих за реформы, с широкими массами, поддерживающими их своими действиями, социальной самодеятельностью, способен дать положительный результат.

И хотя это звучит банально, но следует напомнить, что

политическая организация оценивается не своими декларациями и словами, а практической деятельностью, делами.

Политическая культура как феномен социального действия реально существует только тогда, когда пронизывает сознание человека, т.е. выражается в его мыслях и убеждениях, идеях и чувствах, утверждая его идейную, политическую позицию, когда люди остро ощущают необходимость своего личного вклада в достижение общественных перемен. Этот социально-психологический пласт сознания личности, обогащенный политическими знаниями, формирует ее политическое мышление, ее способность самостоятельно и критически оценивать действительность и активно политически действовать, памятуя при этом, что главное занятие человека — это все-таки не политика (оставим ее на долю профессионалов!), а трудовая деятельность, творчество, наука, искусство, религия.

Политическая культура является эффективным средством активизации человека, направлена на возрождение ярко выраженных черт социальности. Люди от категорий схематических, надуманных, абстрактных обращаются к понятиям, взятым из живого опыта жизни, и сами обогащают этот опыт активной политической деятельностью. Алгоритм деятельности, вырабатываемый политической культурой, останется с человеком, даже если он уйдет из политики, поможет ему своими руками строить свою жизнь, избавиться от иждивенчества.

Но, конечно, политическая активность имеет и свои издержки. В нашем обществе социальная активность зачастую приобретает внешний, показной характер, тянет людей на митинг, на площадь, что считается проявлением гражданской мобилизованности. Но подлинная социальная активность — это активность позитивная, дающая практический результат. Владеют ею немногие. Но и эти немногие делятся на две категории: одни достигают результата для себя, другие ставят своей целью не только свою выгоду, но и выгоду другого человека, коллектива, общества, страны. Первые обогащаются капиталом, вторые — признательностью и любовью народа.

Сегодня миллионы людей избавились от ленивого политического равнодушия, стряхнули с себя пыль социальной апатии. Но пробудившись и «открыв глаза», увидели тяжелую кризисную ситуацию, сложившуюся в стране, с горечью познали всю глубину обрушившихся социальных проблем, порождающих новую волну социальной апатии, падение нравов и небывалый взлет преступности.

И тем не менее, люди вошли в живую политику. Значительная часть населения приобщается к активным формам массового политического поведения. Но из недр социальной самодеятельности способны вырасти и чуждые явления, например, усиление обывательских взглядов. В обстановке нарастающей гласности общество не застраховано от появления элементов стихийности, усиления демагогии и экстремизма, националистических и неофашистских взглядов. В результате примитивности нашей демократии, разыгрываемой политической фарсы перед голодающим народом, рождается подспудное восприятие демократических форм как непрерывной говорильни, как затяжной склоки. Много талантливых людей теряем мы от политического словоблудия. На одного серьезного политика приходится тысяча болтунов (чего только стоили нелепые выкрики у парламентских микрофонов!). Как будто бы о них сказаны слова Пушкина «новые врази старинных стоят».

Когда наблюдаешь новейшую политическую жизнь, вспоминается мысль одного старого англичанина: уроки истории учат, что уроки истории ничему не учат. Общественное мнение давно поняло, что многие политики безнравственны, непрофессиональны, способны лишь создавать инсценировки в театре политического анекдота, не думают о «человеке с улицы». Лишенные сильного аналитического ума, они склонны лишь запускать фейерверк прекраснодушных пожеланий. Немало лжепророков пришло в мир. У иных политических деятелей жажда власти связана с сильным искушением компенсировать свою ущербность и удовлетворить свое всепобеждающее честолюбие, особенно опасное неумной плебейской страстью удержать завоеванные почести и наслаждения. Люди, держащие в руках весы власти, очень часто забывают свой собственный политический вес. С мессианской надеждой они ожидают суда потомков, но, как известно, такой суд оценивает только по свершившимся результатам, а не по безответственным социальным экспериментам. Вспоминается французская поговорка: «Все будет так, как было, даже если будет по-другому».

Еще Шекспир писал: «Время идет различным шагом с различными людьми... С кем-то оно идет иноходью, с кем-то рысью, с кем-то галопом, а с кем-то стоит на месте». Большую опасность на фоне политического безвременья представляет собой развивающаяся политическая апатия у людей самых различных социокультурных групп. Среди

них не только молодые люди, не овладевшие сложными навыками социального взаимодействия, но и представители старшего поколения — с различным образовательным цензом. Они пассивны в сфере своей профессиональной и общественной деятельности. Происходит обрыв социальных, нравственных связей с обществом, когда люди считают себя свободными от его законов и политических устоев. А противоречия жизни служат оправданием отстраненности от решения социокультурных проблем. Аполитичная позиция, прикрываемая демонстрируемой активностью, скрывает порой безделье и стремление разрушить общепринятые нормы социального поведения. Прочно пускает корни в массовое сознание прагматизм, усиливается рационалистический подход.

Известно, что жизнь воспитывает человека, влияет на его обыденное сознание. Не всегда происходит это со знаком «плюс». Бывает и наоборот. Воспитывают и негативные социальные явления и коллизии: отсутствие в обществе социальной справедливости и «культ чиновничьего кресла», несправедливое распределение материальных и духовных ценностей, бытовые жизненные неурядицы. Все это проникает в духовный организм человека, разлагает его изнутри, а жизненно необходимые идеи и замыслы дискредитируются, «буксуют». Человек лишается высоких политических ценностей, распространяется в нем социальное равнодушие, растлевающее его. Все больше людей разочаровывается в жизни, начинает жить безразлично, устало соглашается со всем. Здесь корни столь привычной нам двойной жизни: внешней, в соответствии с социальными гримасами, и внутренней, своей, зачастую неведомой и непонятной, а порой и извращенной.

Можно согласиться с мнением некоторых исследователей, определяющих сложившуюся у нас политическую культуру как культуру патерналистского типа, иначе говоря, «попечительства» верхов над массами. Подобная культура значительно ограничивает политическое сознание и деятельность человека. И хотя его самосознание пробудилось, оно практически лишено возможностей практической реализации. И не удивительно, что среди значительной части населения наблюдается пассивное отношение к политической деятельности. По данным социологов, причины тому — в отсутствии достаточных знаний и опыта (25,5% опрошенных), формальное отношение руководителей (11,3%), у людей нет смысла участвовать в политической деятельности (17,44%), нет для этого свободного времени (12,2%) и др.

Длительное время люди проявляли известную политическую пассивность к социальной жизни, избирательной системе (99,9% — за, кабинки для тайного голосования, в которые «не ступала нога человека»), к управлению делами общества на высших уровнях, ограничивали свою деятельность только участием в делах трудового коллектива. Вызвано это было тем, что у народа исчезли чувство сопричастности к решению государственных и общественно значимых проблем, вера в то, что от них что-то будет зависеть. Такая гражданская пассивность имела под собой вполне оправданные основания. Не худо было бы и нынешним политикам задуматься над причинами нарастания политической апатии населения. А если они уже «отошли» от этих проблем и сосредоточились на своих, отличных от народных, — то хотя бы о возможных последствиях такой апатии для них самих.

Наивно полагать, что достигнутый высокий образовательный уровень общества автоматически обеспечивает переход знаний, обширной культурной информации в стройную систему индивидуальных идейных убеждений, научную картину мира и назначения человека. Людям присуща критическая оценка восприятия и усвоения получаемых извне духовных ценностей: если человек просто запомнил их — это не значит, что он сделает их фактом реального отношения к окружающей действительности. Тут налицо более сложная и достаточно противоречивая ситуация индивидуального освоения сложившихся идей, причем чаще всего такое освоение происходит при практической их апробации.

Люди нуждаются в прохождении ускоренного курса повышения политической культуры, сверхзадача которого замкнуть духовные ценности на социальное поведение человека. Ее проверенный путь — от интеллектуальных знаний к внутренне обоснованным политическим убеждениям и навыкам, а от них — к реальным политическим действиям. Только тогда практический деятельно-преобразовательный характер политической культуры даст результаты и скажется на жизни человека.

Но для этого необходимо открыть перед личностью возможности для самореализации и в трудовой, и в общественно-политической, и в научно-технической, и в художественной сферах. Однако в рамках политической культуры самореализация личности не есть абсолютная ценность. Принципы сочетания личных целей и интересов с общественными, свободы в поступках и ответственности за них

не только перед собой, но и перед другими людьми, суть необходимые основы гражданственности или, пользуясь термином И. Канта, — гражданского совершенствования. Самореализация личности, какой бы полной она ни была, не может рассматриваться как общественное благо, если она мешает самореализации других людей. Поэтому равенство возможностей сочетается с требованием соблюдения норм общечеловеческой морали.

Особенно сложен и противоречив процесс включения в социокультурную жизнь молодого поколения. Современная молодежь отличается образованностью, высоким уровнем знаний. В то же время целый ряд причин, к числу которых относится довольно длительный жизненный период подготовки молодежи к непосредственной трудовой деятельности, привел к тому, что трудовое и гражданское созревание молодого человека, по сравнению с предыдущими поколениями, затягивалось и стало происходить в более позднем возрасте. Выявились достаточно стойкое противоречие: высокий образовательный уровень современной молодежи отнюдь не приводит, как этого хотелось бы, к быстрому формированию прочных гражданских ценностных установок.

Процесс формирования этих установок сегодня отнюдь не стал проще, а, напротив, стал многократно сложнее и требует серьезных усилий в улучшении экономической жизни и воспитании молодого поколения. Многие наши молодые люди, перекочевывая со школьной скамьи в институтские аудитории, а некоторые и в аспирантуру, еще в 30 лет именуются молодыми специалистами, а возраст «молодых» ученых часто переваливает за 40—45 лет. Российские люди 150—200 лет назад в этом возрасте были куда более самостоятельными, независимыми от родительской опеки, прочно стояли на ногах. Да и сейчас на Западе молодежь более самостоятельна.

Если в первые годы советской республики многие идейно-нравственные принципы формировались у молодых людей самой жизнью, в которую они вступали в сравнительно молодом возрасте, непосредственным трудом, а жизнь была проще, — то сегодня картина изменилась. Для современной молодежи процесс формирования гражданских личностных качеств значительно усложнился. В этом отношении старшее поколение несет ответственность за издержки политического воспитания молодежи, ибо в течение долгого времени она отстранялась от участия в выработке социальных решений, налагались запреты на нетрадиционные фор-

мы ее общественной активности, молодым специалистам закрывался доступ к общесоюзной и международной деятельности. Фактически молодежи оставалась роль исполнителей примитивной работы в необжитых местах, для чего использовался ее жизненный энтузиазм, украшенный романтическим ореолом. Когда официозный романтизм был развеян, у молодежи практически не осталось идеалов. Если общество поразила социальная апатия, то молодежь она поранила вдвойне. Предложить молодежи такие идеалы, а главное — развить ее социальную активность, чтобы она сама нашла их — главная задача политической культуры. Мы как-то забыли, что передаем нашу страну, дело ее обновления в руки этих молодых людей.

Политические ценности нормального человеческого общества	Известно, что политическая культура реализуется в конкретных, соответствующих определенному историческому этапу политических ценностях. Как всякое конкретно-историческое явление, они в своем развитии претерпевают значительные изменения. На смену одним приходят другие, некоторые трактуются расширительно, а какие-то более узко, часть приобретает характер стереотипов и шаблонов. Есть и ценности устойчивые, «классические».
---	--

В наше время, в конце XX века, среди таких ценностей выделяются *мир и спасение природной среды*, направленные на сохранение жизни на планете. Их реализация тесно связана с политической культурой, политической сознательностью и активностью людей.

Глубочайший смысл и жизненную силу приобретают такие классические ценности политической культуры, как *свобода и демократия*, высоко ценимые в человеческом мире. Их значение прежде всего — в поддержании длительного и прочного мира на планете, укреплении благотворного политического климата и ослаблении международной напряженности. Они утверждают право человека на мир и свободную жизнь. Они, как и две предыдущие, носят общечеловеческий характер, способствуют реализации научной мысли о подчинении общественного прогресса контролю всеобщего интеллекта.

В политической культуре гласность словно кислород, очищающий воздух. Создаются необходимые условия для воспитания *культуры демократического поведения*. Это особый тип политической культуры, необходимый для квалифицированного и эффективного участия широких масс в

демократических процессах. Утвердившаяся ныне «демократия эмоций» еще очень далека от «демократии разума». Дистанция между ними весьма значительна. Иные публицисты, расписывая возрастающую политическую активность народа, замалчивают довольно опасный процесс наметившегося перерастания демократии в охлократию — диктат толпы, а у толпы нет лица и нет духовности, она не способна к осознанным действиям. В толпе человек — самое неразумное и беспомощное существо. Охлократия чревата серьезными последствиями: возникновением сумеречного сознания и воинствующего национального экстремизма, да и не только национального, когда народ становится возбужденной толпой, плебсом, незаметно выходит из-под контроля разума и живет искаженной, независимой от политической логики жизнью; когда торжествует стихия и неконтролируемые иррациональные разрушительные инстинкты становятся саморазрушающей силой.

Провозглашение «тотальной демократизации», возведение демократии в абсолют, без подкрепления ее сознательностью, дисциплиной и порядком наносят ей непоправимый вред, ведут к общественно-политическому хаосу и перерождению демократии в диктатуру. В свое время Уинстон Черчилль говорил, что демократия — штука ужасная, но лучшего еще никто не придумал. Демократия — многоэтажное здание сложной конструкции. Это приоритет, примат гражданского общества над государством, что дает возможность этому обществу направлять деятельность государства на защиту интересов личности. Ей еще предстоит доказать свою демократичность отношением к инакомыслию, к плюрализму и критике. Не раз уже пришлось убедиться, что политические иллюзии о бесконфликтности демократии — вещь опасная и тревожная, за которую можно заплатить и самой высшей ценой — ценой человеческих жизней. Предотвратить это возможно лишь на основе массовой политической культуры.

Одно из центральных мест в политической культуре занимает *принцип социальной справедливости*. В духовной сфере он проявляется в обеспечении всем трудящимся доступа к высшим ценностям и образцам мировой культуры.

Демократия и культура взаимосвязаны и оказывают друг на друга глубокое воздействие. Они совершенствуются медленно из поколения в поколение. Здесь невозможен кавалерийский наскок, потребуются многие десятилетия, чтобы у народа появилась способность жить в новых условиях. Многолетнее социальное прозябание привело к резкому

снижению общей культуры народа. Демократизация в условиях духовной нищеты позволила выдвинуться хаму и демагогу. А голос у них такой, что заглушит любого интеллигентного человека. В то же время многие вопросы культурного строительства, решение которых было в руках бюрократической системы, оказались в катастрофическом состоянии.

Древнегреческий философ говорил: «Государство гибнет, когда теряет способность отличать «хороших» граждан от «дурных». За последние годы круг «хороших» людей, конструктивно мыслящих и действующих, все более расширяется и увеличивается. Достаточно сказать, что миллионы людей участвуют в обсуждении проектов законов, а если нужно — не колеблясь выходят на улицы для защиты демократии.

Овладевая основами демократии и гласности, трудящиеся не только обогащают свое сознание, но и накапливают политический опыт. Это хорошо иллюстрируется отношением к Советам. Даже в далеком уже 1988 году, на заре «новой власти Советов», выборочные социологические исследования показали, что только 24,7% опрошенных считали, что Советы народных депутатов осуществляют деятельность в интересах трудящихся, а 31,6% называли их органами подлинного народовластия. Только 2% избирателей считали, что они могут контролировать деятельность своего депутата; с запросами и предложениями к депутатам обращались всего лишь 5% трудящихся. Все эти цифры — горестное свидетельство отчуждения представительной власти от народа. Но нам важно чутье масс: уже тогда они ощущали несостоятельность этой власти в России, которая пришла к закономерному финалу пять лет спустя.

Социологические исследования в Беларуси, Туркмении, Горьковской области и в других регионах показали, что 80% рабочих и служащих готовы участвовать в различных формах самоуправления на предприятиях, но реально включено в этот процесс в 2—4 раза меньше.

В системе политических ценностей особое место занимает свобода. Самая дорогая общечеловеческая ценность — это свобода личности. Именно свобода — неперенный, всеобъемлющий фактор культурного прогресса. Для культуры жизненно необходимо только то, что рождено человеческой свободой и ее развитием. Культурная деятельность личности — это ее движение к свободе, потому что именно культура — естественный мир свободы, она несет человеку понимание свободы, прививает к ней вкус, не признает на-

сила, удушающего свободу духа, свободу слова и свободу мысли. Но свобода сама по себе не дает культуры, она должна быть внутри человека.

Условием внутренней свободы человека Н. Бердяев считал восстановление его связи с универсальным строем мировой гармонии. По мнению В. И. Вернадского, понятие человеческой свободы, неотъемлемой от свободы мысли и веры, органически связано с категорией ноосферы¹. Цивилизованное общество начинается с внутренней свободы человека, раскрепощения его духа, создания условий для подлинно свободной человеческой деятельности. Думая о внутренней свободе, Варлам Шаламов говорил: «Свободным можно быть и в тюрьме». Без презумпции духовной свободы каждого невозможна никакая устойчивая экономическая или политическая свобода. «Мерилом свободы членов общества, — считал П. Гольбах, — должно быть благо общества в целом»². Уже в раннебуржуазной философии от Локка до Канта подчеркивалось, что в разумно устроенном обществе людям категорически разрешается думать так, как они это считают нужным, открыто выражать свои мысли, свободно распоряжаться не только своим имуществом, но и своими способностями.

Мы являемся свидетелями исторического процесса приобщения человека к свободе. В физике есть термин «усталость металла». Если перенести его на внутренний душевный мир человека, то можно говорить о том, как велика была его «усталость». Нашим людям сегодня трудно учиться жить и ходить свободно, отбросив костыли рабской психологии. Многие годы в сознание человека вносились ложные истины, культивировалось рабство духа, что приводило к утере духовной свободы, в плоть и кровь входила психология подчинения, живущая и по настоящее время. Человека не только возводили в положение «винтика» в социально-политическом плане, но и превращали его в «винтик духовный». А духовная смерть не менее страшна, чем физическая.

Свобода всегда индивидуальна. Каждый человек по-разному пользуется ею. Когда в обществе господствует хаос, человек осознанно, а иногда и нет пытается вырваться из него и создает внутри себя своеобразный «остров свободы», свой внутренний микрокосмос. И когда он живет в социаль-

¹ См.: Литературная газета. 1988, 16 мар. С. 13.

² Гольбах П. Естественная политика или беседы об истинных принципах управления // Избр. сочинения. Т. 2. М., 1963. С. 339.

ном успокоении, для него это и есть индивидуальный, маленький космос свободы. Но неспособность к критическому осмыслению окружающих явлений приводит к потере духовной свободы и политической независимости. Конечно, всегда есть люди, стремящиеся вырваться из железного кольца социального угнетения, выйти на путь свободы и справедливости. Но в прошлом их было немного, и не они «делали погоду», а «успокоенные» и «успокоившие себя».

Основным содержанием современной эпохи становится высший гуманистический принцип свободы человека. Человек **обязан** быть свободным. Эта благородная и императивная формула — движение к свободе — всегда вызывает серьезное сопротивление консервативных сил. Альберт Швейцер подчеркивал, что «способность человека быть носителем культуры, т. е. понимать ее и действовать во имя ее, зависит от того, в какой мере он является одновременно мыслящим и свободным существом»¹. «Культура, — замечает он, — предполагает наличие свободных людей, ибо только они могут выработать и воплотить в жизнь ее принципы».

Одно из слагаемых культуры — творчество. Но для успешного творчества необходимы социальные условия, доступ к нему, социальная свобода, не зажатая обскурантизмом. Если социальные вериги сковывают человека, трудно говорить о реализации его духовных возможностей. Гегель часто проводил мысль о связи культуры и свободы. «Культура, — писал он, — в своем абсолютном определении есть... освобождение и работа высшего освобождения...»². Свобода — целебный воздух культуры. Именно культура спасает в человеке самое драгоценное — его свободу, его самостоятельность и независимость, его личную волю в утверждении своей жизни. Но недостаточно освободить человека от внешней несвободы. Культура, в том числе интеллектуальная и политическая, является сферой свободы человека, причем не только внешней, но, главное, внутренней, свободы в собственном мировидении и мироощущении истины. Внутренняя свобода освобождает человека от схематизма мышления, от уродливой нетерпимости к инакомыслию, от лакейства мысли и некритической преданности навязанной идее, кажущейся единственно верной и справедливой. Человек, лишенный внутренней свободы, с поразительной готовностью верен диктатуре, способен бро-

¹ Швейцер А. Культура и этика. М., 1973. С. 40.

² Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. 7. М., 1934. С. 215—216.

силь к ее ногам любые человеческие жертвы, используя при этом, словно хамелеон, всякого рода новомодные и конъюнктурные лозунги.

Особый разговор о свободе слова. Она словно кислород для человека. Но она же может питать экстремиста и политического авантюриста. Есть и свобода аморальности, которая может наделать много бед, как есть и свобода конформизма. Часто люди живут под наркотическим воздействием свободы разрушения. Тогда особенно велики ее издержки. Свобода — это не анархия и не безвластие. Она кажется доступной каждому, но это трудная наука.

Серьезная проблема: насколько общество психологически готово к свободе и способно распознать «безумство гибельной свободы». Как человеку обрести действительную внутреннюю свободу мысли и действия, насколько способен он выдержать испытание ею? Любить и ценить свободу и быть свободным человеком — вещи разные и не всегда взаимообуславливающие. Прекрасный лозунг о свободе еще не вошел в сознание и поведение человека. Свобода трагична — это тяжелый крест, это радость и бремя, это постоянная и тревожная ответственность. Это то зерно, в котором прорастает личная ответственность человека, что дает ему полноправно строить свое сознание и бытие. Испытание настоящей свободой — это трудное и сложное испытание. Она как раз и есть всеобщая взаимответственность. Это самодисциплина и организованность, к которым многие не подготовлены. У Достоевского в поэме о Великом инквизиторе сказано: состояние свободы — это состояние выбора и состояние вечного внутреннего разлада.

Полной свободы не бывает, она всегда ограничена, во-первых, совестью, а во-вторых, дисциплиной, особенно внутренней дисциплиной человека. Величайший физиолог академик И. П. Павлов говорил, что культура есть равновесие между процессами возбуждения и торможения в коре головного мозга. Равновесие между свободой и дисциплиной. В нашем обществе это равновесие нарушено. Свобода — это самореализация личности. Для этого нужны дополнительные и немалые усилия, а человек к ним не привык, нужно формировать в себе новые качества, социальные черты, а они не воспитывались, человек не научился смотреть в лицо свободе. Как чеховскому Фирсу из «Вишневого сада»: воля кажется ему сущим несчастьем. Современный философ Г. Померанец считает, что «до свободы мы еще не дожили. Свобода — это не простое отсутствие цензуры; это равновесие, опирающееся на собственную глубину, на сло-

жившуюся личность... Беда не в свободе, а в непривычке к свободе».

Часто человек привыкает к несвободе, ухитряясь оправдывать и идеализировать ее, ссылаясь на свои обязанности перед государством, властью, службой. Она его устраивает, с ней спокойнее. Как писал М. Горький в мае 1917 года в «Несвоевременных мыслях», быть ничтожным проще, легче, безответственней... А тут надо учиться жить по-новому, в ситуации свободы, отбросив привычное... Что мешает человеку в проявлении своей уникальности и свободы? В основном влияние социальных условий, укоренившихся стереотипов в мышлении и чувствах, намертво утвердившихся представлений, как единственно возможных. Во многом человек зависит от государственной официальной культуры. Его интеллектуальная независимость, его умственная самостоятельность ограничены государственными институтами. Если социальные вериги сковывают человека, трудно говорить о реализации его духовных возможностей. Так предается забвению общечеловеческая истина, что не люди живут для государства, а, наоборот, государство для них. И наши люди с огромным трудом лишь начинают чувствовать себя гражданами со всеми законными правами и обязанностями. Социально-политические институты тоже только начинают служить не против них, а им, их жизни и свободе.

Современная политическая ситуация отражает картину достаточно серьезную и противоречивую. Динамизм событий усложняет картину еще больше. Но главное, что жизнь народа в условиях социального обновления проявилась в социальном действии, в росте политической самостоятельности. Новое время в корне изменило и укрепило значение политической культуры. В конце 70-х — начале 80-х годов интерес к внутривнутриполитическим событиям проявляли 40—45% опрошенных в то время социологами людей. К середине 1993 года политикой интересовалась половина жителей страны. Широкие социальные слои относятся к возникшим политическим движениям и партиям с большой долей скептицизма, зачастую проявляя к ним скрытое или откровенное равнодушие. И надо признать, что мудрость народная не покинула их: иные партии прекращают существование, иные раскалываются, иные стабилизируются — но ни одна еще ничего не сделала для этих масс, хотя с поразительным единодушием ставят первым в своих программах лозунг блага народа.

В свете сказанного следует подумать о том, какой потен-

циал несет в себе политическая культура и в каком направлении его следует использовать. Как известно, творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба велась только при условии беспронгрышных, благоприятных шансов. Опыт первых революционных лет был основан на энтузиазме трудящихся и полон значительных издержек. Дальнейшее развитие политической культуры происходило отнюдь не в идеальных, а в реальных, т.е. противоречивых условиях. Основанная на достоверной и объективной информации политическая культура сможет дать необходимые результаты только при условии постоянного привлечения ученых в качестве научных экспертов социальных проектов. Без этого затрудняются выработка реальной культурной политики и принятие серьезных решений.

Ныне нарождается новая культура политического общения. Иным по сравнению с прошлым стало ее качество. Сегодня она базируется на по-новому развивающейся социальной структуре, на демократизации и гласности. В ее основе лежит формирование непрерывной системы воспитания социальной культуры человека. Дискуссионные клубы, творческие ассоциации и другие смогут стать каналами гласности о деятельности руководства страны, выражать демократические волеизъявления людей, обсуждать проблемы, волнующие население. В будущем жизнь еще подскажет новые различные массовые формы активизации политической деятельности.

При этом следует иметь в виду, что распространение и действенность политических ценностей зависят от тактики и стратегии социальной политики, основанной на научных знаниях о характере социокультурной жизни и конкретных возможностях ее успешного совершенствования. Если справедливо утверждение, что творческое видение равнозначно предвидению, то политическая культура как творчество призвана прогнозировать будущее государственное устройство. Изменения в обществе весьма многообразны и далеко не всегда поддаются политической регуляции. Социокультурная жизнь изобилует противоречиями, напряжениями, конфликтами. Трудно предвидеть и адекватно оценить все те явления, которые происходят в обществе и культуре. Но тем более необходим научный подход к определению содержания и выработке политических решений социального и культурного развития по стране в целом и по отдельным ее регионам.

***IV. НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ:
СОВРЕМЕННОЕ ВИДЕНИЕ***

- **Национальная культура — душа народа**
- **Взаимодействие национальных культур: теоретический замысел и воплощение**
- **Универсализм духовных ценностей**
- **Содружество государств — содружество культур и языков**

Структура культурной жизни России представляет своеобразную триаду. Во-первых, это отечественная, общенациональная культура как составная часть мировой культуры; во-вторых, смешанная культура, рождающаяся в национальных образованиях на территории России на основе взаимодействия проживающих здесь представителей различных наций и народностей; и в-третьих, собственно национальная культура живущей в регионе нации.

В Советском Союзе в свое время бытовала жесткая директивная формула о культуре национальной по форме и социалистической по содержанию, как в тиски зажавшая сложный мир культуры. Подобная формула не способна была выразить многогранный облик культуры в ее динамике, так как страдала ограниченностью и механицизмом, забвением диалектики содержания и формы, законов преемственности культур. Не учитывалось, что советские нации и народности прошли большой и сложный путь исторического развития и каждая из них, как и вся страна в целом, добилась своих результатов, свидетельствуя, что даже самая малая культура способна внести свой вклад в мировую сокровищницу. Не учитывались мировые и местные дореволюционные культурные традиции как важнейшие составляющие новых культур.

Национальная культура — душа народа	Национальные ценности в духовной сфере — огромное интеллектуальное богатство и неисчерпаемый резерв воспроизводства общечеловеческих ценностей, культурных и нравственных традиций народов, процесса общенационального созидания. Культура сегодня существует в национальной форме самовыражения. Национальное же рождается из конкретно-исторических особенностей жизни народа, его биосоциальной сущности.
--	--

Современный разговор о национальных культурах поэ-

тому надо начинать с наследия, доставшегося стране после победы революции, с тех рубежей, откуда начиналось новое культурное движение в многонациональном государстве. Население национальных окраин дореволюционной России к этому периоду находилось на феодальной и даже патриархально-родовой стадии общественного развития, массы были лишены элементарных основ культуры. Целые исторические пласты культуры были скрыты от наций и народов.

До Октябрьской революции 50 народов и наций, населявших страну, не имели письменности. Среди туркмен, киргизов, узбеков, казахов, таджиков и многих других народов окраин Российской империи грамоту знали только отдельные лица. На территории Узбекистана и Казахстана не было ни одного высшего учебного заведения, а в Киргизии, Таджикистане и Туркмении не было не только высших, но и средних специальных учебных заведений. В Киргизии, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане совершенно отсутствовали общедоступные библиотеки. В 1906 году журнал Министерства просвещения «Вестник воспитания» предсказывал, что всеобщая грамотность населения будет достигнута в европейской части России через 120 лет, на Кавказе и в Сибири — через 430 лет, а в Туркменском крае через тысячелетие...¹

Победа революции внесла в жизнь народов России не только национально-культурные изменения, но и ряд серьезных проблем. В ее культурной программе были поставлены задачи развития национальных культур, национального культурного самоопределения и формирования содружества трудящихся. Создалась потенциальная возможность сохранить свою самобытность, ибо национальные культуры суть корни общей культуры. Целенаправленно формировались многочисленные отряды национальной интеллигенции: научно-технической и художественной. В каждой союзной республике были созданы Академия наук, университеты и научные центры, широкая сеть народного образования, свои национальные театры, живопись и архитектура, национальная кинематография.

Являясь социальным организмом, социальной общностью, нация самостоятельно определяет свое культурное развитие, но при этом следует учитывать чрезвычайно важный фактор — мировую культуру, влияющую на это развитие. Рассматривая национальную культуру во всем

¹ См.: Вестник воспитания. 1906. № 1. С. 42.

богатстве ее содержания и многообразии красок, как закономерную ступень в развитии мировой культуры и необходимый вклад в общечеловеческую цивилизацию, можно определить ее как синтез национально-особенного, инационального и общечеловеческого (мирового), переработанного и освоенного национальным. Отсюда наблюдается два вида развития каждой национальной культуры: во-первых, как неповторимой, уникальной по форме, и, во-вторых, как части мировой культуры, осознающей и проявляющей себя в ней. Но и в том и в другом случае она содержит и выражает в той или иной форме общечеловеческое начало.

Самая главная и самая привлекательная особенность национальной культуры — это ее удивительное разнообразие, самобытность и неповторимость. Развивая особенности своей культуры, нация избегает подражания и униженного копирования, создает свои формы организации культурной жизни. Если культура не имеет особого, только ей присущего аромата, она подобна безликому человеку. Как и любое проявление индивидуальности, самобытность национальной культуры обогащается одновременно с общим расцветом нации, уверенностью в своем будущем месте в мировой цивилизации.

У каждой национальной культуры есть свои плоды: духовные обретения и открытия, свои драмы и трагедии, свое видение мира. Развитие ее совершается не в стерильной колбе, а в условиях социальных противоречий, борьбы прогрессивных традиций с отсталыми и консервативными явлениями. Свое будущее каждый народ сегодня связывает с национальной культурой, являющейся для него гарантом жизни и интеграции в общемировую культуру. Эта идея обладает своей имманентной логикой: именно она поддерживает духовный и интеллектуальный потенциал нации, выступает импульсом творческой деятельности человека, укрепляет духовное здоровье народа, создает его национально-нравственный идеал.

Каждая национальная культура принадлежит всему человечеству и обязана самовыразиться перед всем миром. Каждой из наших национальных культур еще предстоит сказать свое слово в мировой культуре нового времени. Ведь единой национально-культурной модели нет. Прибалтийским государствам присуща своя культурная модель, республикам среднеазиатским — другая и т.д. Но каждая из этих культур идет своим оригинальным и своеобразным путем к общечеловеческим ценностям.

Усилия общества по укреплению национальных культур встречают сопротивление различных общественных сил, например, как это ни парадоксально, — националистических элементов, декларирующих «свободу наций». Утрирование национальных ценностей в нашем содружестве прежде всего связано с общим экономическим и социальным кризисом страны, усилением групповых интересов, зачастую прикрывающихся национальными мотивами. Появившиеся лозунги о приоритетности коренной нации и ее особых прав на своей территории, дискриминация других наций несут большую опасность для общекультурного пространства и культур малых народов и народностей. Уместно здесь упомянуть, что такой тенденции мы не наблюдаем, например, в религии. Религиозные учения не замыкаются на узком понимании национальности. Ни христианство, ни ислам, ни буддизм не делят людей по этому признаку.

Однако националистические тенденции проявлялись и раньше и стали благоприятной почвой для сегодняшнего разгула национализма. Так, начиная с 50-х годов в некоторых среднеазиатских республиках сначала осторожно, исподволь, а затем все сильнее проявлялась тенденция к родоплеменному разделению народов. Все это происходило на фоне ритуальных заклинаний «о дружбе народов». Создавалась видимость беспроblemности в межнациональных отношениях, затушевывалась опасность национального эгоизма и национальной ограниченности в общественном и обыденном сознании. Национальное сознание противопоставлялось общечеловеческому видению мира. Известный психолог и социолог Э. Фромм писал: «Отсутствие объективности, когда это касается других наций, является вопиющим... В сущности... рассмотрев... отношения между народами... можно прийти к выводу, что объективность — это исключение, а искажение, обусловленное самолюбованием, — в большей или меньшей степени является правилом».

Лишенный благородных социальных идеалов человек выдвигает на первый план идеологию национальную, причем обычно вакуум заполняется широко доступной, доходчивой идеологией воинствующего национализма. Надо признать, например, что идея «национальной исключительности» продолжает оставаться частью нашей жизни, набирает силу процесс гипертрофирования национальной идеи. Печально, что под лозунгом отстаивания национальной самобытности народу вкладывают в руки острый камень национализма и натравливают бросать его в «инородцев».

Порой даже самого реалистически мыслящего человека кружит хмель национальной исключительности. Националистически ориентированный человек метафизически воспринимает национальное как нечто несовместимое с инациональным. Такова, например, концепция «индоевропейского духа», которую проповедывали «новые правые» во Франции. Они предлагали «очистить» европейскую культуру от чуждых ей напластований, загерметизировать ее и изолировать от «посторонних» влияний. Естественно, такая позиция исключает возможность рождения универсальной общечеловеческой культуры, поскольку исходит из идеи «консервации» собственных «корней» и «истоков».

Без общения и открытости нация обречена на ограниченную культурную жизнь, в известном смысле — на культурное обнищание. Опасный путь культуры в самоизоляцию ведет к затхлой, ограниченной провинциальности, тормозит встречу с мировой цивилизацией. Даже из школьной физики известно, что система, не потребляющая энергии извне, обречена на «крутую» энтропию, на вырождение и распад. Замкнутых культур нет, они задохнутся в отдельных национальных норах. Автаркия — смерть для них. Культура — словно ожерелье из ряда культур-жемчужин. В духовно взаимосвязанном мире каждая национальная культура многочисленными нитями неизбежно связана с другими и зависит от них. Помышлять о своей изолированной культуре — это не только дань национальному мещанству и бессмыслию, это путь к губительному изоляционизму, самоубийственному для культуры любого народа.

В каких формах это выражается, к каким последствиям приводит на практике? Например, порою под видом национальной самобытности в отдельных произведениях литературы и искусства, научных трудах предпринимаются попытки представить в идиллических тонах реакционно-националистические пережитки, противоречащие общечеловеческим ценностям.

Включение в духовную жизнь достижений духовно-нравственного опыта минувших поколений в лице их выдающихся представителей — одно из закономерных направлений культурного прогресса. Но и здесь мы порой сталкиваемся с тревожными явлениями, когда в сознании некоторых деятелей культуры освоение наследия прошлого отождествляется с безоговорочным и некритическим принятием всех содержательно-смысловых моментов в творческой деятельности мыслителей и художников минувших эпох. При таком подходе статус культурной ценности неред-

ко обретают те взгляды и идеи, которые несут на себе след национальной мировоззренческой ограниченности, быть может и естественной для минувших культурно-исторических эпох, но совершенно несовместимой с современными критериями.

Опасность национального эгоцентризма и нетерпимости в культуре надо своевременно предотвращать и устранять, предугадывать и предупреждать, ни в коей мере не давая им разрастись как раковой опухоли. Известно, какие невероятные усилия приходится прилагать, чтобы устранять подобное. Лидеры крайних радикальных групп, выдвигающие справедливые лозунги о сохранении своей национальной культуры, в то же время допускают роковую ошибку, не понимая принципы взаимодействия национальных культур между собой и с культурой мировой, общечеловеческой. А ведь возможности развития и обогащения национальной культуры реальны только при наличии тесного сближения ее с общечеловеческой мировой культурой. Именно во взаимосвязи национальных культур проявляется объективная тенденция общекультурного процесса.

Смысл культурного движения по этому пути в том, чтобы открыть простор национальному духовному развитию, свободе национальных культур и языков, заботливому вниманию к особенностям каждой культуры на основе общечеловеческих приоритетов. Будучи открытой для мира, национальная культура не может развиваться вне целостного исторического контекста всей культуры данной эпохи. Способность одного народа осваивать достижения другого — важный показатель жизнеспособности его культуры. Эта способность не только обогащает свою нацию, преобразовывая ее облик, но и позволяет щедро делиться своими духовными ценностями с другими, обеспечивает взаимодействие и взаимопонимание людей, их восприятие инонациональных ценностей, преодолевает деформации в межнациональных отношениях. Являясь составной частью мировой культуры, каждая культура взаимодействует как партнер и соучастник в создании общечеловеческих духовных ценностей, развиваясь, по образному выражению М.М. Бахтина, на основе диалога культурных атомов. Отсюда стратегическое направление культурной национальной политики: органическое сочетание национальных и общечеловеческих ценностей, идейное и духовное содружество суверенных народов.

Достаточно часты взгляды, рассматривающие национальную культуру как антипод общечеловеческой, как не-

что ей противоположное, конфронтационное, рассуждения о национальной культуре как об анахронизме, чем-то устаревшем, обреченном уйти с исторической сцены. Отсюда и контрдоводы, что общечеловеческая культура, в свою очередь, чужда национальному, противостоит ему, что это искусственный тип безнациональной культуры. В этом споре истина, как всегда, в практике. Культура, будучи сложной системой, включает в себя сегодня существующие национальные элементы. Если послезавтра они прекратят свое существование, то система исключит этот принцип деления и будет основываться на параллельных ему, существующих и ныне. Но нельзя сегодня исключить реальную культурную практику, не разрушая всю систему. Вот почему столь важна научная стратегия по дальнейшей консолидации и гармонизации национальных культур. И параллельно программам национального культурного развития необходимы научные программы межнационального культурного сотрудничества.

Культура является действенным фактором формирования нового международного типа духовного производства, рождающегося в содружестве культур. Общечеловеческие ценности — это не абстрактное понятие, они конкретно воплощаются в каждой национальной культуре. Николай Бердяев говорил: «Качество национальности зависит от раскрывающейся в ней человечности». В наше время, когда в различных странах и на континентах проживают сотни тысяч людей разных национальностей, заброшенных судьбой далеко от своих родных мест, прогрессивная национальная культура призвана от имени тех, кого объединяет общее этническое происхождение или культурное наследие, связывать их духовные интересы, сохранять и поддерживать национальные традиции. Так, в Польше, Чехо-Словакии, Румынии, Югославии, в Канаде и Германии проживает много украинцев, чьи национальные культурные силы тянутся к источникам родной культуры. Можно привести и другой пример: сейчас фактически нет культурных связей между казахами Китая, Монголии, Турции, Сирии, Ирана. А насколько сложна и тревожна проблема многих миллионов русских, оказавшихся за пределами своей родины, превратившихся в иностранцев. Забота о них, внимание к ним — святая обязанность России как цивилизованной страны.

Духовные связи с национальной диаспорой требуют к себе серьезного внимания. Постоянные контакты помогут сохранить живительные силы наций, поддержат национальную культуру как живую целостную систему. В будущем

возможно формирование ряда русских, армянских и других параллельных национальных культур в бывших республиках бывшего Союза. Этот процесс международного взаимодействия носителей национальных культур помогает преодолевать существующую тысячелетиями или только что наметившую культурную изоляцию наций и отвечает пробивающей себе дорогу универсальной потребности в сохранении, сбережении и освоении общечеловеческого культурного «генофонда». В этом проявляется сила национальной культуры, как выразителя, охранителя и носителя гуманистических ценностей человечества.

Вполне естественно и закономерно стремление людей к познанию своей самобытной национальной культуры. Значение национального самосознания состоит в том, что оно морально укрепляет человека, пробуждает его интерес к отечественной истории, своим ценностям и традициям. Отрыв от национальных корней неизбежно приводит к национальному нигилизму и духовному оскудению.

В то же время ошибочные теоретические положения консервировали проблему национальной самобытности, тормозили динамику национальной духовной жизни. Многие годы национальное самосознание было закрыто и вычеркнуто из общественного сознания, из теоретических понятий и категорий. Выступления интеллигенции в защиту исконных национальных интересов и достоинства человека, не укладывавшиеся в прокрустово ложе государственных установок, рассматривались как «буржуазный национализм». Этот ярлык ставили на выборе определенных тем и героев в художественной литературе или на исследованиях белорусских философов по защите национального языка от засорения чуждыми заимствованиями.

Современная культурная ситуация создала новые условия для проявления возросшего национального самосознания. Его объективный рост — процесс прогрессивный. Но в эту идею закрадывается новая опасность: шовинизм. «Русская идея» уже трактуется кое-кем как враждебная общечеловеческим ценностям. Между тем, это понятие не национально-ограниченное, а глобальное, универсальное, связанное с общечеловеческим сознанием. Грань между подлинным национальным самосознанием, которому чуждо неприятие других наций, и грубым национализмом очень зыбка, и перейти ее несложно. В изначально чистую, светлую идею национального самосознания привносится значительная доля лживой спекулятивности.

Более того, возникает зловещее явление: конфликты

межнациональные перерастают в коллизии внутри самих наций, совершается внутренний распад на родоплеменные и топонимические иерархии. Особенно это заметно на уровне обыденного сознания. В ряде мест развернувшиеся процессы национального возрождения трансформировались в национальное противостояние. Национализм и сепаратизм подтолкнули волну межэтнических конфликтов. В 1991 году в стране насчитывалось 76 точек, где межнациональная напряженность превысила «норму». Нарушение традиций уважения одной национальной культуры к другой несет острейшие кровоточащие конфликты. Свидетельство тому, например, хорошо всем известные сложнейшие ситуации в Закавказье.

Есть и еще одна проблема. Сложность развития национальных культур в образовавшихся суверенных государствах состоит в том, что в большинстве своем их население не образует наций в международно-правовом смысле и тем более национально-культурных общностей. Возникновение в новых государствах этнократии только усложняют эти процессы, не учитывающие тяготение значительной части населения к другим национальным ценностям.

За последнее время вошло в общественный язык понятие национального патриотизма. К нему надо отнестись со всем вниманием и осторожностью, памятуя, что любовь к отечеству всегда была святым и чистым чувством. В то же время любовь к своей нации нельзя превращать в бездумно фанатическое обожествление, фетишизировать свою нацию как богоизбранную, «самую умную и талантливую». Всякое возвеличивание своей нации и своего народа за счет других — не патриотизм, а национальная кичливость, прикрываемая «патриотической» вывеской. Общечеловеческий принцип, не противопоставляемый патриотизму, состоит в том, что человек, любя свою нацию и национальную культуру, понимает, что и в другой культуре всегда есть ценное и необходимое.

Под лозунгом так называемой народности зачастую проповедуются идеи «квасного патриотизма», проникнутые принижением и искажением общечеловеческих ценностей. Некоторые деятели культуры, представители литературно-художественной критики выступают за восстановление исконно национального патриотизма в противовес «антинациональному» интернационализму. Проявляется это в обращении к патриархальным ценностям, к реакционным элементам наследия отечественной культуры, к чернотенству, к идеям, давно отброшенным историей. В

некоторых литературно-критических выступлениях, как уже говорилось, имеет место препарирование понятия общечеловеческого как антинационального, непатриотического.

Откуда корни этого «дикого», агрессивного национализма? Они лежат в недрах коррумпированного общества, в кланово-родственных связях, в дремучем лозунге джунглей: «мы одной крови!». Усиливаются явные или скрытые действия националистических, сепаратистских сил, ставящих выше всего свои интересы и амбиции. Для массового сознания особая привлекательность национализма состоит в том, что он «приподнимает» своих приверженцев на головокружительную высоту, предоставляет им право быть кем-либо, не становясь им в действительности, не прилагая для этого никаких усилий.

Есть люди, заинтересованные в межнациональных трениях, торпедирующие культуру межнациональных отношений. Это корыстное сословие безответственных политиканов, национал-карьеристов рекрутируется из ультраконсервативных и националистических элементов, стремящихся во имя власти к национальной изоляции, к мести и разжиганию межнациональных конфликтов. Что это за социальный тип? В массе своей это люди с авантурными наклонностями, невежественные и грубые, с небольшим образованием, аморальные политические игроки и интриганы, ловко играющие на национальных струнах, вульгарные фальсификаторы истории и культуры. Подчеркивая исключительность своего народа, они выдвигают вперед собственные исключительность и превосходство.

Национальные столкновения опасны еще тем, что они несут в себе предвестие будущих религиозных конфронтаций. У национализма есть повивальная бабка и преданнейшая служанка — фанатизм, в том числе религиозный.

Всполохи национализма сверкают повсеместно, и дальнейшее нарастание его легко предвидеть. Сегодня националистические элементы высоко подняли голову. Их действия уже дали свои печальные результаты. Националистическое цинично и агрессивно насилует национальное, происходит процесс отчуждения национальных культур, разрушения прогрессивных элементов цельной многонациональной культуры. В отдельных суверенных государствах отторжение «чужой культуры» происходит быстро и драматично, возникает так называемый окраинный национализм. Все это приводит к непредсказуемым последствиям: безудержному экстремизму, к культуре стерильного геноцида, к ду-

ховной изоляции, к обеднению родной национальной культуры. Ибо изоляционизм для нее — катастрофа. В последние годы почти в пять раз сократилось число гастролей театров и музыкантов между национальными республиками, национальные кинематограф и кинопрокат оказались замкнутыми в своих государственных границах, серьезно сократились переводческая деятельность и межнациональный обмен издаваемой литературой, свертываются комплексные исследования по культурологии.

Националистическая идея словно раковая опухоль может привести и к созданию фашистского государства. Ее усиление неминуемо связано с подавлением прав и свобод человека вне зависимости от его национальности, изоляцией от общечеловеческих ценностей, заменой свободы личности свободой нации. Национализм — типичный вид антикультуры, он враждебен прогрессивной, оригинальной мысли. «Мирного» национализма в природе не существует, он неизбежно связан с кровью и насилием, проявляется в экстремальных формах, несет политический анархизм и вырождение нации. Под лозунгами «защиты национальной культуры» и «национального возрождения» действуют отлично организованные силы экстремистов, теневой экономики, мафии и коррумпированных элементов партийного и государственного аппарата.

Сам национализм у его адептов вырастает до масштабов всеисильной глобальной тенденции. Многие его сторонники подчеркивают, что он постоянно развивается и крепнет как решающий элемент человеческой истории. Они считают, что в XX столетии выразительнее, чем когда-либо, национализм движет народами и меняет политико-географическое лицо земного шара. Здесь следует признать: существует реальная опасность что «вирус национализма» может приобрести международный характер и вместо идеологического раскола наступит угроза расчленения стран и народов по национальному, этническому признаку. К этому могут привести и сегодня разнообразные концепции «исторического избранничества» и «мессианства». Великий русский философ В. Соловьев в свое время назвал национализм «сифилисом человечества» и рассматривал его «как знамя дурных народных страстей». «Я говорю о новом идолослужении, об эпидемическом безумии национализма, толкающего народы на поклонение своему собственному образу вместо высшего и вселенского Божества», — диагностировал философ.

Вызывает недоумение индифферентная позиция наших государственных органов по отношению к различным наци-

оналистическим, шовинистическим и черносотенным организациям «ультра», наносящим своими деструктивными разрушающими действиями большой вред обществу. В немалой степени это связано с уродливым развитием отдельных национальных культур, не способных или не желающих подняться с прокрустова ложа догматических схем и влияния административно-командной системы, подавлявшей сложный и противоречивый культурно-исторический путь наций, когда не принимались в расчет исторические и демографические различия народов, например, в Прибалтике или Средней Азии.

Борьба с национализмом, шовинизмом, расизмом, антисемитизмом — а это и есть конкретные области, «горячие точки», где происходит «сшибка» общечеловеческого и националистического мировоззрения — нередко обесценивается холодным формализмом мероприятий культурно-досуговых организаций, отсутствием гибкого, индивидуального, «местного» подхода к носителям чуждых взглядов и норм поведения, шаблонным однообразием форм и методов воздействия на духовный, чувственный мир людей.

Тоталитарная система — явление враждебное прогрессивной национальной культуре. Последствия ее господства будут еще долго ощущаться в духовной жизни, в обострении национальных противоречий. «Великое переселение народов», исполненное с чингисхановской жестокостью, равнодушие к духовной жизни различных наций нанесли страшный удар по национальным культурам, разрушили их союз, — словно притаившаяся мина взорвала через десятилетия духовные связи народов.

Под видом борьбы с буржуазным национализмом происходили выселение целых народов, лишение их государственности, уничтожалось их культурное наследие. О судьбе немцев Поволжья и крымских татар хорошо известно. Но это только часть драматической картины. В 1944 году было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) по Татарии, в котором была осуждена «популяризация ханско-феодалного эпоса об Идеее». По руководящему указанию сверху критическому разгрому были подвергнуты башкирский, туркменский, азербайджанский народные эпосы. А сказители древнейшей киргизской жемчужины «Манас» оказались не больше не меньше как сторонниками буржуазного национализма, из-за чего де национальный эпос был засорен «пантюркистскими и панисламистскими идеями, чуждыми и враждебными киргизскому народу».

Известно, что в результате межнациональной миграции, вызванной различными экономическими, социальными, демографическими и иными процессами, более 75 миллионов людей проживают вне границ своих национальных территориальных образований. Это накладывает отпечаток на их духовную жизнь, сказывается на национальной культуре. В местах компактного проживания национальных меньшинств необходимо особенно четко соблюдать права автономий, предоставлять возможность обучать родному языку своих детей, готовить и выдвигать национальные кадры. Остро назрела потребность сохранения культурной автономии малых народов, согнанных и насильно переселенных из своих родных мест и жаждущих возрождения национальной культуры, языка, обычаев, традиций, т.е. всего того, что составляет основу нормальной жизни каждого народа, его процветания. Именно в культуре очень важно предусмотреть максимальное расширение суверенности государств. В то же время опасна культурная политика, строящаяся на консервативных концепциях иерархии национальных культур в зависимости от статуса той или иной республики.

В современном мире практически нет моноэтнических территорий. Нет ни одного уголка, где бы совместно не проживали, трудились, радовались и горевали люди самых разных национальностей. Эти люди, в том числе живущие за пределами своих государственно-территориальных образований или лишенные их, заслуживают, чтобы иметь необходимые условия и возможности для удовлетворения своих духовных запросов в сфере образования, обучения на родном языке, народного творчества. Отсюда необходимость создания в разных регионах очагов и центров национальной культуры, средств массовой информации, реализации религиозных потребностей.

Взаимодействие национальных культур: теоретический замысел и воплощение	Духовные связи народов тесным образом переплетены и интегрированы под эгидой отечественной многонациональной культуры и общей исторической судьбы, единого «духовного кровообращения». В тугой узел противоречий переплелись прогрессивная идея и потребность сближения национальных культур и законо-
---	---

мерный рост национального самосознания, самоутверждения. Сложность национальной политики в культуре в значительной мере обусловлена множеством этносов, различных религий и конфессий, высокой степенью поляризации взглядов и убеждений, множественностью культур.

На едином культурном пространстве не меньше, чем на пространстве экономическом серьезно отразится разрыв с общечеловеческой цивилизацией, который может произойти в результате преступно-легкомысленной политики агрессивного национального изоляционизма, проводимой и сегодня экстремистскими силами самых разных национальностей. Расчлененная на части культура — не самое плодоносящее поле.

Единое многонациональное «поле» культуры, на котором трудились «дети разных народов», разрезанное на суверенитеты, оказалось обреченным на бесплодие. По-новому, но трагично звучит ныне вопрос: «С кем вы, мастера культуры — с политикой или с культурой?». Именно с помощью Содружества и через него открывается кратчайший путь к воссоединению с мировой культурой. Ведь мировую известность аварец Расул Гамзатов получил через Советский Союз, так же как грузинскую поэзию открыли миру переводы на русский Пастернака и Заболоцкого. Многие наши «национальные» деятели литературы и искусства раскрылись и осуществились в огромном пространстве русского культурного мира.

Наиболее оптимистическая перспективная тенденция прогресса культур наций бывшего Союза связана с пониманием и возможностями единого культурного пространства, как сообщества свободных и равноправных культур, с идеями гуманизма, когда осуществляется приоритет права человека над правом нации. Почему же, вопреки мировому общечивилизационному процессу к сближению национальных культур, в нашем обществе происходит обратное и будущее связывается с отделением культур друг от друга, на почве которого бурно произрастает бурьян национального эгоцентризма? Уже древнейшие мудрецы сумели разглядеть в глубокой разобщенности народов и культур на заре мировой цивилизации опасность для общности человеческого рода. Главное заключается, писал Плутарх в «Антологии мировой философии», не в том, что «мы обитаем в городах и областях и отличаемся своими особыми законами и нравами, а в том, что мы рассматриваем всех людей как своих сограждан, что жизнь одна, подобно тому, как мироздание одно»¹.

В сознании XX века все более утверждается идея всемирности культуры. Перед миром встает идея всечеловечности, идея и для России не новая. Кончается эпоха изолированно-

¹ Плутарх. Антология мировой философии. Т. 1. М., 1969. С. 503.

сти культур. На смену приближается эпоха планетарного единства, преобразующая традиционные ценности, эпоха, содержание которой пока еще довольно трудно предугадать. «Индивидуальность культур переходит в универсальную цивилизацию», — писал Н. Бердяев. Выдающийся философ М. Бахтин говорил, что культура погранична, поэтому и культурное самосознание возможно только при участии других культур — по контрасту, когда происходит их «взаимное отзеркаливание».

Развертывающиеся в мире интеграционные процессы свидетельствуют, что будущее общемировой культуры связано с тесным взаимодействием и сближением всех культур, их взаимопониманием и взаимотерпимостью. Когда общество «переболевает» национальным эгоцентризмом, вызванным драматическими конфликтами, оно неизбежно будет тянуться к мировым наднациональным структурам. Но при этом, естественно, каждая национальная культура внесет в них свою самобытность.

Новые проблемы, возникшие в межнациональных отношениях в нашей стране, выдвигают необходимость гармонического развития национальных культур и языков на основе многоцветия. Такое развитие может пойти двумя путями. Первый — самоизоляция от общей многонациональной культуры и движение к мировой культуре в одиночку. Второй — ориентация на то прогрессивное общее, что уже создано в период существования наций в рамках Союза, его развитие и интеграция через это общее в культуру мировую. Второй путь проще, продуктивнее, предпочтительнее. Но чтобы идти по нему, надо проделать гигантскую работу по отсечению всего чуждого подлинной культуре в наработанных межнациональных культурных связях и по восстановлению доверия между нациями.

Развитие многонациональной культуры может быть продолжено на новой основе благодаря прогрессивным изменениям в социальной жизни, создавшимся условиям для решения качественно новых задач в этнонациональных отношениях. Это развитие могло бы быть полезным, так как многонациональная культура наших народов, имеющая, несмотря ни на что, немало достижений и освобожденная от всего наносного, пошло-официозного, идеологизированного, могла бы стать посредствующим звеном между культурами наших народов и общемировой культурой. Но для этого необходим и более высокий уровень политической культуры, культурной политики. Отечественная культура тем богаче, чем ярче и красочнее каждая входящая в нее

национальная культура. Отсюда нравственный облик содружества государств определяется уровнем его отношения к культуре любой нации. Без доброго и уважительного отношения к «чужой» культуре создать цивилизованное общество практически невозможно. Уроки прошлого напоминают, какую большую опасность представляет «замкнутый мир», когда народ живет за «железным занавесом», в самоизоляции, в закрытом социальном пространстве. Взаимное сотрудничество культур столь же важно и необходимо, как и соревнование между ними. Но самыми выносливыми и «приспособленными» оказываются именно те национальные культуры, которые помогают другим. Спасительный путь здесь — содружество национальных культур. Оно должно осуществляться на основе свободы, открытости, честности, гласности, взаимного уважения, но без демагогической трескотни, поверхностной риторики и вульгарного «учительства».

Содружество национальных культур помогло бы становлению у разных народов общих черт цивилизованного облика, порождению нового типа общественных отношений. Для некоторых национальных культур, к примеру славянских, этот процесс взаимодействия особенно примечателен и органичен, так как близки и родственны их корневые исторические истоки, гибки национальные границы и грани, но его нельзя представлять механически, вне учета противоречивых и кризисных явлений.

Сближение и взаимодействие национальных культур — диалектически многостадийный процесс, не лишенный своих «болевых точек». Так, на различных этапах общественного движения проявлялась определенная закономерность: отделяясь друг от друга, изолируясь от общего культурного потока, национальные культуры заметно ослаблялись. Наибольших же успехов и духовного обогащения они добивались, вступая во взаимодействие, в процесс взаимообогащения. Этот процесс шел всегда, для него нет границ государственных и временных. Есть весьма значительный и все еще неоцененный резерв: широкое открытие друг другу национальных ценностей, широкий обмен ими — но, конечно, обмен реальный, а не декларативный, как было в прошлом, когда создавалась ситуация видимого или ложного, мнимого сотрудничества. Взаимодействие национальных культур на новой и обширной географической сцене привело бы к их серьезным изменениям как в содержании, так и в форме, а главное, в их исторической судьбе.

Особого внимания требует художественная культура —

наиболее существенная сфера проявления национально-специфического, где диалектическое сочетание национального своеобразия с общечеловеческим звучанием является внутренним импульсом и неперенным условием художественности.

Представляется весьма странным, что художественная литература, театр, кино нередко обходят молчанием вопросы, связанные со сложностью национальных отношений. Значительная опасность таится в том, что в культуре пропадает обостренное внимание к общенациональным проблемам, в свете которых решается духовное переустройство общества. Слабо развит обмен специалистами, получившими подготовку в различных республиках, что создает обстановку для определенной национальной замкнутости кадров. Этническая безграмотность негативно влияет на сферу культуры быта, национальные особенности поведения. Одной из важных причин обострения межнациональных отношений явилось волюнтаристское нарушение духовных интересов, культурных и исторических особенностей каждого народа. Пренебрежение спецификой национального быта, подавление культурного и национального многообразия принесли трагические результаты. Так, известные драматические события в Нагорном Карабахе показали колоссальную опасность, которую несет безразличие к социально-культурной сфере, национальной культуре, когда местное население не имело ни клубов, ни театров на национальном языке.

Оставались без внимания жизненные коллизии, порожденные межнациональными браками. И это при том, что каждая пятая семья в России смешанная. В сводке Госстата СССР «Межнациональные браки в 1988 году» были приведены интересные сведения о положении в стране с этим вопросом. Особенно поражают данные о межнациональных браках по союзным республикам. Так, в 1988 году 57,2% русских мужчин, живущих на Украине, взяли в жены девушек других национальностей, в Белоруссии — 74,5%, в Грузии — 39,6, в Литве — 56,5, в Молдове — 61,9%. Почти такую же картину показывает статистика и по русским женщинам, вышедшим замуж за людей другой национальности: в Беларуси таких было 73,4%, в Грузии — 53,2, в Азербайджане — 40,3, в Молдове — 59,9, в Армении — 70,6%. Конечно, и сегодня большинство этих браков не распалось. Более того, их количество, хотя и в меньших масштабах, увеличилось. Из этих цифр наглядно видно, сколь важны различные аспекты интернационального быта, меж-

национального общения, повышения его культуры, особенно в области семейно-брачных отношений.

Большой вред наносит бытующая среди деятелей культуры практика «косметического изображения» истории своего народа, сопровождающаяся искажением исторического прошлого соседей — братских народов, неуважением к их национальным святыням. С легкостью необыкновенной в художественной литературе и искусстве даются поверхностные оценки жизни других наций, дилетантские обобщения, лишенные глубины и основательных знаний и оскорбляющие национальное достоинство. Имеет место и другая крайность, когда тот или иной народ изображается в сентиментально-слащавых тонах, в провинциально-восторженных красках.

Становление цивилизованного общества требует глубокой реорганизации деятельности многих организаций и учреждений культуры и искусства, образования, быта, создания новых форм проведения досуга и др. Утвердившиеся различные формы межнационального общения, такие, например, как дни или декады национальных искусств, юбилеи выдающихся деятелей культуры, «десанты» писателей в республики, зачастую носили «парадный», «декоративный» характер, проходили по разнарядке, часто подменялись парадными ритуалами, столь же формальными, сколь и бездейственными, а то и вредными. Взаимообогащение национальных культур нельзя, конечно, сводить к праздникам и юбилеям. Если такие формы культурного обмена скомпрометировали себя, то можно найти другие, может быть, более эффективные. Ведь здесь мы имеем дело как раз с той закономерностью, когда содержание значительно важнее отживших форм.

Путь к гармонизации межнациональных отношений лежит в значительной степени через культуру. Сегодня как воздух нужно воплощение в практику идеи, что народы «все распри позабыв, в единую семью объединяется». Известная формула Гете: «превыше народов человечество».

Универсализм духовных ценностей

В условиях необходимости культурного обновления общества укрепление гуманистических идеалов и принципов невозможно вне основной тенденции развития культуры — обращения к общечеловеческим культурным ценностям. Возвышенные идеалы мировой культуры испокон века давали ей возможность подниматься над всеми разделительными границами, таможенными, государственными запретами. В этом одна из главных при-

чин неприязни к ней тоталитарных государственных структур: невозможно было установить диктат над тем, что объективно выше их и недоступно их пониманию.

Поэтому так думают не все. Возник, например, в наше время острый, кровоточащий вопрос о перераспределении классических национальных ценностей. Логика проста: все национальные культурные ценности должны вернуться в национальные государства. Но законы мировой общечеловеческой культуры говорят обратное. Ценности, веками хранившиеся в мировых центрах цивилизации, нельзя расчленять, дробить, растаскивать, а необходимо сохранить во имя интересов всего человеческого сообщества, во имя целостности мировой культуры.

Примечательная особенность мировой культуры — ускорение процесса ее интеграции. Правда, многие сферы культуры, к которым относятся наука, философия, мораль, литература и искусство, образование, нравственные ценности человечества, всегда содержали не только классово направленные, но и общечеловеческие, универсальные начала. Они способствовали сближению народов, обогащали цивилизацию. Подчеркивая усиление этой глобальной тенденции, следует отметить ее позитивный характер, ее роль в решении всего комплекса задач формирования нового гуманистического видения мира. Но здесь надо учитывать ряд моментов.

С одной стороны, в мире происходят социально-экономические, политические и культурные процессы, порождающие глобальное, планетарное сознание. Крепнут экономические и культурно-информационные связи. Постепенное распространение новой технологии формирует унифицирующую тенденцию. Образы жизни разных народов оказываются похожими. Это порождает представление, что уникальные культурные особенности различных регионов планеты постепенно стираются, национальные черты размываются, глобальные процессы универсализируют мир.

С другой стороны, на планете существуют различные и многообразные культуры. Специфика жизни тех или иных народов предстает как фактор, оказывающий глубокое воздействие на характер социальной динамики. В противовес униформизации возникает контрнаправление на сохранение культурного достояния в его уникальной форме. Никогда прежде не было, пожалуй, столь мощного и разнохарактерного взлета региональных и национальных умонастроений, как в наши дни. Этнонациональные про-

блемы оказываются в центре внимания мировой общественности и приобретают глобальный характер.

Попытаемся охарактеризировать обе эти тенденции, представленные в современной западной исследовательской литературе, и выявить научные позиции, противостоящие различным версиям «глобализации» или «герметизации» культур.

В завершающемся столетии решающее значение для экономической и социальной жизни, для способов производства знания, отмечал американский социолог Д. Белл, а также для характера трудовой деятельности человека приобретает становление нового социального уклада. Революция в организации и обработке информации и знаний, в которой центральную роль играет компьютер, разворачивается одновременно со становлением постиндустриального общества. Ход рассуждений Белла сводится к тому, что быстрое развитие научно-технической революции вносит качественные изменения в жизненный уклад народов, постиндустриальное общество приобретает сходные черты в Америке и Японии, на островах Тихого океана и у патриархальных северо-американских народов. В «тигле» информации окончательно обратятся в пепел те уникальные особенности культуры, которые «служат помехой стремительному разбегу цивилизации».

Более развернутую модель «схождения культур» развивает американский философ Дж. Мартин в книге «Телематическое общество. Вывоз ближайшего будущего». Когда речь идет о великих цивилизациях прошлого, — отмечает автор, — имеют в виду географические локальные регионы, скажем, Древнюю Грецию, Францию XVIII века, современную Америку. Но не то будет по прошествии нескольких десятилетий развития глобальных коммуникаций, когда «цивилизации» будут представлять собой географически рассеянные регионы, объединенные общей культурой. Постиндустриальная западная цивилизация свяжет воедино все англоязычные страны. Дж. Мартин возлагает особые надежды на транснациональные корпорации, выступающие, по его концепции, средством космополитизации мира. Однако, сетует автор, некоторые люди все еще эмоционально крепче связаны со своей страной, нежели с корпорацией, в которой они работают. Его утешает то, что иные уже сейчас испытывают большую лояльность к своей глобальной культурной зоне, нежели к своей национальной культуре.

Многие теоретики соглашались с этими идеями «устарелости» национальных ценностей. На XVII Всемирном фило-

софском конгрессе (Канада, 1983 год), посвященном философским проблемам культуры, некоторые западные теоретики, в частности, Дж. Грант, Е. Пучипарелли, развивали тезис о том, что современные динамичные процессы несовместимы с сохранением национальных сокровищ. По их мнению, глобальные процессы космополитичны, безразличны к уникальности национальных культур.

Стремление возвести планетарное сознание в некий «повсеместно действующий и единственный принцип» присуще отнюдь не всем исследователям. Некоторые из них отчетливо видят, что интенсивный напор на разнородные культуры может иметь непредвиденные последствия. Так, Т. Стоуньер в книге «Информационное богатство» отмечает, что в своем постоянном ускорении техническое развитие вносит изменения не только в экономику, но и в культуру. Все это может, по мнению автора, обернуться культурным отчуждением, которое уже сейчас находит выражение в возрождении религиозно-фундаменталистских идей и культов. По мнению Стоуньера, культурная дезориентация может оказаться наиболее непредсказуемым и опасным явлением последних десятилетий XX века.

Нам ближе интернационалистический взгляд на мир, причем это не лицемерный интернационализм, а искренне честный. Он вовсе не отрицает национального своеобразия, уникальности культур, а, напротив, предельно восприимчив к особенностям культурных укладов, вбирает их черты, впитывает их в «тело» универсальной культуры человечества.

Все еще бытует упрощенный взгляд на процесс взаимопроникновения общечеловеческих и национальных ценностей, якобы нивелирующий национальные культуры. Между тем, процесс этот не отрицает, а, наоборот, поддерживает обогащение национальных культур, выступает за их множественность и многоцветие, исходит из признания равного права всех наций на существование и развитие, требует соблюдения принципа равноправия при решении национальных проблем, чуткости, внимания и такта по отношению ко всем нациям и народностям, к их историческому прошлому, к самобытности их культуры. Основанный на системе пронизанных гуманизмом представлений о самоценности каждой нации, о возможности достижения, разумеется, при определенных условиях, равноправия и дружелюбия, взаимопонимания, а следовательно, и взаимодоверия между народами, этот процесс нацеливает людей мыслить и поступать в интересах всего человечества.

Вслед за национальной общностью усиливается поистине глобальная общечеловеческая общность, направленная на объединение людей всей планеты. Чувство этой общности направлено на созидательные действия и постепенно пронизывает как духовную жизнь общества в целом, так и мотивы, стиль и характер повседневного поведения людей. Общечеловеческое мировоззрение объединяет нации, выступает структурным стержнем целостной системы культуры, определяющим ее направленность, представляет собой специфический феномен. На его укрепление эффективно воздействует развитие ценностного содержания всех сфер культуры, и в первую очередь информатики, этики, науки и т.д. Это мировоззрение сказывается и на культуре человеческих отношений, в повседневном поведении людей, в социальном и культурном развитии наций и народов. Развитие естественно-научных основ такого мировоззрения происходит не в конфронтации, а в тесном взаимодействии с развитием гуманитарного знания, расширяющего и углубляющего теоретическую основу общечеловеческого мировоззрения данными социальных наук.

Это мировоззрение — стимулятор активной социальной деятельности личности, своеобразный регулятор ее общественно-политического поведения; оно открывает ей доступ к сокровищнице общечеловеческих культурных ценностей. В противовес ему националистическое сознание идейно обедняет человека, сужает его духовный кругозор, ограничивает сферу ценностных ориентаций, создает весьма серьезное препятствие для проникновения в мир общечеловеческой культуры.

Соотнесение с категорией «общечеловеческое мировоззрение» таких понятий, как «направленность развития личности», «индивидуальная жизненная концепция», «познание», «творчество» (социальное, научное, художественное), способствует обогащению жизненной позиции личности, активизации ее чувства сопричастности к судьбам человечества, уважения к национальному своеобразию каждого народа. Последняя сфера требует особой деликатности, чуткости, не допускает никакого насилия.

Особую актуальность приобретает проблема последовательного формирования личности, включенной в сферу национальных и межнациональных отношений, индивидуального общечеловеческого мировоззрения. Отметим в этой связи, что зафиксировать взаимообусловленность мировоззренческого кредо личности и ее жизненной позиции — еще

не значит раскрыть всю неоднозначность проблемы укрепления мировоззренческих основ человека.

Процесс формирования индивидуального мировоззренческого кредо, сквозь призму которого адекватно отражалась бы сложность развития природных и социокультурных реалий, не мыслим без постоянного повышения роли культуры. В наше время, когда на новый уровень поднялись индивидуальное сознание, понимание нерасторжимой связи микрокосмоса «мира человека» с макрокосмосом всего сущего, новое содержание обрел вклад культуры в совершенствование мировоззренческих ориентаций личности. Глобальность перемен, порождаемых научно-техническим прогрессом, вызывает подчас непредвиденные последствия. Разве не парадоксален, например, сам по себе факт, что наряду с бурным развитием науки в обществе реанимируются и мистические умонастроения? А автоматика и компьютеризация приводят подчас к снижению профессионализма и к бездуховности человека. Как ни велико значение национального достоинства человека, оно не снимает серьезной проблемы, связанной с имеющими место потерями таких основополагающих черт, как трудолюбие, скромность, бескорыстие и др.

Поскольку формирование мировоззрения нередко наталкивается на инертность и ограниченность человеческой психики, необходим постоянный поиск новых эффективных подходов. Этому препятствуют формализм, сведение процесса познания к дидактике, начетничеству, словесным увещаниям; слишком большие упования на пропагандистские усилия. Перестали действовать высокопарные фразы о дружбе народов. На смену митинговщине приходит вдумчивая и кропотливая работа по реализации благородного принципа: не голое «провозглашение» общечеловеческих ценностей, а умение быть даже в самые трудные времена их последователями и защитниками. Причем эта позиция связана с внутренним осознанием собственной потребности человека, а не внешне ему навязана.

Сложность овладения нормами и образцами общечеловеческого мировоззрения связана с ограниченностью мышления человека, традиционными национальными стереотипами, наконец, не в малой степени, с недостаточным пониманием тех исторических тенденций в социально-культурном развитии наций, которые присущи современным культурным процессам.

У многих людей существует разрыв между теорией, нормативной моделью и повседневной практикой следования

им. Чтобы преодолеть этот разрыв, надо неустанно искать алгоритмы взаимопереходов общечеловеческих и национальных ценностей, чему могут помочь последовательное осмысление, глубокое познание истории народов и наций, преодоление начетничества, фразеологии, догматизма.

Для обеспечения поиска этих алгоритмов полезно, на наш взгляд, рассматривать общечеловеческую культуру как систему, а национальные культуры — как относительно самостоятельные ее элементы. Такой подход снимает противоречие между национальным и общечеловеческим. Национальное стратегически рассматривается как одна из форм проявления общечеловеческого, «работает» на него немислимо в отрыве от него. Общечеловеческое же также не мыслимо без национального как элемента системы. Игнорирование национального, как и игнорирование любого элемента любой системы, ведет к энтропии последней и неизбежной гибели.

Заметим, что до выдвижения на передний план в мировой культуре и цивилизации общечеловеческого национальное, как и другие характеристики культуры, «работало» само по себе, порой противореча этим другим характеристикам, тем самым постоянно «лома» вектор прогресса культуры. Попытки объединить различные подходы к культуре были спонтанными, случайными, а потому малоэффективными. Хотя само стремление к такому объединению многозначительно: подспудно чувствовалась его необходимость.

Преобразование отдельных направлений, подходов к культуре в систему способно резко ускорить культурный прогресс, ибо объединительные тенденции теперь могут развиваться сознательно, необходимость каждого из элементов этой системы перестает подвергаться сомнению, появляется возможность применить к системе общечеловеческой культуры хорошо научно разработанный системный подход.

Содружество
государств —
содружество
культур
и языков

Бесценным богатством нации является язык — своеобразный генофонд национальной культуры. Язык в жизни народа выполняет этнодифференцирующую и этноинтегрирующую функции, занимая не побочное, второстепенное место где-то на периферии, а одно из ведущих, так как выступает носителем духовной самостоятельности нации. Потеря языка для нее — это потеря взаимопонимания не только вне, но и внутри нее.

Россия получила от царизма запущенное «языковое хозяйство». Из более чем ста наций многие не имели письмен-

ности. Отсутствие письменности — драма для народа. Отечественным ученым пришлось создать алфавит для 50 ранее бесписьменных языков. Подобных примеров истории мировой культуры не известно. Ведь что означает для народа получение письменности? Это значит иметь реальную возможность говорить и писать на родном языке, т. е. духовно обогащаться, постигать исторический путь своей нации, знать и эффективно распространять свои культуру и эпос, утверждать свое национальное самосознание.

Язык — основная духовная территория народа. Правы те, кто называет его становым хребтом национальной культуры. В Древней Руси у слова «язык» было еще и второе значение — «народ». Дорожить родной речью — высокий нравственный признак верности Родине и нации. Эти чувства с большой художественной силой были выражены в годы Великой Отечественной войны Анной Ахматовой.

«Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова.
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!»

С чувствами русской поэтессы перекликаются слова аварца Расула Гамзатова:

«И если завтра язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть»

Несмотря на широкое распространение национально-русского двуязычия (удельный вес свободно владеющих русским языком в качестве второго языка возрос с 80,1% в 1970 до 83% в 1979 году), родным языком пользуются все национальности (93,1% от общей численности населения).

Требует своего дальнейшего серьезного исследования культура языковых взаимоотношений, вырастающая ныне в крупнейшую социальную, политическую, гуманистическую проблему. Естественно, что инонациональным жителям, проживающим в каком-либо национальном районе страны, нужно уважать традиции коренного населения, изучать его язык и культуру. «Языковой» плюрализм — не простая проблема. Ведь восстановление законного права национального языка не может совершаться в ущерб другим языкам, необходим справедливый подход к их функционированию.

При решении вопроса о государственных языках следует тщательно учитывать интересы различных национальных групп, проживающих компактно в том или ином государстве. Объявление государственным языком коренного народа должно сопровождаться законодательной гарантией свободного развития языков всех других наций, населяющих ее территорию.

Современная национальная политика призвана создавать условия для успешного развития всех языков коренных национальных меньшинств в стране. Но при этом надо иметь в виду, что равноправие национальному языку нельзя обеспечить искусственно и формально. Необходимы не только колоссальная воспитательная работа, но и серьезная подготовка кадров, учебных пособий, а главное — желание людей, их духовная потребность. У нас довольно близоручко относились к национальным школам, было очень мало школ с преподаванием на родном языке. Родной национальный язык был оттеснен на далекую периферию. На Украине, например, нередко освобождали учеников по просьбе родителей от изучения родного языка. Совершенно ненормальным надо признать явление, когда в столице Кыргызстана была всего одна киргизская школа и ликвидировались смешанные школы, где обучение было на двух языках. В Татарстане только 7% школьников изучали родной язык, 1,5 миллиона татар не знало своего языка. В Башкирии, ссылаясь на отсутствие учебников, ликвидировали школы на татарском языке. В то же время весьма огорчительны имеющие сегодня место притеснения русскоязычного населения.

Ошибка системы народного образования состояла в том, что почти во всех школах русский язык был выдвинут в качестве альтернативного родному национальному языку, что приводило к забвению последнего и к языковой безграмотности, особенно молодого поколения. Недостаточно активными были деятели литературы и искусства. Ведь от них во многом зависит, чтобы не засохли родные национальные языки.

Есть и вторая сторона дела. Решение языковой проблемы в системе многонациональных государств может успешно осуществляться только путем сосуществования и дружеского сожительства всех языков населяющих его народов, но при условии наличия одного, общего для всех языка межнационального общения. Известно, что в Европейском сообществе таким языком является английский. В условиях Содружества независимых государств таким языком орга-

нично должен стать русский. Без него трудно обойтись любой республике-государству, он необходим во всех сферах жизнедеятельности, он связан с обаянием русской классической культуры.

В отечественной культуре многие годы успешно практиковалось двуязычие — как норма и необходимость для всех народов, как общий культурный принцип и «канал» взаимодействия культур. Двуязычие — буквальный перевод международного термина «биллингвизм». Некоторые политики называли двуязычие двоедушием. Видимо, произошло это по недоразумению или по незнанию, что этот термин обозначает явление, распространенное во всем мире. В условиях двуязычия существует лингва франка — свободный, всем принадлежащий язык. В нашей стране — это был русский язык. Уже прочно вошло в жизнь, что свободное владение двумя языками, использование их в различных повседневных сферах является естественным и обычным для людей, стало уже не политикой и не модой, а фактом жизни, который будет существовать, пока люди говорят на разных языках, и ни в коей мере не угрожает национальным культурам. Отсюда роковую роль играют различные законодательные акты, не учитывающие языковое взаимодействие, направленные на огосударствление единойязычия.

Русский язык — привычный и удобный инструмент духовного общения. Пушкин завещал русскому языку двуетадийную миссию — миссию единения и миссию сбережения иных языков и культур. В нынешних условиях он является важнейшим рычагом сближения независимых государств. Следует напомнить один примечательный факт. В 1948 году, в период «холодной войны» Аллен Даллес поучал: чтобы развалить СССР, не надо атомной бомбы, нужно только внушить его народам, что они смогут обойтись без знания русского языка. Нарушаются экономические, культурные и другие связи. Государство перестанет существовать.

Естественно, что в новых условиях существования Содружества независимых государств каждый гражданин изучает язык межнационального общения только по желанию, по велению разума и в силу реальной жизненной потребности и необходимости. В свою очередь, следует разумно поощрять стремление людей к изучению русского языка и к разноязычию, создавая для этого атмосферу социально-политической и духовной заинтересованности.

К сожалению, нет ни одной серьезной фундаментальной монографии о значении русского языка как средства межнационального общения. Со всей остротой стоит вопрос о его

охране и защите, в него вторгаются чужеродные, калечащие его слова. Русский язык стал портиться, беднеть, терять свои богатства, размываться так называемым языком околлиц. Во многих регионах слаба постановка преподавания русского языка. Не хватает свыше пяти тысяч преподавателей-руси-стов.

Проблемы русского языка органично связаны с местом русской культуры в современном обществе — ее великих литературы и живописи, философии и истории, ролью во всей духовной жизни. Они связаны с теми новыми задачами, которые русская культура призвана решать не только на своей национальной почве, но и в контексте консолидации многонациональной отечественной культуры.

**V. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ:
ДРАМА И НАДЕЖДЫ**

- **Что вкладывается в понятие «интеллигенция»**
- **Трагедия разума**
- **Возвышение социальной роли интеллигенции**
- **Творчество — радость открытия**
- **В поисках нравственных ценностей**

Цивилизованное общество строится на основе передовых культуры и науки. Новые научные решения, духовные поиски нужны во всех сферах жизни — производственной, экономической, социальной, нравственной. Известно, что духовные поиски всегда были прерогативой интеллигенции — хранительницы с древнейших времен общечеловеческих и национальных духовных ценностей. Труд интеллигенции важен и социально значим, поскольку способствует эвристическому, творческому решению практических проблем в той или иной области. Чем активнее ее участие в общественных событиях, тем быстрее и организованней совершается переход к цивилизованным формам социального бытия.

Самоотверженным деяниям лучших представителей мировой культуры человечество обязано замечательными эпохальными открытиями в науке и технике, освобождением от многих болезней, шедеврами литературы и искусства. Творения человеческого интеллекта, великие творческие свершения всегда, по мысли Эйнштейна, «переживают шумную суету поколений и на протяжении веков озаряют мир светом и теплом».

Впервые обретшее свое современное значение в русском языке слово *intelligentia* своим происхождением связано с латинским глаголом *intellego* (преобразованное *inter-lego*) — различать, понимать, прояснять, разуметь. Отсюда рождение отглагольного существительного *intelligentia* — понимание, разумение, способность разъяснить идеи и предметы; ум, разум. Примечательно, что в средние века это понятие имело теологический характер. Оно рассматривалось как Ум Божий, как высший надмировой Разум, в самом себе творящий многообразие мира и отличающий в этом многообразии самое ценное, приводящее его к самому себе. В таком смысле это понятие употребляется и Гегелем в «Философии права», во Введении, § 4 — «Дух есть ... интеллигенция». В дальнейшем этим термином стали определяться люди, профессионально занимавшиеся умственным трудом.

В нашей обществоведческой литературе интеллигенцию называли социальной прослойкой. Сегодня это устаревшее представление. *Интеллигенция* — крупная социально-куль-

турная общность, социальный массив людей, профессионально занимающихся творческим умственным трудом. Это общественная группа, мощный дифференцированный социальный контингент людей, получивших современное научное образование, обладающих системой знаний, что позволяет им творить в мире знаний в наиболее сложных формах культуры — науке, искусстве, образовании, религии. Интеллигенция выполняет специальную функцию прямого субъекта духовного производства. Естественно, что это обязывает ее представителей обладать высокоразвитым интеллектом, высокой духовностью и нравственностью, гуманистическим самосознанием.

Именное творческий умственный труд в наиболее сложных и развитых формах во всех сферах деятельности определяет специфику интеллигенции. Д.И. Писарев и Н.А. Добролюбов называли ее «интеллектуальным пролетариатом». Нельзя согласиться с имеющим хождение отождествлением интеллигенции со многими миллионами работников нефизического труда, включением в нее различных групп служащих и администраторов.

Интеллигенция внутренне дифференцирована и представляет различные социальные силы, профессиональные группы, массовые движения. Есть в ее числе собственно профессионалы-специалисты и есть чистые интеллектуалы, далекие от конструктивной деятельности в системе духовного производства. Мозаичность ее интересов отражает многообразие ее современных позиций в обществе, противоречивую картину нынешней культурной ситуации. Интеллигенция включает в себя представителей различных профессий, охватывает группы людей, различающихся по характеру профессиональной деятельности и тем функциям, которые они выполняют. В эти профессиональные группы входят: научная, инженерно-техническая, художественная, педагогическая, медицинская, военная, культурно-просветительская и другие группы интеллигенции.

Из них можно сформировать три основные подгруппы, в которые входят: а) работники умственного труда в сфере материального производства; б) работники умственного труда в сфере духовного производства; в) работники умственного труда в сфере медицинского и бытового обслуживания населения. Социально-профессиональная структура интеллигенции продолжает усложняться. Но при рассмотрении ее различных групп следует учитывать и те общие черты и принципы, которые характерны для нее в целом, ее

общие цели, стремления и интересы. Что касается управленцев, государственных и политических деятелей, то можно согласиться с западными социологами, относящими их к особой социальной группе. В основном эти работники осуществляют политические и административные функции.

Вообще, если говорить о социально-групповом составе населения СНГ, то он сильно изменился даже по сравнению с доперестроечными временами. Изменение это шло в сторону размывания социально-классовых и социально-групповых границ и произошло не вдруг. Еще прежняя марксистская пропаганда не могла не отмечать этих изменений. Так появились понятия «рабочий-интеллигент», «средний слой», «новая общность — советский народ». Однако поставленная в жесткие рамки классового подхода пропаганда крайне робко выходила за эти рамки и фактически не пошла дальше обозначений. Например, «советский народ» во всех работах этого периода рассматривался только как межнациональная общность, игнорировались логика исторического развития этой общности и тем более ее межклассовый и межгрупповой аспекты.

В настоящее время, когда обществоведы сняли с глаз шоры классового подхода, они увидели поразительное многообразие социальной жизни: размывание казавшихся прежде незыблемыми классовых границ, переливы больших масс населения из одной социальной категории в другую, образование новых и отмирание прежних социально-структурных образований. Осмыслить это многообразие пока не удалось. Поэтому предложим наши посильные отрывочные размышления по этому поводу.

Прежде всего, причиной такого многообразия стал многократно усилившийся динамизм социальной жизни: это и информационный скачок, и миграционные процессы, и негативный динамизм, связанный с нестабильностью жизни и потерей социального статуса целыми пластами населения (беженцы, безработные, служащие частных предприятий и др.).

Одной из таких причин стал, на наш взгляд, подъем культуры больших масс населения, который произошел снизу и был вызван рядом обстоятельств, среди которых можно назвать такие существенные, как демократизация информации, усиленное межгрупповое общение после выхода из прежних кастовых, замкнутых структур, требования научно-технического прогресса, культ образования, характерный для нашего народа. Культурный подъем сопровождался вольным или невольным усвоением мировоззрения, ценно-

ности, или о характере и содержании этого умственного труда, а о его творческом функциональном назначении, о его социальной роли в общественной структуре. Но есть и культурологическая точка зрения, в соответствии с которой определяющим признаком интеллигенции как социального типа является ее отношение к ценностям, выражающееся в поиске их альтернативных систем, что связано с особенностями ее духовного склада и мировоззрения.

Своей энергией и активностью ума она призвана способствовать возвышению культуры народа, оздоровлению нравов, гуманизации общества. От ее деятельности зависит прогресс в областях науки, техники, искусства, образования, медицины и т.д. Она призвана направлять свою духовную энергию на сохранение культурных ценностей и нравственного климата.

Понятие, связанное со словом *intelligentia*, звучит синонимом социального подвижничества, ниспровержения существующей несправедливости и утверждения общечеловеческих ценностей. Оно воспринимается не только в России, но и за рубежом как стремление творческой личности к общественной свободе и интеллектуальному освоению окружающего мира. В свое время буржуазия создала в Европе образованную и умелую, деловую интеллигенцию, которая была рационалистична и прагматична. Иное дело в России. В Британской энциклопедии словарная глава на понятие «интеллектуал» имеет специальную подглавку — «русский интеллигент». Выделена она потому, что в западном традиционном употреблении «интеллектуал» — понятие в основном профессиональное, что же касается русского интеллектуала, то это скорее духовное, нравственное определение.

В вышедшем в 1870 году романе «Солидные добродетели» популярным русским беллетристом П.Д. Боборыкиным понятие «интеллигенция» было введено в широкий обиход. Главный герой романа считает, что для русской интеллигенции единственный нравственно оправданный путь — это путь в народ, к социальным низам. Д.С. Мережковский в духе своей религиозной апологетики интеллигенции развивая эту мысль, писал, что «сила русской интеллигенции — не в *intellectus*'е, не в уме, а в сердце и совести. Сердце и совесть ее почти всегда на правом пути; ум часто блуждает»¹. Благодаря этим ярко выраженным социально-этиче-

¹ Мережковский Д. С. Грядущий хам // Полн. собр. соч. М., 1914. Т. 14. С. 34.

ским чертам российская интеллигенция стала примечательным феноменом как в отечественной, так и в мировой истории.

В России, несмотря на сравнительно небольшую численность интеллигенции, она была авторитетным и влиятельным демократическим социальным слоем, генерируя роль создателя, подвижника и проповедника культуры. Именно она сумела поднять нравственную культуру страны к высотам общечеловеческого духа. Отсюда вполне закономерно рассмотрение ее как носителя второй духовности — параллельно существующей православной духовности. Интеллигенция несет людям высшие духовные ценности параллельно православному духовенству или совместно с ним.

Для ее формирования потребовались долгие годы. После реформы Петра стране пришлось пройти длительный путь по целине истории, чтобы создать свою национальную, удивительно яркую интеллигенцию, породившую выдающееся явление мировой культуры — русскую культуру, а в ней имена Пушкина, Лобачевского, Чайковского и многих других. Русский девятнадцатый век был поставлен мировым общественным мнением рядом с европейским Возрождением. Лучших представителей интеллигенции в России отличали морально-этические притязания, благородные и высоконравственные черты: сострадательность и человечность, честность, обостренное нравственное видение мира, развитость ума, способность критически и самостоятельно мыслить и оценивать социальную жизнь; вера в социальное чудо, жертвенность, проникнутая человеческими муками, связанная с глубочайшей ответственностью за судьбу народа. Первым русским интеллигентом Николай Бердяев называл Радищева, автора «Путешествия из Петербурга в Москву», постоянно приводя его слова: «душа моя страданиями человечества уязвлена стала» — русская интеллигенция родилась, — писал Н. Бердяев¹.

Трагедия
разума

Исконная российская интеллигенция — и столичная, и провинциальная, так называемая земская (учителя, врачи, землемеры, статистики и др.) — более всего тревожилась не о своем личном благополучии, не о своих узкосословных привилегиях, а о судьбе народа, о благе простых людей. В своей статье «Коллегия» (Париж, 1931 год) литературный критик и публицист П.П. Муратов рассказы-

¹ Бердяев Н. А. Русская идея. О России и русской философской культуре. С. 66.

вал, как старая российская интеллигенция в первые годы Октябрьской революции спасала памятники искусства и старины, которым угрожало либо разрушение, либо расхищение. Так, сотрудниками отдела по делам музеев при Наркомпросе удалось отстоять ряд исторических монастырей и несколько значительных подмосковных усадеб. Энергичная и компетентная комиссия специалистов, образованная «Реставрационным подотделом», провела большую работу по расчистке старинных икон в Москве и в Новгороде и старинных фресок во многих русских церквях.

Российскому интеллигенту всегда была свойственна двойственность характера: свобода духа у него скорее черта индивидуальная, чем социальная. Отсюда порой его больше волновало личное, индивидуальное видение, чем социальное движение народа. У многих интеллигентов, с одной стороны, просматривается независимость идеи, а с другой, неприспособленность и неумение реализовать ее, этаким «донкихотствующий» менталитет.

В начале 1918 года Горький встретился с Луначарским, наркомом просвещения, в присутствии ряда деятелей культуры — они просили дать возможность им самим создавать союзы и общества и руководить собой «без вмешательства политики». Луначарский ответил в духе линии ЦК партии: «Мы были против политического Учредительного собрания, тем более мы против Учредительного собрания в области искусств»¹.

Трудно, противоречиво и болезненно принимала основная часть российской интеллигенции революцию. Многие из них встретили ее отрицательно, рассматривали как разрушительную силу, несущую гибель России и ее культуре. Сокращение с 1917 по 1922 год населения России на 13 миллионов человек коснулось и интеллигенции. И без того тонкий ее слой катастрофически исчезал. Затем наступили мрачные времена сталинской варфоломеевской ночи с изломанными, исковерканными человеческими судьбами. Привычными стали интеллектуальные погромы под лозунгом «необразованные свергают образованных». Кадры интеллигенции жестоко уничтожались. «За стихи у нас убивают», — говорил Осип Мандельштам. «Гражданская война» с культурой не только наносила огромный вред духовному здоровью общества, но и порочила, дискредитировала гуманистические идеалы. Следствием ее стали перерождение общества, духовный регресс, атаки на культуру, отчуж-

¹ Новая жизнь. 1918. 26 апр.

дение от мировых духовных ценностей, насаждение враждебности ко всему прогрессивному. Беспощадный механизм подавления инакомыслия нанес сокрушительные удары по мастерам культуры. Иезуитское двуличие, репрессии и физическое уничтожение разделили общество на враждующие группировки, на деле воплощая аморальный принцип «разделяй и властвуй».

Осенью 1922 года была осуществлена программа «принудительной эмиграции» величайших русских мыслителей, таких как Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Сорокин и др. Из России был отправлен трагический «корабль философов». На палубе парохода, отходящего в Германию, стояли, вглядываясь в отдаляющиеся родные берега, Николай Бердяев, Питирим Сорокин, Федор Степун, Николай Лосский, многие другие деятели отечественной культуры. Известно, что в это же время из числа почетных членов Академии наук исключили как эмигранта выдающегося русского писателя И. Бунина. Лишь недавно это позорное решение было отменено. Через год после смерти Ленина, в 1925 году, из партии было исключено 100 тысяч профессоров, доцентов, образованных специалистов.

По свидетельству Светланы Аллилуевой, Сталин всегда подозрительно и враждебно относился к интеллигенции, чувствуя в ней инакомыслие и критичность ума. Когда гитлеровцы в 1941 году подступали к Москве, композитор Рахманинов обратился за разрешением приехать с концертами на родную землю. Сталин отказал ему. Ему так и не удалось это сделать. Отношение Сталина к интеллигенции напоминало отношение феодала к крепостным. Известна его фраза: «Шолохов у меня один». Хитро, ловко он натравливал народ на интеллигенцию. Формировавшиеся веками интеллектуальный генофонд народа, его цвет и золотой капитал беспощадно уничтожались сталинским окружением. Только среди писателей было расстреляно свыше тысячи человек, десятки тысяч ученых исчезли в застенках, санкционированные и срежиссированные властями политические процессы над «спецами» нанесли страшные удары по инженерно-технической интеллигенции.

В результате кровавой человеческой драмы погибли сотни тысяч интеллигентов. В сообщении Комитета государственной безопасности СССР подчеркивалось: «Тщательный анализ архивных документов, выявленных в ходе работы по реабилитации, позволил определить масштабы репрессий. В 1930—1953 годы по обвинению в контрреволюционных, государственных преступлениях судебными и всякого рода

несудебными органами вынесены приговоры и постановления в отношении 3 778 234 человек, из них 786 098 человек расстреляно. В их числе государственные и партийные руководители, крупные ученые, военачальники, деятели литературы и искусства, хозяйственные кадры, рабочие и крестьяне¹. Перед этими сухими цифрами блекнет средневековые со своими печально знаменитыми аутодафе. Бесчеловечная система тоталитаризма, камуфлирующаяся под социализм, разрушала интеллектуальный потенциал общества. Президент Ассоциации славяноведения США Роберт Такер писал, что «на протяжении сорока послевоенных лет шла как бы внутренняя «холодная война» — преследования ученых, либералов, врачей, инакомыслящей интеллигенции, изоляция страны от внешнего мира»².

Н.С. Хрушев тоже не жаловал интеллигенцию, недооценивал роль фундаментальных наук, практиков противопоставлял теоретикам, страдал узостью мышления во взглядах на интеллигенцию, творческую личность. Явно отрицательный характер носили частые вмешательства Хрущева в дела культуры. Его субъективные и некомпетентные категоричные оценки художественных произведений наносили большой вред развитию искусства, калечили судьбы людей. Во времена Хрущева из Союза писателей был исключен Борис Пастернак и разгорелась отвратительная история с публикацией его романа «Доктор Живаго». А какой гнев, какая истерика овладели Хрущевым, когда он узнал о присвоении Пастернаку Нобелевской премии! Печально знаменитым стал разгром выставки художников-авангардистов в Манеже. Несправедливую оценку дал Хрушев талантливому фильму М. Хуциева «Застава Ильича», что сказалось на творческой судьбе режиссера. Позднее Солженицын о хрущевском руководстве культуре скажет, что он откатил бильярдный шар своей собственной головы к лузе сталинистов.

Много развелось людей, желавших властвовать над культурой и закрепощать разум. С ведома Н. Хрущева и М. Суслова в феврале 1961 года роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» — выдающееся произведение советской прозы — был арестован. В беседе с писателем М. Суслов заявил, что роман, может быть, будет издан через 200—300 лет. Об этом же сказали Гроссману три руководителя Союза писателей. История идейной тирании повторялась. Сатра-

¹ Известия. 1990. 13 фев.

² См.: Коммунист. № 9. 1990. С. 83.

пы императрицы Екатерины в свое время арестовали «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева, а в середине XX века «компетентные вожди» упрятали за решетку талантливую патриотическую книгу. К счастью, роман В. Гроссмана был «освобожден» досрочно. Но многие талантливые «горячие» произведения были уничтожены. Достаточно привести примеры последовательной, из десятилетия в десятилетие, травли представителей двух видов художественной культуры: лирики и сатиры. В 20—30-е годы — Есенин и Булгаков, в 40-е — Ахматова и Зощенко, в 50-е — Пастернак, Дудинцев, в 60—70-е — Окуджава, Высоцкий, Галич, Бродский.

Так проходил драматический процесс отчуждения интеллигенции — во-первых, через тоталитарные социокультурные условия, и, во-вторых, через административное, казенное давление на нее. Эта культурная политика направлялась на постоянное и целенаправленное шельмование интеллигенции, подозрительно-насмешливое отношение к «спецам», подвергала преследованиям и гонениям мастеров культуры, противопоставляла их народу. Поход против интеллигенции явился крестовым походом против культуры. Правящей верхушке интеллигенция как сила была не нужна, более того, воспринималась как сила чужая и опасная. Вызвано это было тем, что руководство страны, само страдая недостатком культуры, противопоставляло ее политике, боялось ее и ее правды.

Негативное отношение к интеллигенции, этакая интеллигентофобия — дело не новое, оно имеет свои давние традиции. Примеров тому много. Известно, например, что председатель якобинского комитета во Франции Коффемаль, отправляя на гильотину выдающегося химика Лавуазье, просившего перед казнью о немногом — позволить ему закончить необходимую серию опытов, ответил: «нам не нужны ученые». В свое время Дмитрий Мережковский в статье «Грядущий Хам» писал, что среди всех печальных и страшных явлений, которые приходится переживать русскому обществу, самое печальное и страшное — дикая травля интеллигенции. «Поистине, есть в этой травле что-то самоубийственное, граничащее с буйным помешательством, для которого нужны не доводы разума, а смиренная рубашка».

Классовая неприязнь к интеллигенции связана еще с тем временем, когда она принадлежала к господствующим классам. Воинствующая неприязнь, да и просто зависть пауперизованных социальных низов порождались ее привилегированным положением в обществе, ее духовными

возможностями, каких не было у новоиспеченных «хозяев жизни», ее благородным социальным поведением. Но в то же время известно, что интеллигенты активно содействовали революционным переменам в обществе, а затем оказались «на обочине», в тени. Это уже относится к моральным принципам сложившейся общественной жизни, для которой категория благодарности оказалась неизвестной.

Без интеллигенции государству угрожает стать полицейским, обскурантистским, порождающим дикий неосталинский радикализм. Примером левого радикализма, характерного для 20—30-х годов, могут служить выступления Карла Радека, писавшего: «Через десять лет удельный вес интеллигенции будет равен нулю. Начнет исчезать разница между умственным и физическим трудом. Новое крепкое поколение рабочих овладеет техникой, овладеет наукой. Оно, быть может, не так хорошо будет знать, как объяснился в любви Катулл коварной Лесбии, но зато оно будет хорошо знать, как бороться с природой, как строить человеческую жизнь».

Государственная власть, требуя от интеллигенции услуг и выполнения госзаказа, оплачивала ее существование, подкармливала, развращала наградами и подачками. В результате у значительной ее части сформировалось опасное для творческих людей чувство гражданского меркантилизма и иждивенчества. Как правило, это превращало творца в администратора, порождало творческое бесплодие. И примеров тому не счесть как в прежние, так и в нынешние времена. Трудные времена сказались на ее моральном облике. Значительная ее часть теряла положительное и благородное, высоко нравственное, культурное призвание. Исчезали достоинство и нравственная стойкость, смелость и мужество, твердая способность держаться на высоте идеалов, бескомпромиссно отстаивать их, «смертию смерть поправ». Ушли такие исконные качества интеллигенции, как бессребренность и подвижничество, верность великим традициям правдоискательства и истине. В известном выборе между расчетом и истиной интеллигенты, как и все люди, оказались по разные стороны баррикад. Правда, одной, единой российской интеллигенции никогда не было, как нет ее и сейчас. Всегда были различные представители различных культурных миров, всегда были идейная расколотость, разнolikость культурных пластов.

В течение трех сталинских, одного хрущевского, почти двух брежневских десятилетий социальная система превратила идейность и духовность из символов общественного

служения в циничные кабальные формы зависимости и подневольности, в оправдание любой идейно-лакейской посредственности и бездарности, в общественное лицемерие и ложь, услужливость и духовную проституцию. Всякая диктатура неизбежно является диктатурой посредственности. Интеллигенция была надломлена, лишилась способности к единению и сопротивлению. А без личной духовной независимости интеллигент перестает быть нравственным примером, образцом интеллигентности, человеком, перед которым возникает желание снять шапку и низко поклониться. «Еще нас не раз распнут, — писал И. Бродский, — и скажут потом «распад».

Двуличие в духовной жизни превращало жизнь в лицемерную и двуличную. Корежился нравственный мир интеллигента, душилась в нем вера в порядочность, он приучался маскировать свои сомнения и мысли, потакать обществу и самому себе, скрывать — даже от самого себя — тайные глубины своего сознания во имя неоконъюнктуризма. Но самое трагическое, когда теряя веру в свои силы или идя на сделку с совестью, он становился рупором официальной культуры, отказывался от себя и своей позиции. Отдельные представители научной и художественной интеллигенции вели себя позорно. После того, как в 1937 году арестовали и расстреляли совершенного невинного замечательного армянского поэта Егише Чаренца, в его следственном деле были обнаружены аккуратно припиленные клеветнические доносы, написанные крупнейшими представителями армянской культуры.

В свое время русский философ Г. Федоров писал: «Мы привыкли, что в России лгут и раболепствуют ученые, писатели, инженеры... В России чрезвычайно трудно жить, не участвуя во лжи (и преступлении). Лучшие люди стараются свести к минимуму этот неизбежный коэффициент лжи, а самые строгие из них находят для себя возможным и вовсе во лжи не участвовать...». Эти слова вспоминаются, когда речь заходит о поведении интеллигентов, шедших на сговор с режимом, слепо соучаствовавших в делах тоталитарного государства, в эстетическом и идеологическом обслуживании и создании мифов о счастливой жизни, в производстве лжи, пропаганде красочных социальных иллюзий. Под влияние этой часто талантливой лжи, под ее нравственное и социальное обаяние подпали миллионы людей, терявших представление о счастье, не замечавших ужасных гримас общества.

Дорогой ценой обошлись кровотокающие годы. Было уте-

ряно огромное количество светлых умов разгромлено интеллектуальное богатство. Погибла творческая, беспокойная совестливая часть общества, сузилось ее элитарное ядро, все способное к творческой инициативе, порвались нити преемственности в сознании новой поросли интеллигенции, были нарушены нравственные традиции. Шла жестокая выбраковка интеллигентов. Почти исчезли семьи потомственных русских интеллигентов. Они стали редкостными, как и крестьянские семьи. А те, что чудом сохранились, постепенно и незаметно вымирали, оставляя после себя память о мужестве и величии человеческого рода.

Интеллигент всегда штучен. Наскоро испеченному интеллигенту очень далеко до подлинного, которого нельзя вырастить в одиночасье. Но даже такой умный человек, как Н. И. Бухарин, заявлял: «Мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их как на фабрике». Многие десятилетия трагически доказали, как сложно и болезненно ломать устоявшуюся инерцию. Унижения и издевательские чиновничьи преграды и запреты сплетались с тяжелыми жизненными условиями, наивными ожиданиями, неустойчивостью и даже больше того — ненужностью ее творчества. Невозможность реальной активной общественной деятельности переключала ее устремления на художественную культуру, где она эзоповым языком стремилась выразить свои мысли и надежды. Впоследствии это переросло в широкое диссидентское движение. Хочется думать, что подвижники науки и культуры в России не исчезнут...

Духовное подавление вызывало у интеллигенции активное сопротивление. Значительная ее часть сознавала неправду и неопределенность своей жизни, ее иррациональность. Пробуждалась жажда социальной и творческой свободы от духовного угнетения. Арел этой свободы «обманутых надежд и расстроенных иллюзий» узок и по настоящее время. Но наступает возрождение забытых ценностей. Перед народом предстали ошельмованные шедевры, восстанавливаются разрушенные храмы, высвобождаются из забвения волнующие, поистине исповедальные и гневные произведения. Многие годы ждали своего появления: «Котлован» А. Платонова — шестьдесят лет, «Реквием» Анны Ахматовой — пятьдесят лет, «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана — свыше четверти века; «Дети Арбата» А. Рыбакова вышли через двадцать лет, «Белые одежды» В. Дудинцева — через тридцать лет. Публикуются ранее не издававшиеся произведения М. Булгакова, Б. Пильняка, Б. Пастернака и др. Из-под запрета вышли произведения

А. Платонова, М. Булгакова, О. Мандельштама, А. Ахматовой, Ю. Домбровского, В. Гроссмана, засверкало творчество вытолкнутых из страны А. Солженицына, И. Бродского, Саши Соколова, Ф. Горенштейна, В. Аксенова, В. Войновича, увидели свет сокрытые произведения Ф. Искандера, А. Битова, С. Антонова, В. Тендрякова, В. Дудинцева, А. Приставкина. Зазвучала музыка А. Шнитке, Э. Денисова, С. Губайдулиной. Предстали взору картины Кабакова, Зверева, Билютина, Плавинского, Целкова, Биргера, Калинина, рисунки Шемякина, скульптуры Сидура, Неизвестного и др.

История отечественной культуры ничего подобного не переживала. Возродились литература и искусство, пронизанные гуманистическими чувствами исторической справедливости, реального осознания драматической жизни. Они раскрыли трагическую социальную панораму недавнего прошлого. Как выразился один публицист, был «высвечен самый черный кусок нашего неба». Читатель получил возможность познакомиться с произведениями В. Набокова и Н. Гумилева, творчеством многих писателей, эстетически обогативших мировую культуру. Все это свидетельствовало о принципиально новых возможностях постижения исторической правды в нашей стране.

В последние годы заново открыты имена крупных русских философов прошлого, представителей различных идеалистических теорий В. Соловьева, Н. Бердяева, В. Розанова, С. Булгакова, Л. Шестова, Н. Федорова, П. Флоренского, Л. Карсавина и других. Произошло возвращение, а лучше сказать — открытие огромного пласта русской культуры конца прошлого—начала нынешнего века. Творчество этих философов, тесным образом связанных с выдающимися деятелями российской культуры, переплетено с отечественной литературой и искусством. Причем многие вопросы культуры, ставившиеся этими светлыми умами, предвосхищали ряд теоретических соображений, зазвучавших в наше время.

Возвращение нашей культуре имен, несправедливо изгнанных или неразумно отодвинутых на ее окраины, восстанавливает, как в свое время писалось в «Слове о Полку Игореве», «землю незнаемую», подлинную картину отечественной культурной жизни, изменяет представления о ней, позволяет пересмотреть сложившуюся систему ценностей. Все они — законные дети русской культуры. Русская эмигрантская литература зарубежья — один из двух рукавов единой реки, именуемой «российская литература». А ведь

Л. Д. Троцкий в сборнике «Революция и литература» (1923 год) заявлял, что «эмигрантской литературы не существует»...

Художественные и философские произведения, появившиеся после долгих лет запрета, — свидетельство наступившей интеллектуальной революции, совершающейся в обществе и утверждающей творческую многогранность, многосторонность в раскрытии сложившегося социального опыта народа.

Но всему приходит конец. Заканчивается эпоха перепечатки эмигрантских изданий. Естественно, не все они могут быть отнесены к «золотому веку», не все заслуживают эстетического пиетета. Но то, что принадлежит литературе, несомненно, литературой и останется.

Поддерживая этот благотворный процесс, следует в то же время иметь в виду наметившуюся опасность противопоставления возрожденных имен классикам советской литературы Горькому, Маяковскому, Шолохову, Твардовскому, попытки принизить эти имена, несправедливо приглушить художественные ценности лучших произведений отечественной литературы. Тем самым нарушается принцип историзма, искажается картина художественной культуры. Возвращая из небытия заслуженные имена, не следует отправлять в лету истории в угоду политической конъюнктуры целые культурные пласты человеческой мысли, сбрасывать с «корабля современности» целые исторические периоды.

Возвышение социальной роли интеллигенции Проблемы интеллигенции у всех на устах, в то же время они заслуживают более вдумчивого отношения, так как подход к ним несколько облегченный и поверхностный. Культура и интеллигенция органично взаимосвязаны, они не могут существовать друг без друга. Не требует специальных объяснений мысль, что оценивать культурную политику можно только с учетом отношения власти к интеллигенции. Глубоко опасна культурная политика, направленная на конфронтацию с интеллигенцией, политика, поддерживающая методы физических и моральных репрессий к ней. Нельзя держать интеллигенцию на коротком поводке. Жизнь показала, что это чревато большой опасностью. Без интеллигенции построить демократическое общество не удастся. Только она способна, генерируя прогрессивные идеи, провести общество через духовное и моральное очищение, обогатить его общественное сознание, освободить умы от тенет невежества, гуманизировать нравы.

Вообще нашей культурной политике и общественной науке многие годы были присущи недооценка интеллигенции, серьезное непонимание ее роли в общественном и социальном прогрессе. Постоянно и методично она превращалась в нечто зависимое, лакейское, несвободное, достойное политического ярлыка «прослойка». Интеллигенту предназначалась роль гонимого, страдающего морально и материально. Завышенное мифическое представление о роли пролетариата сказалось на снижении социальной оценки интеллигенции. Уместно здесь напомнить, что тот рабочий класс, о котором писал К. Маркс, уже давно не существует.

Любое общество нуждается в экологии культуры, ее защите от эрозии. А для этого необходимо отбирать и сохранять его интеллектуальный цвет. Духовная сила страны среди прочего — в ее университетах и интеллектуальной элите, способной вдумчиво и аналитически решать серьезные проблемы культурного развития. У нас не всегда поддерживают и ценят талантливых людей в науке и искусстве, хотя именно они определяют потенциальные возможности отечественной культуры. Повышение их престижа, совершенствование механизмов внедрения и широкого распространения результатов их деятельности — проблема, от решения которой во многом зависит будущее страны.

Все усиливающейся трагедией выступают легкомысленное и неуважительное отношение к интеллектуальному фонду, укоренившиеся в сознании уравнилельные оценки ума и таланта человека, пушкинское «он чином от ума избавлен», «анкетное» равнодушное, а то и враждебно-пренебрежительное отношение к одаренной, неординарной творческой личности. Обосновывается это ханжеской теорией культурного равенства. В этом истоки кризиса культуры, ее деградации и обнищания, драматического процесса утечки мозгов, утери интеллектуальной элиты. К созданию творческой элиты стремятся многие страны, перенимая и подкупая «мозги» и таланты, в том числе и из нашей страны. Необходимы энергичные усилия для расширенного воспроизводства интеллектуальной элиты — аристократов духа.

Интеллектуальная элита ценна во всех сферах жизни. В цивилизованном обществе она воспринимается большинством населения как важная и необходимая часть, прочно признаются ее авторитет, право и обязанность идти впереди. Не надо пугаться слова «элита» и вкладывать в него какой-то «классовый» смысл, рассматривать ее как господствующую властную структуру. В цивилизованном обществе — это не привилегированный слой, располагающийся над социаль-

ной пирамидой и пользующийся особыми услугами, а люди высшей художественной пробы, творческое сообщество генераторов нового, обогащающих интеллектуальный потенциал фундаментальными знаниями, создающих духовные ценности в условиях свободы мысли и независимости. Ч. Сноу, например, считал, что наука всегда должна быть элитарной, иначе ее не будет. Это в полной мере относится к искусству.

В конце 70-х — начале 80-х годов стал особенно заметен традиционный для советского общества порок — абсолютизация количественных показателей экономических, социальных, культурных изменений и пренебрежение качественными параметрами. Да и сегодня критерии качества научной деятельности зыбки, субъективны, нечетки. В результате в стране, имеющей наибольшее число научных работников — четвертую часть в мире — не обеспечивается ни условий, ни кадров, необходимых для достижения даже среднемирового уровня научно-технического прогресса. Культурное обновление направлено на решение реального противоречия в обществе, обладающем наибольшим по сравнению с другими развитыми странами числом дипломированных специалистов, но и в то же время имеющем дефицит интеллектуальных ресурсов высоко образованных, деловых и энергичных профессионалов.

Общество нуждается в интеллекте, в уме, способном к радикальному созиданию; оно должно состоять из личностей, а не из безликих «народных масс». Но умственные достоинства все еще не встречают признания. Интеллектуальный корпус используется не в полную силу, находится во втором эшелоне. И это в то время, когда во всем мире поднимается в цене цивилизованный интеллект. Для любой страны важны и «общественные руки», и «общественный мозг». Но оптимальная пропорция здесь весьма диалектична. Мировая статистика свидетельствует, что во всех развитых странах рост «общественного мозга» опережает рост «общественных рук», соотношение между ними приобретает явную тенденцию смещаться в пользу мозга. Стоит напомнить, что во времена Отечественной войны были мобилизованы лучшие и светлые умы отечественной науки и культуры. Почему же сегодня не используется этот оправдавший себя исторический опыт?

Трагедия нашего общества состояла в том, что оно «выключило» себя из этой закономерности; национализировав интеллект, мы перестали быть заинтересованными в человеческих мозгах. В мировой таблице ЮНЕСКО динамика

коэффициента интеллектуализации населения в нашей стране выглядит следующим образом. В 50-е годы мы по этому коэффициенту занимали 3 место в мире, после США и Канады, в 60-е годы — 2—3 место, а в 70-е годы мы уже оказались на 24 месте в мире. К 1988 году мы были в середине пятого десятка стран. Наш уровень — примерно 45 место в мировой таблице ЮНЕСКО по коэффициенту интеллектуализации населения.

Подсчеты в экономике продолжаются по старым канонам: по количеству стали и чугуна на душу населения. Между тем, значительное духовное богатство народа способно «выдать» богатейшую интеллектуальную продукцию. Наступает время иного подсчета: по количеству умных мыслей, произведенных в единицу времени. Во всех экономически развитых странах наиболее весомый вклад в увеличение роста национального дохода совершают люди не физического, а умственного труда. Именно они определяют уровень научно-технического прогресса и материальное благополучие общества. Отсюда рушатся политэкономические истины о двух категориях труда: производительном и непроизводительном, когда первый приписывается только физическому и порою малоквалифицированному труду, а второй обычно с пренебрежением относят к труду интеллигенции. Уже давно пора учитывать уроки жизни о том, что производителен только тот труд, который обогащает национальный доход.

Владимир Даль — известный составитель великорусского толкового словаря — определял интеллигенцию как «разумную, образованную, умственно развитую часть жителей». Отнюдь не так оценивают ее многие наши политики. Руководящие работники и по настоящее время сплошь и рядом отличаются недостаточной интеллигентностью, антиинтеллигентским комплексом, подозрительностью и даже враждебностью к ней. Для обоснования подобной позиции вспоминается и теория «критически мыслящих личностей» П. Лаврова. Между тем, недооценка интеллигенции (лысенковщина, преследование кибернетики и биологии, травля космополитов) приводила к плачевным результатам, к селекции посредственности, утрате «мозгов», к искусственному созданию обширной внутренней эмиграции, к диссидентскому движению. Интеллигент и до сих пор живет своей простодушной духовностью, не замечая своей нищеты и унижения. По настоящее время, словно беззащитный Дон Кихот, он вновь и вновь оказывается на обочине жизни. Его материальное и духовное обнищание приобретает необра-

тимый характер, его плачевная судьба отразится на будущем культуры.

Огромной потерей оказались волны эмиграции представителей научной и художественной интеллигенции на Запад. Чего греха таить, настороженное, подозрительное отношение к интеллигенции, ее «подконтрольное» положение стали некоей нашей устойчивой традиционной чертой. В массовом сознании укреплялась мысль о политической ненадежности и мягкотелости интеллигенции, ее приверженности мелкобуржуазной идеологии, постоянным колебаниям и сомнениям. Это проявлялось в негативном отношении к ней в первые годы советской республики, в выступлениях на съездах народных депутатов, в речах о ее «гнилости» на различных митингах и демонстрациях.

В Астрахани в 1986 году во время выборов бюро обкома партии в его состав были избраны ректор консерватории и писатель. Это вызвало недоумение у соседей, в Волгоградском обкоме КПСС. «Интеллигенты? — удивился тогдашний первый секретарь обкома. — Они погоды не делают». Тогда переломить догматическое пренебрежение к интеллектуальным силам в Волгоградской области так и не удалось.

Административная система методично откачивала умы и таланты из духовной жизни. По вине чиновничества страна лишилась многих лучших умов, ярких талантов. Для них создавались невыносимые жизненные условия, их насильственно выталкивали, изгоняли в эмиграцию, лишали советского подданства. В списке этом много выдающихся имен. Назовем только некоторые. Кинорежиссер Андрей Тарковский, русский писатель, автор замечательной книги «В окопах Сталинграда» Виктор Некрасов, поэт, драматург, сценарист Александр Галич, гениальный музыкант Мстислав Ростропович, создатель театра на Таганке Юрий Любимов и многие другие.

Примечательный факт: русский научный институт в Белграде выпустил в 1931 и 1941 годах два тома под названием: «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом». Оказалось, что только за 20 учтенных составителями томов лет за пределами СССР нашими соотечественниками было выпущено более 13 тыс. научных трудов по медицине, истории, литературе, горному делу, географии и т.д. В Бостоне в 1971 году была издана в двух томах «Библиография русской зарубежной литературы: 1918—1968 гг.». В ней на 1389 страницах насчитывается около 17 тыс. записей. 40% всех американских математи-

ков — выходцы из России. Американский Конгресс выразил благодарность русским эмигрантам за большой вклад в американскую точную науку. Так, обильно и бесплатно поставляем мы наш интеллект в зарубежные научные центры. «Утечка мозгов» нанесла большой урон национальным культурам, обогатив интеллектуальный потенциал Западной Европы и США. Известно, что Америка в течение двухсот лет использовала интеллектуальные силы со всего мира. Америка перед нами в неоплатном долгу за бесценный подарок — несколько десятков тысяч российских умов и талантов. Выходцы из России изобрели телевизор, вертолет и безопасные спички, участвовали в создании атомной бомбы и знаменитого нью-йоркского Карнеги-холла, прославились как выдающиеся ученые и писатели, актеры и музыканты.

Выдающийся социолог XX века М. Вебер пришел к твердому выводу, что современный развитый капитализм возник не на притоке новых денег, а в результате «притока нового духа». Вне сомнения, интеллектуальный бум будет продолжаться и в XXI веке, в котором основной, решающей силой будет «интеллектуальный класс», научный, художественный, общечеловеческий интеллект. Задумываемся ли мы, какой гуманитарный кризис ждет в XXI веке наше общество, когда уже в 1989 году «отток мозгов» из СССР достиг 300 тыс. человек, из них 90 тыс. научных работников, в 1990 году эта цифра достигла 800 тыс., и в последующие годы утечка «мозгов» значительно увеличилась?

Общество, не ценящее человеческий разум, обречено на прозябание, превращение в «интеллектуальную пустыню». Не стало ли это нашей трагической послереволюционной традицией? Не от нашего ли дремучего невежества происходит равнодушие к «зажженным светам» (выражение В. Брюсова)? А происходит это потому, что многим чужда и неведома таинственная сила мозга, самого драгоценного вещества в мире, творящего чудеса в науке и культуре, удивительной волшебной субстанции, рождающей прекрасные общечеловеческие ценности.

Не менее страшен по своим последствиям процесс «утечки мозгов» из фундаментальных областей науки в кооперативы, хозрасчетные объединения, различные ассоциации, где интеллектуальный потенциал нередко используется лишь для выкачивания денег. По сути, идет систематическое обкрадывание будущего: размывается духовный потенциал народа, разрушается столетиями создававшаяся «мозговая инфраструктура». Во многих отраслях науки па-

дает цена интеллекта. Слой широко и глубоко образованных людей становится опасно тонок.

Драматизм советской истории привел к драме гуманитарной интеллигенции (научной, художественной, педагогической). Ее болевыми проблемами стали вопросы о дальнейших путях развития духовности и нравственности человека, утверждении человеческого духа; о поисках диалектически богатых форм познания и творчества. Интеллигенция испытывает гнетущее чувство своей исторической не востребованности, близко принимает к сердцу свою невозможность помочь страдающему народу. Но живуч и своеобразный дуализм в отношении к нему: здесь и снобизм по отношению к простому, «не кончавшему университетов» человеку (нужна ли ему культура?), и умиляющая идеализация понятия «народ». Между тем, для высших ступеней осознания действительности интеллигенция необходима. Именно она призвана вносить идеи гуманизма в сознание народа, изменять мышление людей, обогащать нравственную атмосферу общества.

Можно со всей ответственностью утверждать, что без нее усиливается опасность диктатуры и тоталитаризма, сегодня она — важная созидательная сила, способная преобразовать общество и влиять на состояние умов. В периоды общественных коллизий она подвергается нападкам, и в то же время значительно усиливается ее влияние. В переломное время с наибольшей силой проявляются характерные и необходимые для интеллигенции черты: общественная тревога и озабоченность судьбами Отечества, стремление к нравственному сопереживанию делам народным. *Вырисовывается объективная закономерность — возвышение социальной роли интеллигенции, необходимость ее ведущей роли активного субъекта духовного производства.* С этим связана духовная свобода общества.

Однако это в теории. На деле эту роль выполнить крайне сложно, ибо интеллигенция катастрофически нищает, ей угрожает полная или частичная безработица, опасности подстерегают ее на каждом шагу, нарастает пессимизм интеллекта. Это мало волнует общество, не думающее о трагических последствиях. Многие государственные, политические и общественные деятели не проявляют к ней достаточного уважения, доброжелательности, такта, признания права на вольнолюбие и самостоятельные суждения. Не умеют вести со специалистами честный, компетентный и открытый разбор творческих результатов, т.е. работать в новом стиле; не учитывают характерные для нее противоре-

чивые искания. Ни в коей мере не отрицая места в жизни общества рабочего класса, следует иметь в виду, что современный рабочий отнюдь не единственный строитель и кормилец общества. В его труде, в машине, на которой он работает, в результатах его деятельности заключена мысль людей, чьи творческие усилия требуют доброго и справедливого слова. Искусственное выдвижение рабочего, противопоставление его интеллигенции — отживающий анахронизм.

В цивилизованном обществе представители интеллигенции призваны создавать необходимую духовную и интеллектуальную атмосферу, всемерно способствовать развитию духовного самосознания личности. Но вот с XIX века повелось: «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Появилась карьерная интеллигенция со старыми рефлексами, с приспособленчеством то ли к чиновничеству, то ли к господствующей идеологии. В последние годы интеллектуальные пастыри занялись активной политической борьбой, парламентскими дискуссиями. Это не так уж и плохо, но это не должно наносить урон их непосредственному творчеству, их профессиональной деятельности. Надо помнить при этом о независимости интеллигенции от государственной власти, дистанцировании от официозных структур. В среде интеллигенции, чаще среди писателей, журналистов, социологов, специалистов по обработке общественного мнения, усилилась честолюбивая «мечта о власти». Приобретая власть и монополию в жизни, борясь друг с другом за эту власть, участвуя в политических играх, люди нередко становятся неузнаваемыми. Вступая в государственные структуры, интеллектуалы, квалифицированные специалисты превращаются в «государственную интеллигенцию». Этот же образованный слой пополняет ныне нарождающиеся капиталистические структуры. Их больше волнует свой имидж на волне, например, бескрайнего национализма, чем творчество в науке и культуре, чем занятия своим прямым и основным делом — писать книги, музыку, ставить спектакли, снимать фильмы, обогащать науку.

Вспоминается оруэлловский О'Брайен («1984») — изощренный интеллектуал, жаждущий власти над ближними. Стремящиеся к личной власти «государственные интеллигенты» объясняют свои стремления «интеллектуальным приоритетом», наличием критической мысли, к которой чиновник не способен. Отсюда и начавшийся процесс отчуждения от них широких социальных масс. Из истории общественной жизни России известно, что интеллигенция

почти никогда не имела особого политического влияния, компенсируя его только моральным воздействием. Самые выдающиеся умы из числа ученых или писателей не владели практическими возможностями влиять и изменять политическую жизнь страны. Это им удавалось только в сфере нравственного климата общества.

Народ силен своим внутренним зрением. Он чувствует и видит предательство своих интересов, забвение обещанного, прикрытие демагогической болтовней о народном благе корыстных интересов и привилегий. Беда в том, что такой псевдоинтеллигент дискредитирует не только себя, но и демократическую идею, демократическую власть, само понятие интеллигенции.

Творчество — радость открытия	Высокая духовность личности проявляется в опережающем воздействии духовных ценностей, мере высвобождения личности из-под влияния схоластики, утилитаризма и грубого рационализма.
-------------------------------------	---

В связи с этим вызывает тревогу низкий культурный и профессиональный уровень многих специалистов, принимающих практические государственные решения на различных этажах социальной лестницы. Это серьезно сказалось на общественной жизни, порождая порой катастрофические последствия. К тому же во многих сферах сложились условия и возможности не нести никакой персональной ответственности за свои действия. Примеры тому дают и политика, и наука, и медицина, и инженерия.

Современная интеллигенция живет и трудится в условиях, когда социальная структура общества слабо восприимчива к культуре, не реагирует на острую необходимость в развитии и укреплении своего интеллектуального потенциала, не учитывает роли разума в преодолении наших трудностей. Между тем, в лучших традициях передовой российской интеллигенции всегда были органическое единение с народом, потребность нести ему культуру, распространять знания.

Естественно, что деятельность интеллигенции в значительной мере проявляется в границах ее профессиональной работы, творческой мысли и «святого чувства беспокойства». Любая из форм ее деятельности — будь то научно-исследовательская работа, технические изыскания и открытия, художественно-эстетическое освоение действительности и «жизни человеческого духа», наконец, подвижнический труд педагога, врача, инженера, культпросветработника, — требует прежде всего умения

свободно и искусно владеть техникой своего дела, профессионализма. Именно с этого начинается творчество. В сочетании со способностями и призванием к определенному виду деятельности высокий уровень профессионализма является необходимым условием для познания природы, общества, человека; формирования, сохранения и приумножения тех высших человеческих ценностей, которые образуют, по словам Тимирязева, «вечную триаду истины, добра и красоты». Специфика творчества, интегрирующего способности людей и профессиональные навыки, проявляется в конечном счете в создающем, преобразующем деянии. Субъектом творчества выступают не народные массы вообще, а создающий индивид. Самой конструктивной и плодотворной чертой человека является творческое самоутверждение, ибо каждому дана возможность выстроить свою жизнь по законам творчества. Творчество выступает как способ внутренней легитимации личности, обретение новых личностных смыслов ее существования.

Творческий труд по сравнению с исполнительским — труд свободный, лишенный насилия как экономического и политического, так и интеллектуального. Для интеллигенции свободный труд — альфа и омега. Ученые и писатели, инженеры и педагоги — не наемные слуги государства, а свободные заинтересованные партнеры. Творчество, как обогащение культуры и создание общественно значимых ценностей, жизнеспособно и продуктивно только в условиях свободы идей, социальной защищенности и материальной независимости. Навязывание административного диктата, мелкая опека со стороны государственных чиновников гибельны для творчества. Особенно это проявляется в творчестве научном и художественном.

С чего начинается творческая деятельность? С видения нового, с архимедова «Эврика!», приносящего счастье каждой творческой личности. Гийом Аполлинер писал: «Знаешь ли ты эту радость — новое видеть?» Свойство видеть «новое» Л.Н. Толстой назвал талантом и считал, что это «способность усиленного напряженного внимания... вследствие которого человек, одаренный этой способностью, видит в тех предметах, на которые он направляет внимание, нечто новое, такое, что не видят другие».

Творческое начало в человеке всегда деятельно. Осознанное творчество — это стремление к новому, требующее мужества, решительности, способности преодолевать ошибки и неудачи, ибо творческие искания обычно сопровождаются не только успехами, но и потерями, заблуждениями,

трудными поисками. Творчество — это путь в приоткрывающуюся истину. Пути здесь тернисты и извилисты, и часто убеждения в их правильности сменяются сомнениями, колебаниями, разочарованием. Сомнение присуще ученому, ищущему новые методы исследования, или инженеру, решающему техническую задачу, художнику, постигающему взаимоотношения и поведение людей. Но при всем этом именно в творчестве заложены красота и радость, оно покоряет своей гармоничностью и целесообразностью, оригинальностью идей и глубиной результатов. Причем научное творчество отличается от художественного тем, что любой его результат, его достижение стремится быть преодоленным.

Творческая функция сложна и ответственна. Открытия в области науки, техники, искусстве начинаются с творческого дерзания, т.е. постановки и решения острых, неясных, зачастую «туманных», «проклятых» вопросов, с мужественного движения от незнания к знанию. Отважное вторжение в сферу «белых пятен», поисково-исследовательский труд, снимающий покровы тайны с еще не изученных сторон действительности, когда истина всего дороже, — это не только поэзия, но и суровая проза многих лет мук и радостей.

Известно, какой предельной мобилизации физических, интеллектуальных, духовных, нравственных сил и самоотдачи требует поиск истины и возможностей преобразования мира. Стала афористичной строка Б. Пастернака: «Цель творчества — самоотдача». Творчество — это не только создание нового в материальной и духовной культуре. Это совершенствование человеком самого себя, своего мастерства, доведение до уровня виртуозности навыков обращения с инструментами своей деятельности, будь то слово писателя, публициста, философа, приемы диагностики и лечения медика, способы взаимодействия с учениками, используемые педагогом, и т.п.

В цивилизованном обществе на характер деятельности интеллигенции влияют многие специфические факторы, в том числе усложнение социальных задач, интенсификация интеллектуального труда. К этому следует добавить, что проблемы культуры всегда решаются людьми, неизбежно обладающими ограниченным социальным и историческим опытом и поэтому не всегда способными предусмотреть и оценить возможные социальные последствия своих действий и решений. Это особенно ощутимо в условиях научно-технического прогресса, когда сама реализация инноваций технически не представляет особых затруднений и любое новшество может получить массовое распространение в ко-

роткие сроки. В этих условиях вопрос о социальной ответственности тех, кто создает новое в любой из сфер культуры, и тех, кто осуществляет распространение этого нового, приобретает особую значимость. Эта ответственность проявляется в их деятельности, прежде всего в выявлении позитивных и негативных результатов, в их соотношении с возможными краткосрочными или долговременными социальными последствиями. Осуществление творческой функции подразумевает как «опредмечивание» поисков и открытий субъекта творчества, так и расширение «поля» культурной деятельности.

Будущее общества в науке и за наукой. В условиях научно-технического прогресса и новой технологической революции в единой полифонии культуры все более весомо заявляют о себе наука, научная интеллигенция. Именно в науке вызревает наиболее интеллектуальная часть общества. К науке обращено сейчас большое внимание, с нею связаны многие надежды. Политические деятели стремятся свои действия освятить авторитетом науки. Обросшая за прошлые годы глыбами бесплодного балласта отечественная наука тем не менее всегда блистала первоклассными учеными, теоретиками и экспериментаторами.

Наука интернациональна. Профессиональные ученые уже давно говорят на одном языке и прекрасно понимают друг друга. И именно наука — одна из немногих сфер, где мы являемся равноправными партнерами, представляющими для всего мира большой интерес. Говоря объективно, благодаря науке Россия быстрее и легче сможет интегрироваться в мировое сообщество и влиять на мировую культуру. Но как всегда волна обновления несет с собой и пену... Многие стремятся проникнуть в науку из карьеристских побуждений. Появился новый тип «декоративных» академиков и докторов наук. Нередко в научные учреждения приходят люди бесталанные, неспособные, «мастера банальных решений». О таких людях Ф.М. Достоевский говорил, что у них «ум есть, но без своих идей». Обычно они проявляют «сталдые» чувства, выступают против людей талантливых, преданных науке и обогащающих ее. Они пополняют ряды воинствующей посредственности, занимают чужое, не принадлежащее им место, закрывают путь людям способным, одаренным.

Для науки большую опасность представляет монополизм. Он жестоко уродует и кромсает отношения между учеными, опасается критического ума. Науки, в основном, общественные, стали страдать от внедрения «посланцев сверху», из номенклатурных слоев, нуждавшихся в почет-

ном трудоустройстве. Повальная погоня общественных деятелей за учеными степенями и академическими званиями началась в послехрущевский период. Появился особый слой научных работников, чей статус интеллектуальных деятелей означал для них участие в науке как пожизненную ренту за свою прошлую «героическую» общественно-политическую деятельность. По этому поводу вспоминается древнее предание о том, как однажды к величайшему древнегреческому мыслителю Евклиду обратился некий властелин, пожелавший освоить геометрию с малыми затратами сил и времени. Ученый на это ответил ему, что в науке нет обходного, «царского» пути. Креативное начало (творчество) уступало место деструктивному. Но науку делают не анкеты, а люди. Вообще следует признать, что в России прошла мода на энциклопедически образованных интеллигентов типа А. И. Герцена, П. А. Флоренского, Н. А. Бердяева... Новый привилегированный слой в интеллигенции — это уже не аристократы духа, отличающиеся талантом творческие элиты, а очередной «номенклатурный класс», энергично дерущийся за привилегии, за сытую, безбедную жизнь.

Культурное развитие общества имеет в качестве своих источников не только «встречное движение» человека к достижениям культуры, но и качественное улучшение различных социокультурных институтов, создающих и распространяющих идеи, взгляды и концепции. Общество призвано уделять значительно большее внимание деятельности государственных и общественных организаций культуры, культуротворческой деятельности ученых, художников, педагогов — духовных лидеров широких народных масс, укрепляющих и развивающих мировоззренческие основы общественного бытия. Здесь трудно переоценить уникальный вклад художественной культуры. Духовное здоровье общества, духовный климат, в котором живут люди, в немалой степени определяется ее состоянием. Отражая жизнь, деятели литературы и искусства стремились сказать свое слово о драматической судьбе народа. Стефан Цвейг справедливо замечал, что все великие русские писатели были единодушны в глубочайшем уважении к народу. Все они, сравнивая выпавшую им на долю чистую, светскую жизнь с жизнью миллионов своих беззащитных, безъязыких братьев, несли бремя огромной мистической вины. Все они считали своим высочайшим призванием говорить от имени этого безгласного, не осознавшего себя народа и поведать миру его думы и стремления. Во время войны

Анна Ахматова написала: «Час мужества пробил на наших часах, и мужество нас не покинет», а Ленинградская симфония Д. Шостаковича стала всемирным символом непобедимости духа борющегося с фашизмом народа.

Немецкий публицист и социолог Клаус Менерт, часто выступавший с критикой советской культуры, тем не менее, признал в своей книге «О русских сегодня. Что они читают и какие они» (1983 год) «мошный гуманизм» советской литературы, масштабность советских романов, свойственный им интерес к человеческой личности. В книге даны литературно-критические портреты 24 современных советских писателей. Автор характеризует их как писателей «международного ранга».

Известно, что художник эмоционален, хрупок, восприимчив. В отношениях с обществом он сегодня почувствовал поддержку, удваивающую и утраивающую его творческие силы. Исторически был прав Булгаков, когда в своем «Письме правительству» (1930 год) с отчаяньем утверждал: «...писатель всегда должен быть в оппозиции к власти, пока власть будет в оппозиции к культуре, к общечеловеческим ценностям». Сейчас идеологическая оппозиция во многом снята.

Активизация идейных позиций и исканий художественной интеллигенции не только позитивно сказывается на интеллектуальной жизни общества, но и цепной реакцией выходит на индивидуальное мировидение и миропонимание многих читателей, зрителей, слушателей. Усиление философского начала в искусстве обрело характер прочной закономерности. В лучших произведениях интеллектуального кинематографа, например, в Грузии и Литве, в философской прозе Ч. Айтматова, В. Быкова, Д. Гранина, Н. Думбалзе и др. нашли свое убедительное художественно-образное воплощение многие мировоззренческие проблемы времени и современной социокультурной ситуации.

Смыслообразующей основой жизни человека всегда выступает мировоззрение; у художника оно влияет на содержание его творчества, формирует направленность, идейное звучание его произведений. Не случайно А.П. Чехов писал своему другу: «Осмысленная жизнь без определенного мировоззрения не жизнь, а тягота, ужас».

Искусства нет без личности, а личности нет без жизненной позиции, без мировоззрения. Поэтому мировоззренческий компонент — неотъемлемая сторона подлинного искусства. И не удивительно, что примеры тому без труда находятся во всех его видах.

«Вторгается» в мировоззренческую проблематику и те-

атр: здесь есть свои результаты и в освоении классического наследия, и в интеллектуально-этическом постижении острых вопросов современности. Отмечая плодотворность подобных поисков, Бертольд Брехт писал о том большом значении, какое приобрел театр, когда «стал полем деятельности философов» и на сцене «появилась философия»¹. Михаил Ульянов отмечал, что «сегодняшний театр не может существовать вне философской мысли, вне мировоззрения... Может лицедействовать — пошекотать нервы, но своей миссии при этом не выполнит». В свое время Гегель тонко заметил, что философия — это «эпоха, схваченная в мысли». Продолжая это рассуждение, можно и о культуре сказать, что она — эпоха, схваченная в чувстве и творчестве человека.

Культура, раскрывая коллизии жизни, не только отражает общественное сознание, но и философски воздействует на него. Важно еще раз обратить внимание на то, что вклад литературы и искусства в укрепление мировоззренческих основ общественной и индивидуальной жизни связан с совершенствованием и свободой художественного мышления. Думается, что сущность художественного мастерства имеет в качестве своего неотъемлемого элемента развитое историческое мышление. Но нельзя допускать, чтобы актуальностью темы прикрывались серые, примитивные, художественно невыразительные произведения. Опасен дешевый прагматический подход к искусству, отличительные особенности которого обычно сводятся к двум крайностям: или злободневность тематики, или сиюминутный эмоциональный настрой. Что сверх того, то от лукавого! Отсюда в центр такого «искусства» становится темпераментный интеллектуальный публицист и эстрадный певец. Уходят в тень художественно-философский мир искусства, сложность и противоречивость культуры. К сожалению, публикации ряда литературных журналов, слабые драматические и кинопроизведения способствуют скорее поверхностному, одномерному, нежели адекватному потенциям человеческого мышления мировосприятию.

Пока еще духовная жизнь общества направлена не на создание гармонического образа культуры, а в лучшем случае на черно-белую моментальную ее фотографию, выступающую простейшим примитивным правдоподобием, в которой есть внешнее сходство, но нет осмысления и постижения, нет честной и смелой правды.

¹ Брехт Бертольд. О театре. М., 1980. С. 125.

Цивилизованное общество не нуждается в «парадном многописании» и «мелком бытокопательстве», в конъюнктурщине и делячестве. Общественность отмечает, что бездуховность и насилие стали активно завоевывать экран, а по страницам многих произведений толпами кочуют выкроенные словно бы по единой мерке полунытики-полуциники, чьи жизненные упования не идут дальше мебелировки собственной квартиры, а весь идейный кругозор ограничивается штакетником дачного участка.

Обществу жизненно и постоянно необходимы большая литература, настоящая словесность. Именно ей предстоит осмыслить и отобразить переживаемые события. В первые годы перестройки в художественной литературе ничего особенно выдающегося не было создано. Трудное, смутное время не родило хорошей литературы, помогавшей народу выжить. На дно жизни вместе с человеческими судьбами скатились и художественные произведения—мотыльки. Живет современная литература на обочине, не способная осмыслить новую реальность, Казалось бы, столь благоприятные условия: тут и гласность, и свобода, нет цензуры, но нет и ничего яркого, заметного. Быть может, это какая-то закономерность? Надо полагать, что у культуры своя логика развития, свои особенности. Наступит определенный исторический этап, позволяющий осмыслить происходящее, тогда без ложного оптимизма, после пережитого, найдутся выдающиеся мастера и активизируется культурная жизнь.

Правда, активизация эта часто носит стихийный характер и подозрительно смахивает на всеядность и вседозволенность. Так, в изобразительном искусстве часть молодых художников и критиков использовали процесс демократизации для наступления на передовую эстетику. Под видом «перестройки» стремились зачеркнуть и принизить, как ~~якобы застойные явления и отжившие стереотипы~~, все то ценное, что достигнуто художественной культурой. В сложившейся ситуации, когда не стало запретных тем, большую опасность представляют нападки на классическое реалистическое искусство. Кстати, любой реализм никогда не мешал самовыражению. Впрочем, все это мы уже проходили в годы Пролеткульта...

Определенные перемены происходят в жизни театра. В России театр всегда являлся общественной трибуной и пропагандистом демократических идеалов. К 1990 году в стране было свыше 600 театров, в них 40 тысяч творческих работников. Это ежегодно 3 тысячи премьер, более 300 тысяч спектаклей, которые смотрели 124 миллиона зрителей.

Правда, по числу театров на 100 тысяч жителей мы занимаем одно из последних мест в Европе. К тому же по настоящее время многие периферийные театры впадают в жалкое существование, 25% театральных помещений в стране пришли в полную негодность. Иной раз на весь спектакль отпускается столько же средств, сколько тратят в столице на платье для героини. На премьерах многих периферийных театров присутствует не более 20—25 зрителей. Да что там периферия! В главных городах страны один за другим закрываются театры, а особенно театральные студии.

Жили надежды, что подъему эффективности театрального дела будет способствовать комплексный эксперимент, направленный на расширение прав, самостоятельности и усиление ответственности театральных коллективов за идейно-художественный уровень сценических произведений. Новый порядок работы создавал для театров и новые условия, предоставляя им и их художественным советам право самим решать вопросы, связанные с характером и направленностью репертуара, количеством и сроками выпуска премьер. Вводится новая система формирования трупп — их творческий состав регулярно проходит переаттестацию. В связи с этим возрастают роль и ответственность художественных советов. Они призваны стать представительными и демократическими органами, не только выражающими коллективное мнение, но и осуществляющими его в своей творческой практике. В стране создан Союз театральных деятелей, объединяющий театральных работников на основе единой программы, влияющей на творческое состояние театров, на саму систему функционирования сценического искусства в стране. На основе широкого демократизма начался было сложный, но плодотворный процесс активного участия самой театральной общественности в управлении театральными делами. Но все эти позитивные явления были подрублены под корень отсутствием финансирования театров. Это подорвало все зародыши творчества, ибо оно также нуждается в материальной базе.

Искусство всегда являлось сложной профессиональной деятельностью, которой отдают свои силы многие люди. Часть из них — талантливые художники, творчество которых воплотилось в высшие достижения отечественного искусства, определяет его мировой престиж. Но есть и такие, которые недостаточно подготовлены к профессиональной деятельности в искусстве, и их продукция — фильмы, спектакли, литературные и музыкальные произведения — не отвечают даже средним критериям. Эстетическая и миро-

воззренческая, даже развлекательная ценность таких произведений нулевая. И все же они в изобилии заполняют книжные магазины, сцены, экраны. Такого рода многочисленные «служашие» в искусстве, не имея необходимого таланта, ухитрились превратить отсутствие «божьей искры» чуть ли не в норму художественной практики. «Массовое производство» выпускников учебных заведений, связанных с искусством, привело к резкому снижению критериев оценки профессионального мастерства. Создалось своего рода «поточное производство» в искусстве, результаты которого так же не находят «спроса», как и устаревшее оборудование, немодная, плохо сшитая одежда и др.

Тут самое время напомнить, что XVIII и XIX века — два наиболее плодотворных в области музыки столетия — дали всего 17 крупных композиторов — по 8—9 в столетие. А в Тульской губернии до революции не было отделения Союза писателей, но был один Лев Толстой...

Значительные слои интеллигенции активно включились в массовые общественные движения, социальная база которых весьма расширилась. По инициативе ряда общественных организаций, деятелей науки и искусства был учрежден Российский фонд культуры. Лейтмотив этой общественной организации: «Богатство культуры отечества — народу». Его девиз: «Хранить, осваивать, приумножать», активно содействовать сохранению и умножению национального духовного достояния, приобщению к культурному строительству различных слоев населения.

Доброго слова заслуживает деятельность Народной Академии культуры и общечеловеческих ценностей. Благородная цель этой неправительственной международной организации направлена на утверждение общечеловеческих ценностей как основы жизнедеятельности современного общества, способствующей гуманизации отношений между людьми и государствами, взаимообогащению национальных культур для духовного возрождения широких социальных слоев.

Вне сомнения, многих деловых людей заинтересует и привлечет серьезно продуманная программа Народной Академии. В ней масштабно намечены магистральные направления культурного прогресса, духовного и интеллектуального развития общества. О некоторых из них следует рассказать читателю:

Народная Академия выступает за сохранение, развитие и изучение культурного наследия народов СНГ, других государств и на этой творческой основе — за формирование духовного мира человека, его гуманистического гражданского сознания;

особое внимание направлено на процесс сближения и

взаимообогащения культур различных народов с целью укрепления взаимопонимания между ними, смягчения международной напряженности, предотвращения и прекращения межнациональных конфликтов, усиления позиций миролюбивой общечеловеческой планетарной культуры;

в центре внимания Народной Академии широкая культурно-просветительская деятельность, в первую очередь связанная с гуманитарным мировоззрением и религиозными учениями, включающими в себя благородные нравственные заповеди человечества. В этом свете особое значение приобретает расширение диалога, взаимопонимания, сотрудничества между представителями различных конфессий на основе общности гуманистических начал, заложенных во всех религиозных учениях; лейтмотив деятельности Народной Академии — гуманизация общества. А это органично связано с развитием и практическим осуществлением идей милосердия, добра, благотворительности;

среди основных направлений работы Народной Академии: поддержка и внедрение в жизнь перспективных научных идей и программ; разработка и реализация проектов, ставящих целью улучшение экологической атмосферы, укрепление здоровья народа, развитие массового спорта; содействие развитию искусства, народного творчества, общности человеческих интересов и устремлений;

в современных условиях международного культурного сотрудничества Народная Академия выдвигает одним из своих важнейших принципов развитие международного сотрудничества в культуре, науке, просвещении, благотворительности и считает своим призванием оказывать содействие государственным структурам, неправительственным и творческим организациям, чьи цели и деятельность близки или совпадают с программными целями Народной Академии.

Все эти цели уже реализованы и будут реализовываться дальше в конкретных делах, в жертвованиях на их осуществление сотен миллионов рублей из средств, заработанных самой Народной Академией и ее многочисленными производственными и коммерческими подразделениями, действующими на территории СНГ и в дальнем зарубежье. Вот он, достойный пример деятельности на благо культуры!

В поисках нравственных ценностей

Важнейший капитал интеллигента — высокие нравственные ценности. Истинного интеллигента характеризует высочайшая и чрезвычайно активная нравственная позиция. Под этим следует

понимать не только внутреннюю гармонию человека, выражающуюся в соответствии его чувств и поступков, слова и действия, но и его требовательность по отношению к себе, к

окружающим его людям и обществу, выполнение своего гражданского долга и своих социальных обязанностей.

Интеллигенция всегда считала своим основным качеством служение людям, уважение к личности, ее чести и достоинству. Нравственная позиция интеллигента обязывает, говоря словами Л.Н. Толстого, «быть на уровне высшего образования своего века, а, главное, жить не эгоистической жизнью, а быть участником в общей жизни человечества». Многие интеллигенты, в недалеком прошлом с волнением обсуждавшие большие вопросы общества «на кухне», в узком кругу друзей, в новые времена вдруг обнаружили беспомощность и недееспособность, а то и просто оказались в тенетах практицизма. Обрушившаяся на них свобода, что называется, парализовала их, лишила языка. Звучавшие гневные мотивы в новых условиях замолкли, как будто уже не о чем говорить: все сказано в речах и газетах...

Жизнь полноценного интеллигента возможна только в атмосфере абсолютной честности, чуждой быстротекущей моде. Так, в науке есть общеобязательная «презумпция честности», или, как говорил академик Н. И. Вавилов, «гены порядочности». Пример тому — светлые образы академиков Н. И. Вавилова, В. И. Вернадского, А. Д. Сахарова. Для ученого порядочность — не просто благородная черта характера, а моральное право жить в научной среде и участвовать в научном поиске истины. Высоконравственных вершин не так уж много. Общество выдвигает ярких и талантливых людей в экономике, политике, науке, искусстве, но все же чаще встречаются приспособленцы, карьеристы, прагматически относящиеся к культуре. Эйнштейн говорил, что если из Храма науки удалить карьеристов и прочих мало порядочных людей, то этот Храм сильно опустеет. Честолюбие и делец от науки — явления глубоко негативные и опасные, ибо наука способна развиваться только в высоконравственной среде.

Выдающиеся ученые обладали нравственной чистотой, щепетильностью, утверждали высокую моральную требовательность к себе и окружающим. Их отличало бескорыстное стремление к знанию. «Единственная цель науки — облегчить трудное человеческое существование», — говорил Галилей в пьесе Б. Брехта «Жизнь Галилея». «Знание не ради знания», а «знание ради человечества» — таков девиз ученого. В идеале мир науки — это мир справедливости, где господствует дух демократизма. В нем не может быть казенной иерархии, диктатуры званий и чинов. Многие ученые вспоминают, как в Институте физических проблем АН

СССР у академика П. Капицы собирались одержимые и благословенные наукой и спорили страстно, не оглядываясь на звания, имена, авторитеты. В этом споре, вспоминал академик П. Капица, все были равны — и гениальный Ландау, и студент-второкурсник.

Общество все еще в большом долгу перед учеными, особенно обществоведами. Многие их исследования и рекомендации оставались без внимания и государственного реагирования, игнорировались моральный потенциал ученого, его авторитет. Это, конечно, не отменяет огромных долгов и исторической вины той же общественной науки перед обществом. В результате нескольких последних десятилетий наука и культура оказались в тенетах глубокого провинциализма, подстегиваемого ультразвуковыми лозунгами: «Мы первые в мире!» Особенно это проявилось в скатывании к провинциальному уровню развития художественной литературы и профессионально ограниченному видению мира.

Для современного специалиста большую опасность представляет надвигающаяся тенденция утилитаризма, культурные ограниченность и односторонность, выражающиеся в духовной близорукости и прикованности к узкой специальности. С легкой руки Козьмы Пруtkова, в свое время приобрел право гражданства шуточный афоризм: специалист подобен флюсу — он односторонен. Узкая специализация всегда была присуща в какой-то мере людям, занимающимся умственным трудом. Но узкие специалисты, действующие только в рамках своей профессии, лишаются внутренней культуры и широкого идейного и культурного кругозора, понимания «болезней» общества. «Шоры» на глазах мешают им устанавливать объективный социальный диагноз и действовать в силу исторических задач.

Это особенно выпукло проявилось в последние времена бурных перемен в общественной жизни. Очень странно и удивительно было видеть некоторых обществоведов — как среди маститых, так и из молодых, которые как будто бы писали свои опусы, занавесив шторы на окнах и замкнув на замки двери. Они жили в атмосфере революционных перемен и дерзания мысли, но в упор не видели этого и отдавали предпочтение любезной теории перед жизнью. Даже неловко упоминать здесь слова из «Фауста»: «Суха, мой друг, теория везде, а древо жизни пышно зеленеет»¹ и доказывать

¹ Гете В. Фауст. М., 1954. С. 112.

очевидное. Но, как это ни комично, это было, из песни слова не выкинешь!

Сегодня интеллигент просто обязан соединять специализацию с широким интеллектуальным кругозором. Этому поможет начавшаяся в последние годы гуманитарная подготовка научно-технической интеллигенции. Гуманитарные ценности поднимают общую культуру мышления специалиста, прививают высокие идейные и нравственные принципы человеческого общения, снимают «флюс» одностронности и эгоцентризма. Утрата интереса к судьбам народа приводит к политическому спаду, к двойственности идейного мировоззренческого и духовно-нравственного облика интеллигента, для него становится реальной опасностью стать «обесевшим» (термин Солженицына).

К тому же можно наблюдать различные типы интеллигентов: есть более или менее чистых «кровей», а есть люмпены, рожденные социальными обстоятельствами. Люмпенизированный, утративший социальные связи интеллигент рекрутируется в основном из людей узкого мышления и ограниченного интеллекта, лишенных творческого таланта и оригинальности, не способных подниматься высоко над общим уровнем развития общества. Нищие духом, они сами отказывают себе в праве на собственное мнение, упиваясь незаслуженно доставшимся им социальным статусом. Их рассуждения не выходят из узкого круга довольно банальных мыслей о свободе и гласности и довольно заурядных политических сентенций. Они не способны освоить и продолжить великую российскую нравственную, гуманистическую и совестливую традицию. Люмпен-интеллигенция — явление опасное и трагическое, способное лишь на разрушительные акции, ввергающее общество в состояние идейно-духовного распада.

Для передовой интеллигенции всегда было свойственно отвращение к социальной пошлости и мешанской тупости. Для люмпен-интеллигенции характерна плебейская психология: возрождаются «культ вещей», тяга к наживе, мешанское мировоззрение, воинствующий провинциализм. Полуинтеллигент — существо полукультурное. У него мы видим отчуждение интересов и потребностей к высоким духовным ценностям, отсутствует необходимость знать мировую культуру, дорожить своим именем и репутацией.

Способна ли полуинтеллигенция на подвиг и жертвенность? Опасная болезнь — нигилизм — словно ржавчина разъедает ее сознание. Часть интеллигенции приохотилась «жить в тени», мелочно и узко, в сущности, антисоциально,

другая бросилась за рубеж, покидая страну в тяжелую для нее минуту, забывая о ее драматической судьбе. Одна из наших застарелых хворостей: не можем жить без крайностей, то громили «низкопоклонство перед Западом», а сегодня пребываем в упоении от психологии подражательства и некритической ориентации на западный социум. Уже возникают современные догматы, как, например, безоглядное следование западным цивилизованным формам и нежелание использовать и учитывать опыт отечественного культурного прошлого. По западной культурной модели пытаются кроить проекты культуры в нашей стране, забывая, что западная модель имеет свою историю, за ней свои традиции. Заимствованные из европейского обихода политические и культурологические понятия и термины, будучи помещенными на чуждую для них российскую почву, приобретают совершенно иной, далекий от первоначального смысл. Справедливо восхищаясь технологическими успехами Запада, иные специалисты, ориентируясь на чужую культуру, готовы «открыть Америку из форточки», механически все перенести к нам, игнорируя отчетливую нетождественность с Европой, забывая о своеобразии российской жизни, нашего политического и экономического развития, а главное, о том, что надо жить своим умом.

Одна из причин культурного торможения — неспособность умело и критически использовать такие черты западной культуры, как предприимчивость, инициатива, утверждение господства закона и опыта демократии. В то же время у ряда специалистов появились некритическое преклонение перед западной наукой и искусством, идеализация буржуазного мира и его моральных норм, при этом игнорируется наша интеллектуальная жизнь. Многие склонны копировать культуру Запада целиком, не воспринимая даже самые справедливые критические замечания и суждения, безоговорочно принимая абсолютно все, что даже у западной общественности вызывает отрицательные оценки. Многовековая история свидетельствует, что отечественная культура никогда не будет слепо копировать какие бы то ни было импортные образцы. Как известно из культурной традиции, любые импортные попытки изменить или трансформировать духовную жизнь России всегда терпели фиаско.

В культуре, как теперь это называется, «ближнего зарубежья», т.е. стран СНГ тоже далеко не все благополучно. Огорчительно, что имеются представители интеллигенции, подогревающие национальную рознь между народами, вместо того, чтобы мудрым и спокойным голосом гасить нездо-

ровые страсти и эмоции. У них прорезался, а может быть, уже давно таился злой, желчный талант, проникнутый националистическим, шовинистическим духом. Все это выплеснулось в наши драматические дни. Некоторые деятели культуры, называющие себя прогрессивными и передовыми, проповедуют национальную рознь, оголтелое черносотенство, изничтожение «инородцев». Трагизм усиливается от того, что в их рядах встречаются талантливые и авторитетные художники. Вместо призыва к примирению они наводняют общество националистическими настроениями, раздувают между нациями огонь вражды и недоверия, открывают путь политическому экстремизму, молчат и не поднимают свой голос против нарождающегося фашизма. Это не менее опасно, чем тоталитарная шовинистическая власть да, собственно говоря, попросту толкает к неототалитаризму. Здесь уместно процитировать С. Цвейга из его произведения «Триумф и трагедия Эразма Роттердамского»: «И непреходящая слава его в том, что он употребил силу своего таланта не для разжигания страстей и подстрекательства, но только ради единения людей».

Во все времена существовал, да и сейчас существует тип интеллигента-флюгера, меняющего свои взгляды и позиции из конъюнктурных соображений. Это суррогат интеллигенции — явление, до боли нам знакомое и, к сожалению, не редкое и в наше время. Этих людей можно назвать пойкилотермными. Этим словом в биологии характеризуют организмы, внутренняя температура тела у которых зависит от температуры окружающей среды.

Интеллигенция — категория социально-профессиональная, в то время как интеллигентность — понятие духовно-нравственное, связанное с социально-личностными качествами и чертами людей. Это синтез духовной тонкости, нравственных принципов и цивилизованности человека. Хотя понятия «интеллигенция» и «интеллигентность» этимологически родственны и происходят от одного корня, но в действительности это не одно и то же. Интеллигенция есть, а интеллигентных людей единицы. Недостаток интеллигентности у интеллигенции болезненно переживается обществом.

Говоря об интеллигентности, следует иметь в виду не столько эрудицию или образованность человека, сколько состояние его души, его общий нравственный настрой и духовную красоту, проявляющиеся в доброжелательности и чуткости к людям, в нетерпимости ко всяким отступлениям от высоких этических норм.

Интеллигентность — это особый тип мироощущения человека. Став интеллектуально богаче, человек отнюдь не становится автоматически лучше, нравственнее, интеллигентнее. Интеллектуальная развитость несет человеку много добра, но она же создает возможности для зла, ханжества, предательства. Интеллигентность, причастная к культуре, начинается с высокой требовательности человека к себе и своему духовному миру, его приобщенности к высшим моральным законам.

Интеллигентность отнюдь не связана только с характером профессиональной занятости человека, выполняемой им работой. Она действует и за рамками его служебных обязанностей, включает комплекс гражданских, моральных, идейных качеств, формирует культурно-личностный облик человека. Принадлежность к числу людей умственного труда не делает человека интеллигентным. Подлинная интеллигентность — это не «привилегия» и не профессия, а состояние души. Она присуща человеку независимо от того, работает ли он в лаборатории или в мастерской художника, у станка или в поле. Человека высокой культуры — а именно это коррелируется с широким пониманием интеллигентности — можно часто встретить и среди рабочих, и среди крестьян, среди людей самых различных профессий. Непременная черта интеллигентности — внутренняя свобода человека, сознательно подчиняющего свое поведение защите добра. Отсюда и высокая духовность, помноженная на требовательность человека к себе и словно броня защищающая его от коррозии.

Интеллигентность проявляется в трезвой самооценке своей личностной деятельности, в чудесном качестве понимания человеческого в человеке, в способности чувствовать его, тонко относиться к его странностям и слабостям, ощущать трагедии, переживаемые человечеством, в беспокойстве за пропадающий смысл жизни. Она связана с забытыми душевными человеческими свойствами — милосердием, потребностью помогать ближнему, чувством со-вины за судьбы людей. Поэтому интеллигентный человек — обычно совестливый человек, и надо ценить его интеллигентность, которой стало угрожающе мало.

Дорого обошлась нам длительная борьба в прошлом с честными, порядочными, критически мыслящими людьми. Нужны годы и годы, чтобы восстановить порушенное, вернуть то, на чем извечно держалась человеческая жизнь. Ведь, фактически, это труднейшая задача восстановления утраченного генофонда. Но, разумеется, вернуться к образ-

цам старой классической интеллигенции уже не удастся, народилось новое поколение, наступили новые времена, звучат новые песни...

А наше общество так нуждается в культурных людях, в династиях людей, отличающихся интеллигентностью! Но почва для интеллигентности все время колеблется. Колебание это вызвано неизвестностью будущего развития человека, социальной нестабильностью общества.

В противовес псевдоинтеллигенту, подлинный интеллигент имеет свой кодекс чести и порядочности. Это человек, отдающий, по своей глубокой внутренней потребности, свою жизнь высшей духовной деятельности, высоконравственным культурно-созидательным целям. Образ русского интеллигента ярко проявился в «Докторе Живаго». Герой романа — достойный представитель русской интеллигенции, в ком прочная и устойчивая моральная независимость утвердила благородную щедрость, доброту, достоинство и тот личный талант, который Пастернак называл «даром жизни».

Скромность — один из ярчайших видов человеческого таланта и фундаментальное качество интеллигентного человека. Никаких привилегий: от общества — только по труду, человеку — максимум полезного из того, что можешь ему дать. Наша интеллигенция жила, как и все население, по привычке к социальному иждивенчеству на государственных гарантиях. Но наступили иные времена. Интеллигенции, чтобы сохраниться как творческому слою, потребуются и самозащита от врагов интеллекта, и большое мужество, и значительное самоограничение. Но и при этом предназначение интеллигенции полностью будет реализовано, лишь если она продолжит как и прежде генерировать инакомыслие, стремиться создавать систему альтернативных ценностей, создавать те «поля напряжения», в которых только и возможно движение вперед.

**VI. СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРНАЯ
ПОЛИТИКА:
ОТ ИДЕИ К ПРАКТИКЕ**

- **Какова стратегия развития культуры?**
- **Культурная микро- и макросреда**
- **Руководство социальными институтами культуры**

В конце XX века культура все более осознается как эпицентр человеческого бытия. Она словно кислород насыщает и заполняет социальное пространство. В связи с этим приобретают особое значение умная и реалистическая культурная политика, продуманная стратегия развития культуры. Термин «культурная политика» в прошлом редко появлялся в государственных документах. Социальные функции культуры оказались, несмотря на их значение, неоправданно слабо разработанными и изученными, были вне серьезного внимания со стороны руководства страны и общественности. Хорошо это было или плохо? Это было плохо, т.к. культура была пущена на самотек в стране и зачастую ее развитие шло тупиковыми или малоэффективными путями. Это было плохо, т.к. подрывало материальную базу культуры финансированием по остаточному принципу. Но это было и хорошо, т.к. при понимании культурной политики как диктата художнику что и как ему творить, как апологетики партийной идеологии, как служанки государства невмешательство в культуру было меньшим из зол, которые ей могли причинить.

**Какова
стратегия
развития
культуры?**

Цель культурной политики сделать жизнь людей духовно богатой и многогранной, открыть широкий простор для выявления их способностей, обеспечить возможности для приобщения к культуре и разнообразным формам творческой деятельности. В центре ее — человек. Она отстаивает его духовные интересы и мысли. Как «Отче наш» в этой сфере должна быть истина: не менять интересы, вкусы человека, а дать им максимально раскрыться, предоставить для их работы самим этим человеком максимум возможностей, поставить его в ситуацию максимального выбора. Культур-

ную политику характеризуют опора на науку, реализм, компетентность. В рекомендациях об участии и роли народных масс в культурной жизни, принятых Генеральной конференцией ЮНЕСКО на XIX сессии (Культуры. ЮНЕСКО, 1982. № 4. С. 189) сказано, что основная задача современной культурной политики состоит в том, чтобы «предоставить в распоряжение максимально большего числа лиц комплекс средств, способствующих духовному и культурному развитию». Культурная политика не носит только государственный характер. Во многих странах, например, в Великобритании, различают культурную политику, проводимую как в общественном, так и в частном секторе.

Являясь составной частью реальной социальной политики, она вырабатывает научные концепции культурного движения, соответствующие планы и рекомендации. В то же время для культурной политики характерна закономерность, когда ее субъект одновременно является и ее объектом. Она призвана формировать у руководства страны глубокое чувство пульса духовной жизни, умение гибко реагировать на сложность культурных реалий, создавать эффективные механизмы научного управления ими на основе взаимосвязи культуры с социально-экономическими сторонами жизни, повышения эффективности ее воздействия на социальную практику.

Рассматривая содержание термина «культурная политика», следует учитывать два его истолкования — широкое и узкое. В первом случае речь идет о широком, масштабном секторе государственной и общественной политики и ее идейной направленности в различных сферах культуры, искусства, образования, сохранения и восстановления культурного наследия. Во втором подходе «культурная политика» носит более рабочий характер, включая чисто прагматические и специальные вопросы, связанные с программной разработкой конкретных проблем культурного строительства, его организации, прогнозирования, финансирования и т.д. Ее рабочая концепция ориентирована на поиск талантов и предоставление им возможностей для осуществления позитивных идей и прогнозов.

Неудачи в политике и экономике в значительной мере проистекают из недооценки культуры, которая призвана опережать политику. Культура — эффективное средство воздействия на изменение общественного сознания, на развитие интеллекта и эмоций человека. Отсюда закономерно от описания культуры как теоретической категории постоянно переключаться на дифференцированный анализ ее ро-

ли и места в жизни общества, ее функционирования, на разработку прогностических моделей, способных определить будущее практическое долговременное культурное движение с обязательным учетом сложности и неравномерности социально-экономического и культурного процессов, их различий и особенностей.

Перед культурной политикой стоит задача обеспечивать интеллектуальный прогресс, с тем чтобы его результаты стали достоянием каждого человека и гармонизировали культурные отношения людей. Но сделать это невозможно без привлечения широких слоев населения и особенно без активного участия деятелей культуры. Только тогда можно ожидать нового отношения к культуре, только тогда ее ценности перестанут быть музейными экспонатами, когда люди активно включатся в творческую деятельность.

Известно, что культурная политика в цивилизованном обществе базируется на объективном, научном анализе и учете существующих уровней культуры, оценке реальной и необходимой степени соответствия между ними и проявляется как в идейном воздействии, так и через свои материально-технические возможности. В центре ее — поддержание основного фонда культуры, обогащение его новыми ценностями. Отсюда и соответствующая стратегия, включающая методы и средства, обеспечивающие решение магистральных задач культуры. К ним относятся: совершенствование типа духовного производства, новые прогностические модели духовных ценностей, масштабная система их распространения в условиях широкого культурного пространства. В этой стратегии одно из первых мест занимает создание комплексной программы освоения общечеловеческих ценностей.

Рассуждая о содержании культурной политики, напомним высказывание Гольбаха, указывавшего, что политика — средство для утверждения добродетели, нравственных норм и т.д. Культурная политика, если рассматривать ее в широком спектре, фактически формирует свое жизненное пространство, в котором живет, действует и творит человек. В условиях подлинной демократии политика не может быть отделена от культуры, но не может и отождествляться с ней. Наоборот, следует видеть своеобразие каждой, относительно их самостоятельность, сложную опосредованность их целей и отношений. «Очеловечивая» человека, культура одушевляет сферу его социальной жизни и регулирует в ней отношения, т. е. политику. Она обладает чудодейственной силой качественно изменять социальный мир человека, его

судьбу, казалось бы уже неизменную, укрепившуюся средой, психологией, характером.

Таков этот процесс взаимодействий: политика заинтересована в культуре как средстве очеловечивания ее прагматических решений, а культура заинтересована в политике как в связующем звене с жизнью человека и общества. Правда, она может служить и камуфляжем для политики. Но, главное, что культура способствует политическому решению многообразных, в том числе и глобальных, социальных проблем на гуманистических принципах. И не случайно, что в обществе, живущем в тоталитарных условиях, культурная политика, ведущая к депрессии духовно-нравственных ценностей, оказывалась бесплодной, не совпадала с проповедуемыми идеалами, расходилась с ними в самых исходных основаниях, приводила к интеллектуальному бедствию. Происходил разрыв между провозглашенными целями, в значительной мере декларативными, и действительным состоянием общества. Будучи авторитарной, так называемая культурная политика подавляла духовную свободу человека, порождала аморфное, интеллектуально ограниченное общество, укрепляла диктаторскую власть, необходимую для управления подобным обществом. Отсюда при разработке новой культурной политики постоянно следует учитывать, что государственный организм обладает высокой инерционностью и на многие демократические реформы реагирует усилением сопротивляемости.

Умная культурная политика призвана не затушевывать противоречия, не отделяться «общими» философскими рассуждениями, а объективно исследовать их содержание и основные формы проявления, с тем, чтобы, учитывая их, последовательно разрешать. Так, она вынуждена учитывать стремительный разрыв культурных связей суверенных республик-государств, когда многие люди и экономически, и психологически к этому не готовы.

Культура всегда приобретается дорогой ценой. Она создается за счет энергии и страданий народа, в противостоянии чуждым и враждебным ей силам. Она результат социального творчества масс, единственно благодаря которым наша страна превратилась в великую державу. Даже в условиях несвободы она способна создавать уникальные плоды. Несмотря на преграды и трудности, отечественная культура давала примеры свободной мысли. Об этом напомнил на международной конференции «Театр и тотализм» (Москва, июль 1990 года) выдающийся театральный деятель Великобритании Ян Херберт: «Русское, советское

искусство дает нам примеры истинно свободной мысли и протеста».

Жизнь людей и их культура вседневно совершенствуются. Устаревают, отступая на обочину, меняются ценности, набирают силы новые идеи, бесконечно развивается и обогащается дух человеческий. Динамическая концепция развития подтверждает внутреннюю эволюцию культуры, ее историческое и качественное изменения, когда одни ее сферы исчезают, другие качественно трансформируются, третьи остаются неизменными. Историю советской культуры можно представить как бы из двух историй, двух потоков: один — несомненные результаты, другой — горестные потери и утраты.

Внутренние противоречивость и изменчивость культуры с наибольшей силой выражаются в *динамической концепции развития*, согласно которой культурный прогресс включает в себя как созидательные, позитивные, так и негативные, разрушительные элементы. Здесь можно вспомнить принцип естественности Адама Смита, по которому явления культуры следует рассматривать в постоянном развитии: в эволюционном и историческом плане. Задача эта, вероятно, более сложная, чем решение многих задач в сфере экономики и социальной политики. Здесь приходится иметь дело со стереотипами, привычками, идеологическими и мифологическими массовыми представлениями, чрезвычайно устойчивыми, т.е. приоритетами субъективного фактора. По иному приходится осуществлять планирование и контроль, требуются иные формы руководства. Нелепо, например, планировать создание «Тихого Дона» или «Герники».

Неоднозначность культурных нововведений сказывается на характере их социальных последствий. Так, правильный прогноз позволяет по крайней мере контролировать негативные тенденции и тем самым ослабить их действие; ошибочный прогноз несет опасность разрушения культурных структур. Отсюда — одно из неперемennых условий: надлежащее состояние и уровень профессиональной подготовки кадров в области культуры, их реальных возможностей в разработке и осуществлении научно обоснованных решений. Эффект комплексной диагностики в сфере культурного строительства связан и с рациональной оценкой ресурсов, необходимых в этом процессе.

Культурное строительство — живой непрерывный процесс, направленный на адаптацию прошлых результатов к культурным реалиям современности на основе учета постоянно изменяющейся ситуации. Сущность современного эта-

па состоит в том, что увеличиваются и становятся все более разнообразными возможности различных сфер культуры, с одной стороны, и реализации культурной инициативы снизу, культуросозидательных сил масс людей, с другой.

Основными направлениями культурной политики являются: создание в стране единого культурного пространства; интенсификация процесса обогащения интеллектуального потенциала общества в целях ускорения его социального развития; качественное улучшение системы жизненных условий людей, обеспечивающих всеобщий культурный рост в различных группах и слоях населения; решение вопросов, связанных с самостоятельным, свободным развитием национальных культур (одно из серьезных направлений культурной политики - сохранение огромного пласта народной культуры, связанной с национальными традициями, фольклором, уникальной музыкой, народными промыслами и ремеслами); улучшение общего и специального образования, создание системы культурного воспитания молодого поколения, способствующей в будущем изменению общего культурного фона в отношениях между людьми и, наконец, обеспечение необходимых условий для совершенствования международного культурного сотрудничества. Но при этом следует иметь в виду, что жизнестойкость отечественной культуры состоит в том, что это целостная система. Разрывать и отсекалть ее плодоносящие ветви — процесс пагубный и опасный для единого живого организма. Ее выживание и возрождение — на путях интеграции и консолидации, расчленение смерти подобно.

Культурная микро- и макросреда	Крупнейший религиозный и научный авторитет начала XIX века Павел Флоренский определял культуру как среду, растящую и питающую личность, или как язык, объединяющий человечество.
--------------------------------------	--

Она, в свою очередь, не может жить без соответствующей среды, ее воспринимающей и питающей. Это, конечно, не означает, что культура живет в некоем идеальном мире. Такого мира никогда не было и не будет. Всегда была, есть и будет реальная культурная жизнь с ее сложностями и противоречиями, неожиданными коллизиями.

Социальные условия, в которые было поставлено советское общество, до примитивности обеднили культурную жизнь людей, растлили духовную атмосферу. Создавалась стандартная однородная среда, дух которой обволакивал и умирал человека. Начиналось это с внешнего облика, с архитектуры городов, грязи и выцветших красок домов...

Продолжалось дозированной информацией и дистиллированным искусством и заканчивалось тем, что из объекта воздействия человек превращался в субъект насаждения такой же эрзац-культуры, на которой «воспитывался» сам. *Сегодня с особой очевидностью необходима для нормального существования общества полноценная, многообразная, самоорганизующаяся культурная среда.* Именно она является важнейшим фактором духовного становления и совершенствования личности, ее идеалов, интересов, потребностей.

Культурная среда включает в себя социально-культурные объекты, связанные с созданием и распространением культурных ценностей (научные и учебные заведения, организации искусства, культурно-просветительские учреждения, художественные промыслы и т.д.). Но главное, что ее характеризует — это отношения людей, материальные и культурно-бытовые условия их повседневной жизни, ее духовно-нравственная атмосфера.

Особую значимость культурная среда приобретает в связи с возрастанием роли малых социальных групп в воссоздании культурных очагов в сотнях городов и селений, где были разрушены человеческие культурные гнезда. Процесс формирования такой среды — альфа и омега культурного обновления, без которого невозможно преодолеть действие социальных и психологических механизмов, разъединяющих общество. В шуме и суете забывается, что среда требует не только внимания, но и защиты, подобно той, которая осуществляется по отношению к среде природной. Она нуждается в заботе и охране от социального лицемерия и пошлости, от развращающего влияния «массовой культуры». По удачному выражению академика Д. Лихачева, сохранение культурной среды — задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для жизни духовной, нравственной.

В наше время выявившиеся социальные новации преодолевают консерватизм малоэффективной централизации культуры. Культурная инфраструктура строится так, что в развитии составляющих ее единиц — учреждений культуры, творческих союзов, общественных организаций — сочетаются общесоциальные черты и локально-культурная самобытность.

В связи с тем, что культурная инфраструктура очень расчленена, возникает необходимость в целенаправленном

объединении функций различных организаций для решения крупных социально значимых проблем организации культурной жизни, по типу локальных социально-культурных комплексов. Они помогают активизировать культурную жизнь современного села и малых городов, скоординировать усилия расчлененных и оторванных друг от друга ведомств и учреждений. Создание социально-культурных комплексов в городе и на селе — один из важных путей совершенствования культурной среды. Но для этого потребуются энергичные усилия и существенные средства.

Культурная среда включает в себя элементы, относящиеся к микро- и макроуровню общественных отношений. Причем оба эти компонента не только взаимодействуют и дополняют друг друга, но и находятся в объективном противоречии. Порою очень трудно оценить приоритет микро- или макросреды в их воздействии на человека. Микросреда, т.е. среда ближайшего окружения — семья или трудовой коллектив, не всегда духовно обогащает человека, да и прогнозировать ее влияние бывает достаточно трудно. Социологи доказывают, что всякого рода нравственные отклонения, социально-патологические крены чаще всего происходят именно в той микросреде, которую отличают низкий уровень культуры, узость, ограниченность духовных запросов.

Представляет интерес анализ данных социологии о дореволюционной деревенской России. В начале века социокультурная структура деревенской России была традиционно-устойчивой. Свыше 90% людей до 1928 года жили в избах; их семьи были сложными семьями старого типа с сильнейшими пережитками бытовой патриархальности. Семья выполняла все основные культурные функции: она была производственной ячейкой; члены семьи сами производили для себя все, что необходимо для жизнеобеспечения; во многом она заменяла школу; в семье профессия и мировоззрение передавались по традиции; она была ядром социальной организации и контроля, ибо представляла собой общность, находящуюся под контролем общественного мнения окружающих; жизнедеятельность ее членов регулировалась обыденным правом (нравы, обычаи); наконец, именно она обеспечивала социально-установленные формы досуга, являя собой своеобразный аналог современного клуба по интересам, регламентируемым утвердившимися обычаями.

При такой структуре труд, быт, досуг, т.е. все уровни социокультурной жизни были жестко регламентированы.

Этот культурный фон был настолько прочен и силен, что оказывал решающее влияние на жизнедеятельность и представителей лидирующих социокультурных групп, в том числе и интеллигенции. Досуг семей, потребление культурных ценностей в крестьянско-ремесленнических и в интеллигентских слоях были в значительной степени ритуализированы, представляли собой наборы установленных культурных стереотипов. Но уже в 30—50-х годах эти стереотипы были подорваны, а в 60—70-е годы полностью разрушены при массовом переходе к городскому образу жизни. Исключение составляли народы Крайнего Севера, Средней Азии и некоторые другие.

Примечательные процессы совершаются в выравнивании социокультурных типов по сравнению, например, с 20-ми годами. Если раньше расхождение между такими типами, как неграмотный крестьянин, малограмотный рабочий, грамотный служащий, тем более интеллигент, и грамотный предприниматель (нэпман) было очень велико, то теперь резкие различия устранены. В то же время имеют место общая ориентация на зрелища невысокого уровня (спорт, детективы, примитивная эстрада); пассивная адаптация к существующему в обществе переходному периоду (снижение напряжения за счет алкоголизма, следование массовой моде в сфере культурного и товарного потребления) и тому подобные явления, говорящие о невысоком уровне культуры в массах.

Наиболее наглядным свидетельством обеднения культурной среды является декультуризация современной деревни. Процесс «раскрестьянивания» привел к тому, что огромное число людей бежало в города, масштабы миграции были огромны: с 1917 по 1982 год из села в город переселились 142,6 млн. человек¹.

Изнитожавшиеся на селе традиции народной культуры, умерщвление традиционных нравственных устоев ничем не компенсировались. Городская культура приходила на село не только в искаженном и урезанном виде, но и значительно обедненной, в виде суррогатов «массовой культуры». Отсюда возникновение того типа культуры, который назван западными социологами маргинальным, культурой пограничной, смешанной, скроенной из различных окраинных региональных духовных ценностей. К такому типу относится механически соединенные городская и сельская культуры.

¹ См.: Население СССР. Справочник. М., 1983. С. 19.

Чаще всего наша культурная микросреда состоит из малых групп, различия между которыми в отношении разделяемых ценностей весьма минимальны. Эти группы не обладают высоким культурным потенциалом, хотя и отличаются известной автономией своих субкультур.

Социологи, изучающие культурную среду, отмечают ее «многополюсность» в современном городе и «поликультурное» сознание городского жителя. Естественно, что это стало серьезно сказываться не только на деятельности человека, но и на его индивидуальном облике, на всем его образе жизни, стиле поведения. Начавшийся в последние годы процесс превращения отдельной квартиры в самостоятельный изолированный культурный очаг будет усиливаться. Возникает особый тип культуры, назовем ее домашней, составными элементами которого являются уже не только книга, но и радио, телевизор, видеомагнитофон, видеокассеты, наконец, персональный компьютер. Все эти материальные носители культуры цивилизованного общества становятся «банком мировой культуры» и фиксируют духовные ценности в «памяти квартиры».

Создается новый тип комфортной индивидуальной культурной среды, при всех плюсах несущей значительные опасности для развития сферы живого, непосредственного общения людей — необходимой базы социальных отношений. Имея свои положительные стороны, процесс «интимизации культуры» вместе с тем грозит поселением ее «за домашней дверью», возрастающей духовной изоляцией индивида. В то же время тенденции технологической революции дают основание предвидеть закрепление этого типа культуры, как новой историко-культурной ценности, объединение, сложение «домашних культур» в общественную сбалансированную культурную среду. Примером этого являются культурные формы молодежных жилых комплексов.

Большинство людей стремится к разнообразным формам культурной жизни. Это и возросшие потребности в комфортабельном и эстетически оформленном жилище, и ориентации на определенный культурный стиль в быту, и многое другое. Но пока еще значительная часть населения тяготеет к художественно примитивным бытовым изделиям, стандартно «престижному» оформлению интерьеров. Хорошо, когда различные формы культурной жизни ориентированы на проведение отдыха и культурные развлечения, направленные на укрепление здоровья, повышение работоспособности, эмоциональное развитие человека. Сейчас проблема

состоит в том, где проводить свободное время и как его провести. Западные социологи подсчитали, что в прошлом в течение своей жизни человек работал 200 тысяч часов, а сегодня — 72 тысячи часов. В среднем у работающего человека за год накапливается 2600 часов свободного от работы времени, что составляет приблизительно 135 дней в году. Но свободное время далеко не стало «пространством для развития личности». Избыток досуга способен нести духовному здоровью человека и большую опасность, если не будет обеспечен развитием интеллектуальных интересов и высоким вкусом. Значительная часть населения не владеет навыками интересного, увлекательного времяпрепровождения, а расширяемые организациями культуры виды творческой деятельности не отвечают ни интересам людей, ни современному состоянию культуры. Значителен слой людей, оторванных от мировой культурной среды — этого своеобразного культурного космоса, открытой системы, построенной на взаимодействии множества человеческих голов и сознаний.

Что касается культурной макросреды, т.е. универсальной культуры общества в целом, то при всех ее позитивных возможностях в гуманизации интеллектуальной атмосферы эффективности ее воздействия мешают усложненная бюрократическая система, отсутствие дифференцированного подхода. В прошлом не всегда принимались во внимание и не изучались культурные различия и особенности отдельных социальных и возрастных групп, регионов и национальных республик, тем более — индивидуальные особенности, проявившиеся в динамике культурных потребностей и интересов, способов их удовлетворения. Отсутствовала дифференцирующая функция культуры, не учитывалось, что оказывалось относительно устойчивым, а что — подвижным и изменчивым.

Современная социокультурная ситуация привела к тому, что общество распадается на отдельные культурные сферы или зоны, в которых действуют различные духовно-нравственные нормы и зачастую полярные интеллектуальные интересы. В результате общество страдает от отсутствия единого культурного пространства и общего морального универсума и остро нуждается в умной культурной политике, интегрирующей разнородные группы и социальные образования. Здесь причина того, что оно все еще является обществом несостоявшейся культурной модернизации, и этот факт вуалируется эмоциональными рассуждениями о «кризисе», «нерешенных проблемах», о «загадке русской души».

Отсюда России так трудно выкарабкаться из круга старых представлений о постоянном, статичном обществе, в котором бытуют категории пассивности, а культурные реалии связываются с несвободой и грузом прошлого. Сейчас речь должна идти о необходимости длительного процесса созидания новых форм и вариантов, новых всеобщих и признанных ценностей, образцов и идей.

За последние годы заметно усилилась разделенность по культурным уровням и интересам. Ранее скрываемая, она проявлялась в значительных и постоянно увеличивающихся разрывах в культурной обеспеченности различных социальных слоев, в духовной пассивности большей части населения. Довольно сложная социокультурная ситуация возникает во многих отдаленных регионах страны, в сельских местностях, в новых городах. И все же свыше двух третей населения живет в условиях дефицита культуры, ими неосознаваемого. Многие не имеют возможности не только удовлетворить, но и формировать свои духовные потребности и интересы. В новых городах, отдаленных от сложившихся культурных центров и разветвленных транспортных систем, в основном проживает и работает молодежь, отличающаяся довольно высоким образовательным уровнем и остро нуждающаяся в развитой культурной среде. В рождающихся молодых городах создаются самостоятельные и часто автономные районы с собственной функционирующей культурной жизнью. Однако в этих условиях культурная среда отличается крайней бедностью. К примеру, как шагреневая кожа сокращается киносеть, особенно сельская.

Рациональное размещение по стране социокультурных центров требует учета ряда обязательных факторов. Сюда входят и особенности географического положения, и размеры сельских и городских поселений, и демографический портрет и культурная дифференциация населения, и сложившиеся исторические и национальные традиции, и, наконец, состояние материально-технической базы культуры в том или ином регионе.

При разработке культурной политики следует учитывать интересы и планы местных регионов, запросы общественности на местах. Отсюда необходимость расширения «географии» различных культурных центров, пространственного распространения и функционирования культуры, с тем чтобы сделать ее достоянием каждого жителя, добиться доведения ее ценностей до всех, даже отдаленных, «медвежьих» уголков. Провинциальной культуры не бывает, как

не может быть культура и привилегией только больших городов. Пока не все регионы равноценны по степени интеллектуальной «насыщенности». По некоторым показателям между городом и селом, между отдельными регионами культурный уровень различается более чем в 25 раз, а в ряде областей России — более чем в 30 раз. Тенденция эта нарастает. Это будет продолжаться, если не дать «зеленый свет» творческим силам на местах. Известно, что российская провинция всегда являлась плодородным источником русской культуры. Напомним, что именно в российской глубинке возникли светлые имена Щепкина и Каратыгина, Волкова и Кулибина и др. Возрождение народных художественных культур «в глубинке» вселяет надежду на развитие самобытных культур в различных регионах. И может быть этим провинциальным «губернским» местам и живущим в них «чеховским людям» суждено первым поднять голос в защиту нравственной культуры.

Культурная макросреда понесла значительный урон от того, что культурно-просветительная работа оценивалась по «валовым показателям»: количеством мероприятий, числом участников художественной самодеятельности. Особое внимание уделялось показательным концертам самодеятельных артистов, в то время как абсолютное большинство жителей городов и сел оставалось пассивным к самодеятельности. Неформальные проявления культурной активности пресекались. Дальше разговоров о необходимости перестройки клубного дела, создания клубов по интересам и т.д. дело не шло. Для серьезного обогащения культурной жизни «валовые показатели» особенно опасны, ибо скрывают истинное положение дел, усредняют кричащие различия. Как прекрасно звучит цифра — 120 миллионов зрителей ежегодно посещают театры. А что в действительности? По количеству театров (в расчете на число жителей) мы отстаем от Финляндии в пять с половиной раз. От Германии — в пять раз. От Болгарии — почти в три раза. На одном Бродвее театров больше, чем в Москве. А в начале 90-х годов многие театры закрылись или в угоду рынку превратились в пошлые развлекательные заведения. По числу музеев СССР занимал двадцать девятое место в мире. Почти в 90 административных центрах и городах с населением свыше 250 тысяч человек отсутствуют художественные музеи. И это только количественные показатели!

В жизни какие-то формы и явления устаревают и должны неминуемо заменяться другими, более подходящими для новых условий. Ныне действующая концепция деятельности

культурно-просветительных учреждений безнадежно устарела. Культурно-досуговые организации перестали отвечать изменившимся духовным запросам населения. Современная модель клуба исключает активность его посетителей, широкое участие в его работе. Многие формы клубной работы неинтересны, требуются иные средства, приемы, качественно отличные принципы, чуждые формализму и закостенелым штампам. Клубы занимают менее 8% «культурного заполнения» времени людей и либо пустуют, либо используются под кинотеатры или носят характер казенных учреждений, но отнюдь не являются местом общения и дружеских встреч, занимая какое-то странное, мы бы сказали заброшенное место в межкультурном пространстве.

Не все формы самодеятельного творчества заняли в обществе достойное место. Если художественная самодеятельность была более или менее развита, то этого нельзя сказать о научно-техническом самодеятельном творчестве, о любительской исследовательской деятельности или о сферах народных промыслов, ремесленного и оформительского творчества. Причем общественное мнение зачастую «благоволит» к спортивной или джазовой группе, оставляя в стороне трудную и сложную работу самодеятельного коллектива, направляющего свои усилия на развитие техники или охрану природы. Из рук вон плохо организована художественная самодеятельность в школе, очень мало школьных самодеятельных театральных коллективов и художественных кружков.

Народное самодеятельное творчество — важный элемент духовной культуры. В противоположность узкому, ограниченному значению понятия «самодеятельность» речь здесь идет о добровольном социальном действии человека, проявлении его инициативы и активного начала в различных областях жизни. Культурное обновление связано с самодеятельной инициативой, с самодеятельной социально-полезной активностью, позволяющим человеку наиболее полно раскрыть и проявить себя.

Одним из перспективных направлений преобразований «макросреды» является сочетание работы различных организаций культуры со средствами массовой информации, с радио, телевидением, с организациями искусства, кино, театрами. Приоритет здесь следует отдавать наиболее интересным для различных групп населения явлениям (спектаклям, литературным произведениям, концертам, выставкам). Для этого зрелищные представления должны стать своеобразными клубами по интересам, где зрители

получали бы возможность встречаться с кино- и театральными деятелями и принимать участие в обсуждении явлений культуры. Такой опыт в стране уже появляется. Так, в московском театре им. Ермоловой создан комплекс, в который входят филиалы театра, видеотеатр, детский клуб, выставочный зал с вернисажем, пресс-центр и др. Опыт этот еще не нашел широкого распространения. Подобно тому, как существует общество друзей книги, создаются общества любителей кино, театра, музея и т.п. Деятельность подобных обществ, большая часть которых возникает по инициативе «снизу», становится своеобразным пространством для духовного общения личности и совершенствования социально-культурной среды.

**Руководство
социальными
институтами
культуры**

Анализируя проблемы руководства культурой, следует иметь в виду специфичность этого противоречивого объекта, так как наиболее важным критерием деятельности организаций культуры выступает не столько экономический эффект, сколько социальный. Да и вся направленность культурного движения носит внеэкономический, воспитательный характер. В деятельности организаций и учреждений культуры учитывается двойная цель — и экономическая, и социальная, причем цель социальная значительно важнее. На этом и строится культурная политика, реализуемая на всех уровнях общественной организации: общесоциальном, региональном, групповом, индивидуальном — связанная с преобразованием функций социальных институтов культуры, их целей и задач, организационных структур, с подготовкой кадров.

Культурой надо не управлять, а руководить. Филологи считают, что слово «руководить» связано со старинным славянским «рукоить», означавшим для своего времени не начальствовать и командовать, не запрещать-разрешать, а «обращать вокруг себя», что приближается к понятиям объединять, спланировать. Именно в этом цель руководства институтами культуры, которое по содержанию и характеру уже сейчас носит общественно-государственный характер, закрепляющий сотрудничество всех структур с широкими слоями общественности. Большинство своих функций в области культуры различные государственные ведомства в будущем неизбежно передадут общественным организациям и деятелям искусства. При этом акцентируя внимание на общественном и профессиональном характере руководства культурой, следует учитывать, что эта сфера, демократическая

по форме и содержанию, не может носить ведомственный характер.

В первые годы после революции в стране не было стройной культурной системы. Более всего она походила на разорванные, мало связанные друг с другом «острова». Инструментария для их объединения и связи тоже не было. Связующим началом стали партия и государство, что не самым лучшим образом сказалось на культурном развитии. Соотношения «культура — партия», «культура — государство» в прошлом были жестко регламентированы. Для независимого саморазвития культуры, ее автономности, самостоятельности в системе общественных отношений не было условий. Между тем, эпицентром интеллектуальной деятельности является только человек, а культура служит не партии и государству, а обществу и в идеале призвана нейтрализовать влияние политических структур и государственной бюрократии. Даже в древней Руси была духовная независимость от государства, закреплённая церковью. Невмешательство государства, различных партий и конфессий в дела культуры и свободную культурную деятельность человека отнюдь не означает пассивной роли и неучастия государства в культурной жизни. Обеспечивая свободу культуре, право на культурную самобытность, цивилизованное государство берет на себя разработку стратегических задач культурного строительства и обязанности по охране культурно-исторического национального наследия, необходимую финансовую поддержку культурных ценностей, обеспечение культурно-национальной автономии, организацию международных культурных связей. Именно в этих функциях, направляемых на то, чтобы культура была доступна всем, и проявляется основная роль государства.

Культурное развитие подсек бюрократический централизм, когда все или почти все вопросы диктовались из «центра». Партия-государство создавала жесткую систему, породившую в 30-х годах собственную матрицу — авторитарную систему управления культурой, отторгавшую от нее народ. В нее вросли упрощенные формы управления и организации культурной жизни, царило администрирование. Но культура как социальный организм не может жить в тенетах официозной опеки, административно-политического контроля. Вполне возможно, что в будущем исчезнут или самоликвидируются государственные органы культуры, а вместо них возникнут различные ассоциации, основная цель которых — привлечение к руководству

культурным движением широкой общественности, т.е. фактически появится самоуправление. Основными принципами их деятельности станут максимальная демократичность, гласность, открытость. На них ляжет рассмотрение конкретных вопросов культурной жизни региона.

Заслуживают внимания создаваемые в стране национально-культурные общественные объединения (центры) НКЦ, которые становятся новыми организационными формами и образованиями, своеобразными культурными комплексами — конфедеративными и ассоциативными, решающими на местах проблемы образования, издательств, национально-художественных промыслов и др. В 1993 году в России уже было 142 таких центра. Они в виде обществ или землячеств очень важны для развития культурной самобытности той или иной национальности или национальной группы.

Уже родились новые общественные организации: ветеранов и женщин, детский фонд, фонд культуры, музыкальные общества, многочисленные объединения общественной самодетельности. Их возникновение — прямой результат возрастания демократических начал, стремления людей участвовать в духовном преобразовании страны. Возрастает роль этих организаций в политической системе, в органах власти, они получают право законодательной инициативы с тем, чтобы быть полноправными партнерами в социокультурном строительстве. В новых условиях они призваны стать своеобразными научно-исследовательскими центрами и осуществлять руководство развитием культуры комплексно, на серьезной научной основе.

Известно, что из всех видов бюрократизма наибольшую опасность представляют бюрократизм в культуре, ее подчинение казарменным методам руководства. Командно-административная система — не ретро. Она живет и паразитирует на самоограничении и самопожертвовании народа. «Культурная» бюрократия порождает антикультуру и особенно опасна во время перехода от одной системы управления к другой. Здесь проявляет себя чиновничья культура, оказавшаяся живучей, стойкой, пластичной. Поразительны ее удивительное умение приспосабливаться к изменяющейся обстановке, способность извлекать пользу даже из того, что по многим соображениям казалось для нее гибелью. Она канонизирует отжившие нормы и подходы. Так, вместо благожелательной и тактичной работы с интеллигенцией, объективной и политически шепетильной, не редкость грубое вмешательство в творческую деятельность

безапелляционностью оценок и суждений, административным невежеством, отрицанием художественной свободы, некомпетентностью.

Учитывая значительную опасность «культурной номенклатуры» и то, что современная чиновничья машина разрастается и усиливается с удвоенной энергией и алчностью, остановимся на этих проблемах подробнее.

Чиновничья культура и командно-силовой метод управления отрицательно сказались на культурном развитии народа. Партийный аппарат, административно-управленческая верхушка оказались вне всякого общественного и идеологического контроля, породив антидемократическую форму руководства духовной жизнью, сковывающую социальное творчество человека. Опасность бюрократизации культуры подстерегает не только сверху, но и снизу. В той самой культурной микросреде, где живет и трудится человек, где возникают сложнейшие психологические коллизии, рождаются психология потребительства и инертность, духовная лень и апатия, страшная сила отживших привычек, неподготовленность и неумение людей жить в мире культуры.

Многие люди отучились быть самостоятельными, отвыкли, разучились противостоять иным мнениям. В общественных организациях возникают элементы бюрократизма и формализма, огосударствление и ограничение самостоятельных начал. Декретами и призывами, гневной публицистикой и монографиями здесь не поможешь. Бюрократизм в культуре будет преспокойно существовать так же, как и в известной конторе «Геркулес», описанной Ильфом и Петровым, где в одной из комнат красовался прекрасный черный оцинкованный гроб, на котором было начертано: «Смерть бюрократизму».

Носители чиновничьей культуры, ее активные представители — это чиновничество и соседствующий с ним «номенклатурный» люд. Они всегда стремились не овладеть культурой, а захватить ее. Может быть, правы те, кто говорит, что по количеству начальства на душу населения наше общество вышло на одно из первых мест в мире. «Россия — страна казенная», записал в свой дневник А. П. Чехов. Самая большая угроза для культуры проистекает из кабинетов, где решаются ее судьбы и где убеждены, что без их деятельности духовные ценности захиреют и погибнут. В массе своей чиновничество невежественно и лишено высоких духовных интересов. Много расплодилось людей, подвизающихся на ниве культуры и примитивно, ограниченно воспринимающих ее ценности. Хотя они — при культуре,

но они ее враги, а ведь от них зависят ее судьбы, ибо они облечены реальной властью даже на самом маленьком «районном уровне». Несоответствие между знаниями и должностью, диктат, соединенный с некомпетентностью, — вот они типичные причины неэффективности управления духовной сферой.

События нашего времени раскрыли сформированный в прошлые десятилетия особый тип людей, обремененных властью, званиями, дипломами, но в действительности не выдержавших испытания служебным положением и общественным доверием, лишенных высоких идейных и нравственных качеств.

Бурное время дало возможность многим «выйти в люди», пробиться в привилегированную касту. На государственную орбиту выдвинулись люди социальной конъюнктуры и мимикрии, лишенные необходимых талантов, политических знаний и навыков, не имеющие представления о законах и сложностях культуры.

Отталкивая людей компетентных, руководствующихся высокими этическими идеалами, вероломно предавая друзей и товарищей, они отбросили совесть и порядочность, которые, по их мнению, себя «не окупают». Они пользуются всеми благами, нарушая основы социальной справедливости. Как говорится в «Гамлете»: «Ты повернул глаза зрачками в душу, а там повсюду пятна черноты». В сферу культуры в последние десятилетия попало значительное количество полуграмотных, но честолюбивых людей. В этом — не малая причина духовного и нравственного опустошения общества.

Обычно на местах «засветившихся» работников пересаживают по номенклатурному кругу из одного руководящего кресла в другое, и нередко это новое кресло находится именно в управлении культуры, которое многим представляется не требующим специальных знаний, любви и профессиональной подготовки. В Одессе директором театра оперы и балета в свое время был назначен начальник тюрьмы. Одеситы, конечно, шутники, но не до такой же степени можно шутить... На «культурный фронт» бросали любых работников: и строителей, и химиков. Многие годы культурой руководили не профессионалы, а комсомольский работник, текстильщица, экономист... То, что стало уже очевидным в экономике и политике, пока не достигло духовной сферы, где особенно важно, чтобы работали разбирающиеся специалисты и не было бы места воинствующей некомпетентности, особенно опасной, когда она облечена властью. Дело не

только в низком интеллектуальном уровне. Многие из руководителей культуры ничего не читали, не знают классиков мировой и отечественной литературы, не знакомы с живописью и другими видами искусства, не имеют представления об иностранных авторах. Очень немногие владели литературным пером. Этим своим невежеством гордились, считая его в порядке вещей. Кроме как руководить, ни за что не отвечая, они ничего не умели и не умеют делать. И пошли на долгие годы бескультурные вожди. А для культурной политики очень тревожно вырождение лидеров. Таковым был Н. Хрушев, не разбиравшийся в культуре, да к тому же увлекавшийся спиртными напитками, позволявший себе нецензурно выражаться. И это еще человек, относившийся к культуре не так уж плохо! Известен и другой пример, когда в 1972 году Е. Фурцева, тогда Министр культуры СССР, подарила Арманду Хаммеру полотно Малевича из собрания Государственной Третьяковской галереи, являющееся народным достоянием. Один из министров культуры Грузии заявлял, что он раб своего президента Гамсахурдия и не стыдится этого.

Иные руководители призывают, не понимая смысла слова, следовать в культуре «мировым стандартам». Что это, как не вульгарное, механическое использование умных серьезных призывов, необходимых и важных, например, в экономике? Мировые стандарты хороши для компьютеров и роботов, для бритвенных лезвий и дамских туфель, но когда речь идет о духовных ценностях, то многие из них, например, «масскультура», не могут быть образцами для подражания. Каждое общество формирует уникально-своеобразную конфигурацию ценностей. Любые заимствования должны быть критически «пропущены» через свою культуру.

Люди, начинавшие свою деятельность как представители народа, погрязали затем в тенетах мешанства, конъюнктурных интересов. Даже закалка огнем войны не стала для некоторых прочным иммунитетом против общественных компромиссов. Многие, ставшие большими или малыми начальниками, нравственно и политически переродились. И хотя время их уже позади, следует иметь в виду, что они активно репродуцировали себе подобных из последующих поколений. Молодое же поколение «делает» свое время. Поэтому негативные явления не только принадлежат прошлому, но и гнездятся в настоящем и угрожают будущему. Всегда к общественным движениям и особенно к культуре пристраивались разные люди, причем не только честные и преданные, но и тщеславные, честолюбивые, охотники за

властью. В сфере духовной жизни появились тысячи люмпенов, взгляды которых, уровень сознания и экстремизм поведения представляют большую опасность. На революционной волне конца 80-х — начала 90-х годов таких представителей «перестроечного карьеризма» оказалось немало.

Администратор от культуры, начиненный утопическими идеологическими штампами, мечтает о суррогатном характере культуры, об утверждении своеобразного закона «духовного равенства». Смысл его в том, что посредственность, неспособная подняться до уровня таланта, силой власти принижает талант до своего уровня, уравнивает его с собой и тем самым упраздняет само понятие индивидуальности. Опасливо конъюнктурная «регулировка» — принцип деятельности чиновников всех возрастов и рангов. Народился довольно массовый тип, характеризующийся неверием в человека, равнодушием, презрительным отношением к людям искусства. На Западе почти 90% всех отпускаемых на производство кинофильма денег уходит на актера (это костюмы и гонорар), в восточно-европейских странах — примерно 56%, а у нас только 11%.

В очерках «Из деревни» известный русский химик, профессор А.Н. Энгельгардт в конце прошлого века мечтал, чтобы суетливые чиновники очутились в «несчастном положении». «И отлично бы: нечего будет есть — землю пахать станут». «А ежели и не будут пахать — пусть так живут, мы и платить станем, лишь бы только они нам не предписывали, не определяли, куда нам плевать, направо или налево». Эти слова можно говорить и сегодня. Административный околокультурный аппарат обычно разрастается быстрыми темпами и по тем же законам, что и бюрократия в других социальных и политических сферах. Здесь культуру подстерегает опасность, ибо чиновник становится самодовлеющей силой и подминает под себя творческий труд, новаторство, подвергает эрозии ценности. Культура ему не нужна, но украшение надо лелеять, престижно поддерживать ее официальный статус, тем более, что для этого никаких специальных знаний не требуется...

Чиновники искренне считают себя необходимым и полезным элементом в духовной жизни, глубоко уверены, что без них люди не обойдутся, заблудятся... Бюрократия направлена на ограничение в человека его естественного стремления к самовыражению и поиску. Она уверенно считает, что культурное движение совершенствуется только с ее ведома, только под ее надзором и контролем. Ее привиле-

гия обусловлена ее особым статусом в соответствии с иерархическим положением.

И в наше время в культурном движении все еще заметно ощущаются отчаянные усилия казенных адептов «не упустить вожжей», «все держать в кулаке», быть во всех делах «высшей инстанцией». Продолжаются многолетняя система «насаждать», привычка управлять сферой культуры как материальным производством.

Между тем, здесь имеются существенные отличия от других производственных сфер, а отсюда и свои сложности. Многие явления настолько сложны и противоречивы, столь динамичны, так много загадочного и непредсказуемого в художественной и научной деятельности, что в руководстве этой сферой не обойтись без своеобразного, тонкого, деликатного подхода, без особого чутья, интуиции, чтобы услышать голос культуры. Функционеры от культуры, да и не только они, убеждены, что стоит только показать людям «некоторые встречающиеся негативные явления» — и «человек моментально испортится». По их мнению трудящийся человек, обремененный житейскими заботами, воспринимает духовные ценности без разбора — что дадут, то и проглотит. На такой позиции строится взгляд, игнорирующий законное право людей выбирать то, что им по душе, что красиво и радует их. Культуре придется еще серьезно и довольно долго зависеть от крепкого и устойчивого института управляющих. И это будут не только министерские чиновники, но и быстро нарождающиеся «вершители судеб» в различных творческих и общественных союзах, умерщвляющие и засушивающие душу самих творцов.

Путь демократии потребует много людей смелых, мужественных, самостоятельных, имеющих право на интеллектуально насыщенную жизнь. Стоит человеку научиться судить о социальных процессах самостоятельно — и перед нами уже совершенно иной человек. Учитывая это, важно «на стыке» культурной политики и научного знания отработать критерии и методы отбора людей, которым можно поручать руководство культурой. Как и в других сферах, здесь важны выборность государственных работников и их постоянная, систематическая заменяемость. Только тогда удастся преодолеть тормозящие факторы, проявляющиеся в засилии ведомственных интересов, в усилении министерской регламентации; устранить имеющиеся противоречия между государственными органами культуры и творческими организациями; добиться, чтобы действия руководителей различных ведомств координировались с мнением

художественной общественности, творческих союзов. Сейчас к руководству культурой пришли профессионалы. Будем оптимистами в наших надеждах на будущее.

Изменения в организации разветвленной и гибкой системы руководства культурой, ее усложнившиеся структуры выдвигают вопросы подготовки высококвалифицированных специалистов. Сфера культуры очень нуждается в талантливых и широко образованных работниках, способных творчески сотрудничать с людьми. Пока им не хватает профессионализма, серьезной общекультурной подготовки. Тревожит тяжелейшее положение тех, на ком лежит основная «черная» работа по сохранению и развитию духовных ценностей — школьного учителя, культпросветработника, библиотекаря, архивиста, музейного сотрудника. Думая о будущем, общество обязано серьезно заботиться об этих людях. Забытое, ушедшее в прошлое слова «культуртрегерство» особо ценил А.П. Чехов, понимая под ним скромную, неброскую, кропотливую работу по «деланью культуры». Этому человеческому труду по строительству школ, музеев, библиотек придавался не просто рабочий смысл, но смысл нравственный, гражданский.

Научное руководство культурой требует сконцентрированности на трех основных направлениях: концептуальном обосновании развития важных и жизненно необходимых сфер культуры; глубокой и масштабной демократизации не только самих творческих процессов, но и всей системы потребления духовных ценностей и, наконец, укрепления и совершенствования материально-технической базы. Культура постоянно нуждается в плодотворной почве. Руководство в области культуры направлено на реализацию принципа общедоступности культурных ценностей. И хотя в последнее время наметились изменения к лучшему, все еще бытует мнение, что культура — это нечто возвышенное и далекое от обыденности. В этом свете добрым словом, с благодарностью вспоминают потомки благотворительные дела меценатов культуры Мамонтова, Морозовых, Щукиных, Третьяковых, Сабашникова, Бахрушина, Гинцбурга и других представителей отечественного промышленного и финансового капитала, помогавших культуре. Современные деловые люди стремятся продолжать дело меценатов прошлого.

Еще совсем недавно все это носило декоративный характер. Но время берет свое. Картина стала меняться. От деловых людей с древнейших времен требовались ум и искусство. Вольно или невольно в человеке поощрялись и

развивались его индивидуальные черты и качества, его стремление проявить свою человеческую уникальность и способность благородно служить людям. Среди наших деловых людей стали появляться личности, заслуживающие доброго, хорошего слова общественности. К их числу справедливо можно отнести интересного и яркого человека, создавшего благодаря своей энергии и огромным усилиям Народную Академию культуры и общечеловеческих ценностей — президента этой Академии Тошпулата Нажмиддиновича Тожиддинова.

Смыслом его жизни стало его любимое детище — Народная Академия, которая не только проводит крупные акции в производственно-коммерческой сфере, но и ведет плодотворную деятельность в духовно-интеллектуальной области. А причина успеха в том, что у него есть хороший советник — это его ясный ум.

Известно, чтобы быть эффективной, позитивная деятельность должна иметь глубокие корни. Президент Народной Академии культуры — человек гуманистического миролюбия. Являясь верующим и отстаивая высоконравственные начала, он активно ратует за содружество религий и науки, за сотрудничество и взаимное уважение больших и малых религий. Лейтмотив его мировоззрения и человеческой позиции — мудрое изречение Корана: Ваш бог и наш бог — един. Здесь, по сути дела, заложены философские основы гармонизации человеческих интересов. В этом и секрет успехов известной в стране и за рубежом Народной Академии культуры и общечеловеческих ценностей.

Заслуга его еще и в том, что он сумел объединить вокруг себя единомышленников, людей, ценящих и любящих труд, высоко ставящих материальные и духовные ценности, культуру и искусство. Так, например, в разветвленной структуре Народной Академии в числе прочих создано управление издательства и печати, в котором собрались люди, профессионально знающие свое дело и выпускающие необходимую для общества научную и учебную литературу, некоммерческого характера.

Президент Народной Академии очень тепло заботится о развитии родной узбекской национальной культуры. При его непосредственной помощи были проведены Международный фестиваль-конкурс театров Средней Азии и Казахстана в Ташкенте, XI Международный Ташкентский кинофестиваль стран Азии, Африки и Латинской Америки. Природа одарила его хорошим вкусом и тонким восприятием искусства. Это укрепило его дружеский союз с художест-

венной интеллигенцией. Среди крупных дел возглавляемой им Народной Академии — организация Международного конкурса пианистов им. С. В. Рахманинова в Москве, Международный конкурс вокалистов им. М. И. Глинки в Алма-Ате, выставки работ молодых художников в Москве и Ташкенте и многое другое. На примере деятельности президента Народной Академии культуры можно сделать вывод, что уже нарождается новый тип делового человека одухотворенного, образованного, волнующегося и борющегося за духовно-нравственный климат общества, а главное, активно действующего человека с холодной головой и горячим сердцем.

Но как бы ни была значительна помощь прошлых и нынешних меценатов, культура не может существовать без поддержки государства; особенно требуют поддержки классика и элитарное искусство. Какие бы значительные вливания в культуру не осуществляли меценатство и новомодные спонсоры, основной канал — государственная помощь. Но культура уже довольно долго «ждет милостей» от государства...

Между тем, все еще имеет место «остаточный принцип» выделения средств на развитие социально-культурной сферы, т.е. средств, оставшихся от производственных расходов. Это вызывает большую тревогу. У многих руководителей вьелось в сознание рассматривать культуры как диверсификацию к цифрам промышленного роста. Председатель Киевского горисполкома в беседе с корреспондентом «Огонька» (1989 год) рассказал: «Ежегодно Госплан определяет Киеву около миллиарда рублей капиталовложений. И только один-полтора миллиона рублей (0,1%! — *Авт.*) из этой суммы идет на развитие учреждений культуры. Вот вам и отношение к культуре: один рубль из ... тысячи. Это сейчас называется «остаточным подходом» ... Короче, в духе времени. Но ведь ранее вообще ни о каком подходе не могло быть и речи. Объекты культуры были «под табу». «Нельзя! — и все тут». Принцип «остаточного» финансирования культуры характеризует не только государственную политику в целом, но и ограниченный взгляд на культуру, умонастроения, тенденции в общественном сознании. Это наблюдалось и в деятельности Съездов народных депутатов, на которых вопросы культурной политики обсуждались походя, мельком, попутно, заметно уступая экономическим, политическим, экологическим и другим вопросам.

В обществе возникла довольно уникальная ситуация. Несмотря на возрастание значения культуры, рост ассигно-

ваний на нее десятилетиями снижался и отставал от роста национального дохода. Сегодня на решение культурных проблем расходуется 2% государственного бюджета, а в 1970 году эта цифра равнялась 1,3%. Сюда включены расходы на телевидение и радиовещание, кино и печать. Что означает эта цифра? Что в день на культурные нужды одного жителя государство тратит меньше трех копеек. В расчете на одного человека годовые расходы на культпросветработу и искусство в 1990 году составили 9,6 рубля, а по отдельным регионам менее 5 рублей. В Таджикистане на одного человека в год на культуру выделяется 5,3 рубля, в Узбекистане — 4,5 рубля. Так дефицит культуры поддерживается экономически. В результате расставания друг с другом и «центром» иным государствам-республикам понадобятся десятилетия, чтобы достичь более или менее среднего культурного уровня. Но по мировой статистике известно, что если ассигнования на образование и культуру меньше 6—8%, т.е. ниже определенного предела, общество приближается к опасной черте — к культурной катастрофе.

Весьма огорчительно, что в эпоху гласности и духовного обновления именно культура оказалась на далекой периферии социальной жизни. Многие годы общественность страны ждет, когда она перестанет быть бедным родственником. В прошлом к ней относились с безразличным пренебрежением, подозрительно и не доверяли. Но наступило иное время, а недооценка социально-культурной сферы продолжается, не учитывается заложенный в ней стратегический интеллектуальный потенциал державы. Спасение страны в спасении культуры, в воспитании человека, который станет активным потребителем и активным творцом духовных ценностей. В этом стратегическая цель и выигрыш. Отодвигать культуру на задний план — опасно для будущего. Экономить на ней, считая расходы на нее делом маловыгодным, — политика примитивная, убогая.

В 30-е годы — годы Великой депрессии в Америке Ф. Рузвельтом выделялись крупные суммы на культуру. Он прекрасно понимал, что голод — несчастье, а духовное одиночество — катастрофа. В рыночной Франции, в бюджете, утвержденном парламентом, сумма расходов на культуру по размеру следует сразу же за суммой расходов на оборону. Только тогда культура выполнит свое социальное предназначение, когда реально займет в обществе ведущее место, станет главной составляющей его обновления. И дело не только в финансировании, в бюджетах той или иной организации, а в изменении взгляда на культуру, в постижении

самой философии культуры, понимании тех животрепещущих вопросов, на которые способна дать ответы только она.

Культура кончается там, где она становится угодливой служанкой политики, направляется на обслуживание очередной хозяйственной или иной конъюнктурной кампании. Это всегда приводило к резкому падению духовного тонуса общества. Пока культура будет находиться на положении золушки и не займет в деятельности руководства страны приоритетного места, обновление будет под угрозой и никакие результаты экономики и политики не принесут успехов.

Наша культура — нишенка. Ее свободу и расцвет надо оплачивать. Общество обязано взять на себя заботу о ее основных нуждах и ее охрану, несмотря на финансовые трудности в стране. Отсюда необходимость выработки новых моделей экономической поддержки развития и укрепления культуры. Глубоко ошибочен взгляд некоторых экономистов на культуру как на одну из обычных отраслей народного хозяйства. Ничего подобного! Культура не отрасль, а самостоятельная, очень сложная и не стандартизированная сфера общественной жизни. И поэтому губительны сами факты «выбирания» средств на культуру наравне с различными хозяйственными ведомствами, напоминающие борьбу за ресурсы и государственные вложения.

Опасность «остаточного принципа» финансирования культуры заключается и в том, что это не просто расчеты по расходам бюджета, а своеобразная философия, определенная система приоритетов и ценностей. Если экономический эффект станет основной целью общества, для культуры это путь в собственную тюрьму, этот прагматизм определит духовный облик будущего общества.

Вопрос выгоды или невыгоды культуры нельзя решить на калькуляторе (финансовая прибыль, экономический подход); он разрешим лишь в широком социальном и идейном аспектах. Выгода, получаемая членами общества (правда, трудно поддающаяся количественному измерению), значительна: это их личностное развитие и самореализация. Расходы, выделяемые на удовлетворение культурных потребностей людей, окупают себя и на уровне общества; например, улучшением качественных параметров общественного производства. Многие развитые капиталистические страны не считают расходы на культуру излишней роскошью.

Когда-то Христос выгнал из храма торговцев. Культура — это тот же хрупкий храм, в котором нет места торгашеству. Растущую опасность несут коммерческая рационализация культуры, распространение на нее законов рынка с неизбежной для него рыночной психологией. Она беззащитна перед ним и деляческой коммерцией. Единственной общечеловеческой ценностью становится американский доллар. Но и нахрапистый рубль всегда одолеет деликатную культуру. Устоит ли культура перед коммерциализацией, не будет ли она ждать указаний от рынка? Видный американский теоретик Роберт Хейлбронер писал: «Я все еще убежден, что цивилизация бизнеса — цивилизация, которую мы именуем капитализмом, является кандидатом на исчезновение». Коммерциализация вносит в культуру запах пошлости. Сложность и противоречивость реальных путей к рынку отражаются на общественном сознании, в самом факте восприятия людьми рынка: как его принимают, осознают и чувствуют различные социальные слои? Не случайно это волнует русского поэта Бориса Чичибабина. «Мне все кажется, — пишет он, — что разрушение культуры и духовности началось тогда, когда в мир проникли буржуазные отношения. О какой духовности можно говорить, когда превыше всего ставится все материальное, все то, что можно купить или продать?»¹.

Трагично, когда люди верят только в деньги. Рынок определяет человека как экономическое животное. Французская художественная литература от Стендаля и Бальзака до Золя и Пруста честно и принципиально, с классической глубиной раскрыла кровоточащие рыночные процессы вытеснения человеческого из человека.

Поддерживая в современных сложных условиях рыночную экономику, надо в то же время искать механизмы, защищающие культуру от рынка. Здесь важно начинать с того, чтобы в культуре строго оберегалась, была неизменной нравственная доминанта. Именно она способна спасти культуру, поддержать ее и влиять на сложные и противоречивые процессы общества. Иначе принцип утилитаризма, а он вскоре может стать господствующим, неблагоприятно скажется на развитии личности. Утилитаризм несет колоссальную опасность исчезновения высшего предназначения человека, перспективу полной утраты духовности и нравственности. Он подчиняет личность прагматизму, всевластию

¹ Литературная газета. 1992. 28 окт.

денег, «только алчной пользе», а это отодвинет человека от радостей и полноты творческой жизни, опустошит и подавит ее внутренний мир. Невозможно служить одновременно и Богу и Мамоне.

В 1990 году была создана всесоюзная ассоциация работников киносети. Ну что же, дело совершенно естественное. Но вот на ее съезде стало известно, что она собирается приобрести 158 (!!!) американских фильмов. Американский кинематограф заслуживает высокой оценки, но какова при этом будет судьба отечественной кинематографии? Прокатчиков это мало волнует. Но результат налицо — отечественные фильмы исчезают с экранов. Вот он, облик современной коммерциализации в искусстве, когда идеологическая цензура заменяется цензурой коммерческой!

Государственные и общественные организации в будущем могут, используя формы меценатства, осуществляющего жизненно-необходимые для культуры поддержки и дотации, превратиться в импресарио, занимающихся вопросами распространения духовных ценностей и декларирующих значимость сохранения культурного наследия. Без этой и подобной деятельности коммерциализация культуры не только способна привести к снижению требований к качеству и уровню культурных ценностей, но и чревата растерянностью деятелей культуры перед непривычной для них новой культурной ситуацией, упрощением всей системы культурного выбора. Холодный расчет губит высокие порывы и взлеты духа.

В некоторых сферах культуры, например, в театральном искусстве, непосредственно творческие проблемы тесно связываются с решением экономических вопросов. Во время перехода театров на хозрасчет стремление отдельных деятелей искусства «подзаработать» оборачивается довольно дорогой ценой — снижением художественной ценности спектакля, нетребовательностью к репертуару, пошлостью и дурным вкусом во имя прибыли и ложного успеха.

Наступает время, когда серьезно обостряется противостояние и увеличивается разрыв между коммерческой культурой и высокой духовностью. Рассуждения о переводе всей культуры на полный хозрасчет ошибочны и могут нанести духовному развитию большой вред. В условиях, когда невысок жизненный уровень, коммерционализация культуры

может привести к отторжению трудящихся от интеллектуальных ценностей. Ориентация на потребительский спрос неизбежно приведет к созданию теневой культурной политики, отечественной «массовой культуры», к опошлению, измельчанию, обеднению культуры.

*VII. ИСТОРИЧЕСКОЕ
ЕДИНСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
И СОЮЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР*

- Мир на планете — интеллектуальный светильник
- Диалог культур в мировом сообществе

Планетарное мышление стало для человечества острейшей и жизненно важной необходимостью. Главную роль в его формировании призвана сыграть культура как общечеловеческая ценность, способная дать людям почувствовать страдания и радости всего человечества, приблизить их к чужим и далеким людям, к их горю и надеждам. Чудесна способность культуры, несмотря на духовные различия народов и наций, объединять людей планеты, переносить жизненный опыт от народа к народу, взаимно обогащая их и спасая от драм истории.

Выход культуры на авансцену общественной жизни, глубочайший к ней интерес объясняются новыми и вместе с тем закономерными процессами, происходящими в современном мире. Духовная культура — достояние и творение всего человечества, широко открытое для всех. Не может успешно существовать и развиваться, подобно одинокому Робинзону, замкнутая и изолированная культура. Обретение духовной самобытности совершается только на путях приобщения к мировым общечеловеческим духовным ценностям.

Отражая социальную действительность с ее противоречиями, культура выступает ареной столкновения различных представлений о способах сохранения мира на планете. Культура и мир — это два модуса социального бытия, словно слова-побратимы, образуют двуединство, выражающее, с одной стороны, возможности прогресса социального бытия, а с другой — условия развития сущностных сил личности, реализацию творческих замыслов человека. Развитие культуры — это воплощение потенциальных творческих возможностей человека в природном и социальном мире. В ходе

этого процесса складывались и развивались традиции народного быта и искусства, создавались великие творения культуры. И защитником их постоянно выступал мир.

**Мир
на планете —
интеллектуальный
светильник**

Мечты о мире всегда сопутствовали человеку. Уже в первых мифах о Золотом веке, о рае на Земле звучали мотивы о мире без войны, а синонимом человеческого счастья был мир. На страницах истории мировой культуры звучит своеобразная эстафета мира. «Не меч, а мир принес вам» — таков был девиз, родившийся у христиан древнего мира. Золотыми буквами написаны имена людей, поднявших свой голос в защиту «вечного мира на земле». Среди них великие гуманисты XVI—XVII веков Томас Мор и Томмазо Кампанелла, Эразм Роттердамский и Ян Коменский, французские просветители XVIII века Жан-Жак Руссо и Вольтер, немецкий философ И. Кант и русские мыслители П. Флоренский и В. Ф. Малиновский, утописты-социалисты XIX века Ш. Фурье, А. Сен-Симон и Р. Оуэн. Можно продолжить этот список замечательных имен — поборников активного внедрения в общественное сознание идей мира и дружбы между народами.

При рассмотрении высших культурных ценностей как интеллектуальных императивов и основ социального бытия, как живительных стимулов поведения и борьбы человека ясно представляется, каким удивительным потенциалом обладают они в деле сохранения мира на Земле. Раскрывая ценность как особый тип реальности, следует иметь в виду и особые уровни ее существования и функционирования. Так, один из них — принцип актуального действия ценности и ее направленности на будущее. Именно это ее принципиальное свойство особенно рельефно выступает при рассмотрении ценностной системы мира и социальных тенденций в культуре. Рассмотрение мира как основной фундаментальной ценности и общечеловеческого культурного феномена дает возможность познать все уникальное, чем владеет человек и что в нем должно устойчиво крепнуть и развиваться. На общечеловеческих ценностях как на объединяющей идее возводится и фундамент общечеловеческого содружества.

Мировая культурная сокровищница была бы во много раз ярче и богаче, если бы процессу ее развития не мешали войны. Идеал «вечного мира» в течение столетий оставался только мечтой. Действительность оказывалась трагически

печальной, войны не исчезали из истории народов. И только к концу XX века идея мира как общей цели человечества начинает зримо проявлять свои весомость и притягательность, социально-политическое звучание.

Понятие «мир» не следует толковать упрощенно, ограничиваясь простым указанием на отсутствие организованных вооруженных столкновений между народами. Оно имеет позитивное содержание и обозначает мировое человеческое сообщество, в котором господствуют добрососедство и сотрудничество, совершается широкий обмен материальными и духовными ценностями на пользу людям. В позитивном контексте мир — *это объективное общественное состояние, непреходящая общечеловеческая ценность, конструктивная программа развития человеческого сообщества, это — жизненно реальное воплощение идеалов, неперенное условие и предпосылка для осуществления извечных чаяний и стремлений населения планеты, основной стимул сближения культур*. Мир означает не только исключение войны. Он обеспечивает наиболее благоприятные условия для развития культуры. Спиноза как-то сказал, что мир — это не только отсутствие войны, но особенное состояние духа народа. Можно добавить, что это состояние души человека, его внутреннего мира.

Мир — это не состояние покоя, а позитивная человеческая деятельность, включающая в себя отношение человека к самому себе, взаимосвязи между людьми и отношение человека к человечеству. В истории общественных учений стало традиционным соотносить проблемы сохранения мира с комплексом задач формирования культурных ценностей, совершенствования духовной жизни. Мир и культура — понятия неразделимые. Особенно полно осознается эта взаимосвязь в наши дни, когда культура рассматривается как воплощенный мир между народами, а мир осмысливается как высшая нравственность, благо человека и его право. Мир — необходимое условие существования и развития культуры. Это сегодня общепризнанная истина. Американский политолог Р. Гартхофф пишет: «Без мира в наше время не может выжить ни одна идеология и ни один народ»¹. Мир — условие для возникновения и сохранения, воспроизводства высших нравственных ценностей, и в этом смысле он неперенный фактор развития культуры.

Поступательное движение к прочному миру зависит от

¹ Gurthaff R.L. American-Soviet relations in perspective//Political Science Quarterly 1985—1986. Winter, vol. 100, № 4, p. 542.

многих больших и малых причин, в том числе от преодоления сохранившегося «наследия веков», в котором заложены спорные и нерешенные международные проблемы, кровоточащие очаги военных конфликтов, укоренившийся анахронизм идеологических предубеждений в общественном сознании, плохое знание многообразных культур. Естественно, что прочный мир обусловлен и общей социальной и культурной атмосферой в современной цивилизации.

Великое наследие цивилизации принадлежит всему человечеству и каждому человеку. Его гибель — прямая утрата для каждого. Но неразрешимым парадоксом является тот факт, что высшие достижения человеческого гения приходится защищать от его же действий: войн, насилия, жестокости.

За тысячелетия своей жизни человечество накопило столько недоверия и подозрительности, предрассудков и опасений, столько предвзятости и обмана, что простая и быстрая замена военного потенциала силой интеллекта, доводами рассудка, аргументами мысли, добротой чувств — не представляется возможной и реальной. В то же время чудовищно невероятной представляется всем здравомыслящим людям в условиях целостного и взаимозависимого мира возможность термоядерной войны. Слишком хрупок современный мир. В свое время Лукреций Кар писал: «... Всех поражает и кажется дикой нам эта мысль о грядущем небес и земли разрушении...», Леонардо да Винчи утверждал, что первым художественным произведением был контур человеческой тени на стене, озаренной солнцем. Можно ли допустить, чтобы последним изображением стала тень человека, испепеленного ядерным взрывом? В музее Нагасаки в Японии можно видеть человеческую тень на цементной стене — все что осталось от испарившегося человека. Высшее материальное благо человека — его здоровье, высшее духовное благо — мир.

Видимо, планета Земля в солнечной системе — единственный интеллектуальный светильник. И как горестно признавать, что проживающее на ней человечество, способное творить поистине чудеса в мире культуры и науки, направляет свои силы на то, чтобы выжить. Право же, человечество достойно более разумной цели в жизни, имея колоссальные возможности не только сохранять себя, но и создавать вышший гуманный тип цивилизации. Напомним эпиграф к роману Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол». Когда звонит колокол, не надо спрашивать, о ком он звонит. Он зво-

нит по тебе, потому что каждый человек часть человечества. Современное сообщество дорого платит за гонку вооружений. В своей книге «Бег к небытию» американский физик, специалист в области стратегических вооружений Герберт Йорк писал, что современные научно-технические возможности практически сняли какие-либо пределы для гонки вооружений.

Весьма симптоматично, что бессмертная идея общечеловеческой ценности мира развивалась в условиях обществ, систематически ведущих войны. Человечество под угрозой саморазрушения устало жить в тревогах, сидя на монбланах оружия. Подсчитано, что за всю историю войн общее количество использованных взрывчатых веществ не превысило 10 мегатонн тринитротолуола. А сегодня в мире уже накоплено ядерное оружие, эквивалентное по своей совокупности мощности более чем 50 тысяч мегатонн тринитротолуола. Такова эта колоссальная разрушительная сила. Суммарная мощность накопленного в мире ядерного оружия, если перевести его на обычную взрывчатку, будет равна примерно четырем тоннам на одного человека — если учитывать все население земли. По данным, опубликованным сотрудниками Упсальского университета, после второй мировой войны, то есть в течение последних 45 лет, на нашей планете произошло 105 войн, в которых погибло 20 миллионов человек¹. Сброшенная же на Хиросиму бомба, от которой за первые 30 секунд погибло 70 тысяч человек, открыла новую страницу в истории войн.

Известны цифры, которые кажутся фантастическими: ученые подсчитали, что только за последние годы на вооружение было израсходовано 7 триллионов долларов. Достаточно десятой части этих денег, чтобы ликвидировать на Земле голод и эпидемии. 360 миллионов голодающих детей на планете были бы сыты, если бы от мировых военных расходов отчислялся только один процент. На средства, затрачиваемые на строительство одного авианосца, можно прокормить в течение года 400 тысяч человек или выплачивать зарплату 250 тысячам учителей за полный учебный год. А как известно, на нашей планете свыше 800 млн. человек живут в ужасной нищете и голодают.

Разве можно мириться с тем, что примерно каждый из 350 жителей Земли — солдат и только один из 3,7 тысяч — врач? Общая численность армий всех стран мира составляет сегодня примерно 25 миллионов человек. Ежеминутно на

¹ См.: Известия. 1991. 2 фев

Земле расходуется на военные цели 1,5 миллиона долларов, а в течение этой же минуты в развивающихся странах 30 детей умирает из-за недостатка пищи или лекарства. Чтобы обеспечить необходимыми продуктами голодающих в развивающихся странах, необходимо дополнительно ассигновать на эти цели 8 миллиардов долларов в год, 22-х миллиардов хватило бы, чтобы решить проблему неграмотности и покончить с наиболее опасными бедствиями и болезнями. Чтобы помочь детям стран «третьего мира», необходимо столько средств, сколько тратится их в мире на гонку вооружений за три часа. Говорят, что разрушительной силы впрок припасенного оружия хватило бы на шесть тысяч вторых мировых войн. Создается впечатление, что люди забыли истину: величие державы оценивается не вооружением, а наличием материальных и духовных ценностей, нравственностью и миролюбием.

Неисчислимые материальные ресурсы, выброшенные на подготовку и ведение войн, похищены у людей, лишившихся жизненно важных благ. Милитаризованная экономика лишает человечество возможности быстрого решения таких насущных проблем, как энергетическая, сырьевая, продовольственная, ликвидация экономической отсталости, бедности, нищеты, болезней, создание новых материалов и т. п. Ежедневно умирают от голода и болезней 40 тысяч детей, 13 миллионов грудных детей не доживают до одного года, 120 миллионов детей не имеют возможности учиться из-за отсутствия школ, на планете 1 миллиард неграмотных, 900 миллионов людей живут на 30 центов в день, 250 миллионов не имеют крыши над головой, 600 миллионов безработных, 2 миллиарда людей не имеют чистой питьевой воды.

Кардиограмма современного общества представляет существующие гигантские разрушительные силы: ядерный меч, экологические катастрофы, нравственное одичание. Трудно представить какое печальное будущее ожидает человечество, если ядерное оружие как страшный спрут расползется по странам и континентам. Даже сама мысль, что человечество обречено жить под неумолимой угрозой самоуничтожения, преступна и кощунственна. Ставка реакционных сил на сохранение ядерного оружия с тем, чтобы держать человечество в постоянном страхе, коварна и антигуманна. Она лишает людей надежды на будущее, делает их заложниками корыстных интересов, ослабляет усилия по сохранению мира. К сожалению, нельзя закрыть глаза на то, что значительное число людей, и это говорит об их культур-

ном уровне, не представляют себе истинной картины опасности и мыслят по-старому. Эта действующая инерция представлений, сложившихся еще в доядерную эру, — наглядный пример мышления «каменного века», неспособного понять современные ситуации.

Альберт Эйнштейн после ядерного взрыва в Хиросиме говорил, что ядерная энергия изменила все, кроме наших старых навыков мышления. Спустя десять лет Кеннет Боулдинг написал, что для того, чтобы род человеческий продолжал существовать, он должен в ближайшие 25 лет в большей степени изменить способы своего мышления, чем они изменились в течение последних 25 тысяч лет. Видимо, для этого люди должны преодолеть в своем сознании предрассудки и предубеждения, покончить с ложными идеалами, реакционными мифами, отбросить архаичные обычаи и привычки, образцы, нормы и стереотипы. Иными словами, необходимо революционное изменение веками упрочившихся способов, принципов и форм мышления. На смену ввевшимся в общественное и индивидуальное сознание догматам и стереотипам приходит принципиально новое осознание окружающей действительности и роли в ней человека. Конечно, это невозможно осуществить быстро.

Великий француз Фредерик Жолио-Кюри во время вручения ему Нобелевской премии, а это было еще до Хиросимы, сказал: «Осторожно! Силы, освобожденные человеком, огромны... Человеку, который только что женился, нашел новую квартиру, трудно себе представить, что не успеет он расставить мебель, как от всего останется пыль... У некоторых людей, наделенных большой властью, нет ни моральных тормозов, не элементарных познаний: они воображают, что освобождение атомной энергии — очередное изобретение, нечто вроде парового двигателя или мотора внутреннего сгорания...».

Предупреждение великого ученого начинает действовать, люди постепенно осознают, что среди средств разрешения конфликтных ситуаций война предстает как ядерный апокалипсис, конец света, гибель человеческой культуры и цивилизации, истребление всего живого на земле. Война становится синонимом абсолютного зла. Мир начинает восприниматься в качестве противоположного полюса ценностной ориентации, его первичное основание видится в нормах нравственности. Уже немыслимы, к примеру, представления о войне философа раннего средневековья Аврелия Августина, полагавшего, что божественное предвидение «войнами исправляет и выравнивает испорченные нравы

людей» и «одна и та же сила, обрушивающаяся бедствиями, добрых испытывает, очищает, отбирает, а злых отсеивает, опустошает, искореняет». И хотя не стало всеобщим достоянием осознание того, что ядерная война несет гибель человеческой цивилизации и, как выразилась одна писательница, погибнуть в ядерной войне стало банальностью, мировой культуре удалось сделать первые шаги на пути формирования общественного мнения против военных конфликтов, насилия, агрессии, жестокости. Люди приучаются судить о событиях и поведении политических деятелей по общечеловеческим нравственным законам, по обще моральным нормам честности и порядочности.

Философия мира — это философия исторического оптимизма. Достигнуть прочного мира по силам человечеству, это вполне реальная задача, жизненная и выполнимая. При всей сложности и противоречивости международной жизни мировое сообщество способно сохранить свою цивилизацию. В общественное сознание постепенно входит мысль, что для существования рода человеческого всеобщий мир является объективной жизненной необходимостью, требующей мобилизации и объединения всех прогрессивных сил. Развертывается масштабный процесс углубления коллективной ответственности за судьбы человечества. Последние миролюбивые международные акции — яркое тому свидетельство. С чувством возрастающего оптимизма следует сказать, что возможности человека и всего человечества здесь поистине неисчерпаемы. Прогрессивные деятели культуры, стремящиеся помочь людям обрести новую уверенность и новые силы, могут эффективно содействовать тому, чтобы эти мечты претворялись в жизнь.

Перед современной наукой стоит задача осмысления общечеловеческих ценностей, всего разнообразия существующих на планете культур. Ученые различных стран мира видят в анализе общечеловеческих ценностей эффективное средство понимания процессов, протекающих в современном мире, и обращают научный потенциал на сохранение цивилизации. Важное значение имеет выяснение различных представлений о культурной ценности мира, что помогает осознать весь спектр воззрений и на основе полученного знания активно действовать в существующей ситуации. Заслуживает внимания анализ имеющихся представлений о мире представителей различных классов, слоев и социальных групп. Чем лучше мы будем знать объективную картину, отражающую содержание общественного сознания народов разных стран, отстаиваемые ими духовные ценно-

сти и пути разрешения конфликтных ситуаций, тем с большей степенью точности сможем проводить политику, нацеленную на достижение справедливого международного миропорядка.

Международный климат серьезно смягчился, но сегодняшний мир остается вооруженным миром, в котором действует немало приверженцев силовой политики. Признание необходимости гуманистического мышления еще не означает его приемлемости для всех без исключения людей, его убедительности для тех, кто поглощен борьбой за осуществление своих целей, требующих бескомпромиссного отторжения и даже уничтожения всего того, что мыслится как им противостоящее; для тех, кто не может или не желает отказаться от привычных традиционных способов разрешения противоречий, чьи интересы непосредственно связаны с гонкой вооружений, кто страдает безответственностью и преступным легкомыслием. Поэтому столь сложна задача распространения гуманистического мышления и убеждения миллионов людей в его обязательности и необходимости. Эти проблемы напрямую связаны с повышением общей культуры людей, увеличением престижа науки и научного мышления.

Развивая гуманистическое мышление, деятели науки стремятся с этих новых позиций раскрыть содержание ценностных представлений людей, выявить культурную детерминацию их взглядов на мир как культурную ценность. Но пока еще единодушие в представлениях о гуманистической значимости мира не достигнуто. На Западе наблюдается ряд полярно противоположных воззрений на оценку мира как общечеловеческой культурной ценности. К настоящему моменту из большого числа разнообразных взглядов можно выделить несколько основных позиций. Они различаются представлением о положении мира в совокупности культурных ценностей, т.е. «ценностным контекстом» этой категории. Различно и само внутреннее содержание, вкладываемое в понятие «мир как культурная ценность» представителями той или иной точки зрения.

В отношении категории «мир» наблюдается противопоставление эскапизма, стремящегося уйти от размышления над реальным содержанием этой категории, активизму, с позиций которого практические проблемы мира как и теоретические трактовки его понимания требуют постоянного обсуждения, конкретности политического действия. Вместе

с тем, эскапистские и активистские тенденции ни в коей мере не исчерпывают многообразие точек зрения на мир, имеющих в культуре. Они лишь векторы, указывающие направленность мыслей представителей различных умонастроений.

Ключевым для разграничения противостоящих друг другу воззрений о мире является отношение к опыту прошлого, отделяющее традиционалистски-консервативные ориентации от радикалистских, подчеркивающих уникальность современной ситуации, ее неукорененность в культурном наследии. Значительное разделение пролегает также между утопизмом и реалистическими воззрениями, в которых учитываются социально-политические, военно-стратегические, социокультурные реалии современности.

Важным моментом различий во взглядах на мир выступают социально-групповые позиции, обуславливающие тяготение личности к определенному мировоззрению. Несомненно, их не следует трактовать упрощенно: те или иные конкретные носители определенных точек зрения не всегда принадлежат к группе, для которой указанное воззрение особенно характерно. Более того, размывание классовых границ ведет к появлению позиций в отношении мира как общекультурной ценности, которые можно охарактеризовать как межклассовые и внеклассовые.

Усиливается демократическая позиция, для которой композиция ценностей группируется вокруг центральной ценности «мир», включает ценность труда, поступательного социального развития, утверждение национальной самобытности культур. Борьба за мир одновременно предстает как борьба за демократию, за разрядку международной напряженности, за замораживание и ликвидацию ядерных арсеналов. Она использует прогрессивное наследие мировой культуры, культуротворческие созидательные потенции народов, предполагает активную деятельную позицию личности.

Знамение нашего времени — возникновение принципиально новой для человечества общественной ситуации, когда оно все более осознает себя единым субъектом историко-культурного развития. Отсюда растущее понимание деятелями науки и культуры необходимости объединения своих усилий для решения глобальных проблем современности. Утверждая значимость межкультурных контактов для установления взаимопонимания между раз-

ными культурами, они видят свою задачу в расширении социальной базы протеста против процессов дегуманизации, постоянно угрожающих миру.

**Диалог
культур
в мировом
сообществе**

Культура — посол мира. Возрастание ее роли в сохранении мира предполагает повышение уровня общей объективной информированности, взаимное ознакомление народов с жизнью друг друга, укрепление отношений взаимопонимания и согласия. Увеличение населения Земли и числа государств, остро нуждающихся в материальных и интеллектуальных ресурсах, загрязнение окружающей природной среды, рост диспропорций между странами промышленно развитыми и отсталыми, стремительный напор научно-технического прогресса — все эти процессы, обуславливающие особенности современной цивилизации¹, тесно связаны с развитием культуры.

Современная цивилизация переживает острейший кризис. Связан этот кризис с человеком, его знаниями и культурой, его потребностями и мировоззрением, противоречивостью его духовного мира, алогичностью современного социального бытия. Человечество входит в новый этап развития своей цивилизации. Как можно охарактеризовать этот новый этап, чем он отличается от предыдущего развития цивилизации? Вопросы эти серьезно волнуют общественность, и ответить на них достаточно сложно. Главное состоит в понимании диалектики культурного прогресса и регресса, в умении укреплять связи существующих в мире различных культур на основе идей человеческой солидарности.

Концепция мировой культуры сконцентрирована в магистральной идее, вдохновляющей человечество — развитии и сохранении общечеловеческих культурных ценностей. В них заложена колоссальная, титаническая сила, способная служить могучим средством объединения людей. Правда, культура может быть использована и в антигуманных целях. На службе прогрессу она вдохновляет человека на творчество, совершенствование общественных отношений, обогащая его чувства и интеллект. Именно она

¹ Мы рассматриваем *цивилизацию* как эпоху, следующую в историческом развитии после дикости и варварства, как определенное социальное качество, охватывающее целостный исторический период, связанный с зарождением *культуры* как творческого процесса и его результатов (материальных, организационных, духовных и иных).

способна преодолеть раскол мирового сообщества, формируя в нем объединяющий общий интерес. На службе реакции она становится духовно нищей, принижает людей, обедняет их интеллектуально, поражает пессимизмом, нравственным опустошением, социальным бессилием.

Культура — открытая дверь к другим народам. Быть может, мы находимся у истоков зарождения новой общечеловеческой мировой культуры, прорывающей границы и заслоны узконациональных интересов. Это новое общественно-объективное образование — синтез многообразных культур — совокупная культура человечества, вырабатывающая эффективные механизмы сопоставления и синтеза всего многообразия духовных интересов человечества. Ныне она находится на начальном витке. Но ее уже характеризуют масштабность и гуманистическое звучание. Она обогащается опытом разных народов, взаимодействием национальных культур. Основные достоинства мировой культуры — ее интеллектуальный потенциал и исторический оптимизм; она развивается по мере освоения общечеловеческих культурных ценностей, всегда притягательных для людей всего мира. Являясь эффективным средством духовного общения народов, она играет активную роль в преодолении таких фантомов XX века, как гиперрационализация человека, отчуждение в сфере труда и политики, тоталитарные режимы. Противоречия мировой культуры связаны с различными уровнями экономического и культурного развития той или иной страны или более поздним вступлением на путь демократических преобразований. Многие противоречия обусловлены влиянием консервативной политики, тормозящей культурное движение, разделяющей страны на «развитые» и «неразвитые». Определенную сложность вносят национализм и консерватизм государственных деятелей, тормозящих экспорт и импорт духовных ценностей, субъективистские ошибки в культурной политике, неспособность воспринимать сложность и гибкость духовных процессов. При этом следует учитывать и отсутствие у той или иной страны опыта в целенаправленном культурном движении и организации культурного сотрудничества, желания шире использовать культурные богатства и таланты других народов. Способность к взаимопониманию и взаимоуслушанию все еще находится на критической точке. А это, как известно, приводило к тягчайшим последствиям в истории человечества.

Время мировых войн за передел планеты остались позади. Опасный реликт идеологии XIX века исчезает из обще-

ственного сознания. Современный мир стремится идти и идет к объединению. Конец XX века показал, что народы не могут жить без культурных связей друг с другом, иначе каждому из них будет духовно одиноко. Главное, что осознается мировой культурой, — это необходимость наведения международных мостов, благодаря чему народы становятся ближе друг к другу.

Мощные интеграционные тенденции глобального масштаба сказываются и на культуре, на фундаментальных преобразованиях духовной жизнедеятельности человека, на изменении практики всех сфер человеческого бытия. И результат этого — все шире нарастающая культурная целостность мира. В то же время усиление культурной целостности мира, его взаимозависимости создает и новые, ранее неведомые проблемы. Мировое сообщество — это реальная целостность, взаимопроникновение противоположностей, вступивших в новое качественное состояние. Оно учитывает угрозу военных конфликтов и требует от народов особой культуры мирового взаимодействия — культуры согласия. Человек и человечество осознают опасность разъединения. Человек усвоил и воспринял свое изначальное человеческое родство. Во втором из «философических писем» Петр Чаадаев размышлял: «Дело в том, что значение народов в человечестве определяется лишь их духовной мощью, и что то внимание, которое они к себе возбуждают, зависит от их нравственного влияния в мире, а не от шума, который они производят».

В конце XX века каждый без исключения народ получил возможность до конца усвоить мысль, что он — неотъемлемая часть всего общекультурного мира. Границы малого национального мира расширились кардинально, но в то же время у этого малого мира осталось и свое, особенное. И если он не говорит на общем языке с планетарной культурой, его не надо за это ни осуждать, ни клеймить. Таковы его возможности или желание. Не исключено, что в будущем они изменятся.

Наступает новая эпоха, когда начинает доминировать и господствовать сознание, что все нации и народы принадлежат к одной семье, зреет необходимость общечеловеческого сообщества, исчезают призраки, парализовавшие народы и заставлявшие относиться друг к другу с подозрением и недоверчивостью. У Сократа как-то спросили, откуда он родом. Он не ответил: «Из Афин», а сказал: «Из Вселенной». «Мудрец, мысль которого отличалась широтой и богатством, смотрел на Вселенную как на свой родной город, отлавая

свои знания, себя самого, свою любовь всему человечеству, — не так, как мы, замечающие лишь то, что у нас под носом», писал Мишель Монтень в «Опытах».

Культура — это та сфера человеческой деятельности, которая испокон веков объединяла людей, консолидировала народы, позволяла лучше понять друг друга. Ее идеи — универсальны. Для них не существует ни государственных, ни расовых, ни религиозных границ. М. Ганди как-то сказал, что мечтает о том, чтобы ветры культуры всех стран и народов веяли вокруг родного дома, но он против того, чтобы какой-либо ветер сорвал крышу его дома. Диалектика современной социальной жизни проявляется в отходе от сектантства в культурных отношениях, признании наличия сходных культурологических и эстетических позиций у представителей разных стран и народов. Формируется новая, более совершенная культура международных взаимоотношений, позволяющая использовать весь многообразный опыт мирового сообщества. Уже античный мыслитель и политик Полибий в своей «Всеобщей истории» ощущал социальный аспект растущей общности и взаимозависимости народов: «Раньше события на земле совершались как бы разрозненно, — замечал он, — ибо каждое из них имело свое особое место, особые цели и конец. Начиная с этого времени история становится как бы одним целым, события в Италии и Ливии переплетаются с азиатскими и эллинскими, и все сводится к одному концу»¹.

Ныне все более заметно проявляются в сознании людей элементы гуманных отношений, потребность в том, чтобы эти отношения носили не только межличностный, но и социальный, общественный характер, удовлетворяя интересы народов, наций, государств. Одной из примечательных особенностей современного духовного развития является глубоко прочувствованная многими людьми связь с каждым и со всеми живущими на земле. Совершается интенсивный взаимный прорыв друг к другу, растет культурное взаимопонимание, ведущее к взаимному открытию и узнаванию. Предстоит труднейший поиск согласия, взаимоадаптации и сотрудничества самых разнообразных культур. Но пока еще культура не готова к тем серьезнейшим миролюбивым миссиям, что возлагает на нее мировое сообщество.

Несмотря на расхождения политических культур, на различия мировоззрений и социальных систем, имеются ре-

¹ Полибий. Всеобщая история в сорока томах. М., 1890—1899. С. 1, 3; 3—4.

альные возможности для их взаимопонимания и взаимодействия. Новая историческая обстановка выдвигает и новый подход к культурным контактам. Растаяли торосы «холодной войны», преодолеваются многие заостреннейшие социальные и идеологические предрассудки, разрушен «железный занавес». Созданы реальные возможности для широкого культурно-творческого обмена между народами и нациями, способствующего обогащению общечеловеческих ценностей. В результате укрепляется международная система доверия и взаимопонимания между народами. Обмен культурными ценностями имеет два аспекта: с одной стороны, он помогает постичь духовную самобытность и ценности того или иного народа, а, с другой, активно стимулирует восприятие культуры другим народом, по-своему переосмысляющим ее при создании собственной национальной культуры. Культурные связи между народами стали чрезвычайно актуальными. Их развитие достигло таких масштабов, которые позволяют признать, что *культурная коммуникация народов стала неотъемлемой частью жизни человечества.*

Культурная коммуникация, т.е. обмен духовными ценностями в тех или иных рамках и границах, существовала всегда. Без общения не могло быть и не было бы цивилизации. С древнейших времен возникали духовные связи, способствующие ознакомлению и взаимопониманию национальных культур. Но в современных условиях культурная коммуникация превратилась в глобальное общение, охватившее широчайшие регионы, поистине всю планету. Культурную коммуникацию можно рассматривать, как путь *культурного синтеза*, смысл которого в творческом усвоении всего ценного как в своей культуре, так и в других, причем речь идет не о формальном заимствовании, не о подражательстве, а о творческом усвоении разнообразных культурных идей. Общение народов приобрело не только грандиозный размах, но и открытость, новую гуманистическую направленность. Отходит в прошлое одностороннее движение в сфере культуры: оно становится обоюдным, встречным, как на широкой магистрали, более того, оно превращается во встречное сближение народов и стран в сферах экономической, политической, идеологической, т.е. в живую конвергенцию.

Глубочайший смысл этого процесса состоит в том, что происходит широкое усвоение общечивилизационных ценностей на основе взаимопонимания и взаимодоверия, здорового соревнования. Конвергенция — столбовая дорога к

гуманистической цивилизации. Ее не следует понимать упрощенно и вульгарно, как слияние и унификацию национальных культур, поглощение «культурным империализмом» демократических духовных ценностей, разрушение «своей» национальной культуры. Речь идет не о какой-то конверсии культур или их взаимопоглощении и создании одной-единственной синтетической культуры. Это уравновешенное взаимодействие, дающее возможность успешно развиваться всем культурам, процесс системобразования. Защита культурной самобытности, отстаивание духовного суверенитета органично связаны с общечеловеческими интересами, с сохранением глобальных гуманистических ценностей, развитием культурного многообразия. Эти тенденции противостоят суживающей политике, унифицирующей и стандартизирующей общественное сознание.

Для того, чтобы нам творчески воспринять конвергенцию и признать сближение культур, нужна революция в умах и сознании. Она уже зарождается, но на ее пути имеются значительные трудности, вызванные застывшими теоретическими догматами, идеологическими шорами, политическим недоверием. Тем не менее наступает новый этап развития, этап после конвергенции, характеризующийся синтезом взаимопроникающих культур.

Если думать о культуре грядущего и думать только доброе и обнадеживающее, то мысли эти связаны с духовным единением человечества. В этом всеобщий, всечеловеческий смысл мировой культуры, все то, что вселяет надежду на будущее. Великий индийский мудрец Рабиндранат Тагор предвидел наступление дня создания единого, взаимозависимого мирового сообщества культур: «мы должны подготовить почву для сотрудничества всех культур мира, когда каждый будет сам давать и получать от другого. Таков лейтмотив грядущего века».

Современную коммуникацию нельзя рассматривать как нечто непротиворечивое. Как известно, понятие «коммуникация» предполагает распространение объективных сведений и информации, честный отказ от манипулирования общественным сознанием с тем, чтобы не оставалось ни одного грамма насильственно навязываемых человеку чуждых ему идей и взглядов. Но продолжают попытки осуществлять контроль над убеждениями и поведением людей, ложными стереотипами давить на их сознание.

И все же преобладающими тенденциями становятся распространение в процессе культурного общения передовых идей и объединение прогрессивных сил, стремящихся к ми-

ролюбию. В современных условиях необходимо создание единой международной информационной сети, с помощью которой люди в любом уголке нашей планеты имели бы возможность знакомиться с достижениями мировой культуры, ставшей доступной всем людям земного шара и будущим поколениям. Отсюда закономерно вытекает в будущем необходимость всемирных глобальных программ образования и передачи знаний — т. е. решения тех задач, которые вполне поддаются объединенным усилиям, не посягая при этом на специфику культурного развития в той или иной стране.

Культурная коммуникация протекает при условии полной сохранности национальных особенностей. Ее цель — не варить общекультурную «кашу», не превращать духовные ценности в мешанину, сборную солянку, а обогащать каждую национальную культуру, сохраняя ее неповторимый облик. Опасны процессы, направленные на стирание национальных красок и под лозунгами глобальных веяний унифицирующие национальные духовные ценности. Сближение культур неизбежно влияет на обогащение и развитие национальной самобытности народов. Подобное взаимодействие отнюдь не ущемляет национальных интересов и национальных культур.

Культурное мировое сообщество все глубже воспринимает идею диалога. Ширится убеждение, что все страны могут успешно сотрудничать и находить общий язык. Вывод, к которому подводит современная ситуация в мире, состоит в понимании, что выживание человечества невозможно при конфронтации. Диалог особенно необходим перед лицом глобальных опасностей, угрожающих человеку, его выживанию. Поистине глобальное звучание приобрели проблемы самих возможностей биологической адаптации человека к стремительным темпам и напряжениям общественной жизни, нарастающие коллизии, связанные с истощением ресурсов и источников энергии на планете. Отсюда — особое значение пересмотра отношения к природе, поиска новых путей развития материальной и духовной культуры, новых ценностей, призванных обеспечить стратегию выживания человечества.

Нравственная ценность гуманистического мышления как раз и состоит в том, что оно помогает объективно воспринимать окружающее разнообразие людей, народов, культур; понимать, что другой человек вполне может быть иным, а народы могут быть различны, отличаться друг от друга. Понимание этого наблюдается в культурной сфере, в совместной деятельности, взаимовыгодном сотрудничестве, меж-

дународной кооперации на основе диалога. Значимость диалога состоит в том, что в условиях взаимного духовного общения происходит глубокое осознание иной культуры и иного человеческого опыта. Рушатся духовный эгоизм и фальшивые убеждения, что только своя культура — единственно ценное и возможное... Но для этого нужен не диалог глухих, а взаимоуслышание и взаимодоверие.

Диалог, философия диалога — сегодня спасительный путь, двигаясь по которому можно избежать крайних форм конфронтации. Сила равноправного диалога в том, что в нем на равных представлены все стороны. Но он не только проявляется в коммуникативном аспекте, в обычном общении, но представляет собой сущностную характеристику современной мировой культуры. Монолог для культуры — тупик. Каждая культура диалогична, что является формой ее существования и развития. Для вступления в диалог культуре необходимы самобытность, уникальность, неповторимость. Необходимы и открытость к взаимодействию, способность к восприятию и пониманию иных духовных ценностей, осознание неодолимости этого процесса как закономерного этапа развития цивилизации.

Диалог осуществляется на основе честности, гласности взаимопонимания и взаимного уважения. Это диалектический процесс, в нем есть и объединяющие, и противоречивые моменты. Он способствует выработке ответственности коллективного сознания на основе плюрализма. В процессе диалога формируется широкое мировоззрение, учитывающее не только сиюминутные, но и более отдаленные ориентиры.

Смысл диалога, являющегося наиболее приемлемой формой человеческого общения, состоит в том, что он ориентирован на будущее и отрицает отжившие стереотипы и догматические рассуждения. Он предполагает фундаментальное знание о духовной структуре и интеллектуальной системе общества, с которым осуществляется диалог, овладение необходимым объемом представлением о духовных интересах партнера. Так, большой интерес на Западе вызывает культура стран СНГ, значительно увеличивается число ее исследователей. Но «диалог культур» нельзя сводить к понятию «обмен продуктами культуры», когда духовные ценности, складываясь, взаимно аннулируются и продолжается культурная автономизация.

Серьезным препятствием на пути к честному диалогу является «образ врага». Причем «образ врага», строящийся на психологии враждебности, постоянно наполняется различным конкретным содержанием — в зависимости от субъ-

ективных пристрастий. А ликвидировать врага всегда легче, чем тревожиться о несовершенстве собственной личности. Историческая аксиома гласит, что любая ситуация конфликта и напряженности, ведущая к вооруженным столкновениям, неизбежно создает этот образ. Укрепляясь в сознании людей, образ врага создает между народами атмосферу ненависти и враждебности. Избавление от него — настоятельная необходимость как в международной, так и во внутренней политике каждой страны.

Примечательным явлением наших дней выступает все более тесная связь политики с культурой и моралью. Растет и осознается коллективная ответственность, лежащая на политиках, реально принимающих решения, касающиеся миллионов людей, на военных, на представителях научно-технической и художественной интеллигенции. В этом свете возникает необходимость постоянного и достаточно быстрого изменения содержания изживающих себя ценностей культуры. Динамика ценностей обусловлена объективными причинами и усиливается в соответствии с требованиями нового времени. Так, никогда не было такого обилия различных общественных движений, выступающих за сохранение мира, и объединений людей под этим благородным девизом. Вызвано это тем, что человечество постигло истину, что боли и надежды современного мира неразделимы. Во многих странах успешно действуют общественные организации — Комитеты защиты мира, Советы мира, организации народной дипломатии и др. Образованы Институты мира, цели которых — изучение природы международных конфликтов, поиск невоенных путей их разрешения.

Значительным потенциалом в наше время обладает движение сторонников мира. Его география обширна и год от года растет. Оно охватывает все континенты — и Европу, и страны Азии, Африки, Латинской Америки. Многочисленны его формы: походы за мир, митинги протеста против гонки вооружений, массовые демонстрации. Расширяется его социальная база. Сейчас оно охватывает самые различные возрастные и профессиональные группы. Среди них ветераны второй мировой войны, студенческая и рабочая молодежь, ученые и служители культа, художники и видные политики, верующие и атеисты, деятели различных партий, профсоюзных и общественных организаций. Научная общественность активно выступает против намерения реакционных кругов использовать профессиональные возможности ученых для военных целей. Создание научных центров по изучению проблем войны и мира свидетельствует об орга-

ничной потребности в научных и социальных знаниях для активного их решения.

Возрастает число сторонников миротворческой идеи выдающегося русского художника, писателя, гуманиста Н. К. Рериха «Мир через культуру». Действительно, этот принцип должен сменить бытовавший принцип: «Хочешь мира — готовься к войне». Несмотря на интеграционные тенденции, разобщенность человеческого сообщества все еще существует, и некоторые политики и военные не стремятся со всей серьезностью прислушиваться к мировому общественному мнению.

Рост численности сторонников мира и усиливающееся движение народной дипломатии внушают надежду, что станет реальностью общая, единая культурная платформа. Завершившееся десятилетие подтвердило это особенно убедительно. Созданы благоприятные условия для культурного общения между народами, разворачивается процесс интернационализации духовной жизни. Все это привело к позитивным изменениям в отношениях между странами, к развитию торгово-экономических, научно-технических и культурных связей к переговорам и взаимовыгодному сотрудничеству в экономике, науке, медицине, художественной культуре. Для представителей отечественной культуры имеют все более важное значение новый, более серьезный и осмысленный подход к изучению цивилизованного мира, использование появившегося шанса на дальнейшее сближение в духовно-эстетической и культурной сферах. Пренебрежение этими возможностями будет сказываться на духовном тонусе общества.

Здесь весьма значительна роль такой сферы культуры, как наука. В 1956 году выдающийся советский ученый-ядерщик академик И. Курчатов высказал свое мнение о термоядерной проблеме. Мысли эти не потеряли своей актуальности и в настоящее время. «Нам, советским ученым, — говорил он, — хотелось бы работать над разрешением этой важнейшей для человечества научной проблемы вместе с учеными всех стран, в том числе и с учеными Америки, научные и технические достижения которых мы высоко ценим»¹.

В настоящее время этическая, личная и профессиональная ответственность перед человечеством за направленность, цели своей деятельности, за ее результаты — принципиальный лейтмотив социального поведения уче-

¹ Литературная газета. 1980. 23 февр.

ных. Еще на заре работ по изучению радиоактивного распада в начале 1922 года академик В.И. Вернадский пророчески сказал: «Недалеко время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который дает возможность строить свою жизнь, как он захочет. Это может случиться в ближайшие годы, может случиться через столетие. Но ясно, что это должно быть. Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не на самоуничтожение? Дорос ли он до умения использовать ту силу, которую неизбежно должна дать ему наука? Ученые не должны закрывать глаза на возможные последствия их научной работы, научного прогресса. Они должны себя чувствовать ответственными за последствия их открытий. Они должны связать свою работу с лучшей организацией всего человечества»¹.

В мире 60 миллионов специалистов высокой квалификации работает на вооружение. Многие здесь связано с деятельностью ученых. Новые виды оружия не могут появиться без научных открытий. Не секрет, что самые разрушительные виды оружия рождаются в тиши научных лабораторий.

В небольшой рыбацкой деревне Пагоуш в Канаде в июле 1957 года собрались ученые с одной целью: рассмотреть возможные пути устранения опасности ядерной войны. Манифест Эйнштейна-Рассела (1955 год) и приложенная к нему резолюция, подписанная рядом всемирно известных ученых, среди которых были Ф. Жолио-Кюри, М. Борн, Л. Инфельд, П. Бриджмен и др., — призывали правительства всех стран искать мирные пути решения международных споров. Основная задача Пагоушского движения — методами общественного воздействия противодействовать использованию достижений науки во вред человечеству. В этом движении, носящем неофициальный характер, участвуют виднейшие ученые мира, к их голосу прислушивается вся мировая общественность, они оказывают благотворное влияние на политические решения своих правительств.

В науке, как известно, накопились определенные противоречия, коренящиеся, в частности, в неравномерности развития различных областей знания. Завершающееся XX столетие принесло блестящие результаты ряду естественных наук, в первую очередь математике, физике, химии, биологии. Вместе с тем, гуманитарная сфера знания в сравнении с естественно-научной оказалась несколько отодвинутой на обочину. Особенно отстали науки о человеке, не

¹ Цит. по: Владимир Иванович Вернадский. М., 1947. С. 14.

поспевающие за потребностями общественной практики, не сумевшие выработать достаточно надежные ориентиры, способные действенно помочь в решении фундаментальных социальных проблем.

Вот почему в последние годы пристальное внимание ученых привлекает ценностное содержание культуры. Основными составляющими этой многогранной проблемы являются: раскрытие закономерностей интернационализации духовной жизни планеты, изучение взаимосвязей культуры и политики, анализ влияния культурных образцов и норм на сохранение мира. Важны разработка и адекватное использование специфических социокультурных средств в разоблачении и разрушении стереотипов агрессивности человека, против психологии насилия, жестокости, садизма с опорой на философско-социологические, культурологические и социально-психологические факторы поддержания «институтов согласия».

Когда-то Пушкин говорил, что искусство должно звонить не в приходской колокол, а в общечеловеческий. Перефразируя эту пушкинскую мысль, следует сказать, что современная миссия культуры — бить в общечеловеческий набат. Тяжелое социальное бремя все больше ложится на плечи деятелей культуры — людей, призванных выступать за гармоничное развитие мира, достаточно проницательных и глубоко заинтересованных в том, чтобы активно действовать против вопиющих несправедливостей нашего времени. В наши дни растут ряды прогрессивных деятелей мировой культуры, осознавших необходимость укрепления мирового сообщества. Они стремятся эффективно влиять на общественное мнение, вносят в сознание людей идеи о насущной необходимости объединения народов, сохранения мира. Все это требует непрерывных, целенаправленных и многосторонних объединенных усилий, мобилизации интеллектуальных ресурсов в интересах социального и культурного прогресса. Содействуют ли этому деятели культуры и в какой мере — это зависит от их гражданской позиции и социальной активности.

Представители интеллигенции зачастую придерживаются различных мировоззренческих взглядов. Но означает ли это, что у них нет и не может быть единых подходов к тем или иным глобальным проблемам современности? Деятели культуры могут быть привержены различным политическим философиям, но всех их объединяет общее желание найти новый, здравый подход к общечеловеческим отношениям в постоянно изменяющемся современном мире, всем

им присуще чувство удовлетворения от духовного общения друг с другом, общего языка гуманизма, помогающего формировать в людях согласие и доверие, понимание и терпимость. Мастеров культуры, вне зависимости от их социального положения и идеологических взглядов, объединяет общее стремление к созданию и сохранению общечеловеческих духовных ценностей. Их активные позиции приобретают важное значение для ликвидации экологического кризиса, сохранения памятников истории и культуры и т.д. и т.п. Долг интеллигенции во всем мире — инициировать и поддерживать многосторонний диалог культур и цивилизаций, объединение народов в симфонии культур.

Деятель культуры, каковы бы ни были области приложения его творческих усилий, не может быть в самоизоляции, в «башне из слоновой кости», не быть озабоченным судьбами сегодняшнего и завтрашнего дня планеты. Современная жизнь рождает много тревожного, обнажает суровую правду об опасностях, подстерегающих человечество в термоядерный век, взывает к его ответственности, к тому, чтобы на смену бессилию и пессимизму пришла уверенность в сохранении человеческих ценностей. Нравственная обязанность интеллигенции взять на себя свою долю ответственности, свою ношу в защите мира. В этом сегодня высший принцип человечности.

Законен вопрос: в силах ли писатели, художники, ученые предотвратить ядерную войну? Разве самые мудрые и гениальные книги, сохранившиеся в истории мировой культуры, когда-либо задерживали войну? Об этом размышляют многие. «Какова ж в этом жестоком, динамичном, взрывном мире, на черте его десяти гибелей — место и роль писателя? — спрашивал Александр Солженицын в своей «Нобелевской лекции». — Уж мы и вовсе не шлем ракет, не катим даже последней подсобной тележки, мы и вовсе в презрении у тех, кто уважает одну материальную мощь. Писатель совиновник во всем зле», — отмечает Солженицын.

Деятели культуры обладают общественной чуткостью и восприимчивостью, которые дают им возможность доводить до сознания людей реалии нашего времени и тем самым влиять на судьбы человечества. Духовная культура в своих лучших образцах всегда уповала на будущее. Война, грозящая мрачной ночью, лишает культуру, как и человечество в целом, этого будущего. Вот почему культура вносит в сознание человека живительные силы и активную надежду на мирное будущее. Ее определяющей чертой стала планетарность, помогающая преодолевать чувства изолирован-

ности, тревоги, безнадежности. Ф. Достоевский говорил, что красота спасет мир. Сегодня эти слова можно отнести ко всей культуре.

Мир порождает культуру, культура творит мир. Она направляет свои усилия в сферу социального созидания с тем, что крепилось превосходство жизни над смертью и человек выстоял в борьбе с мрачными силами, прочно утвердился в жизни. Спасая мир, мы спасем каждого отдельного человека, который в будущем станет такой же ценностью, как и все человечество. Мировая культура приняла на себя историческую ответственность за судьбы мира и активно участвует в вовлечении в этот гуманный процесс всех прогрессивных сил планеты. Будущая культура — культура породненных людей.

А. И. АРНОЛЬДОВ, С. Я. МАТВЕЕВА

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

**Примерная программа,
тематический план учебного курса,
рекомендуемая литература**

*Подготовлено в научно-исследовательском
отделе МГИК*

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН УЧЕБНОГО КУРСА «КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

Введение. Предмет и задачи культурологии

Раздел I. История культурологической мысли

1. Истоки культурологической науки
2. Основные направления в культурологии XX века
3. Культурология в России

Раздел II. Культура как общественное явление

4. Понятие «культура»
5. Культура и природа
6. Культура и цивилизация
7. Общество и культура
8. Личность и культура

Раздел III. Культурные универсалии

9. Ценности
10. Общение
11. Поведение, занятие, деятельность, труд
12. Вера

Раздел IV. Типология культуры

13. Основания дифференциации культуры
14. Структура культуры
15. Историческая типология культур

Раздел V. Механизмы культурных изменений

16. Динамика культуры
17. Культурный прогресс: наследие, традиции, преемственность
18. Социокультурные аспекты модернизации
19. Интеллигенция в модернизирующемся обществе
20. Культурная политика. Социальное прогнозирование и социальное проектирование

Раздел VI. Формы культуры

21. Экономическая культура и культура хозяйства
22. Обыденная культура и повседневность
23. Нравственность
24. Искусство
25. Религия
26. Наука

Раздел VII. Взаимодействие культур

27. Межкультурная коммуникация
28. Динамика этнического, национального и общечеловеческого в культуре

ОТ АВТОРОВ

Проблемы культуры как фундаментальной человеческой формы деятельности, освоения окружающего нас мира сегодня, как и в прежние времена, а может быть и в большей степени находятся в центре внимания мирового сообщества. Культурное выживание становится глобальной проблемой. Культурный аспект жизни общества постепенно выходит на передний план. Отсюда растет значение гуманитарных, философских наук и среди них — культурологии, занимающейся теоретическими проблемами культуры.

Философия родилась почти 2,5 тысячи лет назад, этика — в III веке до н.э. Эстетика была осмыслена как особая область знаний только через много столетий — в век Просвещения. Столетьем позже, в XIX веке, произошло становление социологии. Культурология же — детище XX века. Рожденная новым взглядом на мир, растущим пониманием ценности разных культур, их контактов между собой, значения культуры для выживания и гармоничного развития человека, она заняла достойное место в социальной науке и является принципиальным интеллектуальным вкладом в гуманитарное знание.

Учебный курс «Культурология» предназначен для студентов и аспирантов, изучающих теоретические и исторические проблемы культуры. Он призван дать представление о сущности, масштабах культурологической науки, ее особом подходе к изучению социальной реальности, ознакомить слушателей с широким спектром культурологических проблем.

Задачи курса — показать слушателям мир разнообразных явлений и тенденций духовной жизни современного общества, в том числе современного российского общества, выработать у них умение адекватно воспринимать и оцени-

вать особенности развития культуры в новых исторических условиях.

В соответствии с этими задачами в тематическом плане раскрывается содержание культурологии как науки, рассматриваются структура и социальные функции культуры в мировом сообществе и применительно к отечественным реалиям, анализируются основные тенденции развития культуры, в особенности то новое, что вошло в нашу жизнь в последние годы.

Специальный раздел программы посвящен истории культурологической мысли. Особое внимание уделено рассмотрению культуры как общемирового явления, культурным универсалиям и типологии культур.

Значительное место в программе занимает рассмотрение механизмов культурных изменений, включая социокультурный процесс модернизации общественной жизни; изучаются также основные формы культуры, их динамика.

Слушателям рекомендуется изучить такие вопросы, как научные принципы современной политики в сфере культуры, связь культуры и личности, особенности формирования гуманистического мировоззрения и культуры гражданского общества. Важное место занимает тема взаимодействия культур, взаимопроникновения этнических, национальных и общечеловеческих ценностей, их противоречий. Обсуждается проблема места и роли интеллигенции в структуре духовного производства, подчеркивается особая роль культурного обмена для обогащения мирового культурного опыта.

Изучение курса очень важно для формирования у молодых специалистов гуманистического мировоззрения, расширения их общекультурной и теоретической подготовки, умения ориентироваться в сложных проблемах современной культурной жизни. Освоение курса должно обеспечить возможность профессиональной работы выпускников в отечественных и зарубежных культурологических учреждениях.

ПРИМЕРНАЯ ПРОГРАММА УЧЕБНОГО КУРСА «КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

Введение. ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Предмет культурологии — сущность и специфика культуры, ее внутренняя структура и функции, место и роль среди других социальных явлений и процессов, ее значение для человеческой цивилизации в прошлом и настоящем. Будут рассмотрены происхождение культуры, ее развитие, механизмы культурных изменений.

Культурология как гуманитарная наука. Структура культурологического знания. Философия культуры. Различные философские обоснования и определения культуры. Философия культуры и культурология. Культурология как общая теория культуры и позитивная наука. Основные категории и понятия культурологии. Культурологический метод — рассмотрение культурного наполнения социальной реальности, сложившихся и складывающихся культурных программ, утверждающих себя в опыте практической деятельности людей. Направленность культурологического метода на выявление и анализ ментального содержания культуры, ее форм, на изучение различных типов ментальностей.

Историко-генетический, типологический, сравнительный, структурно-функциональный, герменевтический, морфологический, семиотический виды анализа культурных явлений. Структура культурологии как общей теории культуры. Методологические и теоретические задачи культурологии. Культурологическая теория и ее структура. Гуманитарные и социальные направления в культурологии. Культурологический текст и его интерпретация в гуманитарных направлениях культурологии. Фундаментальная и

прикладная культурология. Изучение культуры общественного субъекта, его деятельности в социальных направлениях культурологии. Культурологические наблюдения, описание, анализ и эксперимент. Анализ культурных явлений и процессов.

Культурология в междисциплинарных синтезах. Связь культурологии с другими науками — антропологией, географией, этнографией, историей, психологией, исторической и социальной психологией, социологией, лингвистикой и семиотикой, этикой и эстетикой, религиоведением, искусствознанием. Проблема синтеза культурологического знания. Историческая, лингвистическая и литературоведческая, этнологическая, искусствоведческая и социологическая ориентации в культурологии.

Культурология — важная область современного социального знания, обладающая значительными эвристическими возможностями. Культурология как элемент самопонимания, самоосознания и решения обществом своих проблем, как феномен повышения уровня рефлексии в обществе по поводу сохранения и развития его духовности. Культурология как элемент понимания культурного опыта других народов и обществ, осознания необходимости этого опыта. Функции культурологии. Место культуролога в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольдov А. И. Введение в культурологию. М., 1993.
2. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры. М., 1981.
4. Вебер М. Критические исследования в области логики наук о культуре // Вебер М. Избр. произвед. М., 1990.
5. Категории философии и категории культуры. Киев, 1984.
6. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. М., 1983.
7. Методологические проблемы изучения культуры. Л., 1979.
8. Методологические проблемы исследования истории культуры. Л., 1982.
9. Методология и методы исследования культуры. Л., 1984.
10. Одиссей. 1989. Человек в истории. Исследования по социальной истории и истории культуры. М., 1989.
11. Сильвестров В. В. Философское обоснование теории и истории культуры. М., 1990.
12. Туровский М. Б. О зависимости культуры от философии // Здесь и теперь. М., 1992. № 1.

Раздел I. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

История и теория культуры тесно взаимосвязаны. История культурологии вполне может быть признана особой — и весьма масштабной — дисциплиной. Вместе с тем, мы включаем исторический раздел в настоящий теоретический курс, руководствуясь, прежде всего, методологическим соображением о единстве исторического и теоретического аспектов культурологии. Теоретические положения бедны без наполнения их живой тканью исторического опыта, в том числе опыта истории человеческой мысли, служащей понять культуру. История становления и изменения, критики и рождения все новых и новых культурологических понятий, проблем, теорий есть рефлексия саморазвивающейся культуры, осмысляющей себя в горизонте истории. Изучение истории культурологической мысли — необходимое условие понимания и объяснения современных проблем теории культуры.

1. Истоки культурологической науки

Мифопоэтические представления о происхождении культуры в древних цивилизациях. Мифы о культурных героях. «Жэнь» в китайской традиции, «дхарма» в индийской традиции, представление о «пайдейе» как воспитанности человека у эллинов.

Роль античной философии в осознании культуры и культурности. Цицерон о «культуре души». Противопоставление цивилизации и варварства в культуре Рима. Роль городов в развитии и осмыслении культуры. Значение христианской церковной культуры в сохранении наследия античности и развитии представлений о культуре.

Философия и наука о культуре в эпоху Возрождения. Гуманистическое представление о культуре, понимание гуманистами значения цивилизации и роли личности в развитии культуры. Значение географических открытий, роста ремесла и торговли для понимания роли культуры в жизни людей.

Философия и наука о культуре в новое время. Философия XVII века о культуре. Просветители о значении культуры, образования и воспитания для общественного прогресса. Мощное влияние просветителей, их понимания культуры как приобщения к знаниям необразованных масс

на историю культурологической мысли и социальную реальность. Идеи исторических стадий культурного развития (Тюрго, Вольтер, Кондорсе). И.-Г. Гердер о человеке как «вольноотпущеннике природы», о культуре как средоточии духовности, гуманности, разума, справедливости и мудрости. Взгляды Пуфендорфа и Аделунга. Критика культуры и цивилизации Ж.-Ж. Руссо. Философско-теоретическое осмысление культуры в трудах И. Канта. Значение морального обоснования культуры для развития культурологии в понятии «категорический императив». Культура и свобода в творчестве Ф. Шиллера. Эстетическое восприятие культуры Ф. В. Шеллинга. Сравнительно-исторический метод изучения культуры, взаимосвязь языка и культуры в трудах В. фон Гумбольдта. «Мировой разум» как источник культуры у Гегеля. Становление философской герменевтики у Ф. Шлегеля и Ф. Шлейермахера и роль разработки этих проблем для становления культурологического метода изучения текстов. Антропологическое понимание культуры Л. Фейербахом. Идеи К. Маркса о труде как основе культуры, превращенных формах сознания, отчуждении человека и его свободе. Определенное и распрямление у К. Маркса как процесс взаимосвязи личности и культуры, их взаимного обогащения.

Проблемы культуры в философии жизни, в иррационализме конца XIX века «Воля к власти» А. Шопенгауэра, аполлоническое и дионисийское начала в типологии Ф. Ницше.

Развитие социальных наук и психологии, постепенное выделение предмета культурологии.

Значение социологии для изучения культуры общества, социальных групп, личности. Осмысление и обобщение антропологических и этнографических знаний.

Эволюционистская линия в изучении культуры. Идеи Г. Спенсера о происхождении религии. Взгляды Э. Тайлора на первобытную культуру, на значение в культуре преемственности. Л. Г. Морган о роли рода как универсальной формы общественной организации в древних сообществах, о периодах дикости, варварства и цивилизации в истории человечества, о роли изобретений и открытий как движущей силы прогрессивных изменений.

Культурология на пороге XX века: понимание культуры как преодоления природы; изучение культурного опыта обществ, находящихся на разных стадиях мирового исторического прогресса. Формирование конкретных наук о культуре и методов изучения культуры как общественного явления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. М., 1979.
2. Гердер И.-Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
3. Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Новые идеи в философии. Вып. 1. СПб., 1912.
4. История буржуазной социологии XIX — начала XX века. М., 1979. Т. 1.
5. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Об искусстве. В 2-х т. М., 1967.
7. Межуев В. М. Культура и история. М., 1977.
8. Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980. Т. 2. М., 1981.
9. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1990.
10. Современная западная социология. Словарь. М., 1990.
11. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989.
12. Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. М., 1984.
13. Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии / Сост. Гуревич П. С. М., 1991.

2. Основные направления в культурологии XX века

Становление современной культурологии. Культурологические взгляды Л. А. Уайта на природу культуры и ее элементы. Многообразие научных подходов к феномену культуры. Вычленение предмета культурологических исследований и методов изучения культуры в гуманитарном и социальном знании.

Цивилизационные подходы к изучению культуры. Теория культурно-исторических типов и «локальных цивилизаций». Противопоставление культуры и цивилизации у О. Шпенглера. Типология и динамика цивилизаций в теории А. Тойнби. Социокультурная теория П. А. Сорокина. Историческое изменение, единство и разнообразие культуры, значение культурных контактов и заимствований для развития культур, идеи синтеза культур, этапов в развитии культуры. Дихотомические теории культурных суперсистем А. Коста, Л. Вебера, А. Вебера, Т. Веблена. Культурная типология В. Шубарта.

Этнографические исследования «примитивных» культур. Диффузионизм. Культурная мифология Фробениуса. Теория «культурных кругов» Гребнера. «Венская школа» В. Шмидта и теория «прамонотеизма». «Золотая ветвь» Дж. Фрэзера.

Соотношение социальной антропологии и культурной антропологии. Функционалистское направление. Б. Малиновский, его теория потребностей. Этнология Б. Радклифф-

Брауна. Антропология и лингвистические исследования Ф. Боаса. Антропология А. Л. Кребера. Социологические концепции Э. Дюркгейма. Релятивизм в культурной антропологии. Модели культуры Р. Бенедикт. Исследования М. Мид. Структурная антропология К. Леви-Строса — крупное достижение в изучении культуры. Структурный функционализм Т. Парсонса и его влияние на культурологию.

Философская антропология в Германии. Проблема человека как незавершенного существа у М. Шеллера, Г. Пlessнера, А. Гелена. Религиозная антропология К. Ранера. Культурно-антропологические теории Э. Ротхакера и М. Ландмана.

Неокантианская философия культуры. Символические концепции культуры Э. Кассирера. Идеи С. Лангер. Ценностный подход к культуре Г. Риккерта. Семиотика культуры. Культурологический релятивизм и гипотеза лингвистической относительности Сепира — Уорфа. Язык как феномен культуры. Значение структурной антропологии и семиотических подходов для развития культурологии.

Социология культуры М. Вебера. Теория идеальных типов, концепция рациональности, связь ценностей и развития хозяйства, соотношение психологии, религии и культуры в теории М. Вебера. Влияние идей М. Вебера на современную науку.

Проблемы философии культуры в экзистенциализме. Ж.-П. Сартр, А. Камю — свобода и ответственность человека в мире, моральное обоснование человеческого выбора. Философия культуры М. Хайдеггера. «Осевое время» и идеи исторического изменения у К. Ясперса. Элита и массы Х. Ортеги-и-Гассета. Теория духовных элит Т. С. Элиота.

Игровая концепция культуры Й. Хёйзинги.

Психологические и психоаналитические направления: «психология» народов В. Вундта, психоанализ З. Фрейда, К. Юнг об архетипах культуры и коллективном бессознательном. Направление «культура и личность». Неофрейдизм и глубинная психология (Э. Бёрн, С. Гроф).

Неомарксистская культурология. Франкфуртская школа и культуркритицизм как один из источников контркультуры. В. Беньямин, Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе. Леворадикальная и экологическая критика культуры. Миф о машине Л. Мамфорда. Антитехницизм и антисциентизм, их значение в контексте западной культурологии и развития культуры постиндустриального общества. Культурологическая волна в философии науки. Т. Кун, П. Фейерабенд,

стремление углубить представление о науке как форме культуры и релятивизация ее образа. Культурология средств массовых коммуникаций (М. Маклюэн).

Герменевтический метод в культурологии. «Истина и метод» Г. Гадамера. Идеи П. Рикёра.

Историческое направление в культурологии. Школа «Анналов». М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф. Изучение повседневности и его значение для углубления культурологической науки.

Социобиологические концепции. К. Лоренц.

Культурологические идеи «новых правых» во Франции. А. де Бенуа и новый регионализм.

Современная религиозная культурология. Работы Э. Жильсона, Ж. Маритена, П. Тейяра де Шардена, М. Бубера. Этическая парадигма А. Швейцера.

Постструктурализм и постмодернизм в культурологии. Концепции власти и сексуальности М. Фуко, работы Ж. Лакана, Делёза и Гваттари, «грамматология» Ж. Деррида.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверкиева Ю. П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979.
2. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
3. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1990.
4. Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность. М., 1991.
5. Гайденок П. П. Экзистенциализм и проблема культуры. М., 1963.
6. История буржуазной социологии первой половины XX века. М., 1979.
7. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
8. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985.
9. Лоренц К. Зло. М., 1992.
10. Манхейм К. Человек и общество в век преобразований. М., 1991.
11. Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.
12. Неомаксизм и проблемы социологии культуры. М., 1980.
13. Проблема человека в западной философии / Сост. Гуревич П. С. М., 1988.
14. Работы Ж. Маритена по культурологии и истории мысли. Вып. 1—2. М., 1990.
15. Современная западная социология. Словарь. М., 1990.
16. Сорокин П. А. Социологические теории современности. М., 1990.
17. Тойнби А. Постигание истории. М., 1992.
18. Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М., 1978.
19. Триандис Г., Малласс Р., Дэвидсон Э. Психология и культура // История зарубежной психологии. Тексты. М., 1986.
20. Фрэйзер Дж. Золотая ветвь. М., 1986.
21. Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1989.
22. Юнг К.-Г. Феномен духа в искусстве и науке // Юнг К.-Г. Собр. соч. Т. 15. М., 1992.
23. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

3. Культурология в России

Отличительные черты русской культурологической мысли. Ее связь с философией и художественной литературой, религиозная направленность, патриотизм и высокая степень политизации.

П. Я. Чаадаев и его значение для становления российского самосознания. Славянофильство и западничество как попытки самоопределения русской культуры. Неославянофильство и культурологические идеи «почвенничества».

Н. Я. Данилевский: панславизм и теория культурно-исторических типов. Человек и судьбы культуры в трудах Ф. М. Достоевского. Русская мифологическая школа (Ф. И. Буслаев): язык, миф и культура как основы становления человеческого общества. Историко-культурологические взгляды К. Д. Кавелина; теория органического развития фольклора и культуры.

Социокультурные идеи русского западничества.

Культурологические идеи русского позитивизма. Культурно-историческая школа А. Н. Пыпина, Н. С. Тихонравова: отождествление истории литературы с историей общественной мысли и культуры, значение «положительного» знания в науке о культуре. А. А. Потебня и семиотические подходы к изучению культуры. «Потебнианство» и его роль в развитии русской культурологической мысли.

Религиозная культурологическая мысль в России: В. С. Соловьев, бр. Трубецкие, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, Н. Ф. Федоров, В. В. Розанов. «Вехи» и их значение в процессе самоосмысления русской культуры. Герменевтические идеи Г. Г. Шпета. Н. А. Бердяев, Г. П. Федотов и их роль в развитии русской культурологии, осмыслении проблем общественного развития России. «Из глубины» — реакция на разрушение культуры и попытка осмыслить опыт русской революции.

Евразийство как культурно-философская концепция специфики России, ее социокультурного развития.

Культурология в Советской России. Культурно-историческая психология (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия). Литературоведческое направление. Ю. Н. Тынянов, М. М. Бахтин, идея диалога и полифонии в культуре. Культурологические исследования мифа и литературы древности — О. М. Фрейденберг, Я. М. Голосовкер, А. Ф. Лосев. Семиотическое направление — московско-тартуская школа. Ю. М. Лотман, В. В. Иванов, Б. А. Успенский и др. Креативно-деятельностные концепции культуры:

Э. В. Ильенков, Г. Батишев, В. М. Межуев, А. И. Арнольдов, Н. С. Злобин. Теория культуры М. К. Петрова. Философская логика культуры В. С. Библера. Этнография и культурология — системно-функциональная концепция Э. С. Маркаряна. Историко-культурологическое направление: Д. С. Лихачев, С. С. Аверинцев, Ю. Н. Давыдов, П. П. Гайденко. История и социальная психология (А. Я. Гуревич). Востоковедные исследования в культурологии, компаративистика — Н. И. Конрад, В. В. Малявин, Е. Б. Рашковский, Б. С. Ерасов. Изучение динамики традиций и инноваций на материале Африки (В. А. Бейлис, Ю. М. Кобишанов). Исследования структуры и динамики культуры (Э. А. Орлова). Психосоциоллингвистика (Т. М. Дридзе). Социокультурная теория А. С. Ахиезера и проблема специфики российской культуры.

Состояние культурологической науки в России после распада СССР и дальнейшие тенденции ее развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
2. Арнольдов А. И. Теория культуры: историзм и вопросы методологии. М., 1987.
3. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. В 3-х т. М., 1991.
4. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.
5. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
6. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Ф. М. Достоевского. М., 1979.
7. Бердяев Н. А. Философия свободы: смысл творчества. М., 1989.
8. Библер В. С. Мышление как творчество. М., 1974.
9. Вехи. Из глубины. М., 1990.
10. Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1968.
11. Гальцева Р. А. Очерки русской утопической мысли XX века. М., 1992.
12. Голосовкер Я. М. Логика мифа. М., 1987.
13. Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
14. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1992.
15. Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. М., 1990.
16. Иванов В. В. Чет и нечет. М., 1978.
17. Иванов В. В. Очерки по истории структурализма в СССР. М., 1976.
18. Ильенков Э. В. Философия и культура. М., 1991.
19. Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1966.
20. Лихачев Д. С. Соч. в 3-х т. М., 1990.
21. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
22. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970.
23. Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры. Т. 1. М., 1970. Т. 2. М., 1973.
24. Маркарян Э. С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973.

25. Межуев В. М. Культура и история. М., 1977.
26. Орлова Э. А. Человек в городской культуре. М., 1987.
27. О России и русской философской культуре. М., 1990.
28. Петров М. К. Язык, знак, культура. М., 1991.
29. Пропп В. Я. Морфология сказки. М., 1969.
30. Розанов В. В. Сочинения. М., 1990.
31. Соловьев В. С. Соч. в 2-х т. М., 1988.
32. Русская идея / Сост. Маслин М. А. М., 1992.
33. Федоров Н. Ф. Сочинения. М., 1982.
34. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978.
35. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию // Шпет Г. Г. Соч. М., 1989.

Раздел II. КУЛЬТУРА КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Для социальной культурологии важно рассмотрение культуры как деятельности и поведения людей. Большое значение приобретает изучение того, как люди организуются в различные общности — от суперструктур, например, цивилизаций, до микрообщностей — небольшой группы, семьи. В данном разделе сделан акцент на рассмотрение культуры как общественного явления, социального процесса.

4. Понятие «культура»

Необходимость введения понятия «культура». Культура как одно из базовых определений человека. Существование особой культурной реальности как объекта изучения в науке. Обыденное, философское, религиозное и научное определение культуры.

Различие определений культуры в философских традициях. Определение культуры через рефлексию, воспроизводство, деятельность, творчество, общение, смысл, коммуникацию, информацию, обычаи, традиции, верования, религию, ценности, символы, технологию. Культура как система внебиологически обретенных и внебиологически наследуемых форм человеческой деятельности. Культура как социальная память человечества. Культура как накопленный организованный опыт воспроизводства человеческих сообществ, как система духовного производства. Культура как антиэнтропийный механизм человечества.

Понятие «культура» в этнографии и социологии. Специфика культурологического определения культуры. Воспроизведение ментальной «картины мира» социокультурных

сообществ, личности, человечества — важнейшая задача культурологии. Выявление в культурологии механизмов смыслообразования как порождающих элементов культуры. Открытость категории «культура».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бенедикт Р. Образы культуры // Человек и социокультурная среда. Вып. 2. М., 1992.
2. Библер В. С. Итоги и замыслы (конспект философской логики культуры) // Вопросы философии. 1993. № 5.
3. Выготский Л. С., Лурия А. Р. Этюды по истории поведения. М., 1993.
4. Категории и понятия теории культуры. М., 1985.
5. Клакхон С., Келли В. Понятие культуры // Человек и социокультурная среда. Вып. 2. М., 1992.
6. Кребер А., Клакхон С. Культура. Критический анализ концепций и дефиниций. М., 1992.
7. Лотман Ю. М. Феномен культуры // Труды по знаковым системам. Вып. 10. Тарту, 1978.
8. Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969.
9. Межуев В. М. Культура и история. М., 1977.
10. Поршнев Б. В. О начале человеческой истории. М., 1974.
11. Соколов Э. В. Понятия, сущность и основные функции культуры. Л., 1989.
12. Хейзинга Й. Homo Ludens. М., 1992.

5. Культура и природа

«Культурное» и «внекультурное» и динамика их взаимосвязей. Культура и хаос. Амбивалентность хаоса как враждебного внекультурного начала и ресурса, порождающего порядок. Руссоистская оппозиция «Природа — Культура». «Сырое» и «вареное» К. Леви-Строса. Место человека в мире. Человек как социальное и биологическое, природное и культурное существо. Интерпретации природы как Космоса, окружающей среды, Дома человека и Дикого леса. Вписанность человека в мир и его воздействие на среду.

Экологические кризисы в истории человечества и роль культурных сдвигов в их разрешении. Экологическое сознание и экологическая культура в традиционных и индустриальных обществах.

Проблема экологических опасностей и экологических потребностей. Христианская этика о природе и задачах человека. Различные направления в критике христианского отношения к природе. Самокритика христианства как его дальнейшее развитие. Отрицание христианства путем реанимации языческих воззрений на природу.

Идеологии восходящего индустриализма и их критика. Различные смыслы критики индустриальной культуры.

Концепции научно-технических революций, научно-технического прогресса и их экологическая критика. Доклады Римского клуба. Постиндустриальная культура. Формирование новой этики. Выживание, права человека и качество жизни — вершины в иерархии постиндустриальной системы ценностей. Современное гуманистическое мировоззрение в трудах А. Швейцера. Понятие «ноосфера» у П. Тейяра де Шардена и В. И. Вернадского. Становление планетарной культуры. Синергетика и идеи самоорганизации. Формирование новой идеологии общественного развития и коэволюции общества и природы. Критика просветительской идеи прогресса. Возвращение к обсуждению культурной значимости ритмов в природе и обществе. Новый поворот к эволюционизму.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамян Э. Г.* У истоков культурной традиции. Ташкент, 1988.
2. *Вернадский В. И.* Природа и общество. М., 1968.
3. Глобальные проблемы и будущее человечества. Вып. 1—4. М., 1985-1987.
4. Горизонты экологического знания: социально-философские проблемы. М., 1968.
5. *Левин-Строс К.* Сырое и вареное // Семиотика и искусствометрия. М., 1972.
6. *Моисеев Н. Н.* Человек и ноосфера. М., 1990.
7. *Назаретян А. П.* Интеллект во Вселенной. М., 1991.
8. *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985.
9. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986.
10. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М., 1987.

6. Культура и цивилизация

Цивилизация как организационная форма человеческих сообществ, основное расчленение мирового исторического процесса. Традиционная и либеральная цивилизации в историческом развитии человечества.

История понятия «цивилизация». Тождество понятий культура и цивилизация. Цивилизованность как воспитанность и хорошие манеры. Дикость, варварство и цивилизация как ступени общественного развития (Л. Г. Морган). Отождествление цивилизации с европейской цивилизацией и капиталистическим обществом, представление о нецивилизованности всех других обществ. Руссоистская критика культуры и цивилизации. Цивилизация и цивилизации —

постепенный отход от европоцентризма. Цивилизация как нисходящая стадия развития культуры (О. Шпенглер). Теория локальных цивилизаций и циклов их развития А. Тойнби. Развитие и гибель цивилизаций. Их способность отвечать на «вызов истории». Проблема жизненного потенциала цивилизаций, его зависимость от культурной традиции, лежащей в основе цивилизации. Историко-культурные типы Н. Данилевского. П. А. Сорокин о цивилизациях и концепциях локальных цивилизаций. Противоположность «Восток — Запад», сравнительное изучение западных и восточных обществ.

Цивилизация как процесс культуронасыщения образа жизни человеческих сообществ, установление разумного социального порядка, мира и спокойствия в отношениях между людьми, расцвет науки, искусств, техники, обустройство быта, достижение достойных условий жизни для возрастающего числа людей. Цивилизации как региональные суперструктуры, объединяющие общества, находящиеся примерно на одном и том же уровне развития, обладающие объединяющей их духовной (религиозной) традицией, разделяющие одни и те же или близкие композиции ценностей, лежащие в основе их культур. Человеческая цивилизация как процесс и результат исторического саморазвития человечества, включающего рождение и смерть множества локальных и региональных цивилизаций. Ограниченность понимания цивилизации как материальной культуры. Роль культуры, духовных традиций, мировых религий в возникновении современной цивилизации. Критерии вычленения цивилизаций и проблема количества цивилизаций. Контакты между цивилизациями в пространстве и историческом времени, последствия этих контактов для отдельных цивилизаций и для развития человеческой цивилизации в целом.

Проблема российской цивилизации. Россия как промежуточная цивилизация, «застраившая» между традиционной и либеральной цивилизациями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. В 3-х т. М., 1991.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1992.
3. Кризис современной цивилизации: выбор пути. М., 1992.
4. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
5. Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Т. 1—2. М., 1992.

постепенный отход от европоцентризма. Цивилизация как нисходящая стадия развития культуры (О. Шпенглер). Теория локальных цивилизаций и циклов их развития А. Тойнби. Развитие и гибель цивилизаций. Их способность отвечать на «вызов истории». Проблема жизненного потенциала цивилизаций, его зависимость от культурной традиции, лежащей в основе цивилизации. Историко-культурные типы Н. Данилевского. П. А. Сорокин о цивилизациях и концепциях локальных цивилизаций. Противоположность «Восток — Запад», сравнительное изучение западных и восточных обществ.

Цивилизация как процесс культуранасыщения образа жизни человеческих сообществ, установление разумного социального порядка, мира и спокойствия в отношениях между людьми, расцвет науки, искусств, техники, обустройство быта, достижение достойных условий жизни для возрастающего числа людей. Цивилизации как региональные суперструктуры, объединяющие общества, находящиеся примерно на одном и том же уровне развития, обладающие объединяющей их духовной (религиозной) традицией, разделяющие одни и те же или близкие композиции ценностей, лежащие в основе их культур. Человеческая цивилизация как процесс и результат исторического саморазвития человечества, включающего рождение и смерть множества локальных и региональных цивилизаций. Ограниченность понимания цивилизации как материальной культуры. Роль культуры, духовных традиций, мировых религий в возникновении современной цивилизации. Критерии вычленения цивилизаций и проблема количества цивилизаций. Контакты между цивилизациями в пространстве и историческом времени, последствия этих контактов для отдельных цивилизаций и для развития человеческой цивилизации в целом.

Проблема российской цивилизации. Россия как промежуточная цивилизация, «застывшая» между традиционной и либеральной цивилизациями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. В 3-х т. М., 1991.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1992.
3. Кризис современной цивилизации: выбор пути. М., 1992.
4. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
5. Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Т. 1—2. М., 1992.

6. *Розов Н. С.* Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск, 1992.
7. *Сорокин П. А.* Социологические теории современности. Вып. 1. М., 1992.
8. *Тойнби А.* Постижение истории. М., 1991.
9. *Февр Л.* Цивилизация: эволюция слова и группы идей // *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991.
10. Цивилизация: прошлое, настоящее и будущее человека / Отв. ред. Новикова Л. И. М., 1988.
11. Цивилизация и исторический процесс. М., 1983.
12. Цивилизация и культура. М., 1983.
13. Цивилизация и общественное развитие. М., 1987.
14. *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 1. М., 1992.
15. *Ясперс К.* Истоки истории и ее цель. М., 1991.

7. Общество и культура

Культура и социальные отношения; противоречия между ними. Смысл и характер этих противоречий. Типы человеческих сообществ и их культура. Род, племя, община как локальные догосударственные сообщества и соответствующие им типы культур. Семья и ее типы как базовая субкультура человеческого общества. Община и общество (Ф. Тённис). Большое общество как государственно организованное сообщество, объединяющее множество различных субкультур. Культурная основа государства и механизм его возникновения. Культура как социальный интегратор. Культура на общесоциальном, групповом и личностном уровнях. Взаимодействия и противоречия культуры общества, субкультуры группы и личностной культуры. Культура региона. Планетарная культура как культура человечества, взятая в территориальном измерении.

Культура и общественное развитие. Традиционные и нетрадиционные общества. Различия в них ценностных ориентаций и отражение этого в качестве и темпах развития. Отношение к инновациям как важнейший показатель динамического потенциала культуры. Субъекты культуры, их дифференциация и разнообразие. Понятие общественного субъекта.

Институциональное расчленение и содержание культуры. Учреждения культуры.

Культура как социальный институт. Роль культуры в интеграции общества, воспроизводстве социальной структуры, в формировании общечеловеческого, группового и личностного самосознания. Значение социальных институтов для созидания, сохранения и распространения культуры.

Культура и государство, роль политической культуры для создания и функционирования социальных, политических и этатистских институтов. Демократия и культура. Роль культуры, культурных традиций и обычаев в создании демократической системы власти и политического плюрализма. Взаимодействие политики, права, морали и религии в политических институтах. Демократия и культура политического воспитания в обществе, преодоление бюрократизма в управлении социальными и политическими институтами. Значение культуры в осуществлении демократических реформ и политической модернизации общественных институтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан. М., 1985.
2. Бюрократия и общество. М., 1991.
3. Вебер М. Избр. произв. М., 1990.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
5. История буржуазной социологии первой половины XX века. М., 1979.
6. История буржуазной социологии XIX — начала XX века. М., 1979.
7. Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
8. Манхейм К. Идеология и утопия. Вып. 1—2. М., 1992.
9. Санистебан Л. С. Основы политической науки. М., 1992.
10. Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество. М., 1992.
11. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986.
12. Социология. М., 1990.
13. Социологос: социология, антропология, метафизика. Вып. 1. Общество и сферы смысла. М., 1991.
14. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992.
15. Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989.
16. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1989.
17. Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. М., 1992.
18. Человек и общество. Основы современной цивилизации. Хрестоматия. М., 1992.

8. Личность и культура

Личность — категория культурологии. Специфика культурологического подхода к изучению личности.

Творческая природа личности, ее способность проявлять активность во взаимоотношении со средой, в том числе культурной средой. Личность — субъект культуры и движущая сила социокультурного развития. Личность — объект культуры, ее носитель. Освоение личностью культуры в процессе исторического и индивидуального развития.

Культура общества, группы, личности. Взаимосвязь, взаимообусловленность и относительная самостоятельность этих понятий. Общественный субъект — категория, воплощающая взаимопроникновение культуры общества и личностной культуры.

Принципиальная неисчерпаемость культурного содержания личности. Человеческая субъективность, ее социокультурный смысл. Личностное знание, индивидуальность, уникальность как основной ресурс развития культуры.

Историчность понятия «личности». Способность личности к рефлексии, отделению себя от общности, осознание себя самой субъектом собственных решений.

Человек как родовое понятие и личность как конкретно-историческое понятие. Проблема исторического становления личности как проблема исторического саморазвития человечества. Личность как единство сознания, самосознания и деятельности. Самореализация личности в культуре, реализация способностей личности в деятельности. Свобода и ответственность личности, неразрывная связь этих понятий.

Личность в традиционной и либеральной цивилизациях. Культура и личность на ранних этапах развития человечества. Противоречие между культурой общества, группы и личности, его роль в истории культуры, в социокультурном развитии.

Личность как социокультурная целостность. Ролевая структура личности, уровень социального характера (модальная базисная личность — А. Кардинер, Р. Линтон) и уровень экзистенциальных структур (Э. В. Соколов). Культурные типы. Традиционалистская личность. «Расколотая» (маргинальная) личность. Личность либерального типа. Культурно-антропологические характеристики личности (пассивный, радикально-разрушительный и конструктивный тип реагирования на проблемные ситуации — Э. А. Орлова).

Культурно-исторические типы личности. «Идеальные типы» М. Вебера и проблема «экономического человека». Личность в доиндустриальном, индустриальном и постиндустриальном обществах. Структура личности, ее формы и уровни.

Становление и развитие личности как социокультурный процесс. Роль культуры в развитии индивидуальности, ориентации человека преимущественно на традиции или инновации, на приспособление к культуре и обществу или достижение, творчество или потребление.

Предпосылки формирования и развития личности: индивидуальные задатки и способности, избирательное отношение личности к культурному опыту, доступному ей для освоения, личные качества, влияющие на жизненную позицию и уровень творческой активности личности. Личность в разные этапы жизненного цикла.

Жизнь и ее смысл, смерть, бессмертие как экзистенциальные проблемы личности, формы ответа на эти проблемы в разных культурах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд А. И. Человек и мир культуры. М., 1992.
2. Асмолов А. Г. Личность как предмет психологического исследования. М., 1984.
3. Ватин И. В. Человеческая субъективность. Ростов-на-Дону, 1987.
4. Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.
5. Кон И. С. В поисках себя. М., 1984.
6. Культура, человек и картина мира. М., 1987.
7. Орлова Э. А. Человек в городской культуре. М., 1987.
8. О человеческом в человеке. М., 1991.
9. Одиссей. 1990. Человек в истории. Личность и общество. М., 1990.
10. Печчеи А. Человеческие качества. М., 1990.
11. Проблема человека в западной философии / Сост. Гуревич П. С. М., 1988.
12. Соколов Э. В. Культура и личность. Л., 1972.
13. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.
14. Человек в зеркале культуры и образования. М., 1989.
15. Человек и культура: индивидуальность в истории культуры / Отв. ред. Гуревич А. Я. М., 1990.
16. Человек и социокультурная среда. Вып. 1—2. М., 1991.
17. Шibaева М. М. Человеческая субъективность и культура // Культура, человек и картина мира. М., 1987.

Раздел III. КУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ

Культурные универсалии — наиболее общие понятия культурологии в отличие от особенных и специфичных. В содержательном смысле культурные универсалии есть аспекты, стороны культуры, рассмотренные как особые формы человеческой деятельности. Универсалии носят всеобщий характер, присутствуя на всех этапах развития человечества как рода. Включая в данный раздел такие универсалии, как ценности, общение, поведение, занятие, деятельность, труд и вера, мы оставляем их список открытым.

9. Ценности

Культура как система ценностных ориентаций. Человеческие потребности и ценности как социокультурный ответ на потребности. Относительная свобода культуры в этом ответе. Разнообразие культур — богатство ответов на потребности. Различия в композиции, иерархии, значимости тех или иных ценностей — основа разнообразия культур.

Основные ценности, необходимые для выживания и воспроизводства человеческих сообществ. Способность человека, осваивая культуру, свободно творить ценности. Утопии в культуре. Культурный опыт, механизм традиций — способы отбора необходимых ценностей, их систем, ценностных ориентаций.

Ориентации на простое социальное воспроизводство, на повторение, на прошлое как основы системы ценностей традиционной цивилизации. Ориентации на интенсивное социальное воспроизводство, на улучшение качества жизни человеческих сообществ, на развитие — основы системы ценностей либеральной цивилизации. Ее основная ценность — самореализация личности в изменяющемся сообществе.

Типы ценностей. Экзистенциальные ценности: любовь, жизнь, смерть, страх, надежда, смысл жизни. Бог как высший смысл и высшая ценность, синтез, совместилище и вершина всех ценностей. Социально-значимые ценности, направленные на достижение выживания (воспроизводство, благополучие) сообщества, группы людей, личности: интеграция, социальный порядок, социальная дифференциация, социальный престиж, равенство, понимаемое исторически сначала как уравнительность, равенство в потреблении, затем как равенство перед единым для всех Богом, и лишь затем как равноправие, т. е. равенство всех людей перед единым для всех законом.

Общечеловеческие ценности — социально значимые ценности, направленные на поддержание и развитие человечества как рода, требующие признавать в человечестве высшую ценность. Локальные ценности — ценности, требующие признавать вершиной в их иерархии ограниченное сообщество, противостоящее остальному миру.

Экологические ценности в культуре — природа, окружающая среда, космос, Вселенная. Вытекающая отсюда опасность антигуманистической ориентации. Гуманистическая ориентация: экологические ценности подчинены ценностям человека, развития и прогресса человечества. Включение в

гуманистический комплекс ценностей окружающей среды. Новое представление об окружающей среде как освоенной человеческой деятельностью и человеческой мыслью культурной среде, космическом Доме человечества.

Динамика ценностей. Возникновение ценностей из случайно закрепившихся в культуре образцов. Кодификация ценностей, их ритуализация и превращение в норму, закреплённую в социальной памяти, обычаях, традициях, законах. Разрушение и гибель ценностей. Появление новых конкретно-исторических форм выражения ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Эрос и личность. М., 1989.
2. Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. М., 1991.
3. Дробницкий О. Г. Проблемы нравственности. М., 1977.
4. Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993.
5. Наука и ценности. Новосибирск, 1987.
6. Проблема ценности в философии. М., 1966.
7. Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий. СПб., 1903.
8. Современный экзистенциализм. Критические очерки. М., 1966.
9. Соловьёв В. С. Смысл любви // Соловьёв В. С. Избр. произвед. М., 1991.
10. Философия и ценностные формы сознания. М., 1984.
11. Ценность культуры и современная эпоха. М., 1984.
12. Чавчавадзе Н. З. Культура и ценности. Тбилиси, 1984.
13. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992.
14. Эрос. Страсти человеческие. М., 1992.

10. Общение

Общение — фундаментальная антропологическая характеристика человека, необходимое условие существования и развития человеческих сообществ. Исторические типы и формы общения. Непосредственное общение в локальном сообществе. Абстрактные, опосредованные формы общения в городской культуре, в индустриальных обществах.

Понимание — продукт и результат процесса коммуникации. Значение и смысл. Их роль в передаче информации.

Медиаторы, средства коммуникации. Знаки, их медиаторная функция. Культура как процесс создания и изменения медиаторов. Типы медиаторов. Медиаторы — предметы, идеи, отношения, действия, функции.

Типология способов коммуникации в устной культуре. Непосредственное и опосредованное общение. Опосредованное общение в устной культуре. Способы и средства та-

кого общения. Коммуникация через жест, слово, действие, вещь, социальное отношение, институт. Коммуникация через социальную память — обряд, обычай, деятельность.

Типы медиаторов в устных культурах. Знаки, символы и ритуалы. Материальные свидетельства культурной памяти. Памятники в устных культурах. Предания, мифы, фольклор. Жилища, ремесленные изделия, предметы ритуала, быта, оружие и орудия труда.

Непосредственное и опосредованное общение в письменных культурах. Коммуникация через рукописные и печатные тексты. Коммуникация через представление, образ, понятие, искусство, науку. Медиаторы и их типы.

Средства массовой коммуникации в современных индустриальных обществах. Радио, телевидение, пресса. Компьютерная революция в средствах коммуникации, ее социокультурные последствия.

Общение как отношение. Типы отношений между людьми. Равенство и иерархия, господство и подчинение как антропологические характеристики общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления. М., 1978.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
3. Бёрн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М., 1990.
4. Бубер М. Я и Ты. М., 1993.
5. Ильин Е. Н. Искусство общения. М., 1982.
6. Искусство и общение. Л., 1984.
7. Каган М. С. Мир общения. М., 1988.
8. Кон И. С. Открытие «Я». М., 1978.
9. Кон И. С. Дружба. М., 1980.
10. Лабиринты одиночества. М., 1979.
11. Леви В. Я и мы. М., 1969.
12. Ломов Б. Ф. Общение как проблема общей психологии // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
13. Общение и культура личности. Томск, 1984.
14. Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.
15. Тоталитаризм: что это такое? // Исследования зарубежных политологов. Ч. 1—2. М., 1993.
16. Ярошевский М. Г. Психология в XX столетии. М., 1974. Гл. 12.

11. Поведение, занятие, деятельность, труд

Поведение, занятие, деятельность, труд — формы человеческой активности, различающиеся по своему культурному содержанию.

Поведение — наиболее простая архаичная форма человеческой активности. Подчиненность поведения более высоким культурным формам активности. Борьба биологистских и социальных трактовок человеческого поведения. Осознаваемые и неосознаваемые, рациональные и эмоциональные компоненты поведения, их соотношение в разных культурах, на разных этапах развития человечества. Роль ценностей и мотивов как обоснований человеческого поведения. Значение языка, знаково-символических систем как социокультурных регуляторов поведения.

Поведение индивидуальное и коллективное. Подражание, эмоциональное «заражение», сопереживание, подчинение лидерам в групповом поведении. Массовое поведение. Толпа и ее психология.

Динамика культурного и эмоционально-поведенческого компонентов в активности личности. Регуляция индивидуальной активности целью, имеющей культурно обусловленный характер. Активность, диктуемая культурой, и свобода выбора, личного решения, которое может выходить за рамки, обозначенные культурой, ее нормами, требованиями и стереотипами.

Занятие — форма активности, где процесс совершения действий господствует над целью и результатом. Занятие без цели, с целью, заданной извне и не известной людям, вовлеченным в занятие. Времяпрепровождение как занятие. Упорядочение поведения — основная функция занятия. Неоднозначность культурной ценности занятия.

Деятельность как понятие, предполагающее осознанный, целенаправленный характер активности. Цель, средство, результат как неотъемлемые характеристики деятельности. Обоснование деятельности в культуре. Мотивы, идеалы и ценности как культурные обоснования деятельности. Место деятельности в иерархии ценностей в разных культурах. Духовная и материальная, производственная и непроизводственная, трудовая и нетрудовая деятельность. Их оценка и содержание в разных культурах.

Подчиненная роль деятельности в традиционной цивилизации. Деятельность как основание и принцип, всеобщее обоснование культуры в либеральной цивилизации.

Трудовая деятельность. Труд как конкретная форма деятельности, феномен культуры и социокультурный процесс. Культурная сущность труда. Разделение труда и его смысл для культурной эволюции человечества. Культурное содержание труда в условиях собирательства и охоты. Производительный труд. Культурное содержание и смысл труда

земледельца и скотовода. Натуральное хозяйство и товарное хозяйство как противоположные друг другу культурно-хозяйственные формы труда.

Зависимость представлений о труде и его ценности от культурно-исторического типа хозяйства. Постепенное расширение содержания понятия «труд» в истории культуры. Труд как поведение. Труд как занятие. Труд как деятельность. Физический труд как единственная форма труда, получившая культурную санкцию общества в традиционной цивилизации. Его оценка как обязанности, повинности, родового проклятия. Умственный труд и его культурная легитимация. Труд и свобода. Труд и творчество. Труд как самореализация. Понятие профессионализма. Значение культуры труда в становлении новых видов творческой деятельности. Культурная легитимация торговли и посреднической деятельности в истории культуры. Ценности развитого рыночного хозяйства. Протестантская этика и становление «экономического человека». Эстетика труда и проблема его эффективности. Труд и нравственность, эволюция представлений о справедливости трудовых затрат и распределении результатов труда в истории культуры.

Труд в индустриальных и постиндустриальных обществах. Интеллектуализация труда. Возрождение значимости занятия в постиндустриальных обществах. Хобби и их культурный смысл. «Протребители» А. Тоффлера как попытка прогнозировать дальнейшие изменения культурного смысла и значимости труда.

Деформации в оценке культурного смысла различных видов труда в модернизирующихся обществах, в условиях догоняющей модернизации, социокультурного раскола. Несоответствие между реально развивающимися в обществе формами трудовой деятельности и их культурной оценкой как проблема этих обществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков С. Философия хозяйства. М., 1990.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произвед. М., 1990.
3. Выготский Л. С., Лурия А. Р. Этюды по истории поведения. М., 1993.
4. Горц А. Метаморфозы труда. Поиск смысла: Критика экономического разума // Современная западная социология: классические традиции и поиск новой парадигмы. М., 1990.
5. Давыдов Ю. Н. Труд и свобода. М., 1966.
6. Дикарева А. А., Мирская М. И. Социология труда / Уч. пособие. М., 1989.

7. Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
8. Социально-экономические отношения и соционормативная культура / Сб. этнографических понятий и терминов. М., 1986.
9. *Тавризян Г. М.* Техника, культура, человек. М., 1986.

12. Вера

Вера как культурно-антропологическая характеристика, проявление сущности и природы человека. Культурологическое представление о смысле веры. Культурно-исторические реализации веры. Психологические и социально-психологические предпосылки веры.

Вера и экзистенциальная категория надежды. Вера как основа человеческой способности существовать, развиваясь во времени, осмыслять свое бытие в мире. Вера как интегратор личности, объединяющее начало на ее жизненном пути. Индивидуальная и коллективная вера. Направленность веры на высшие смыслы и ценности. Интуитивное и рациональное в вере. Вера как духовная и направляющая сторона личности.

Вера и безверие. Нигилизм как человеконенавистническое отрицание человека (антигуманизм), отрицание конкретно-исторических ценностей, например, утверждаемых господствующей моралью, обществом. Нигилизм как элемент динамики ценностей.

Вера в чудо, чудесное, сверхъестественное как проявление человеческой природы и сущности, элемент человеческой способности осваивать мир. Эмоциональный и иррациональный компоненты веры. Опыт расширения сознания. Мистицизм и мистический опыт человека. Визионерство. Религиозная, философская и научная вера. Обыденный опыт и суеверия. Вера и заблуждения. Вера и предрассудки. Вера и знание. Вера в свете человеческого бессознательного. «Я», «Сверх Я» и «Оно» З. Фрейда.

Вера как культурный феномен, как проявление фундаментального разделения на «культуру» и «некультуру», известное и неизвестное, познанное и непознанное, освоенное и неосвоенное.

Значение веры и отношение к ней в традиционных и нетрадиционных обществах, в религиозной и светской культурах. Изменение места, характера и роли веры в ментальной структуре общества и личности в процессе развития человечества. Возможность осмысления динамики веры как культурно-антропологической, т. е. неуничтожаемой характеристики человека в будущем, в частности, в утверждающейся сейчас культуре постиндустриального общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубер М. Я и Ты. М., 1993.
2. Вундт В. Миф и религия. СПб., 1913.
3. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч. Т. 4. Ч. 1. М., 1965.
4. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930.
5. Матвеева С. Я. Сциентизм // Современная западная социология. Словарь. М., 1990.
6. Митрохин Л. Н. Философия религии. М., 1993.
7. Розанов В. В. Люди лунного света. Метафизика христианства. М., 1990.
8. Русская идея / Сост. Маслин М. А. М., 1992.
9. Унамуно М. Назидательные новеллы. М.—Л., 1962.
10. Франк С. Л. С нами Бог. Три размышления. // Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992.
11. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе // Фейерабенд П. Изб. труды по методологии науки. М., 1986.
12. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. М., 1989.
14. Честертон Г. К. Вечный человек. М., 1991.
15. Ясперс К. Философская вера. М., 1992.

Раздел IV. ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Возможность выделения культурных типов возникает как следствие реального разнообразия культур, культурных форм, сложного строения культуры. Существует неопределенно большой набор оснований для построения культурных типов, принципиально открытый. В данном разделе в качестве таких оснований дифференциации культуры рассматриваются логика человеческой деятельности и человеческого мышления, расчленение культуры по социобиологическим, социальным и социокультурным основаниям, по территориально-поселенческому основанию и др. В этом разделе также рассматриваются синхронические структурные классификации внутреннего богатства культуры и диахронические расчленения, соотнесенные с мировым историческим процессом.

13. Основания дифференциации культуры

Множественность оснований для дифференциации культуры.

Система модальностей как основа расчленения культуры и ценностных ориентаций человека. Субъектная модальность, обозначающая сферу ценностей, мотивов, предпочтений человека, сложившихся в культуре. Объектная модальность — стремление человека мыслить и действовать

по логике объекта, внешнего мира, независимо от человеческих мотивов и ценностей. Рефлексивная модальность как способ разрешения противоречий между субъектной (ценностной) и объектной (предметной) модальностями.

Расчленение культуры согласно определяющей логике типов мышления: синкретическое, т.е. нерасчлененное мифологическое мышление, бинарное или инверсионное (черно-белое) мышление и триадичное (медиационное) мышление, ориентированное на выход за рамки бинарной оппозиции, на новый результат.

Дифференциация на овеществленную и неовеществленную культуру, материальную и духовную культуру. Основные элементы материальной культуры: орудия, жилища, транспорт, производственная и бытовая сферы культуры. Духовная культура как система ценностей и богатство духовной жизни.

Дифференциация культуры по социобиологическим признакам: женское и мужское начало в культуре. Матриархат и патриархат как структурообразующие факторы традиционных культур. Мужчина и женщина в либеральных культурах современности. Культура этапов жизненного цикла человека: детская, молодежная, пожилого возраста.

Дифференциация культуры по расовому и этническому признакам. Культура рас и народов мира.

Дифференциация культуры по вероисповедному основанию (христианская, мусульманская, иудейская, буддийская, протестантская, православная и т.д.).

Дифференциация культуры по социальному основанию: касты, сословия, классы (культура земледельцев, крестьян, фермеров, ремесленников, рабочих, буржуазии и т.д.).

Расчленение культуры по профессиональному признаку. Социально-психологическая оценка и самооценка профессиональной деятельности. Влияние культурного прогресса на переоценку ценностей в профессиональной деятельности.

Расчленение культуры на субкультуры. Социокультурные группы. Семья как культурная общность.

Дифференциация культур по типу поселения (городские, сельские, поселковые и т.д.).

Народная и ученая, религиозная и светская, религиозная и атеистическая культуры.

Естественнонаучная и гуманитарная культуры в современных обществах.

Взаимовлияние и взаимопроникновение культур, их воздействие друг на друга, на общественное сознание и по-

ведение, общество в целом. Дальнейшее развитие разнообразия в культуре и возможность дифференциации культуры по иным, чем вышеприведенные, основаниям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
2. Вейнингер О. Пол и характер. М., 1991.
3. Духовное производство / Отв. ред. Толстых В. И. М., 1987.
4. Историко-типологические и синхронно-типологические исследования. М., 1972.
5. Каган М. С. Принципы построения историко-культурной типологии. Изв. Северо-Кавказского научного центра высшей школы // Обществ. науки. 1976. № 3.
6. Кон И. С. Ребенок и общество. М., 1988.
7. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992.
8. Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов. М., 1989.
9. Научно-технический прогресс. Словарь. М., 1987.
10. Основания дифференциации культурологического объекта / Отв. ред. Орлова Э. А. М., 1991.
11. Сноу Ч. Две культуры. М., 1973.
12. Структура культуры и человек в современном обществе / Отв. ред. Арнольдов А. И., Орлова Э. А. М., 1987.
13. Феминизм: перспективы социального знания. М., 1992.

14. Структура культуры

Проблема внутреннего строения культуры, ее расчленение на элементы и формы.

Расчленение культуры на центральное «ядро» и периферию, внутренние и внешние слои. Устойчивость, защищенность, противостояние изменениям культурного «ядра». Зависимость специфики «ядра» той или иной культуры от порядка, иерархии, системы образующих его ценностей. Большая склонность к изменениям внешних слоев культуры, их относительно меньшая устойчивость.

Формы, или сферы, культуры. Обыденная и профессиональная культура. Нравственность как форма обыденной культуры и ведущая форма любой культуры. Нравственность в профессиональной культуре. Религия, философия, искусство, наука, политика, право, экономика, образование как формы (сферы) культуры. Различие понятий «форма культуры» и «форма общественного сознания».

Субкультуры в современных индустриальных обществах. Инновационно-авангардные и традиционалистские субкультуры. Элитные субкультуры и субкультуры городских низов (криминогенные, криминальные субкультуры).

Маргинальные субкультуры. Субкультуры различных меньшинств. Субкультуры любых организованных сообществ (общественных организаций, государственных учреждений).

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьян А. Ш. Современные молодежные субкультуры на Западе // Конструктура и социальные трансформации. М., 1990.
2. Джигоев О. И. Структура духовной культуры // Культура в свете философии. Тбилиси, 1979.
3. Касьянова К. Представляем ли мы, русские, собой нацию? // Знание — сила. 1992. № 11.
4. Матвеева С. Я. Субкультуры в динамике культуры // Субкультурные объединения молодежи: критический анализ. М., 1987.
5. Общественное сознание и его формы. М., 1986.
6. Орлова Э. А. Субкультуры в структуре культуры // Субкультурные объединения молодежи: критический анализ. М., 1987.
7. Социология преступности. М., 1966.
8. Человек и структура культуры. М., 1987.

15. Историческая типология культур

Проблемы типологии и классификации культур. Конкретно-исторические и идеальные культурные типы. Тип культуры как социальная целостность, модификация общечеловеческого образа жизни, исторические ступени в развитии общества. Уникальность культурно-исторического типа. Динамика развития культурно-исторических типов. Экологические, социально-экономические и духовные факторы расцвета и упадка культур. Закономерность смены культурных типов. М. Вебер о «традиционном», «рациональном» и «авторитарном» идеальных типах и их взаимодействии в конкретных культурах. П.А. Сорокин о «сенситивной», «идеациональной» и «идеалистической» культурах. Признаки культурного типа.

Расчлененная и нерасчлененная (синкретическая) культура.

Присваивающая и производящая культура. Охотничьи, земледельческие и скотоводческие культуры. Культура аграрного и промышленного общества. Доиндустриальная, индустриальная и постиндустриальная культура. Традиционная и либеральная культура. Устная и письменная культура. Экранная культура постиндустриального (информационного) общества.

Возможность построения исторических типологий, основанных на особенностях социальной структуры того или иного типа общества. Формационные и цивилизационные

типологии. Разделение труда как основание для вычленения конкретно-исторических типов в структуре культуры. Со-словенно-групповая типология, выявление культурных ролей тех или иных культурных типов в обществе. Культурный тип субъекта управления в разное историческое время: патриархальный глава рода, вождь, старейшина, князь, король, император, президент и т. д. Исполнители в разные эпохи: рабы, холопы, слуги, крепостные крестьяне, наемные работники и др. Профессиональные носители социокультурного опыта: шаманы, жрецы, гуру, интеллигенты, ученые и т. д. Посредники-коммуникаторы: купцы, торговцы, коммерсанты, переводчики, дипломаты, миссионеры, этнографы, журналисты и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Избр. произвед. М., 1990.
2. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
3. Драгунский Д. В., Цымбурский В. Л. Генотип европейской цивилизации // ПОЛИС. 1991. № 1.
4. Конрад Н. И. Запад и Восток. М., 1966.
5. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983.
6. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры / Лотман Ю. М. Избр. статьи. Т. 1. Таллинн, 1992.
7. Историко-типологические и синхронно-типологические исследования. М., 1972.
8. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976.
9. Мыльников А. С. Основы исторической типологии культуры. Уч. пособие. Л., 1979.
10. Новая технократическая волна на Западе / Сб. пер. / Сост. и вступ. статья П. С. Гуревича. М., 1986.
11. Ракитов А. И. Философия компьютерной революции. М., 1991.
12. Романов В. Н. Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. М., 1991.
13. Россия и Запад: взаимодействие культур / Материалы круглого стола // Вопросы философии. 1992. № 6.
14. Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество. М., 1992.
15. Тойнби А. Постижение истории. М., 1992.
16. Элиаде М. Космос и история. М., 1987.

Раздел V. МЕХАНИЗМЫ КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

В раздел включены темы, в которых рассматриваются важнейшие аспекты культурной динамики. Основное внимание уделено проблемам движущих сил социокультурного развития, различным формам воплощения противоречия между культурой и социальными отношениями в динамике культуры. Акцент на проблемах модернизации и опыте со-

циокультурного развития модернизирующихся обществ сделан в связи с необходимостью осмысления исторического опыта и современного этапа развития России. В связи с этим в раздел включены темы, посвященные роли интеллигенции в модернизирующихся обществах и культурной политике, значение и возможности которой в ситуации попыток перехода к рыночной экономике в России подлежат интенсивному изучению в силу первостепенной значимости этой проблемы для общественного развития страны.

16. Динамика культуры

Культура как процесс изменений. Макроизменения и микроизменения. Устойчивое и изменчивое в культуре. Культурная эволюция. Трансляция культурного опыта.

Динамика традиций и инноваций. Порождение культурных образцов. Превращение образцов в ценность. Культурные нормы как утвердившие себя в обществе и закрепившиеся в нем ценности. Культурные процессы — от возникновения культурных феноменов до их декомпозиции, разрушения, катастрофы.

Механизмы культурных изменений. Инверсия и медиация. Экстраполяция и интерпретация. Общекультурные механизмы, имеющие всеобщий характер. Механизмы изменений, специфичные для данной конкретной формы культуры. Различная скорость изменений в разных формах и на разных уровнях культуры, и, соответственно, мозаичность синхронического «среза» культуры, включающего разновременные культурные пласты.

Динамика форм в структуре культуры. Господство религии в культуре Средних веков. Повышение значимости науки и права в структуре культуры в Новое время.

Ценностное «ядро» и периферия культуры. «Базовая» культура большинства и субкультуры меньшинств. Взаимообмен между ними. Устойчивость, константность культурного «ядра» и большая изменчивость периферийных элементов культуры.

Динамика элитарной и массовой культур. Переход от относительной их изолированности друг от друга ко все более тесному взаимодействию в условиях высокоразвитого рыночного механизма западных обществ.

«Вертикальные» и «горизонтальные» диффузии культуры. Распространение культуры на территории или по социальным группам.

Динамика традиций, возможность возрождения угасшей

традиции, роль стрессов и катастроф в активизации социальной памяти. Амбивалентность социального смысла возрождения традиций. Иерархичность пластов культурного опыта и возможность всплывания при определенных условиях архаических элементов культуры. 3. Фрейд и фрейдизм о культурном подсознательном. «Коллективное бессознательное» К. Г. Юнга.

Процесс утверждения инноваций. «Шаг новизны» и его специфичность для разных культур. Негативное отношение к инновациям в традиционных статичных обществах. Потребность в инновациях в развитых индустриальных обществах.

Рынок как культурный механизм и следствие разделения труда; как естественно-исторический процесс ускорения социокультурной динамики, культурного обмена, порождения и распространения инноваций. Рынок как «расширенный порядок человеческого сотрудничества» (Ф. А. Хайек).

Урбанизация и инновации в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Динамика культуры: методологические проблемы. М., 1989.
2. Касьянова К. Представляем ли мы, русские, собой нацию? // Знание — сила. 1992. № 11.
3. Кассирер Э. Познание и действительность. СПб., 1912.
4. Лейбин В. М. Психоанализ и философия неопределенности. М., 1977.
5. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
6. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992.
7. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.
8. Орлова Э. А. Человек в городской культуре. М., 1987.
9. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3—4.
10. Свасьян К. А. Проблема символа в современной философии. Ереван, 1980.
11. Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. М., 1992.

17. Культурный прогресс: наследие, традиции, преемственность

Понятие культурного прогресса и его критерии. Историческая преемственность — закономерность развития культуры. Актуальная и потенциальная культура. Абстрактная и конкретная культура. Понятие культурного наследия и формы его освоения. Специфика преемственности в истории мысли и истории техники, в материальной и духовной культуре. Прогрессивная и реакционная преемственность, непрерывная и прерывная преемственность. Культурный фонд и культурный фон. Культурные катастрофы как утра-

та культурного опыта, массовый нравственный упадок, гибель духовной, нравственной, интеллектуальной элиты. Прогресс научный, технический, нравственный. Проблема прогресса в образовании и искусстве.

Изменение масштабов и характера культурного наследия в историческом развитии и в процессе взаимовлияния культур. Общечеловеческое культурное наследие — мировая сокровищница культуры. Превращение мирового культурного наследия в один из основных ресурсов саморазвития человечества. Значение местных культурных традиций как ресурса мирового культурного опыта.

Циклические теории развития культуры. Идея культурного прогресса. Линейные концепции развития культуры и их критика. Эволюция и революция в культуре. Понятие культурного кризиса и его амбивалентный смысл. Культурный регресс как утрата необходимой части культурного опыта. Негативная роль нигилистических идей, концепция и движений в этом процессе. Леворадикальная традиция на Западе и в России, ее культурные смыслы. Правый радикализм в Европе. Катастрофа нацистской Германии и ее уроки. Студенческая революция на Западе в 1968 году, рождение контркультуры и альтернативных стилей жизни. Роль этого движения в контексте перехода к постиндустриальному информационному обществу.

Авангардизм и традиционализм в культурологии. Культуркритицистские и охранительные концепции развития культуры.

Современный этап культурного прогресса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баллер Э. А. Преемственность в развитии культуры. М., 1969.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация: экономика и капитализм XV—XVIII вв. М., 1986—1992. Т. 1—3.
3. Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э. Л., 1985.
4. Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. М., 1980.
5. Классическое наследие и современность / Под ред. Лихачева Д. С. Л., 1981.
6. Культурный прогресс: философские проблемы. М., 1984.
7. Кучмаева И. К. Культурное наследие: современные проблемы. М., 1987.
8. Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. Л., 1985.
9. Назаретян А. П. Интеллект во Вселенной. М., 1991.
10. Проблемы культурного наследования в философской теории и практике современного Запада / Отв. ред. Кучмаева И. К., Матвеева С. Я. М., 1989.

11. Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас. Очерки по истории философии и культуры. М., 1991.
12. Тавризян Г. М. Техника, культура, человек. М., 1986.
13. Тойнби А. Постижение истории. М., 1991.
14. Туровский М. Б. Преемственность и культура // Филос. науки. 1988. № 6.
15. Фурсов А. И. Революция как имманентная форма развития европейского исторического субъекта // 200 лет Великой Французской революции: французский ежегодник. 1987. М., 1989.
16. Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990.
17. Шпет Г. Г. История как проблема логики. М., 1946.

18. Социокультурные аспекты модернизации

Модернизация как социокультурный процесс перехода от традиционной цивилизации к нетрадиционной «либеральной». Концепции модернизации, их смысл в контексте западного либерализма. Расцвет идеи модернизации добуржуазных аграрных обществ, практика модернизаторов и накопленный опыт модернизации. Проблемы традиции и инновации в модернизирующихся обществах. Внутренние источники и внешние стимулы и средства модернизации. Модернизирующееся общество в свете различных концепций общественного развития. Цивилизационная концепция модернизации. Концепция слаборазвитости и зависимого развития, культурный аспект колониализма и полукOLONиальной зависимости. Критика концепций модернизации. Миросистемная теория И. Валлерстайна. Анализ центрo-периферических зависимостей и места того или иного общества в системе мирохозяйственных связей с точки зрения цивилизационной концепции.

Специфика социокультурной модернизации в больших странах. Модернизация в империях. Опыт Индии и Китая. Концепция «слона и мухи». Роль внутренних и внешних факторов в социокультурном развитии.

Значение религии и ее ценностей для модернизации. Обсуждение возможностей мировых религий способствовать или препятствовать модернизации. Органическая и навязанная, вынужденная модернизация. Протестантизм, трудовая этика и развитие капитализма в Западной Европе (М. Вебер и современные веберianцы).

Православие и модернизация. Опыт славянских народов.

Специфика модернизации в России. Социокультурный раскол как механизм цивилизационной «ловушки». Псевдомодернизация и возможности выхода из цивилизационного кризиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер А. С. Социально-культурные проблемы развития России. М., 1992.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произвед. М., 1990.
4. Динамика культурных и социальных связей. М., 1992.
5. Матвеева С. Я. Модернизация и конфликт ценностей // Проблемы прогнозирования. Интерпериодика. М., 1992. № 4.
6. Модернизация в России. Материалы круглого стола / Вопросы философии. 1993. № 7.
7. Модернизация в России и конфликт ценностей / Отв. ред. Матвеева С. Я. М., 1993.
8. Морозов Ю. А. Пути России. Модернизация неевропейских культур. Вып. 1—4. М., 1991.
9. Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. М., 1984.
10. Розанов В. В. Сумерки просвещения. М., 1990.
11. Федотов Г. П. Мир России. Париж, 1967.

19. Интеллигенция в модернизирующемся обществе

Интеллигенция как носитель и создатель профессиональных форм культуры (наука, искусство, философия и др.). Профессиональная структура интеллигенции и тенденции ее изменения. Интеллигенция как коммуникатор между народом и властью, «отщепенец» и борец за права большинства. Проблема раскола в русской культуре. Раскол между интеллигенцией и народом, интеллигенцией и властью. Духовная элита и ее культурная роль в модернизирующемся обществе. Интеллигенция как носитель знания и нравственности. Раскол внутри интеллигенции. Сторонники прогресса и модернизации и самобытники-почвенники.

Превращение интеллигентов в интеллектуалов в модернизированном обществе. Интеллектуал как эксперт, профессионал, квалифицированный специалист и творец культуры. Роль интеллектуалов для роста инновационного потенциала общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд А. И. Человек и мир культуры. М., 1992.
2. Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. СПб., 1910.
3. Вехи. Из глубины. М., 1991.
4. Народ и интеллигенция. М., 1991.
5. Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. 1783—1883. М., 1986.
6. Рационалистическая традиция и современность. М., 1988.

20. Культурная политика. Социальное прогнозирование и социальное проектирование

Социальные институты культуры и основные принципы их деятельности. Культурная политика на общесоциальном, региональном и местном уровнях. Научное обоснование культурной политики. Субъекты культурной политики на разных уровнях. Содержание и методы культурной политики. Ее задачи и возможности. Взаимодействие субъектов управления, экспертов и исполнителей. Возможности государства и частных лиц поддерживать культурное развитие. Гражданские инициативы в культурном строительстве и возрождении культуры. Роль и место интеллигенции в этом процессе.

Специфика культурной политики в различных сферах культуры. Создание, сохранение и развитие макро- и микрокультурной среды. Поддержка культурного творчества.

Процесс демократизации и проблема развития социальных институтов культуры. Элитарная и массовая культуры в России. Особенности их развития и взаимосвязи. Коммерциализация художественной культуры.

Социальное прогнозирование и проектирование. Возможности сохранения и развития культурного потенциала общества. Освоение культурных образцов в обществе как проблема социальной работы в сфере культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольдов А. И. Введение в культурологию. М., 1993.
2. Дискин И. Е. Культура: стратегия социально-экономического развития. М., 1990.
3. Глазычев В. Л. Малый город. Технология выживания и развития // Свободная мысль. 1993. № 7.
4. Историко-культурное наследие: сохранение, освоение и использование. М., 1989.
5. Культура и процессы демократизации. Вып. 1. М., 1990.
6. Культурная деятельность: опыт социологического исследования / Отв. ред. Коган Л. Н. М., 1981.
7. Культурная среда и ее освоение. М., 1988.
8. Лукин Ю. А. Культура и культурная политика. М., 1992.

Раздел VI. ФОРМЫ КУЛЬТУРЫ

Формы или сферы культуры — составные элементы структуры культуры. Понятие «форма культуры» имеет особенный, а не всеобщий смысл. Формы культуры не являются культурными универсалиями, они — элементы слож-

ной культуры, имеющей развитую структуру. Становление отдельных форм культуры, их вычленение из синкретической культуры составляют важнейший предмет любого исторического рассмотрения.

В данном разделе авторы опираются на то распространенное понимание форм культуры, которое частично совпадает с известным делением на формы общественного сознания. Важное отличие, однако, состоит в том, что форма культуры всегда есть социальное действие и поведение, а ментальное ее содержание — лишь компонент, часть целого. Кроме того, богатство ментального содержания форм культуры далеко выходит за рамки социально-классовой ориентированности, заключающейся в понятии «формы общественного сознания». Культурные «миры» и «пространства», принципиально неисчерпаемые и реализующие себя в формах культуры, коренятся в бесконечности человеческой субъективности, в возможностях и способностях личности, ее творческом потенциале.

Важнейший акцент в разделе сделан на динамике отдельных форм в структуре культуры и процессе исторического изменения. Интерес к динамическому аспекту темы не исчерпывается такими более разработанными проблемами, как, например, роль науки или искусства в структуре культуры, но касается и менее разработанных проблем, например, роли религии в структуре и динамике культуры. Значительное внимание уделено обыденной культуре и повседневности. Несомненно, число тем в разделе может быть дополнено, в частности, за счет включения таких тем, как «образование», «право», «политика» и т. д.

21. Экономическая культура и культура хозяйства

Культура хозяйства и экономическая культура как культурологические понятия. Антропологический смысл понятия «культура хозяйства». Экономическая культура как культура хозяйства в либеральной цивилизации, рыночная культура. Экономическая культура как система ценностей и норм, выступающих регуляторами экономического поведения и выполняющих роль социальной памяти. Способность экономической культуры содействовать (или мешать) трансляции, отбору и обновлению образцов, ценностей и норм, функционирующих в сфере экономики и ориентирующих ее субъектов на те или иные формы экономической активности. Личностный и институциональный аспекты экономической культуры и их взаимосвязь. Место

экономической культуры в социокультурном механизме развития экономики.

Культурные основы командной экономики, ее зарождение и развитие. Культурное содержание командной экономики в СССР. Культура рыночной экономики как основного механизма развития мирового хозяйства, разделения и кооперации труда. Субъекты рыночной экономики и их ценности. Частная собственность как феномен и результат развития культуры. Зависимость развития института частной собственности от исторического процесса вычленения личности из общества, ее становления как свободного, автономного и ответственного субъекта творческой деятельности. Разделение власти и собственности как необходимые социокультурные предпосылки становления развитого рыночного механизма, современного типа экономической культуры. Организационная революция как способность подчинять социальные отношения эффективности совместной деятельности — необходимое условие функционирования рыночной экономики.

Особенности культуры хозяйствования и ее субъектов в современной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аитов Н. А. Работники хорошие и плохие. М., 1983.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. соч. М., 1991.
3. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1989.
4. Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире / Сост. Шанин Т. М., 1992.
5. Гордон Л. А., Назимова А. К. Рабочий класс в СССР. Тенденции и перспективы социально-экономического развития. М., 1985.
6. Горец А. Метаморфозы труда: поиск смысла. Критика экономического разума. М., 1990.
7. Давыдов Ю. Н. Труд и свобода. М., 1966.
8. Европейская цивилизация и капитализм: культура и экономика в развитии общества. М., 1991.
9. Заславская Т. И., Рывкина Р. В. Социология экономической жизни. Новосибирск, 1991.
10. Кардош Л. Этика в торговле. М., 1985.
11. Китов А. И. Экономическая психология. М., 1987.
12. Корнаи Я. Дефицит. М., 1990.
13. Пономарев Л. Н., Попов В. Д., Чечканов В. П. Экономическая культура. М., 1987.
14. Рабочий и инженер. Социальные факторы эффективности труда / Ред. Шкаратан О. И. М., 1985.
15. Смелсер Н. Социология экономической жизни. М., 1965.
16. Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. М.—Л., 1935.
17. Сознание и трудовая деятельность. Ценностные аспекты сознания, вербальное и фактическое поведение в сфере труда. Киев—Одесса, 1985.

18. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. Свод этнографических понятий и терминов. М., 1986.

19. Человек и его работа: Социологическое исследование / Ред. Здравомыслов А. Г., Роговин В. З., Ядов В. А. М., 1967.

20. Человек и структура культуры. М., 1987.

22. Обыденная культура и повседневность

Обыденная культура как оппозиция профессиональным формам культуры. Соотношение в ней антропологических и конкретно-исторических, цивилизационных характеристик. Обыденная культура как способ и форма, исторически сложившийся и изменяющийся опыт воспроизводства жизни людей. Целостность обыденной культуры как стиль и образ жизни. Элементы обыденной культуры: культура быта, культура окружающей среды, культура поддержания и воспроизводства жизненного цикла человека. Ритуалы обыденной жизни и их воспроизводственный смысл.

Историческое измерение обыденной культуры; различие синкретической, т. е. нерасчлененной культуры и обыденной культуры как одной из форм высокодифференцированной культуры.

Обыденная жизнь: общение, игра, занятие. Возникновение труда: собирательство, охота, рыболовство. Война и мир. Будни и праздники. Быт и работа. Профессионализация человеческой деятельности и появление обыденной культуры. Домашний промысел, его отличие от ремесла. Праздность и рождение свободного времени. Наполненность и качество свободного времени. Представление о досуге.

Окружающая среда личности, группы. Физическое, физиологическое, психологическое и культурное пространство. Вычленение пространства обыденной жизни (обыденных занятий) в культурном представлении о пространстве в процессе развития форм деятельности.

Жизненный цикл, его воспроизводство как главная ценность и цель обыденной культуры. Семья, ее члены. Подрастающее и старшее поколения. Дети и родители. Ценность воспитания и взгляды на него. Приход в жизнь и уход из нее, отношение к разным этапам жизненного цикла.

Повседневность как обобщенное представление об упорядоченности, рутинных ритмах обыденной жизни. Историческое изменение содержания повседневности. Повседневность и структуры деятельности, ментальные структуры повседневности в разных культурах.

Представление о земном и потустороннем, его значение

для характера повседневности. Стереотипы культуры, привычки, здравый смысл, собственный опыт и творчество в обыденном мышлении и поведении. Стереотипы культуры как архетипы, традиции и жизненный опыт личности, группы, общества. Здравый смысл как рациональная часть культурных стереотипов, доказавшая свою эффективность. Творческая способность человека обращать багаж архетипов, традиций, жизненного опыта и спонтанные творческие индивидуальные качества личности на решение проблем.

Содержание обыденной культуры. Пища. Жилище и интерьеры. Одежда. Техника и средства общения. Типы поселений. Человеческое общение и его типы в обыденной культуре. Межличностный обмен предметами, действиями, знаками (вещами, деятельностью, информацией). Собственность.

Расчленение обыденной жизни на публичную и частную. Профессиональная и общественная деятельность. Возможность использования профессиональных умений и знаний в обыденной жизни. Формы и типы обыденной культуры в профессиональной деятельности. Взаимодействие обыденной и профессиональной культур и его культурный смысл как следствия целостности жизненного мира личности и незавершенности дифференциации культурных форм, остаточного синкретизма.

Структура обыденной жизни в современных индустриальных обществах. Культура быта. Массовое просвещение и образование. Объединяющая функция идеологии, религии, права, ментальности.

Средства массовой информации и их роль в поддержании и развитии содержания и структуры бытовой культуры. Массовое сознание как феномен обыденной культуры.

Домашнее хозяйство, его масштабы и роль в воспроизводстве жизни. Труд, умения, знания и технологии в быту. Любительские занятия, хобби. Домоводство и творчество. Искусство, верования в обыденной культуре. Обычное право. Семейные, соседские, дружеские связи, связи по интересам.

Отдых как форма культурной деятельности. Активный и пассивный отдых. Публичное пространство обыденной жизни. Клубы, общества, ассоциации и другие общественные непрофессиональные объединения. Музеи, театры, концертные залы, библиотеки, спортивные залы и сооружения как пространства отдыха и развлечения. Кафе, рестораны, парки, улицы, общественный транспорт, учреждения бытового обслуживания как публичные пространства, где осуще-

ствляются контакты профессиональной и обыденной культуры.

Стабильность и изменчивость обыденной культуры в современных обществах. Потребление и производство, изменение их соотношения в обыденной культуре в зависимости от типа хозяйства. «Протребители» (производители и потребители) А. Тоффлера — попытка проследить тенденцию сдвигов в производительной и потребительской функции семьи при продвижении к постиндустриальному обществу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVII вв. В 3-х т. М., 1986—1992.
2. Бутенко И. А. Социальное познание и мир повседневности. М., 1987.
3. Быт и история в Античности. М., 1988.
4. Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
5. Гуревич П. С. Приключения имиджа. Типология телевизионного образа и парадоксы его восприятия. М., 1991.
6. Жигульский К. Праздник и культура. М., 1981.
7. Заблуждающийся разум. Многообразие вненаучного знания. М., 1990.
8. Захаров А. В., Козлова Н. Н. Российские реформы глазами «маленького» человека // Российский монитор. Архив современной политики. М., 1993.
9. Ионин Л. Г. Историзм повседневности // Ускорение социально-экономических процессов и культурные проблемы социальной организации. М., 1987.
10. Козлова Н. Н. Социализм и сознание масс. М., 1989.
11. Поляков И. В. Знаковые системы в социальном взаимодействии и познании. Новосибирск, 1983.
12. Пушкинский Б. Я. Обыденное знание. Л., 1987.
13. Цивьян Т. В. Мифологическое программирование повседневной жизни // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985.
14. Орлова Э. А. Обыденная культура: организационные формы // Структура культуры и человек в современном обществе. М., 1987.
15. Этнография питания народов стран зарубежной Азии. М., 1981.

23. Нравственность

Нравственность — культурологическое понятие. Нравственность как определяющий аспект культуры, общее обоснование человеческой деятельности. Интегративные свойства нравственности, ее способность выступать движущей силой человеческих отношений. Нравственность и ценность. Нравственность — ценностный базис общества, регулятор социальных и межличностных отношений. Реализация в нравственности общественной сущности человека, его антропологической способности вступать в отношения с другими людьми, определять отношение к себе

зиса цивилизации и переходных исторических эпох. Гибридный тип нравственности как маргинальный тип. Необходимость определения конкретного содержания маргинальных типов нравственности, создания их типологии.

Нравственность — форма культуры. Добро и зло — основная оппозиция, воплощающая оценку человеком мира, общества, самого себя в определенной иерархии ценностей. Локальный характер нравственности на ранних этапах развития человечества. Родовая и племенная нравственность. Социокультурный смысл отождествления «своего», «мы» — с добром и «чужого», «они» — со злом. Освоение «чужого» через включение, приравнивание его к «своему» — культурный механизм. Превращение «чужого» в «свое» — один из основных ресурсов саморазвития культуры. Инверсионная динамика нравственности — проявление всеобщей логики культуры. Медиационная динамика нравственного развития — основной культурный механизм нравственного прогресса, основа диалогической логики культуры, приращения культурного богатства.

Нравственность и религия. Воплощение в религиозной нравственности высших моральных ценностей, выработанных сообществом. Приобретение ими всеобщего характера в мировых религиях. Превращение добра в высший принцип, высшую ценность. Понятие греха и разделение греха и его носителя — переломный момент в развитии нравственности, в осознании всеобщего характера нравственности.

Нравственность и право. Единство и противоречие права и нравственности в индустриальных и постиндустриальных обществах. Единство права и нравственности как культурная привычка, результат жизни в условиях гражданского общества. Противоречие права и нравственности как движущий стимул их дальнейшего изменения.

Нравственность и политика. Ограничение произвола политических решений общественной нравственностью, роль общественного мнения как результата развития культуры гражданственности в индустриальных и постиндустриальных обществах.

Структура нравственности как формы культуры. Нравственные традиции, образцы, ценности и нормы. Привычка и ее роль в утверждении образцов нравственного поведения. Нравственные идеалы и нравы в культурной реальности общественной жизни.

Массовая нравственность. Специфика нравственности в

группах и субкультурах общества. Индивидуальная нравственность. Культурные герои как носители и образцы высших форм нравственности. Механизм распространения нравственных образцов в массовой нравственности; необходимость взаимообмена, диалога между специфическими формами и массовой нравственностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. В 3-х т. М., 1991.
2. Библер В. С. Нравственность. Культура. Современность: философские размышления о жизненных проблемах. М., 1990.
3. Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993.
4. Бубер М. Я и ты. М., 1993.
5. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество. М., 1992.
6. Гусейнов А. А. Золотое правило нравственности. М., 1988.
7. Дробницкий О. Г. Проблемы нравственности. М., 1977.
8. Зубец О. П. Динамика нравственной жизни. М., 1988.
9. Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993.
10. Кропоткин П. А. Этика. М., 1991.
11. О России и русской философской культуре. М., 1990.
12. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., 1987.
13. Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990.
14. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В. С. Соч. в 2-х т. Т. I. М., 1988.
15. Титов В. А. Мораль: познание и действие. М., 1987.
16. Честертон Г. К. Вечный человек. М., 1991.
17. Швейцер А. Культура и этика. М., 1973.
18. Шестов Л. Власть ключей // Шестов Л. Соч. в 2-х т. Т. I. М., 1993.
19. Шишкин А. Ф. Человеческая природа и нравственность. М., 1987.
20. Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. М., 1992.

24. Искусство

Искусство — понятие культурологии. Искусство как культурно-антропологический феномен. Искусство и игра.

Искусство — форма культуры. Вычленение искусства из синкретической культуры. Место искусства в структуре культуры на различных этапах ее развития. Образ в искусстве как феномен культуры. Связи искусства с мифом, религией, наукой, философией. Искусство и другие формы культуры: наука, нравственность, религия, политика, экономика, быт и повседневность. Искусство и проблема эстетизации окружающей среды.

Искусство и понятие художественной культуры. Художественная культура и художественная жизнь общества. Эстетический и социальный смысл искусства. Искусство как творчество, сотворчество; искусство как научение, по-

знание, передача культурного опыта. Потребление искусства, его социокультурные смыслы.

Функции искусства в культуре. Искусство — «самосознание» и код культуры. Языки искусства. Искусство как создание новых реальностей; прогностическая функция искусства — «прощупывание» путей развития культуры и общества.

Искусство как деятельность и общение. Субъект искусства. Художник как культурно-исторический и психологический тип. Отношение к искусству, художникам в истории культуры.

Народное и профессиональное искусство. Элитарное искусство и искусство массовое. Роль искусства в традиционной и либеральной цивилизациях. Искусство как хранитель канонов и традиций. Инновации в искусстве. Авангардизм и поставангардизм, роль искусства в индустриальном и постиндустриальном обществах. Искусство как динамический элемент культуры.

Искусство как культурное наследие. Памятники искусства и тексты. Способ существования художественных текстов и проблема восприятия искусства.

Исторические, этнокультурные, социокультурные и т.п. типологии искусства.

Развитие искусства как формы и феномена культуры. Становление видов искусства как реализация культуроведческой способности человека.

Культурология об искусстве и его культурологических характеристиках. Социобиологические, фрейдистские и неопрейдистские, структуралистские и постструктуралистские, социологические, герменевтические концепции искусства. Культурология и эстетика, культурология и этнография, культурология и социология. Различие и общность в рассмотрении искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Избр. работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
3. Выгодский Л. С. Психология искусства. М., 1965.
4. Гулыга А. В. Искусство в век науки. М., 1978.
5. Искусство в системе культуры. Л., 1987.
6. Искусство и общение. Л., 1984.
7. Каган М. С. Морфология искусства. Л., 1972.
8. Кентавр: Эрнест Неизвестный об искусстве, литературе и философии. М., 1992.
9. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистического искусства. М., 1976.

10. Лотман Ю. Н. Избр. статьи. Т. 2. Таллинн, 1992.
11. Мейлах Б. С. Художественная картина мира. Вопросы комплексного изучения. М., 1983.
12. Народные знания, фольклор, народное искусство. М., 1991.
13. Некрасова М. А. Народное искусство как часть культуры. М., 1983.
14. Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973.
15. Рогинский Я. Я. Об истоках возникновения искусства. М., 1982.
16. Современное буржуазное искусство: критика и размышления. М., 1975.
17. Творческий процесс и художественное восприятие. Л., 1978.
18. Фохт-Бабушкин Ю. У. Художественная культура: проблемы изучения и управления. М., 1986.
19. Художественная культура в докапиталистических формациях. Структурное типологическое исследование. М., 1984.

25. Религия

Религия как культурологическое понятие, форма культуры, результат дифференциации синкретической культуры. Реализация в религии культурно-антропологической способности человека верить, искать высшие смыслы и ценности. Религия — векторное понятие, ориентирующее человека в поиске смысла жизни.

Религия в истории культуры. Происхождение религии. Дорелигиозные эпохи жизни человечества. Дорелигиозная ментальность в исследованиях этнографов. Древние суеверия, магия, колдовство как выражение фундаментального разделения культуры на оппозицию потустороннего и посюстороннего. Социокультурный смысл язычества как средоточия племенной культуры и выражения множественности культур. Язычество и мифологическая «картина мира». Языческий пантеон богов — становление иерархии культурных значимостей и путь к монотеизму. Манихейство как выражение, средоточие, этап развития мышления и логики культуры. Манихейство, т.е. двухосновность, двусубстанциональность мира как универсальная характеристика мышления и социокультурный, культурно-исторический феномен. Социальный смысл манихейства.

Религия — вера в Единого Бога, в Абсолют и Высшую ценность. Культурный смысл монотеизма — установление нового культурного типа мышления. Мировые религии как монотеистические религии. Разделение на дух и плоть и значение этого для гуманизации социальных отношений. Иудаизм — первое в истории последовательное воплощение принципа монотеизма. Рождение, триумф и кризис христианства. Гуманизм христианской веры. Ранние христианские общины. Католицизм, Реформация и ее

социокультурный смысл в контексте становления либеральной цивилизации.

Религия в традиционной и либеральной цивилизациях. Мистическая практика и религиозные традиции Востока как путь развития и усложнения духовной традиции традиционных обществ, разветвления и усложнения синкретической культуры. Восточные заимствования на Западе, их смысл культурного ресурса, способность либеральной цивилизации адаптировать опыт Востока. Западные заимствования на Востоке. Вестернизация и модернизация культуры, в том числе религиозной. Ограниченность противопоставления «Восток—Запад», в том числе и по вероисповедным характеристикам. Модернизированные и немодернизированные религии.

Место религии в структуре культуры. Дорелигиозная, религиозная и секулярная культуры. Доминирующее место религии в структуре религиозной культуры. Средневековые — исторический образец господствующей роли религии в культуре. Пронизанность религиозными представлениями обыденной культуры в иудаизме и исламе.

Религия и формы культуры. Исторический спор религии и науки. Динамика отношений религии и науки, веры и знания в современную эпоху. Религия и искусство. Философия и религия. Религия и нравственность. Библейские заповеди, христианская нравственность как общечеловеческие культурные ценности. Возможность дальнейших изменений в динамике религии в структуре культуры.

Социальные институты религии. Церковь и священнослужители. Место и роль религии в современных обществах. Исторический спор церкви и государства, теократической и светской власти. Разделение религиозной и светской власти. Религия и тоталитарное государство. Атеизм против клерикализма, конфликт на почве католицизма. Атеизм как антихристианство и государственная идеология (советский опыт). Наступление неоязычества — следствие кризиса христианства. Проблема модернизации православия. Неоязычество в модернизированных и в модернизирующихся обществах, его социокультурный смысл.

Религия в обществе, в социокультурных группах и субкультурах, религия в индивидуальном мире личности. Психотерапевтическая и интегрирующая роль религии.

Культурология о сущности религии и ее типах. Религиозные направления современной культурологии. Взгляды христианских мыслителей на происхождение культуры из религии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубер М. Я и ты. М., 1993.
2. Горичева Т. Православие и постмодернизм. Л., 1991.
3. Левада Ю. А. Социальная природа религии. М., 1965.
4. Митрохин Л. Н. Философия религии. М., 1993.
5. Мифы народов мира. Т. 1—2. М., 1991—1992.
6. Мунье Э. Персонализм. М., 1992.
7. Ерасов Б. С. Культура, религия и цивилизация на Востоке. М., 1990.
8. Лукач И. Пути богов. К типологии религий, предшествовавших христианству. М., 1984.
9. Протестантизм. Словарь / Под ред. Митрохина Л. Н. М., 1991.
10. Работы М. Вебера по социологии религии и культуре. Вып. 1—2. М., 1991.
11. Работы Э. Жильсона по культурологии и истории мысли. Вып. 1. М., 1987.
12. Работы Ж. Маритена по культурологии и истории мысли. Вып. 1—2. М., 1990.
13. Свенцицкая И. С. От общины к церкви. М., 1985.
14. Сумерки богов. М., 1990.
15. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., 1989.
16. Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1990.
17. Угринович Д. М. Введение в религиоведение. М., 1985.
18. Угринович Д. М. Искусство и религия. М., 1983.
19. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1986.
20. Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993.

26. Наука

Наука и ее социокультурный смысл как специализированной формы культуры, ориентированной на познание. Наука как феномен культуры. Возникновение науки из нерасчлененной культуры. Здравый смысл и народные знания как предосновы науки. Наука и магия как формы культуры (Дж. Фрэзер).

Наука — идеальная модель и культурная форма. Социальные аспекты бытования науки в обществе и ее детерминация культурой.

Культурология науки. Культурные основания науки. Ценностные и гносеологические аспекты науки. Критерии научности. Эволюция науки как элемента и формы эволюции западноевропейской культуры. Научный этос. Наука как культурная традиция.

Научное и мифологическое мышление. Наука и религия, различие оснований, история взаимоотношений науки и религии и ее смысл в контексте динамических сдвигов в структуре культуры. Наука и философия, история взаимодействия и ее смысл в развитии мысли. Наука и искусство как культурные формы продуцирования инноваций и сферы творчества. Наука и техника. Наука как знание,

интеллектуальный ресурс и инструмент. Различие культурных оснований теоретической и эмпирической науки. Эксперимент в науке как культурный феномен.

Наука и научное знание в до- и вненаучной культурной среде. Псевдонаука и антинаука. Наука и идеология, возможности существования науки как идеологии. Сциентизм и антисциентизм в науке и вне науки. Сциентизм и антисциентизм как идеологии науки.

Изменения в образе науки в современном мире. Классическая, неклассическая и постнеклассическая наука. Наукофобия и проблема предпосылок и последствий научно-технического прогресса. Миф о науке.

Ученый как культурный феномен и носитель научной субкультуры. Алхимик и маг. Средневековый книжник. Энциклопедист и философ. Богослов. Испытатель природы (галилеевская наука). Интеллектуал и эксперт («яйцеголовый»).

Субкультуры в науке. Наука в научных учреждениях и университетах. Наука на производстве, в коридорах власти и в бизнесе.

Культурологическая волна в логике и методологии науки. Динамика науки. Научные революции, их имманентные и культурные причины. Интернализм и экстернализм в философии науки. Социология знания и ее культурологические аспекты. Т. Кун, П. Фейерабенд и проблема релятивизации образа науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернал Дж. Д. Наука в истории общества. М., 1956.
2. Гайденок П. П. Эволюция понятия науки. М., 1980.
3. Голдстейн М., Голдстейн И. Как мы познаем. М., 1984.
4. Концепции науки в буржуазной философии и социологии. 2-я половина XIX—XX вв. М., 1973.
5. Косарева О. М. Социокультурный генезис науки нового времени. М., 1989.
6. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
7. Малкей М. Наука и социология знания. М., 1983.
8. Матвеева С. Я. Формы интерпретации науки в культуре // Категории и понятия теории культуры. М., 1985.
9. Народные знания, фольклор. Народное в искусстве. Свод этнографических понятий и терминов. М., 1992.
10. Наука и власть. М., 1990.
11. Наука и культура. М., 1984.
12. Наука и ценности. Новосибирск, 1987.
13. Научные революции в динамике культуры. Минск, 1987.
14. Огурцов А. П. Дисциплинарная структура науки. М., 1988.
15. Рашковский Е. Б. Науковедение и Восток. М., 1980.
16. Тудмин Ст. Человеческое понимание. М., 1984.

Раздел VII. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

Раздел включает темы, посвященные взаимодействию культур в мировом сообществе. Акцентированы аспекты этой проблемы, актуализированные современностью, усилившиеся в мире вниманием к проблемам этноса, нации, общечеловеческих ценностей, планетарной культуры и мирового исторического культурного наследия. На первом месте в обсуждении культурного смысла и содержания этих проблем выступают значимость диалога культур, развитие умения, желания и способности людей предотвращать конфликты.

Современная ситуация включает объективные параметры, заключающиеся в росте числа глобальных проблем, экологическом кризисе, демографическом давлении, трагическом разрыве между индустриальным и постиндустриальным Севером и не выдерживающим трудностей запаздывающей индустриализации Югом. Она включает и субъективные параметры — прежде всего повышение уровня рефлексии, самоосмысления людьми своих проблем, рост ответственности за общечеловеческие ценности, иными словами, то, что всегда связывалось и связывается с понятием «культура».

27. Межкультурная коммуникация

Культурологические смыслы категории «коммуникация». Проблема понимания в культуре; понимание как результат межкультурной, внутрикультурной коммуникации и как проблема личностной культуры. Рефлексивный характер проблемы понимания. Процесс межкультурной коммуникации и его структура. Типы межкультурной коммуникации, их динамика и значение для развития культуры.

Проблема универсального и специфического в культуре как предпосылка и условие межкультурной коммуникации. Непонимание как следствие специфичности культурного опыта в разных культурах, разнообразия культур.

Разнообразие культур, культурных традиций в свете концепций исторического мирового процесса, традиционной и либеральной цивилизации, становления постиндустриального общества.

Необходимость повышения уровня межкультурной коммуникации, способности к взаимопониманию с ростом взаимозависимости человеческих сообществ перед лицом роста

сложности проблем. Разнообразие культур как ресурс для саморазвития человечества.

Проблема переводимости культур. Культурно-антропологическое, типологическое и уникально-специфическое начала в культуре. Ценность уникальности и инновационности в культуре как сплава, обеспечивающего приращение содержательного потенциала мировой культуры. Необходимость выхода за рамки ограниченного культурного опыта, адекватности инновационного содержания приращиваемого культурного опыта цивилизационному содержанию современной мировой культуры. Новые импульсы для роста гуманистических ценностей в условиях современного мирового развития.

Языки культуры — основное богатство культурного опыта, условие и средство межкультурной коммуникации. Культурный текст и многообразие форм его существования. Язык в устной, письменной и «экранной» культурах. Языки культуры. Языки обыденной жизни, литературы, науки и искусства. Фольклор, письменный текст и аудиовизуальный образ с точки зрения межкультурной коммуникации. Знак, образ, символ, жест, рисунок, слово в межкультурной коммуникации.

Информация, культурологические аспекты ее передачи в современном мире. Книга, ее роль в культуре. Средства массовой информации как мощный ускоритель культурного прогресса, важнейшее условие приращения мнений, сведений, знаний, но также и распространения иллюзий, ложных мнений людей друг о друге, о мире, собственной и других культурах. Информационный взрыв.

Рост межкультурной коммуникации — предпосылка роста толерантности людей к культурным различиям. Взаимная терпимость, склонность к конструктивным компромиссам и ненасильственным способам решения проблем как культурная ценность либеральной цивилизации, один из результатов развития мирового культурного опыта человечества.

Компаративистика — значимая область культурологии. Основные направления сравнительных исследований в культурологии. Проблема «Восток—Запад» и ее значение для развития культурологической мысли в России и о России. Проблема специфики культуры, «культурной самобытности» и ее интерпретации на разных этапах развития культурологической мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. Типология отношения к книге в культурах древнего Востока, античности и раннего средневековья // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978.
2. Восток—Запад. Исследования, переводы, публикации. Ежегодники. М., 1982; М., 1985; М., 1988.
3. Вережагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1976.
4. Герменевтика: история и современность. М., 1985.
5. Губольдт В., фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избр. труды по языкознанию. М., 1984.
6. Завадская Е. В. Культура Востока в современном западном мире. М., 1977.
7. Лотман Ю. М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий. Л., 1980.
8. Маркарян Э. С. К задаче установления видов эквивалентности культурных явлений: на примере сравнительного изучения культур Востока и Запада // Культурное наследие Востока. М., 1985.
9. Петров М. К. Язык, знак, культура. М., 1991.
10. Понимание как философско-методологическая проблема: материалы круглого стола // Вопросы философии. 1986. № 8.
11. Прохоров А. В., Разлогов К. Э., Рузин В. Д. Культура грядущего тысячелетия // Вопросы философии. 1989. № 6.
12. Рашковский Е. Б. Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А. Тойнби. М., 1976.
13. Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991.
14. Текст как явление культуры / Отв. ред. Кочергин А. Н., Тимофеев К. А. Новосибирск, 1989.
15. Хаймс Д. Х. Этнография речи // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М., 1975.
16. Этнопсихологические проблемы семантики. М., 1973.
17. Языки культуры и проблема переводимости. М., 1987.
18. Якобсон Р. Да и нет в мимике // Язык и человек. Вып. 4. М., 1970.

28. Динамика этнического, национального и общечеловеческого в культуре

Понятие «этническая культура» и его социокультурный смысл. Причины существования множества этнических культур. Борьба биологистских и социокультурных концепций происхождения и развития этносов. Племенные и этнические культуры, значение этнодифференцирующих характеристик в языке, обычаях, обрядах, нормах поведения, фольклоре.

Различие понятий «этническая культура» и «национальная культура». Национальная культура как культура исторически сложившейся общности людей, перерастающая в культуру гражданского общества. Этническое, националь-

ное и общечеловеческое начала в культуре гражданского общества. Различие понятий «антропологическое», т.е. всеобщеродовое и «общечеловеческое», предполагающее осознание равенства всех людей как представителей человечества.

Специфика процесса взаимодействия национальных культур в современных условиях. Опасность возрождения, активизации племенных ценностей, агрессивного национализма для культуры гражданского общества и мировой культуры. Роль культуры и культурных образцов, обычаев, традиций в возникновении и разрешении национальных конфликтов. Воздействие мирового сообщества, складывающейся общечеловеческой культуры на разрешение национальных конфликтов. Взаимопроникновение национального и общечеловеческого.

Уровни взаимопроникновения национальных культур, взаимное обогащение и отталкивание. Борьба за культурную независимость и утверждение культурной самобытности. Понятие культурного изоляционизма, его негативное значение для саморазвития культуры.

Основные тенденции взаимодействия этнических и национальных культур в современном мире. Культурный обмен. Культурные заимствования и освоения инокультурного опыта. Мировой культурный опыт как основной ресурс саморазвития человека и человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артановский С. Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1967.
2. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.
3. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М., 1988.
4. Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24.
5. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. М., 1983.
6. Печей А. Человеческие качества. М., 1985.
7. Этнические стереотипы поведения. Л., 1985.
8. Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991.
9. Этнознаковые функции культуры. М., 1991.
10. Философия и история культуры. М., 1985.

ЛИТЕРАТУРА К КУРСУ

- Аверинцев С. С. Попытки объясниться: беседы о культуре. М., 1988.
Арнольдов А. И. Введение в культурологию. М., 1993.
Ахизер А. С. Россия: критика исторического опыта. В 3-х т. М., 1991.
Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.

- Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.
- Библер В. С.* От наукоучения к логике культуры: два философских введения в XXI век. М., 1991.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. В 3-х т. М., 1986—1992.
- Злобин Н. С.* Культура и общественный прогресс. М., 1990.
- Культура, человек и картина мира / Отв. ред. Арнольдов А. И., Кругликов В. А. М., 1987.
- Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 1985.
- Лихачев Д. С.* Прошлое — будущему. М., 1985.
- Лосев А. Ф.* Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
- Лотман Ю. М.* Избранные статьи. В 3-х т. Т. 1—2. Таллинн, 1992.
- Лукин Ю. А.* Культура и культурная политика. М., 1992.
- Маркарян Э. С.* Теория культуры и современная наука. М., 1983.
- Модернизация в России и конфликт ценностей / Отв. редактор Матвеева С. Я. М., 1993.
- Орлова Э. А.* Человек в городской культуре. М., 1987.
- Соколов Э. В.* Понятие, сущность и основные функции культуры. М., 1989.
- Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- Структура культуры и человек в современном обществе / Отв. ред. Арнольдов А. И., Орлова Э. А. М., 1987.
- Тойнби А.* Постигание истории. М., 1991.
- Швейцер А.* Благоговение перед жизнью. М., 1992.
- Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 1. М., 1992.
- Эшадэ М.* Космос и история. М., 1987.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Настоящее и будущее культуры: потери, поиски, обретения	
Каков зримый образ культуры?	7
Общество и мир культуры	13
Почему необходим разговор о прошлом?	25
Единство и разнообразие культуры	32
Молодая наука о культуре — молодому поколению	43
II. Что таит духовный мир человека? Человек и духовно-правственные ценности	
Хомо-эгес — человек действия и творец культуры	57
Нравственное здоровье личности: мечта и реальность	73
Культура человеческого общения — новый «философский камень»	84
Человек и культура труда	90
Секрет гармонии личности	99
Тернистый путь открытия и постижения культуры	106
III. Новая судьба старого понятия	
Культура и мировоззрение	123
Разум в структуре культуры	135
Гуманистическое мышление — наука против идеологического гипноза	140
Феномен активного социального действия	144
Политические ценности нормального человеческого общества	155
IV. Национальные культуры: современное видение	
Национальная культура — душа народа	165
Взаимодействие национальных культур: теоретический замысел и воплощение	177
Универсализм духовных ценностей	182
Содружество государств — содружество культур и языков	188
V. Интеллигенция: драма и надежды	
Что вкладывается в понятие «интеллигенция»	195
Трагедия разума	200
Возвышение социальной роли интеллигенции	209
Творчество — радость открытия	217
В поисках нравственных ценностей	227

VI. Современная культурная политика: от идеи к практике	
Какова стратегия развития культуры?	237
Культурная микро- и макросреда	242
Руководство социальными институтами культуры	251
VII. Историческое единство человечества и союз национальных культур	
Мир на планете — интеллектуальный светильник	268
Диалог культур в мировом сообществе	277
Примерная программа, тематический план учебного курса «Культурология»	293

Сдано в набор 23.09.93.

Подписано в печать 22.11.93.

Формат 84×108/32.

Бумага офсетная № 1.

Печать офсетная.

Тираж 20 000.

Усл. печ. л. 18,48.

Зак. 411/121-93.

Издательство «Народная Академия культуры
и общечеловеческих ценностей»
125284, Москва, ул. Поликарпова, 21, стр-е 15
Отпечатано в типографии АО «МАШМИР»
119146, Москва, 2-я Фрунзенская ул., 8